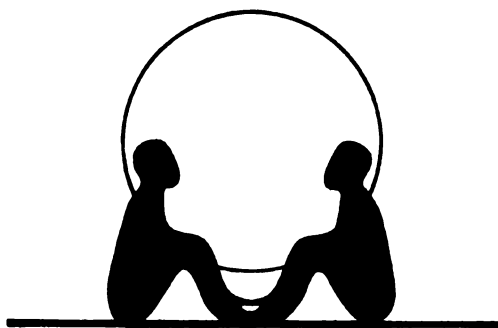

Ф_{илософское}
О_{бразование}

В.И.ГЛАДЫШЕВ

КОМПЕНСАТОРНОЕ ОБЩЕНИЕ

РОССИЙСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

МЕЖВУЗОВСКИЙ ЦЕНТР
ПРОБЛЕМ НЕПРЕРЫВНОГО ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ПРИ УРАЛЬСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИМ. А.М. ГОРЬКОГО

Серия
«Философское образование»

Редакционный совет серии:

В.В.Ким (председатель),
В.И.Колосницын, В.И.Копалов,
И.Я.Лойфман, К.Н.Любутин, В.И.Плотников,
В.Д.Толмачев (редактор-координатор), Н.Н.Целищев,
Л.П.Чурина (ученый секретарь)

РОССИЙСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО
МЕЖВУЗОВСКИЙ ЦЕНТР
ПРОБЛЕМ НЕПРЕРЫВНОГО ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ПРИ УРАЛЬСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИМ. А.М.ГОРЬКОГО
ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРОИНЖЕНЕРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Серия
«Философское образование»
Выпуск 14

В.И.ГЛАДЫШЕВ

**КОМПЕНСАТОРНОЕ ОБЩЕНИЕ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

МОНОГРАФИЯ

Екатеринбург
1999

УДК 13:316.77
ББК Ю21+Ю53
Г523

Печатается по решению Межвузовского
Центра проблем непрерывного гуманитарного образования

Гладышев В.И.

Г523 Компенсаторное общение: социально-философский анализ / Рос. филос. о-во и др. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. — (Сер. «Филос. образование» / Ред. совет: В.В.Ким (предс.) и др.; Вып. 14). — Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. — 292 с.: ил.
ISBN 5—7851—0247—1

В монографии осуществлен социально-философский анализ компенсаторного общения как своеобразного способа гармонизации коммуникативного мира личности, предупреждения и смягчения одиночества.

На основе анализа различных проявлений компенсаторного общения автор предостерегает против увлечения его негативными формами и дает конкретные рекомендации по благоприятному использованию компенсаторного общения для развития личности.

Книга адресована преподавателям гуманитарных дисциплин, специалистам в области философии и социальной психологии, практическим работникам образования и всем, кто интересуется проблемами общения.

УДК 13:316.77
ББК Ю21+Ю53

Научный редактор:

Л. А. Мясникова, доктор философских наук, профессор

Рецензенты:

В. И. Колосницын, кандидат философских наук, доцент;

Кафедра философии и культурологии Уральской академии государственной службы (заведующий кафедрой **Ю. Г. Ершов**, доктор философских наук, профессор)

Научное издание

СЕРИЯ
«ФИЛОСОФСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»
Выпуск 14

ГЛАДЫШЕВ Владимир Иванович

**КОМПЕНСАТОРНОЕ ОБЩЕНИЕ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

МОНОГРАФИЯ

Корректор **Н.А. Зайцева**
Компьютерная верстка **В.Д. Толмачева**
Печать **И.В. Зыкина**

Изд. лиц. № 071278 от 25.03.96 Подписано в печать 22.12.99
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Бумага *Union Print*.
Гарнитура *Times New Roman Cyr*. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 16,97. Уч.-изд. л. 20,9. Тираж 300 экз. Заказ 39.

Банк культурной информации. 620026, Екатеринбург, ул. Р.Люксембург, 56.
Тел./факс: + 7/3432/22—15—46. Отп. в изд.-ве.

© В.И.Гладышев, 1999
© И.В.Коношенко, рисунок на
обложке, 1999
© Банк культурной информации,
оформление, серия, 1999

ISBN 5—7851—0247—1

ПРЕДИСЛОВИЕ

Четырнадцатый выпуск серии «Философское образование» посвящен социально-философскому анализу проблемы компенсаторного общения и состоит из монографии, включающей в себя введение, три главы и заключение, снабженные библиографическими ссылками и примечаниями, специального раздела, в котором отражены размышления классиков философской мысли и современных исследователей проблемы общения, организованные по темам и сопровождаемые комментариями автора, словаря основных терминов и списка литературы.

Во введении подчеркивается, что многомерный мир общения в современных условиях все чаще подвергается разнообразным деформациям, вызывающим у человека хроническое переживание чувства одиночества. Это, в свою очередь, порождает особый, как правило стихийный, способ самоорганизации сферы общения посредством тех или иных проявлений компенсаторной коммуникации, часто имеющих диаметрально противоположное ценностное наполнение и непредсказуемые результаты.

Ситуации, располагающие к возникновению деформаций в сфере общения, внутренняя противоречивость самого феномена социального общения, наиболее уязвимые для соответствующей деформации компоненты внутренней структуры общения, а также особенности проявления основных его функций, в том числе специфической функции — самоутверждения, рассматриваются в первой главе «Общение как социальное явление».

Во второй главе «Компенсаторное общение как способ гармонизации коммуникативного мира личности и смягчения одиночества», компенсаторное общение рассматривается как частный случай компенсаторных процессов, имеющих широкое распространение на различных уровнях бытия. При этом выявляется специфика социальной компенсации вообще и компенсаторного общения в особенности, устанавливаются социальные причины компенсаторного общения.

В третьей главе «Уровни компенсаторного общения» дана классификация этого социального феномена и рассмотрены наиболее значимые в условиях современной коммуникативной ситуации его проявления. Компенсаторное общение, восполняющее «дефициты» повседневного общения, рассматривается на уровне внутригруппового и межгруппового взаимодействия людей, а также на уровне аутокоммуникации. Особое внимание уделяется анализу вопроса о том, какие последствия для личности, для ее духовного самочувствия и развития может иметь компенсаторное общение.

Размышляя о компенсаторном общении как о стихийной, по преимуществу, самоорганизации сферы общения личности, автор считает, что преодоление негативных проявлений компенсаторного общения предполагает всестороннее осмысление этого феномена и овладение на его основе полноценными способами компенсаторного общения, способствующими всестороннему развитию личности.

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня об одиночестве все чаще говорят как о глобальной проблеме современного человечества¹. «Проблема одиночества, — с тревогой отмечает Н.В.Тулина, — захватила мир. Век разобщил людей друг с другом»². Все чаще появляются научные работы, авторы которых пытаются определить причины, порождающие одиночество, а иные, признав его неизбежным спутником человека, призывают мужественно принять его как непреодолимую данность человеческой судьбы и примириться с ним. Но человек в силу активности и непокорности, изначально присущих его натуре, непрестанно сражается с одиночеством. Различны способы борьбы, различна степень его активности, но не довольствуясь повседневным, вынужденным общением, не приносящим полного удовлетворения потребности в общении и таящим в себе зерна одиночества, человек постоянно возводит над ним специальные *компенсаторные надстройки*: выступающие как «общение ради общения», то есть общение ради тех ценностей, которые в нем одном, по-видимому, заключены. Таким образом, возникает феномен *компенсаторного общения*, общения, которое достраивает, дополняет, гармонизирует, а то и радикально преобразует коммуникативный мир личности. Преобразующую силу общения нельзя недооценивать. Общение выступает едва ли не самым значительным фактором, формирующим личность. Компенсаторное общение как проявление самоценной формы коммуникативной активности в полной мере соответствует этой характеристике.

Что же происходит с личностью, когда она включается в различные формы компенсаторного общения как на уровне группы, так и на уровне аутокоммуникации? Разумеется, рассмотреть все возможные проявления компенсаторного общения на указанных уровнях невозможно. Тем более если учесть, что проблема компенсаторного общения специально пока вообще не исследовалась. Поэтому на первом этапе ее изучения необходимо, по крайней мере, установить содержание понятия «компенсаторное общение», выяснить социальные причины возникновения компенсаторного общения и рассмотреть наиболее распространенные его проявления. Опыт показывает, что коммуникативная активность личности, выступающая в форме компенсаторного общения часто приводит к разительно различающимся, даже противоположным результатам. В одних случаях она запуска-

ет механизмы *сверхкомпенсации* средствами общения, благодаря которым личность не просто восполняет то, чего недостает в ее повседневном общении, вызывая переживание одиночества, а радикально преобразует ее коммуникативный мир, создавая плюс — гармонию, повышая уровень целостности, способствуя всестороннему духовному росту индивидуума. В других случаях, напротив, компенсаторное общение обеспечивает гармонизацию коммуникативного мира личности на путях ее регрессивного развития, выступая фактически как *декомпенсация* (то есть угасающая компенсация). Маргинальное положение между двумя указанными направлениями развития компенсаторного общения занимает прямая компенсация, которую можно назвать *собственно компенсацией*. Не производя заметных изменений в сфере общения личности, она как бы достраивает до желаемого целого коммуникативный мир личности.

Таким образом, компенсаторное общение помогает «выправить» имеющиеся в структуре общения личности деформации, субъективно ощущаемые ею как переживание одиночества. Попытаться объяснить, чем обусловлены предпочтения при выборе того или иного «русла» компенсаторного общения, оказывающего подчас решающее влияние на дальнейшую судьбу личности, — одна из важных задач этой работы. Преодолевая одиночество, мы подчас не знаем той цены, которой будет оплачен избранный нами способ преодоления.

Поскольку компенсаторное общение занимает определенное место в ряду прочих компенсаторных процессов, анализ компенсаторного общения предполагает, что предварительно будут выяснены смысл и структура компенсаторных процессов вообще. Определяя место и специфику компенсаторного общения среди прочих компенсаторных процессов, важно еще раз подчеркнуть, что, осуществляясь в сфере общения, оно вовсе не замкнуто исключительно только на нее, а в зависимости от силы, масштабности и, главное, формы его осуществления оказывает решающее и разнонаправленное влияние на личность, на то, как она начинает воспринимать себя и других, как изменяются присущие ей чувство удовлетворенности жизнью и перспективы внутреннего развития, самоутверждения, достижения счастья.

Что касается непосредственно сферы общения, то здесь решающее значение приобретает следующее: сближает ли в конечном счете то или иное проявление компенсаторного общения личность с миром людей, делая его желанным партнером по общению, дарует ли ей полноту взаимодействий и счастье от контактов с окружающими, либо, напротив, решая узкие, ситуационные задачи, удовлетворяя частичные и функциональные запросы, еще больше деформирует структуру ее общения и делает в дальнейшем проблематичным достижение всего того, о чем говорилось выше.

ГЛАВА I

ОБЩЕНИЕ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

*Абсолютно-ценную личность может быть
не иначе как в абсолютно-ценном общении...*

П.А.Флоренский

1. 1. ОБЩЕНИЕ И ОДИНОЧЕСТВО В ЗЕРКАЛЕ АНТИНОМИЙ

*Неделя полного одиночества сменялась неде-
лей беспрестанного общения. Так он научил-
ся ненавидеть и то и другое: людей и себя.*

Элиас Канетти

Как и многое из того, что образует самоочевидную повседневность нашей жизни, *общение и одиночество* принадлежат к наиболее сложным для научного постижения феноменам человеческого бытия. Самостоятельно размышляя о них либо пытаясь найти готовые ответы в теоретическом наследии прошлого и в современных изысканиях, мы постоянно воспроизводим взаимоисключающие суждения и об общении, и об одиночестве, несовместимые или явно односторонние определения этих понятий. Необозримое богатство теоретических подходов, тонких наблюдений, житейской мудрости, неуклонно возрастающее в течение многих столетий, не оживает в нашем сознании как органическое целое. Поэтому ускользают от нашего внимания и отдельные, но весьма важные, не исследованные до сих пор аспекты проблемы общения в ее сопряженности с темой одиночества. Именно в сопряженности, ибо даже в том случае, когда главной темой исследования выступает проблема общения, наиболее продуктивным является рассмотрение ее в неразрывной связи с темой одиночества.

Сказанное в полной мере может быть отнесено к исследованиям, в которых общение рассматривается на онтологическом уровне, к социально-философским, социологическим и этическим исследованиям общения, но совсем не обязательно при рассмотрении проблем общения, носящих частный характер. Взаимосвязь между общением и одиночеством в методологическом отношении до сих пор предстает как связь неравноценная. Говоря об одиночестве, мы невольно обращаем внимание на *условия общения*, при которых оно возникает. Изучая общение, часто не задаемся вопросом об его аутентичности, о латентно тающихся в нем зернах отчуждения и одиночества. Плодотворность сопряженного анализа онтологии указан-

ных проявлений жизнедеятельности личности, эвристические возможности, им открываемые, блестяще доказаны Н.А.Бердяевым в его классическом исследовании «Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения»¹. Так и в нашем случае, несмотря на то, что тема общения является для нас главной, предусмотрено симультанное обращение к теме одиночества, связанной с *первой антиномической связью*².

Антиномично скрещиваются между собой теоретические установки различных авторов на рассмотрение *природы одиночества*. Одни склонны видеть в нем лишь *состояние сознания*, причины которого коренятся либо в характерологических особенностях самой личности, либо в условиях ее существования. Полярность указанных подходов снимается синтезом, учитывающим оба обстоятельства. Однако психологическая концепция одиночества не исчерпывается сказанным. Ибо сам факт переживания одиночества трактуется одними как проявление патологии, другими как нормальное состояние. Как нормальное состояние, более того, укорененное в самих условиях человеческого бытия, одиночество рассматривается экзистенциалистами. В отличие от представителей психологического подхода, для которых одиночество есть временное состояние, захватывающее личность, экзистенциалисты считают, что «люди изначально одиноки. Никто другой не может разделить с нами наши чувства и мысли; разъединенность есть сущностное состояние наших переживаний»³. «Мы никогда не «излечим» одиночества, — заявляет Бен Микускович, — <...> поскольку истина заключается в том, что *человек по своей сути — и метафизически, и психологически — одинок*»⁴ (курсив мой. — В.Г.).

Если указанная точка зрения неоднократно высказывалась со всей возможной определенностью, а число ее сторонников неуклонно растет, в том числе за счет весьма интересных отечественных публикаций современных авторов⁵, то латентно присутствует противоположная тенденция, которая также нуждается в том, чтобы быть четко выраженной. Ведь для многих исследователей общения вполне самоочевидным выступает факт, из которого они исходят как из априорного положения, что *общение прирождено человеческому бытию*, что оно выражает саму природу человеческого существования, что перефразируя известное высказывание Ж.-П.Сартра о человеке и свободе, «человек — это общение». Правда, нельзя не отметить, что в работах М.М.Бахтина и В.С.Библера с большой силой выражена идея о диалогическом характере бытия человека и его культуры⁶.

Следовательно, антиномически противостоят друг другу вполне определившиеся в век индивидуализма представления об онтологическом статусе одиночества как метафизической характеристике человеческого существования, с одной стороны, и вечная, как правило, неявно подразумеваемая, но до конца последовательно пока не выраженная идея о том, что *человек онтологически пребывает в общении*, что он «обречен на обще-

ние». Антиномия эта не просто логическая, а жизненная, укорененная в самом бытии. Она определяет главные координаты пребывания человека в мире отношений *Я и Ты*, *Я и Мы*.

Если принять предельно обобщенную дефиницию С.Л.Франка понятия «общение» как *взаимопроникновения раздельного*⁷, то в ней имплицитно содержится представление и об одиночестве. Ибо если общение — «единство раздельности и взаимопроникновения <...> сполна актуализируется в совершенном равновесии (хотя и всегда лишь «неустойчивом»)»⁸, то одиночество означает, что «совершенное равновесие» заметно нарушилось и раздельность преобладает над взаимопроникновением. Нарастание раздельности означает усиление одиночества. Абсолютная раздельность — смерть общения, торжество одиночества. С другой стороны, углубление взаимопроникновения вплоть до полного взаимопоглощения также уничтожает общение. В *Я-Ты* и *Я-Мы отношениях* одиночество выступает аналогом механизма обратной связи, запускающим коммуникативную активность личности всякий раз, когда нарушается равновесие между раздельностью и взаимопроникновением в направлении усиления раздельности. Усиление момента взаимопроникновения имеет свои устойчивые формы совершенного равновесия, как, например, «доверительное общение»⁹, дружба, любовь¹⁰, «глубинное общение»¹¹, «вежливость», «любезность», «деликатность», «любовность», «интимная, исключительная любовь»¹². Однако полное растворение *Я* в *Мы* делает, как уже отмечалось, общение невозможным. Исчезает одиночество, но уничтожается и общение. Из сказанного следует, что одиночество представляет собой определенную характеристику, качество общения, оно имманентно общению, оно всегда латентно присутствует в совершенном единстве взаимопроникновения раздельного, но становится явным, ощутимым при нарушении указанного равновесия. Оно сигнализируется посредством изменений в эмоциональной сфере, сопровождаемых скукой, тоской, ощущением бесприютности, страхом, отчаянием и т.д. *Одиночество — не отсутствие общения, а его недостаточность, неполнота, ущербность*. Человек никогда не покидает сферу общения. Даже полное уединение, изолированность от окружающих бывают наполнены интенсивной внутренней коммуникацией, которая, в свою очередь, может оказаться неудовлетворительной в результате конфликта ценностей, внутренней ущербности, низкой самооценки, потери самоуважения, эмоциональной бедности и т.д. Эти состояния неизбежно сопровождаются острым переживанием одиночества. Сказанное в полной мере подтверждается рассуждением Жоржа Батая: «...Человечество состоит не из отдельных индивидов, но из их общения между собой; мы всегда представлены, даже самим себе, через систему общения с другими: мы погружены в общение, мы сводимся к постоянному общению, даже в полном одиночестве, мы чувствуем его отсутствие как множество возникающих возможностей и как ожидание того мгновения, когда оно прорвет-

ся криком, который услышат все остальные. Ведь человеческое существование внутри нас, в тех периодически появляющихся точках, где оно сворачивается, — не что иное, как выкрики, жестокий спазм, сумасшедший смех, где от наконец разделенного сознания непроницаемости нас и окружающего мира рождается гармония»¹³.

Попытка измерить *ценностное* наполнение общения и одиночества также с необходимостью обнаруживает антиномический характер вкладываемого в эти понятия содержания. Ибо неожиданно как взаимоисключающие перекрещиваются оценки общения с точки зрения блага, которое оно в себе заключает, и зла, которым оно сопровождается. Сказанное еще в большей мере относится к одиночеству. И здесь апофеоз самодостаточности личности вступает в спор с горькими сентенциями о тягостной судьбе одинокого и покинутого. «Едва ли счастлив безобразный с виду, дурного происхождения, одинокий и бездетный»¹⁴, — писал Аристотель, который явно ставил одиночество на одну доску со всеми мыслимыми несчастьями, преследующими человека.

Наверное, все возможные оттенки человеческих чувств — от элегической грусти до ужаса и отчаяния, — порожденных одиночеством, отражены в философских текстах, религиозных книгах и произведениях искусства. Отвержение человека его социальным окружением, заброшенность в огромной вселенной, состояние покинутости перед лицом Бога, переживание себя как лишнего на пиру жизни в мире природы, бессильного, не имеющего ни цели, ни перспективы существования. Все это ужасные и отвратительные лики одиночества, и несть им числа. Они парализуют волю человека к сопротивлению, делают его существование ущербным, снижают самооценку вплоть до ощущения себя полным ничтожеством.

Но вместе с тем антиномически сосуществует диаметрально противоположное умонастроение, с большой силой выраженное Артуром Шопенгауэром, об особом аристократизме человека, пребывающего в одиночестве; об одиночестве как знаке отличия, избранности и как о судьбе. «Великие духовные задатки, — писал А. Шопенгауэр, — отчуждают человека от остальных людей и их интересов, так как чем больше кто имеет в себе самом, тем меньше он может найти в других»¹⁵. Стремление к одиночеству либо к общению, по Шопенгауэру, важнейший показатель богатства внутреннего мира человека. «Человек с богатым внутренним миром, — отмечает Шопенгауэр, — находясь в совершенном одиночестве, получает превосходное развлечение в своих собственных мыслях и фантазиях <...> Ибо чем больше кто имеет в себе самом, тем меньше нуждается он во внешнем и тем меньше также имеют для него значение остальные люди. Таким образом, выдающийся ум ведет к необщительности»¹⁶. Напротив, «человек настолько бывает общительным, насколько он умственно беден и вообще посредственен»¹⁷. Но общительность не спасает такого человека от одиночества. Не будучи подкреплена внутренним богатством, она пред-

лагают ему лишь суррогаты подлинного общения. «Тупицу, — беспощадно заключает Шопенгауэр, — не оградит от убийственной скуки даже постоянная смена компании, зрелищ, прогулок и увеселений»¹⁸. Бесперспективность коммуникативной активности в этом случае определяется тем, что «пустота внутреннего мира, пошлость сознания, бедность ума побуждают людей искать общества, которое опять-таки состоит из совершенно таких же лиц, — ибо подобное радуется подобному»¹⁹.

Поэтому нелепы и бесплодны попытки избежать одиночества. Для тех, кто, опираясь на собственный духовный потенциал, культивирует в себе толерантность к одиночеству и извлекает из него все возможные преимущества, оно выступает как благо, те, кто пытаются избежать одиночества, погружаясь в общение, больше теряют, чем обретают. Самыми значительными потерями оказываются *утрата свободы и индивидуальности*. «Кто ...не любит одиночества, — утверждает Шопенгауэр, — тот не любит и свободы, ибо лишь в одиночестве бываем мы свободны»²⁰. Общество нивелирует личность, оно не терпит духовного превосходства и «ради согласия с другими принуждает нас сжиматься или даже уродовать самих себя»²¹.

Правда, Шопенгауэр признает, что стремление к одиночеству не является естественным для человека, ибо человек является продуктом общества и общения. Появляясь на свет, он находит себя в обществе, окружен близкими. Любовь к одиночеству возникает как результат осмысления собственного духовного опыта, как нахождение своего призвания, как свободный выбор своего жизненного пути, возвышающегося над повседневным общением. «Влечение к обособлению и одиночеству, — заключает Шопенгауэр, — воспитано, стало быть, чувством аристократическим. Всякий сброд до жалости общителен; принадлежность же человека к более благородному разряду прежде всего обнаруживается в том, что он не находит никакой радости быть с другими, а все более и более предпочитает их обществу одиночество и таким образом постепенно с годами приобретает убеждение, что за редким исключением на свете может быть выбор только между одиночеством и пошлостью»²².

Однако будучи пораженным страстью к ниспровержению общения, А.Шопенгауэр, как мы заметили, вынужден был признать его естественность, изначальную коллективность человеческого бытия. Эта линия исследования общения не может быть обойдена вниманием. Императивность общения в жизни человека была подмечена довольно давно. Подчеркивая прагматический аспект общения, еще Авиценна писал: «Человек не в силах существовать обособленно и сам по себе нуждается в общении с существом себе подобным, обуславливающим обмен и взаимопомощь между ними, вследствие которых один из них высвобождает другого своего сотворца от выполнения какого-либо дела, ибо, если последний взвалит на себя все дела, то выполнение их будет для него тяжким бременем сверх

его возможностей»²³. Но в указанной повелительности общения содержалось противоречие, на которое первым обратил внимание И. Кант, сформулировав свою концепцию *необщительной общительности*. Необщительную общительность Кант определял как «такую склонность к общению, которая вместе с тем связана с непрерывным сопротивлением, постоянно грозящим обществу разъединением»²⁴. «Человек имеет склонность *общаться*, — поясняет свою мысль И. Кант, — потому что в таком состоянии он больше чувствует себя человеком, то есть чувствует развитие своих природных задатков. Но ему присуща также склонность *уединяться* (изолироваться, так как он одновременно находит у себя и свойство необщительности, желание соотнобразовывать все только со своим разумением и, следовательно, отовсюду ожидает сопротивления, поскольку по себе знает, что со своей стороны склонен сопротивляться другим. Это сопротивление является тем, что пробуждает все силы человека, заставляет его преодолеть склонность к лени и под влиянием честолюбия, властолюбия или корыстолюбия создать себе положение среди своих соплеменников, которых он хотя и не *выносит*, но без которых также не может и *обойтись*»²⁵. Ограниченность вынужденного общения, превращающего отдельного человека в средство для других людей и наоборот, отмечал также Гегель²⁶.

Таким образом, говоря о вполне определенном проявлении общения, общении вынужденном, несвободном, но совершенно необходимом, мыслители прошлого создавали предпосылки для диаметрально противоположных вариантов оценивания общения как такового: для абсолютизации *позитивных* сторон общения в одном случае и *негативных* в другом. Первые следствия могли быть выведены практически непосредственно: если общение жизненно необходимо, то оно есть благо; вторые выводились зачастую лишь опосредованно, но всегда вытекали из понимания определенной несвободы, стесненности, ограничений в выборе: условий, круга, средств, стиля, норм и т.д. общения, его возможных нежелательных влияний на формирование личности, на ее духовное самочувствие.

Более подробно о сказанном. Итак, вслед за осознанием полезности вполне определенных утилитарно ориентированных отношений общения происходило невольное акцентирование внимания на социально положительном в общении вообще. Часто *однозначно положительном*. Тогда общение провозглашалось высшей ценностью, которая определяет все остальные. Так, по мнению Эпикура, лишь те действия могут быть признаны справедливыми, полезность которых «подтверждается в потребностях взаимного общения людей... А если кто издаст закон, но он не окажется идущим на пользу взаимного общения, то он не имеет природы справедливости»²⁷.

Как величайшее благо, проявляющееся на всех уровнях бытия людей, рассматривал общение и Аристотель²⁸. От глобальных мерок, применяемых к общению, вполне плавно и естественно осуществлялся переход к

«камерному подходу», к исследованию отдельных его проявлений, которые также оценивались весьма высоко. Таковы, например, обширные разделы и отдельные трактаты, посвященные дружбе как важнейшей форме общения²⁹. И счастье, и полноту жизни знаменитые авторы античности связывали с дружеским общением. Наслаждение общением, по Аристотелю, — главный признак дружбы и создает ее в первую очередь³⁰.

Позитивный аспект общения был чрезвычайно усилен стараниями многих мыслителей разных эпох вплоть до XX столетия. Это происходило как за счет отыскания новых аргументов в пользу его утилитарной ценности, так и за ее пределами, когда общение определялось как «соприкосновение душ, не преследующее никаких выгод» (М.Монтень). Достаточно характерными были и рассуждения, соединяющие в себе оба подхода, когда практическая польза от общения и возвышенный его план сливались в неразторжимое целое. «Если бы человек жил в одиночестве, — писал Ж.-Ж. Руссо, — у него было бы мало преимуществ перед остальными животными. Именно во взаимном общении развиваются его наиболее возвышенные способности и проявляется превосходство его натуры.

Забываясь лишь об удовлетворении своих потребностей, он благодаря общению с себе подобными приобретает вместе с познаниями, которые должны его просветить, чувства, которые должны сделать его счастливым. Одним словом, лишь становясь членом общества, он становится моральной личностью, разумным животным, царем среди животных и подобием Бога на земле»³¹. Не удивительно поэтому, что позднейшие попытки определить содержание феномена общения привели к чрезвычайному завышению стандарта самого общения и соответственно сужению той сферы, которая заслуживала того, чтобы быть обозначенной как общение. «Планка общения» была высоко поднята над эмпирической реальностью человеческих отношений, на самом деле носящих по необходимости амбивалентный характер и причудливо соединяющих в себе «горнее» и «дольнее». Это характерно для ставших уже классическими работ М.Бубера и Н.А.Бердяева³² и для ряда исследований последних лет³³.

Для М.Бубера вся мыслимая полнота, целостность и глубина бытия и познания выражена *Я-Ты отношением*, то есть общением. В *Я-Ты отношении* человек участвует всем своим существом, а не частично и функционально, как это имеет место в *безличном отношении Я-Оно*. Лишь в *Я-Ты отношении* человек обретает собственное *Я* и остается человеком до тех пор, пока сохраняет это отношение. Более того, чем весомее в двойственности человеческого *Я отношение Я-Ты* в сравнении с *отношением Я-Оно*, тем в большей степени человек является личностью. *Я-Ты отношение* самоценно, ибо «между Я и Ты нет никакого предвосхищения; сама страсть преобразуется, устремляется из мечты в явь. Всякое средство есть препятствие. Лишь там, где все средства упразднены, происходит встреча»³⁴. И встреча эта для М.Бубера как для глубоко религиозного мыслителя означа-

ет встречу с Вечным Ты, с Богом. Именно «через прикосновение каждого Ты нас касается дуновение вечной жизни»³⁵.

То, что общение с Богом выступает для М.Бубера парадигмой *Я-Ты отношения*, объясняет тот пафос, с которым он говорит об общении вообще, о всяком общении во всех его проявлениях: общении с природой, с людьми, с духовными сущностями. Идеальная модель *Я-Ты отношения*, предложенная М.Бубером, с ее высочайшими критериями, обособляющими ее от *отношения Я-Он* или *Я-Оно* соответствует отнюдь не всякому общению, а высшим его проявлениям. Таково, например, глубинное общение, концепция которого разрабатывалась Г.С.Батищевым³⁶. Признавая противоположность основных слов *Я-Ты* и *Я-Оно*, следует, по нашему мнению, признать и учитывать иерархичность самого *Я-Ты отношения*, равно как и *отношения Я-Оно*, их взаимные сближения, взаимопереходы, перемены. Конечно, иерархичность эту трудно четко обозначить, но она всегда угадывается в реальных взаимодействиях людей. В общении существуют ступени и степени. Между *Я-Оно* и *Я-Он отношениями*, с одной стороны, и *отношением Я-Ты*, с другой, бытийствуют переходные формы, тяготеющие к тому или иному полюсу отношения, но сохраняющие в себе, хотя бы в латентной форме, всю полноту проявлений противоположного полюса. Антиномично и само предельное *Я-Ты отношение*, но об этом — специально, в другом месте.

Особенно важно учитывать, что «реальные отношения между людьми включают совокупность установок *Я-Ты* и *Я-Оно*»³⁷. Причем установки эти существуют одновременно. Одна из них может проявлять себя на сознательном уровне, другая на бессознательном. Современные психоаналитики, последователи К.Г.Юнга (Марио Якоби), представляют это таким образом: *Я-Ты отношение* на сознательном уровне сопровождается *Я-Оно* (перенос и контрперенос) на бессознательном уровне. Поскольку в данном случае речь идет о теории и практике психоанализа, то сторонами как *Я-Ты*, так и *Я-Оно отношения* выступают аналитик и его пациент, то есть реальные личности³⁸. На наш взгляд, эта ситуация может быть существенно расширена, если мы применим ее не только к межличностному общению, но и к общению с субъективизированным объектом (природой), вещью, которые, выступая для нас на уровне сознания в качестве объектов, одновременно представлены субъект-субъектным отношением на уровне нашего бессознательного, компенсируя неполноту межличностных и социальных связей и смягчая одиночество в указанных измерениях.

Заметим, что концепция общения Н.Бердяева так же *сакрализована*, как и концепция М.Бубера. Уже это, естественно, придает рассмотрению общения возвышенный пафос. Но и за пределами указанного сходства в их взглядах на проблему общения много общего. Что касается различий, то на них указывал как сам Н.Бердяев, так и нынешние исследователи проблемы общения³⁹. Бердяев считал, что «общение принадлежит к тем целям челове-

ческой жизни, которые имеют религиозный смысл»⁴⁰. Он различал два возможных способа отношения человека к Богу, к миру, к другому человеку и, наконец, к самому себе: *объективацию и общение*. Указанные способы обусловлены наличием двух миров, которым Н.Бердяев давал обстоятельные характеристики. Первый: «Мир объективации есть падший, мир заколдованный, мир явлений, а не существующих существ. Объективация есть отчуждение и разобщение. Объективация есть возникновение «общества» и «общего» вместо «общения» и «общности», «царства кесаря» вместо «царства Божьего». В объективации нет приобщения... Объективация оставляет в одиночестве в познании, как и во всем...»⁴¹. Напротив: «Общение принадлежит к царству духа, а не к царству природы. В нем познание приобретает другой характер, Человек иначе относится к другому человеку, если он знает его внутреннее существование, знает его, как «я» или как «ты», а не как объект»⁴². Только в общении, а не в обществе, которое есть продукт объективации и принудительной социализации, преодолевается одиночество, осуществляются высшие цели человеческого бытия. Первичность общения, его сверхзначимость имеют прежде всего генетические корни, так как мир был сотворен в порядке общения, а лишь затем произошло его отпадение от этого порядка в порядок объективированный⁴³. Сказанное устанавливает *безусловную ценность общения* по сравнению с другими формами отношений, в нем открывается единственный способ подлинного существования.

Особое положение общения среди прочих форм человеческих отношений всесторонне обосновано М.С.Каганом в его исследовании «Мир общения»⁴⁴. Определяя территорию этого мира и обособляя его от смежных с ним «общениеподобных» миров: коммуникации, управления, обслуживания и др., автор усматривает специфику общения в том, что оно всегда осуществляется в рамках субъект-субъектного взаимодействия, в то время как коммуникация, управление, обслуживание осуществляются на основе субъект-объектного взаимодействия. Структура общения диалогична; общение есть равноправная связь неповторимых индивидуальностей. Во всяком общении в той или иной форме проявляется свойство «исповедальности», то есть необходимости раскрытия в своих подлинных намерениях, своей сущности и т.д.⁴⁵ Соответственно цель общения — «*достижение общности (или повышение уровня общности) действующих субъектов их свободными совокупными усилиями при сохранении неповторимой индивидуальности каждого*»⁴⁶.

Уделяя главное внимание социально полноценным и гуманистическим проявлениям общения, М.С.Каган учитывает и то, что в нем (общении) на основе субъект-субъектного отношения возможны *соперничество, борьба* и т.п., а вовсе не только вполне благостные отношения, как это может показаться на первый взгляд. Гораздо более заостренную форму этой идее придал в свое время П.А.Сорокин. Анализируя социально-психологиче-

ские условия формирования коллективных единств, он писал: «Люди притягиваются и «пригвождаются» друг к другу не только любовью, симпатией, благожелательным отношением, но и одиозными переживаниями: ненавистью, враждой, страхом, угрозой и т.д. Роль благожелательных чувств и эмоций (симпатия etc.) в деле поддержания солидарных коллективных единств общеизвестна. Но почему-то не желают видеть, что процессы взаимодействия, взаимное притяжение друг к другу индивидов вызывается не только благожелательными, но и злостными переживаниями»⁴⁷. Всесторонне обосновывая приведенное выше положение, П.А.Сорокин неоднократно резюмирует полученные результаты, всякий раз добавляя новые штрихи и оттенки к сказанному. В одном из выводов П.А.Сорокина его первоначальное утверждение приобретает следующий вид: «...Весьма часто социологи, изучающие «социальную связь», считают, что такой связью могут быть только солидарные и благожелательные идеи, чувства, волеия — вообще благожелательные переживания <...>, социальной связью могут быть и бывают и противоположные переживания — переживания злостные. *Общение людей поддерживается не только любовью и симпатией, но и злобой, враждой и борьбой*»⁴⁸ (курсив мой. — В.Г.). Заметим, что речь здесь идет именно об общении как о субъект-субъектном взаимодействии, а не о какой-либо иной форме «общениеподобного» взаимодействия. Отношения, продиктованные злобой и враждой, *глубоко личностны*, как и отношения, обусловленные любовью и дружбой; они связаны с проявлениями неповторимой индивидуальности взаимодействующих сторон. Субъекты подобного взаимодействия тщательно учитывают и глубоко постигают индивидуальность друг друга. Правда, это постижение происходит в особом повороте. Недоброжелательная проницательность позволяет разглядеть в другом (противнике, сопернике) самые негативные стороны его личности, его слабости, дающие возможность манипулирования и подчинения. Эта проницательность и ее «открытия» могут казаться прямым или косвенным оправданием враждебного либо просто аморального поведения по отношению к вполне определенному человеку. Если любовь дарует любящему ясновидение, позволяющее увидеть любимого человека в перспективе самых высоких возможностей его последующего духовного роста, то активное недоброжелательство, злоба богаты прозрениями противоположного толка. И в том и в другом случае мы имеем дело с общением, его предпосылками и движущими мотивами.

Таким образом, *общение невольно охватывает все межсубъектные взаимодействия как социально полноценные, так и негативные*. Общности, образующиеся на его основе, могут воплощать в себе как отношения любви и дружбы, так и отношения вражды и злобы. Но и процессуально, в плане формирования личности, ее нравственных качеств общение выступает то как благо, то как безусловное зло. Интуиция последней возможности открылась людям весьма рано, впрочем, как и условия того,

когда общение становится злом. По мнению древних, результат общения во многом зависит от исходных нравственных качеств вступающих в общение людей. Еще Демокрит учил: «Постоянное общение с дурным развивает дурные задатки»⁴⁹. Позднее, рассуждая об искусстве беседы, М.Монтень отмечал: «Так как ум наш укрепляется общением с умами сильными и ясными, нельзя и представить себе, как много он теряет, как опошляется в каждодневном соприкосновении и общении с умами низменными и ущербными»⁵⁰. Заразительность чужой плустики и порочности, необходимость избегать контактов с дурными людьми — тема многих нравственных рассуждений. Они часто встречаются на страницах религиозных и философских источников. Однако заразительность дурного общества вовсе не фатальна, если имеется прочный нравственный иммунитет. Не случайно знаменитый киник Антисфен, когда его упрекнули в том, что он якшается с дурными людьми, ответил: «И врачи вступают в контакт с больными, но не заражаются»⁵¹.

Скверно, когда нравственная прививка ослаблена и люди с дурными наклонностями предоставлены самим себе. «Дурной вредит дурному, — писал Сенека, — делает его хуже, подстрекая в нем гнев и страх, потакая унынию, восхваляя наслаждения; и дурным людям хуже всего там, где сошлись пороки многих и негодность их слилась воедино»⁵². Но поскольку не бывает абсолютно безнадежных в нравственном отношении людей, то приведенному высказыванию вполне правомерно антиномически противостоит следующее рассуждение Бозция: «Как для добродетельного человека нет никого отвратительнее порочного, так и порочные люди не имеют согласия между собой <...> Они разобщены из-за присущих им пороков, которые разрывают их души, терзая, вследствие чего они часто совершают то, о чем позднее сожалеют. В том и заключается замечательное чудо провидения, что порочные могут порочных сделать добродетельными. Не раз стойко снося несправедливость со стороны наихудших, пылая к ним ненавистью, люди возвращались на стезю добродетели и старались отличаться от тех, кого ненавидели»⁵³.

Из приведенных выше рассуждений со всей очевидностью следует, что взятое абстрактно общение не есть однозначно ни благо, ни зло. Оно, в духе трансрационального монодуализма С.Л.Франка, «и то, и другое» и «ни то, ни другое» одновременно⁵⁴. Будучи естественной и необходимой стороной жизнедеятельности людей, общение потенциально содержит в себе весь спектр всех возможных метаморфоз. Это и определяет двойственное отношение к общению у его субъектов. С одной стороны, влечение к общению, надежда на реализацию в нем разнообразных коммуникативных запросов; с другой, часто неосознанное опасение (главным образом, на основе прошлого опыта) того, что контакт окажется неаутентичным: разочаровывающе поверхностным информационно, эмоционально скудным или, напротив, заряженным отрицательными эмоциями. Непредсказуем и результат

общения. Непредсказуем не только и не столько в том смысле, что мы не знаем наверняка, чем завершится наше общение, насколько оно будет удовлетворительным, успешным. Непредсказуемо то, какие преобразования в нас самих произведет данный акт общения или их совокупность.

Но тайна антиномического отношения человека к общению лежит гораздо глубже пласта аксиологического. Она имеет онтологические основания, по отношению к которым аксиологический пласт выступает как производный. Тайна эта с удивительной проницательностью была раскрыта русским философом С.Л.Франком. Протестуя против смешения *Я-Ты отношения* с чем-либо вроде «симпатии», «любви», «самоотдачи», «взаимной близости» и т.д., он считал, что и в генетическом, и в структурном плане *Я-Ты отношение* представлено двумя основными формами. Приведем, по возможности полно, его рассуждения на этот счет: «В первую очередь и в своей первичной непосредственности «ты» является мне и переживается мною, скорее как нечто чуждое, жуткое, угрожающее — нечто, что я ощущаю жутким и угрожающим именно потому, что оно лежит как бы на одном уровне, в одной области бытия со мной самим. Оно есть «ты», то есть непосредственное самобытие, и в этом смысле подобно или равно мне. Но, сверх того, оно есть «чужое» — в первую очередь не потому, что оно по своему содержанию отличается от меня или во всяком случае не только поэтому, но именно по самой *форме своего бытия*, — именно в качестве «ты», в качестве «второго я», которое, противореча единственности моего «я» — меня, есть «не-мое я», то есть обладает всей жуткостью «двойника»⁵⁵.

Открывая для себя «другое Я», мое Я обнаруживает границу своего потенциально безграничного самобытия, границу, и следовательно, опасность. В отличие от предметного бытия как чего-то лежащего на совершенно ином уровне и не вторгающегося активно в мое непосредственное самобытие, «... «ты» таит в себе опасность врага, вторгающегося в меня, стесняющего саму *внутреннюю* полноту моего непосредственного самобытия как такового. «Я» при этом испытывает страх совершенно особого эминентного рода — страх внутренней необеспеченности; поэтому оно как бы отступает в глубь самого себя — и именно в силу этого впервые осознает себя как *внутреннее* самобытие; оно замыкается в себе, чтобы защищаться от нападения <...> Но вместе с тем именно в этой конstellляции впервые рождается сознание я, — более того, рождается само я как актуализированное бытие *в себе и для себя*»⁵⁶. Вот эта совершенно необходимая для формирования человеческого Я встреча с другой *Я-подобной* реальностью содержит в себе зерна страха перед возможным вмешательством в мое непосредственное самобытие, его ограничением, нежелательным влиянием, подавлением, снижением самооценки, вынужденными преобразованиями в привычной системе ценностей. Суть второй формы *Я-Ты отношения*, по С.Л.Франку, состоит в том, что «“ты” может, ко-

нечно, иметь для меня и *совсем иной смысл*, содержать момент прямо противоположный описанному. А именно, непосредственное самобытие узнает в “ты” успокоительную, отрадную ему реальность *сходного, сродного, родного* ему — некую свою *родину*, то есть реальность вне себя самого, внутренне ему тождественную. Встречаясь с такого рода “ты” или улавливая этот момент в составе “ты”, я осознаю себя уже не единственным, не одиноким — вне меня я нашел *мне-подобное*, сущее по моему образу. “Не-я”, не переставая быть “ты”, то есть не быть “мною самим”, есть “я” вне *меня* самого, и притом не на жуткий, противоестественный, неправомерный лад двойника, а так, что, не теряя и не колебля тем единственности и неповторимости моего “я” как такового, я нахожу во внешнем мире существо, исполненное стихии моего собственного внутреннего бытия»⁵⁷.

Если первая форма *Я-Ты отношения* при всех оправданных и неоправданных опасениях на ее счет все же выводит человека из одиночества его существования, то я, *стоящее перед любым объектом, остается одиноким*. Поэтому свободное стремление к *Я-Ты отношению* во второй, такой привлекательной для личности форме, ослабляется страхом возможной встречи с объектом вместо желаемого *Ты*, когда активность личности не находит ответа, когда из системы *Я-Ты отношения* происходит неумолимое соскальзывание в систему отношения *Я-Он* или *Я-Оно*. «Я жаждет выйти из замкнутости в другое “я”, — писал Н.Бердяев, — и боится этого, защищается от встречи, которая может быть встречей с объектом»⁵⁸.

К сказанному, на наш взгляд, уместно добавить следующее. Не менее, а может быть, гораздо более страшит личность перспектива превратиться для другого в объект манипулирования, встретить к себе отношение не как к равноправному *Ты*, а как к объекту. Указанные страхи порождают неуверенность в общении и стремление, насколько это возможно, избежать его в тех формах, условиях, обстоятельствах и ситуациях, что представляются личности наиболее опасными. Отсюда возможные деформации в структуре общения. Наиболее радикальный вариант ускользания от прямых контактов с окружающими — уход в *квазиобщение* и в *общение с субъективированными объектами*⁵⁹. Сами по себе эти виды общения — совершенно необходимые и естественные феномены культуры, играющие важную роль в социальной регуляции и в саморегуляции личности. Однако их преобладание в структуре общения личности чревато ее отчуждением от других социально значимых видов общения⁶⁰. Под угрозой оказывается и полнота ее участия, степень вовлеченности в предметную деятельность, необходимостью стороны и аспектом которой выступает *вплетенное общение*. Подобно тому, как человек не может самоисключиться из предметной деятельности, так он не в состоянии полностью избежать вплетенного общения. Подобное самоисключение угрожало бы утратой социальности. Предельные ситуации вынужденных географической и социальной изоляции мы в расчет не берем⁶¹.

Однако человек может участвовать в предметной деятельности и в сопряженном с ней общении частично и функционально. Сама же логика развития общения и его субъектов уже давно привела к тому, что вплетенное общение *попутно* создает условия для реализации разнообразных коммуникативных потребностей личности далеко за пределами утилитарных целей предметной деятельности. Указанная логика создала своеобразную надстройку над вплетенным общением — «*общение ради общения*». Оно выступает как *особый вид деятельности*, имеющий собственные цели и ценности⁶². «Общение ради общения» способно *компенсировать* неполноту; различного рода деформации, возникающие в общении вплетенном. Оно детерминировано условиями осуществления вплетенного общения, его качеством; но восполнять или не восполнять — дело свободного выбора личности. Личность может отказаться от каких-либо притязаний в сфере общения на взаимопонимание, эмоциональную близость и т.д. Она может осуществить замещение одних коммуникативных потребностей другими, усиливая тем самым уже имеющийся «перекос» в сфере своего общения. Устойчивая деформация сферы общения сигнализирует о себе как одиночество. Но *свободно* избегая, уклоняясь, отказываясь от нежелательного неудовлетворительного общения, личность избирает *вовсе не одиночество, а уединение*. В уединении наибольшее значение приобретает внутреннее общение, аутокоммуникация в самых разнообразных формах. Внутреннее общение в условиях уединения — необходимая сторона жизнедеятельности личности. Во внутреннем общении продолжается и завершается цикл самопознания личности, берущий начало во внешней коммуникации. Реально или иллюзорно реализуются различные коммуникативные потребности, производится оценка и переоценка состояния собственного коммуникативного мира, его как бы инвентаризация. Здесь закладываются основы для последующего выхода в сферу внешнего общения с миром и людьми в новом возможном качестве, в новом состоянии после переосмысления прежнего опыта общения. Но чрезмерно затянувшееся, излишне углубленное уединение затрудняет возвращение. Свобода первого шага в глубины уединения ограничивает свободу следующего акта, создает возможность для возникновения *переживания одиночества*.

Одиночество связано с несвободой. В условиях принудительной *изоляции* естественно возникает чувство одиночества. Когда человек *свободно избирает уединение*, он не одинок в том случае, когда так же свободно может нарушить свое уединение. В противном случае *уединение перерастает в одиночество*. Конечно, из одиночества можно извлекать и положительный опыт, впрочем, как и из невозвратных потерь и несчастий. Но кто же будет специально к этому стремиться? Стремление к независимости, свободе, уединению не означает стремления одиночеству как к неудовлетворительному общению. Приведенные соображения хорошо, на наш взгляд,

иллюстрируются фрагментом из романа Г.Гессе «Степной волк». Его герой Гарри Галлер страстно стремился к свободе, независимости и, как он считал, к одиночеству. *«Но среди достигнутой свободы Гарри вдруг ощутил, что мир каким-то зловещим образом оставил его в покое, что ему, Гарри, больше нет дела до людей и даже до самого себя, что он медленно задыхается во все более разреженном воздухе одиночества и изоляции. Оказалось, что быть одному и быть независимым это уже не его желание, не его цель, а его жребий, его участь, что волшебное желание задумано и отмене не подлежит, что он ничего уже не исправит, как бы ни простирали руки в тоске, как бы ни выражал свою добрую волю и готовность к общению и единению; теперь его оставили одного. При этом он вовсе не вызывал ненависти и не был противен людям. Напротив, у него было очень много друзей. Многим он нравился. Но находил он только симпатию и приветливость, его приглашали, ему дарили подарки, писали милые письма, но сближаться с ним никто не сближался, единения не возникало нигде, никто не желал и не был способен делить с ним его жизнь. Его окружал теперь воздух одиноких, та тихая атмосфера, то ускользание среды, та неспособность к контактам, против которых бессильна и самая страстная воля»*⁶³.

Нет беды в том, что приведенный фрагмент из произведения выдающегося писателя и мыслителя XX века иллюстрирует лишь один аспект одиночества, взятого сугубо в его межличностном измерении. В нем четко выражена мысль о том, что одиночество вовсе не означает полного выпадения из системы общения. Более того, оно (общение) может быть весьма интенсивным. Однако стремление к внутренней автономии и независимости может переводить общение в такое состояние, которое оказывается совершенно неудовлетворительным для личности и сопровождается переживанием одиночества. Одиночества как общения поверхностного и неполноценного. Г.Гессе наводит на размышления об *обратимости и необратимости* одиночества, позволяет уяснить соотношение *удинения и одиночества*, хотя прямо и не говорит об этом.

Подытожим наиболее важные положения и выводы, к которым мы пришли, анализируя антиномии общения и одиночества.

1. При анализе общения и одиночества наиболее продуктивным является антиномическое их рассмотрение. Это определяется сложным и противоречивым характером самих данных феноменов, а также многообразием взаимоисключающих трактовок общения и одиночества в истории философской мысли.

2. Наиболее целесообразно сопряженное рассмотрение общения и одиночества в их органической взаимосвязи независимо от того, какая тема выступает в данном случае главной или даже единственной: тема общения либо одиночества. Ибо ни одна из них, взятая в отдельности, не может быть раскрыта с должной полнотой.

3. Сопряженный анализ общения и одиночества в зеркале антиномий, с точки зрения их значения для личности, вводит в исследование *аксиологическую составляющую*.

4. Совершенно односторонними представляются точки зрения, трактующие общение как нечто безусловно и однозначно положительное. Завышение стандарта общения выводит за границы этого понятия разнообразные негативные его проявления, которые как бы «лишаются прописки», лишаются статуса общения. Они не общение, не коммуникация, не управление не и т.д. Между тем многочисленные негативные явления в сфере общения носят ярко выраженный субъект-субъектный характер, глубоко личностны, на их основе формируются и укрепляются определенные общности, часто весьма устойчивые. Кроме того, между субъект-субъектным и субъект-объектным отношениями имеются промежуточные градации, сочетающие особенности и первого и второго отношения, сохраняющие его в себе и тяготеющие к тому или иному полюсу в зависимости от определенных социокультурных условий.

«Роскошь человеческого общения» (А. де Сент-Экзюпери) — вещь достаточно проблематичная. Не менее проблематичны попытки реабилитации одиночества как в прошлом, так и в настоящем. Попытки примирить человека с его одиночеством продиктованы, по-видимому, искренним желанием авторов подбодрить одиноких, внушить им оптимизм. Это гуманно, но бесперспективно.

5. Общение есть субстанция человеческого бытия. Одиночество несубстанциально, оно представляет собой лишь определенную характеристику, качество самого общения. Оно имманентно общению и неотделимо от него. Одиночество есть особого рода переживание, сигнализирующее о неблагополучии в сфере общения и инициирующие усилия по ее гармонизации.

6. Антиномическое рассмотрение общения и одиночества в их взаимосвязи позволяет выявить особенности восприятия общения, порождающие страх перед определенными формами и условиями общения и их избегание, могущее быть описано с помощью понятия «уединение». Но уединение не тождественно одиночеству, хотя связь между первым и вторым через понятие *свободы* несомненна.

7. Истоком как для положительного, так и для отрицательного оценивания общения и одиночества служат представления о «вплетенном» общении, противоречиво сочетающие в себе осознание объективной необходимости связей людей на субъект-субъектном уровне, с одной стороны, и порождаемую ими несвободу, с другой. Отсюда амбивалентное отношение к вплетенному общению. Оно желанно и тягостно одновременно. Однако эта характерная особенность вплетенного общения, вернее, абсолютизация одной из сторон имеющегося в нем противоречия неправомерно экстраполируется на общение в целом. Непонимание *структурной неод-*

нородности общения делает взаимоисключающие его трактовки неизбежными. Уточнение структуры общения, а также социальной ценности входящих в нее элементов и, следовательно, социальных функций, выполняемых различного рода проявлениями общения, делает необходимым анализ структуры и функций общения. Этим вопросам и посвящен наш дальнейший анализ.

1.2. МАКРО- И МИКРОСТРУКТУРА ОБЩЕНИЯ В ИХ ВЗАИМОСВЯЗИ

Исследования структуры общения имеют давнюю традицию. Первые шаги в решении вопроса о структуре общения были предприняты еще мыслителями эпохи Возрождения, а именно: М.Монтенем и Ф.Бэконом. Характерно, что одна из глав знаменитых «Опытов» Монтеня так и называется — «О трех видах общения»⁶⁴. В ней автор рассматривает следующие виды общения.

1. *Дружеское общение*, цель которого «...быть между собой на короткой ноге, посещать друг друга и делиться друг с другом своими мыслями...»⁶⁵.

2. *Общение с женщинами*. Характеризуя этот вид общения, М.Монтень отмечает: «Если душа в этом случае наслаждается много меньше, чем в предыдущем, удовольствия наших органов чувств, которые при втором виде общения гораздо острее, делают его почти таким же приятным, как и первый, хотя, по-моему, все же не уравнивают с ним»⁶⁶.

3. *Общение с книгами*. К достоинствам этого вида общения относится то, что оно «...гораздо устойчивее и вполне в нашей власти. Оно уступает двум другим видам общения в ряде других преимуществ, но за него говорит его постоянство и легкость, с которой можно его поддерживать»⁶⁷.

Данная классификация общения, особенно во втором ее пункте, возможно, вызовет улыбку, но она приводится нами отнюдь не в качестве курьеза. В ней верно отражены особенности *непосредственного и опосредованного* общения, динамика возрастных изменений *интереса* к различным его проявлениям.

Действительно, первые два вида общения «...зависят от случая и от воли других. Общение первого вида до того редко, что не может спасти от скуки; что же касается общения с женщинами, то оно с годами сходит на нет...»⁶⁸. Напротив, «...книги, — отмечает Монтень, — неизменно повинуются мне и не возмущаются тем, что я прибегаю к ним лишь тогда, когда не могу найти других развлечений — более существенных, живых и естественных; они всегда встречают меня с той же приветливостью»⁶⁹.

Однако, отмечая все возрастающую роль общения с книгой в структуре его связей с миром, М.Монтень тем не менее явно отдает предпочтение *непосредственному* межличностному контакту, особенно в таких его проявлениях, как *беседа*. В главе «Об искусстве беседы» об этом сказано более

чем определено: «Самое плодотворное и естественное упражнение нашего ума — по-моему, беседа <...> Учась чему-либо по книгам, движешься вперед медлительно, слабо, безо всякого пыла; живое же слово и учит и упражняет. Если я веду беседу с человеком сильной души, смелым соперником, он нападет на меня со всех сторон, колет и справа и слева, его воображение разжигает мое. Дух соревнования, стремление к победе, боевой пыл увлекают меня вперед и возвышают над самим собой»⁷⁰.

Нет беды в том, что М.Монтень рассматривает структуру человеческого общения через призму собственного опыта общения и личных пристрастий. Впрочем, как и в том, что главное внимание им уделяется свободному духовному общению на основе *лингвистических средств*. «Наше взаимопонимание осуществляется лишь единственно возможным для нас путем, — писал Монтень, — а именно через слово <...> слово — единственное орудие с помощью которого мы оповещаем друг друга о наших желаниях и мыслях, оно толмач нашей души; если мы лишимся его, то не сможем держаться вместе, не сможем достигать взаимопонимания; если оно обманывает нас, оно делает невозможным всякое общение человека с себе подобными...»⁷¹.

Правда, в другом месте антиномистично противостоит сказанному рассуждение о роли *паралингвистических средств* в общении: жестов, взглядов; да и «само молчание наполнено словами и просьбами»⁷², — цитирует Монтень Торквато Тассо. «А чего только мы ни выражаем руками? — вопрошает М.Монтень. — Мы требуем, обещаем, зовем и прогоняем, угрожаем, просим, умоляем, отрицаем, отказываем, спрашиваем, восхищаемся, считаем, признаемся, раскаиваемся, пугаемся, стыдимся, сомневаемся, поучаем, приказываем, подбадриваем, поощряем, клянемся, свидетельствуем, обвиняем, осуждаем, прощаем, браним, презираем, не доверяем, досаждаем, мстим, рукоплещем, благословляем, унижаем, насмехаемся, примиряем, советуем, превозносим, чествуем, радуемся, сочувствуем, огорчаемся, отказываемся, отчаиваемся, удивляемся, восклицаем, немеем. Многообразие и многообразие этих выражений позавидует любой язык! Кивком головы мы соглашаемся, отказываем, признаемся, отрицаем, отрицаем, приветствуем, чествуем, почитаем, презираем, спрашиваем, выпроваживаем, потешаемся, жалуемся, ласкаем, покоряемся, противодействуем, увещеваем, грозим, уверяем, осведомляем. А чего только ни выражаем мы с помощью бровей или с помощью плеч! Нет движения, которое не говорило бы, и притом на языке, понятном всем без всякого обучения ему, на общепризнанном языке. Таким образом, если учесть наличие множества других языков, каждый из которых принят лишь в определенных областях или государствах, то язык движений следует, пожалуй, признать наиболее пригодным для человеческого рода»⁷³.

Различал в структуре общения лингвистические и паралингвистические средства и Ф.Бэкон. При этом он обращал внимание на важность их *взаим-*

ного соответствия друг другу в процессе общения. «...иной человек, — отмечал Ф.Бэкон, — сможет выражением лица ослабить впечатление от своей речи или вовсе погубить ее»⁷⁴. Для подтверждения этого положения он тщательно подбирал цитаты из античных авторов: «И выраженьем лица не опрокинь своих слов!» (Овидий); «Нет никакого смысла держать дверь открытой, если лицо заперто наглухо» (Квинт Цицерон). Вслед за Цицероном он считал, что «в молчании заключено не только искусство, но и своего рода красноречие»⁷⁵. Так, весьма кстати он приводит цитату из письма Цицерона к Аттику и вполне созвучное обсуждаемой теме рассуждение Пиндара: «И здесь я заимствовал кое-что из твоего красноречия и замолчал» (Цицерон); «Иногда несказанное поражает сильнее, чем сказанное»⁷⁶ (Пиндар).

Но главное достоинство учения Ф.Бэкона об общении и его структуре состояло в ином. Он впервые обратил серьезнейшее внимание на значимость специального изучения *институционального* общения, наряду с общением свободным. Обосновывая необходимость деления гражданской науки на три части: учение о взаимном обхождении, учение о деловых отношениях и учение о государстве, — Ф. Бэкон, по сути дела, выделяет три основных формы общения: *частное, деловое и государственное*. Каждая форма общения выполняет особые функции. Это соответственно: *избавление от одиночества, помощь в делах и защита от обидчиков*⁷⁷. Именно то, что Ф.Бэкон четко улавливал специфику каждой формы общения, будь то «взаимное обхождение», деловое общение или общение государственное, позволило ему в соответствии с назревшими общественными потребностями обратить внимание на необходимость создания науки о *деловых отношениях*. Настаивая на обязательности специального изучения делового общения, он писал: «До сих пор еще никто не рассматривал науку о деловых отношениях так, как этого требует важность самого вопроса, что, несомненно, сильно повредило как самой науке, так и ученым в глазах общественного мнения. Именно здесь таится корень пренебрежительного отношения к образованным людям, выразившегося в убеждении, что ученость и мудрость в практических делах очень редко совпадают». И далее: «О мудрости... в области деловых отношений <...> теснейшим образом связанной со всей человеческой жизнью, вообще не существует ни одной книги, если не считать нескольких общих наставлений, которые едва ли могут составить одну или две тощих книжонки и ни в коей мере не соответствуют ни значению, ни объему данного предмета. А если бы существовали хоть какие-нибудь серьезные книги по этому вопросу, подобно тому как они существуют в других областях, то я ни на минуту не сомневался бы, что в этом случае образованные люди, овладев некоторыми практическими навыками, далеко превзошли бы людей необразованных, несмотря на всю их долготелную практику, и, как говорят, значительно успешнее поражали бы их их собственным оружием»⁷⁸.

Завет Ф.Бэкона создать науку о деловых отношениях сегодня можно считать реализованным, правда, с опозданием на три столетия. Усилиями преимущественно зарубежных ученых создана обширная литература по «технологии» делового общения. Однако излишняя детализация, характерная для этих исследований, зачастую опирающихся на довольно поверхностный эмпирический фундамент, увлечение, скорее, *манипулятивной*, а не *гуманистической* стороной общения, идут в разрез с предвидением Ф.Бэкона о том, что «у нас нет никаких оснований бояться, что удивительное разнообразие материала этой науки не даст никакой возможности сформулировать точные правила...»⁷⁹.

Вероятно, формулирование «точных правил» — вопрос будущего, и его осуществление лежит на путях интеграции теоретических и прикладных исследований общения.

Резюмируя сказанное, можно отметить, что уже самые первые попытки рассмотрения общения с точки зрения его структуры были вполне плодотворными. Выделение видов, форм и средств общения, а также обстоятельный анализ их достоинств, стремление установить имеющиеся между ними соотношения — все это позволяло глубже и всестороннее постичь общение как таковое во всей его целостности.

Между тем общение, впрочем, как и всякий социальный феномен, весьма динамично. Стремительно изменяются условия общения, его средства; претерпевает существенные изменения и сам субъект общения. Особенно характерно сказанное для Нового и Новейшего времени; для последних десятилетий XX века это вдвойне характерно. Изменялась и сама внутренняя логика исследований общения под воздействием тех изменений, что претерпевала собственно исследовательская позиция, становясь все более масштабной.

Показательны в этом отношении исследования структуры общения основоположниками марксизма. Их классификация основывалась на принципиально новых представлениях о смысле и содержании человеческого общения как всеобщей, главным образом материальной связи между людьми. Отсюда в первую очередь деление общения на *материальное* и *духовное*, как непосредственно связанное с двумя важнейшими сторонами общественной жизни⁸⁰. Основоволожники марксизма различали также *внешнее* межнациональное общение и *общение внутреннее*, в пределах нации⁸¹. Изучая закономерности развития капитализма, К.Маркс и Ф.Энгельс подвергли специальному изучению *универсальное, мировое*⁸² и *торговое*⁸³ общение. Видное место в трудах классиков марксизма занимал анализ *политического* и *партийного* общения. На индивидуальном уровне ими было выделено *прямое* и *косвенное* общение⁸⁴; «*вынужденное общение*» в условиях классового расслоения общества и отчуждения людей и общение «*индивидов как таковых*»⁸⁵ в обществе будущего.

Эта классификация выявляла *многоуровневый* состав структуры обще-

ния и рассматривала ее соответственно как на уровне межиндивидуального отношения, так и в плане разнообразных наиндивидуальных срезов. Комплекс научных дисциплин, активно изучающих общение в XX веке на основе марксистской методологии, при определении структуры общения неизменно обращался к теоретическому наследию классиков по этому вопросу. Правда, как раз указанная многоуровневость воспроизводилась не всегда. Нередко структурные элементы общения выявлялись лишь в одной плоскости, либо в одну плоскость включались элементы разнородные, относящиеся к разным уровням исследуемого объекта. Эскалация исследований общения представителями различных научных дисциплин, многие из которых предлагали свой вариант структуры общения, породила небывалую детализацию изучаемого феномена и одновременно «тоску» по универсальной структуре общения. Последняя едва ли осуществима, ну разве что как весьма тощая абстракция. Совершенно естественно, что специфика всякой вполне определенной исследовательской задачи неизбежно выявляла и своеобразный срез структуры общения. Между тем однажды уже найденные элементы общения позволяют построить необходимую теоретическую модель общения с учетом возможных уточнений смысла некоторых из них.

Построение структурной модели общения должно, на наш взгляд, учитывать различие между *вплетенным общением* и *общением ради общения*. Это разделение следует считать исходным, так как дальнейшее структурирование общения принципиально от него зависит. Соотношение элементов структуры вплетенного общения, их субординация и координация укоренены в содержании самой предметной деятельности, в условиях ее осуществления, в том, какие возможности и для какого рода межсубъектных взаимодействий она открывает, а какие оставляет «в дефиците». Структура вплетенного общения образует чрезвычайно значимый пласт *макроструктуры* общения, выражающий условия общения, в которые субъект погружен с необходимостью. Это внешние условия общения, своеобразная *коммуникативная ситуация*, мало зависящая от усилий отдельных субъектов. Макроструктура общения в единстве всех составляющих ее элементов приводит в движение *микроструктуру* общения, весьма динамичный и гибкий комплекс, своего рода внутренний механизм обратной связи в структуре самого общения. Он образует мостик между вплетенным общением и общением ради общения, выступающим уже не как условие и подсистема предметной деятельности, а как самоценная форма активности, как деятельность особого рода, призванная компенсировать неполноту либо деформации, имеющиеся во вплетенном общении и переживаемые личностью как та или иная форма *одиночества*. Иницируя общение как деятельность особого рода, внутренняя структура общения может быть проанализирована по аналогии с предметной деятельностью и рассмотрена по схеме *нужда — потребность — интерес — мотив — цель — стимул —*

средство — объект — процесс — результат общения. В дальнейшем, оперируя понятиями, образующими данную схему, мы учитываем дискуссионный характер их содержания.

Всякий раз, когда мы говорим об общении ради общения, имеется в виду вовсе не только и не столько «фатическое» общение. Подразумевается, что общение осуществляется ради ценностей, заключенных в нем самом и могущих быть освоенными с его помощью: *интеллектуальных* (наслаждения ума), *эмоциональных, волевых*. Общение ради общения, в отличие от вплетенного, означает, что оно уже не служит внекоммуникативным целям, не обслуживает цели внешние для самого общения, не является средством для реализации потребностей, диктуемых предметной деятельностью. Напротив, сама предметная деятельность начинает служить средством для осуществления общения, производится по преимуществу ради общения либо служит «материалом» для общения, поводом для общения. Как средство для общения могут выступать и *результаты* предметной деятельности. Причем заключенные в них возможности для использования их в целях общения оттесняют на второй план внекоммуникативные цели и возможности.

Так, применительно к *художественной деятельности* Н.А.Хренов отмечает: «...бывают периоды, когда художественная ценность того или иного вида уступает удовлетворению потребности в нехудожественных элементах, в частности, в *удовлетворении потребности в общении*. Последняя может быть интенсивнее, чем потребность в художественном переживании»⁸⁶ (курсив мой. — В.Г.). Более того, известный специалист по исследованию зрелищного общения подчеркивает, что «относимые нами к искусству многие популярные произведения на самом деле искусством не являются, ибо в первую очередь удовлетворяют потребность в непосредственном коллективном общении. Парадоксально, что они охотно потребляются людьми, способными оценить и воспринять настоящие произведения искусства. Это обстоятельство особенно имеет отношение к зрелищу. *Непосредственные формы зрелищного общения превращаются в самоцель...*»⁸⁷ (курсив мой. — В.Г.).

В приведенных высказываниях точно охарактеризован процесс превращения общения из условия художественной деятельности в особую деятельность. Подобную же тенденцию отмечает Э.В.Соколов, исследуя развитие любительской художественной деятельности: «...в любительских клубных объединениях, в коллективах самодеятельности многие участники сознательно *ориентируются именно на общение*, рассматривая сами занятия в кружке или в театральной студии как важные, но все же не первостепенные в иерархии своих жизненных ценностей. Не рассчитывая и не стремясь стать профессиональными актерами или музыкантами, они тем не менее находят для себя наиболее интересным *общение по поводу любимого ими искусства*»⁸⁸ (курсив мой. — В.Г.).

Из сказанного с очевидностью следует, что общение ради общения мо-

жет соседствовать с вплетенным в лоне *социальных институтов*, возникающих на основе вполне определенной предметной деятельности, обогащая вплетенное общение, усиливая мотивацию к активному участию в данной деятельности⁸⁹. Это характерно не только для институтов культуры, но и для других социальных институтов, хотя в некоторых из них указанная особенность может быть выражена менее прозрачно. Перенос вплетенного общения в плоскость социальных институтов и рассмотрение его в качестве *институционального общения* выявляет в нем такие аспекты, которые менее отчетливо просматриваются при анализе вплетенного общения как подсистемы деятельности: его нормативность, определенная формализованность, консерватизм, статусность и т.д. Однако следует учитывать, что полного совпадения между общением вплетенным в предметную деятельность и общением институциональным нет, так как не вся предметная деятельность институционализирована. Кроме того, имеются различные степени институционализации общественных явлений.

Общение ради общения избегает регламентации. Оно особенно страшился как мелочных, так и излишне жестких ее проявлений. При этом известная нормативность присуща и ему. Оно любит сферу свободного досуга и свободные ассоциации (неформальные группы и др.), часто складывается в форме особой надстройки над вплетенным общением либо находит «зазоры» в структуре вплетенного общения в социальных институциях и осуществляется как параллельно процессам вплетенного общения, так и разбавляя их собой в их собственном содержании.

Уточнение содержания понятий «вплетенное общение» и «общение ради общения» достижимо с помощью обнаружения в структуре общения основных его типов: *личностно-ориентированное* и *функционально-ролевое* общение.

Не останавливаясь подробно на особенностях основных типов общения, заметим, что личностно-ориентированное общение всегда выступает как особый вид деятельности, в то время как функционально-ролевое лишь в качестве условия ее осуществления. Так, исходя из макроструктуры общения можно развести общение как вид деятельности и как ее необходимое условие. Указанное различие важно потому, что коммуникативно-компенсаторные процессы, выступающие предметом нашего исследования, по нашему мнению, всегда происходят на основе общения как особой деятельности. Разграничивая личностно-ориентированное и функционально-ролевое общение, следует иметь в виду, что всякое общение, безусловно, носит ролевой характер. Распределение ролей — это первое условие общения. Пока позиции в общении не определены, оно вообще не может состояться. Основные контуры ролей в личностно-ориентированном общении обычно намечаются на стадии реализации ориентирующих возможностей общения. В дальнейшем они уточняются, углубляются. В личностно-ориентированных контактах человек может избрать наиболее при-

емлемые для него роли, сулящие психологическое удовлетворение. Возможен также выбор самих контактов и ситуаций, автоматически выводящих личность на желаемую роль. Эта пластичность личностно-ориентированного общения хорошо раскрыта Э.Берном⁹⁰. Функционально-ролевое общение значительно менее пластично. Позиции в нем жестко закреплены профессиональными требованиями. Личностно-ориентированное общение имеет отраду в самом себе. Функционально-ролевое общение имеет цель вне себя, оно обслуживает предметную деятельность.

Очевидно, что во вплетенном общении преобладают функционально-ролевые отношения, но оно не свободно от личностно-ориентированных контактов. В зависимости от содержания этих контактов, уровня их культуры, обращенности к личности на основе гуманистических идеалов вплетенное общение может существенно обогащаться за счет присутствия в нем общения личностно-ориентированного.

Выделение в структуре общения *вплетенного общения* и *общения ради общения* и связанного с данным структурным срезом различения *функционально-ролевого* и *личностно-ориентированного* общения необходимо, но недостаточно. Указанные срезы макроструктуры общения должны быть дополнены анализом возможных модальностей субъекта общения (кто общается) и рассмотрением исчерпывающего набора возможных комбинаций партнеров по общению (с кем общается). Такой подход, как весьма продуктивный, продемонстрировал М.С.Каган, положив его в основу анализа структуры общения⁹¹. Нельзя не согласиться также с Б.Д.Парыгиным в том, что «... в понятиях непосредственного и опосредованного общения содержится одна из наиболее общих характеристик общения, которые делают возможным понимание и других видов человеческого взаимодействия...»⁹². Учитывая эскалацию опосредованности, происходящую в связи с научно-техническим прогрессом в человеческой деятельности и общении, выделение таких *видов общения*, как *непосредственное* и *опосредованное*, совершенно необходимо для адекватного воспроизведения современной коммуникативной ситуации и ее противоречий.

Вернемся к цепочке, изображающей микроструктуру общения и открывающейся понятием «нужда». Применительно к общению можно говорить о *нужде в общении* как всецело объективном явлении. Применительно к вплетенному общению нужда в общении задана объективной необходимостью осуществления той или иной предметной деятельности, когда без определенных способов взаимодействия между людьми эта деятельность становится невозможной. Что касается нужды в общении ради общения, то она возникает при условии, когда включенность в различные формы предметной деятельности и институции оставляет нереализованным нечто весьма важное и самоценное для личности в контактах с окружающими, что немедленно сигнализируется переживанием чувства одиночества.

Как справедливо утверждает В.А.Панпурин, существует некая *норма*

функционирования человека, вытекающая из его сущности. Эта норма включает в себя как гомеостатическую, дающую динамическое равновесие стороне, так и сторону деятельностно-творческую, саморазвивающуюся (гетеростазис, по К.Обуховскому)⁹³. Норма функционирования человека проявляется и в сфере общения. Нарушение нормы создает интенцию к деятельности общения (в случае его недостаточности) или стремление к уединению (в случае его избыточности). Качественное многообразие коммуникативных потребностей личности, возможность избытка контактов на одном полюсе и недостатка на другом мы здесь пока не учитываем. Впрочем, как и некоторые другие параметры общения, образующие его норму и анализируемые нами при рассмотрении последующих звеньев микроструктуры общения. Недифференцированный подход, включающий пока лишь различие по принципу недостаток — избыток, определяется тем, что нужда в общении как сугубо объективное образование до возникновения потребности в общении, включающей в себя субъективный фактор, не позволяет еще определить, что именно в действительном общении оказывается неудовлетворительным. Степень насущности общения, выражаемая нормой функционирования, трудно определима. Ибо «норма функционирования представляет собой единство устойчивого, инвариантного и изменчивого, конкретно-исторического»⁹⁴. «Для человеческой нормы функционирования, — продолжает В.А.Панпурин, — характерна диалектика всеобщего, особенного и единичного. Наряду с нормой функционирования, вытекающей из родовой сущности человека, мы вправе говорить о ее модификации на уровне того или иного конкретно-исторического общества, на уровне различных социальных общностей и представляющих их типов личностей и об объективных индивидуальных нормах функционирования отдельных личностей. Причем указанные модификации могут давать не только конкретно-исторические вариации сущностно человеческой нормы функционирования, но и под влиянием неблагоприятных социальных причин искажать ее»⁹⁵.

Сказанное о норме функционирования в широком плане вполне соответствует норме функционирования человека в сфере общения. О вариативности в весьма широких пределах нормы функционирования личности в сфере общения убедительно свидетельствуют, например, этнографические исследования. Так, известны этнические общности, нужда в межличностном общении в которых, сформированная специфическим образом жизни, очень мала. Описывая образ жизни и формы общения индейцев тарахумара в безлюдной Сьерра-Мадре-де-Чьяпас в Мексике, Дж.Рэлф Оди отмечает: «В удаленных районах индейцы тарахумара настолько привыкли к уединенному образу жизни, что смущаются и теряются, когда вынуждены разговаривать с другими людьми. Фактически они настолько застенчивы, что могут начать разговор, повернувшись спиной друг к другу»⁹⁶.

Насущность и интенсивность нужды в общении детерминированы глав-

ным образом извне условиями общения, запечатленными в его макро-структуре, в возможностях, предоставляемых, например, для личностно-ориентированных, эмоционально насыщенных контактов, для непосредственного общения «лицом к лицу» и т.д. В этом пункте микроструктура общения смыкается с его макроструктурой, отсюда берет свое начало раз-вертывание микроструктуры общения, выражаемой приведенной выше цепочкой. Но это, конечно, не означает, что другие элементы микрострук-туры не замкнуты на условия общения, то есть на макроструктуру. Все они связаны между собой и с макроструктурой, но полюс, образуемый в исходном пункте, обозначаемом нуждой в общении, при всей ее изначаль-ной недифференцированности играет все же решающую роль.

Поскольку в отличие от нужды потребность представляет собой субъек-тивированный феномен, а именно так она определяется многими специа-листами по проблеме потребности (П.Гиндев, Н.В.Иванчук, С.В.Соколов, И.М.Чудинова), на уровне осознания личностью своих коммуникативных нужд возникает возможность дифференцированного рассмотрения потреб-ности в общении с точки зрения ее структуры.

В последние годы проблема потребности в общении, в том числе с точ-ки зрения ее структуры, активно исследуется⁹⁷. Однако в иных подходах сохраняются недостатки, характерные для исследований структуры обще-ния в целом, то есть методологически не обоснованы необходимые и дос-таточные признаки выделения основных компонентов потребности в об-щении, не ясны взаимосвязи между представленными компонентами и их динамика⁹⁸. Поэтому тринитарная типология потребности в общении Н.А.Аникеевой, опирающаяся на сложившуюся в психологии трехкомпо-нентную схему психологической структуры личности, представляется нам более удачной.

Вслед за Н.А.Аникеевой мы будем выделять *аффективные, гнос-тические и деятельностные* компоненты потребности в общении⁹⁹, прав-да, с некоторыми уточнениями. Правильно оценивая первые два компо-нента как ориентированные по преимуществу на потребление, автор кон-цепции, думается, преувеличивает полноценно-созидательную сторону деятельностного компонента, рассматривая его как высшую ступень раз-вития потребности в общении. Ведь коммуникативная деятельность может быть и деструктивной, не обладая теми характеристиками, которыми надел-яет ее Н.П.Аникеева. Деятельностные компоненты отнюдь не всегда пред-полагают «...активную деятельность духовного преобразования себя и ок-ружающих, стремление создавать творческую атмосферу и высокий нрав-ственный климат в коллективе»¹⁰⁰. Следовательно, возвышение потребно-сти в общении предполагает совершенствование всех трех компонентов, а главное — увеличение степени их органичности, аутентичности друг дру-гу. Хотя фокусом всех этих преобразований должен быть, безусловно, дея-тельный компонент. Как предполагающий наибольшие усилия для сво-

его осуществления, часто требующий нейтрализации и преодоления противоположных устремлений окружающих либо напряженной внутренней борьбы собственных взаимоисключающих мотивов, этот компонент заслуживает более точного обозначения в качестве *деятельностно-волевого*. Сказанное вовсе не означает, что первые два компонента потребности в общении не требуют для своей реализации известного волевого усилия, сознательной саморегуляции собственной активности как в форме побуждения, так и в форме сдерживания.

И еще одно уточнение. Учитывая давно установленные наукой различия между аффектами и эмоциями, а также их связь между собой, было бы более уместно обозначить *аффективные* компоненты потребности как *эмоциональные компоненты* потребности в общении. При этом следует стремиться как можно более полно учитывать структуру и динамику эмоциональных состояний, связанных с общением: ощущений, чувств, настроений, страстей и, разумеется, аффектов (как видовых по отношению к эмоциям). Но поскольку аффекты — это сильные и относительно кратковременные эмоциональные состояния, возникающие в экстремальных условиях, в том числе и в экстремальных условиях общения¹⁰¹, едва ли можно выделять лишь аффективные компоненты потребности в общении (вместо родовых эмоциональных) наряду с гностическими и деятельностными.

И наконец, поскольку в *гностических* компонентах потребности в общении сосредоточены главным образом интенция к познанию другого в качестве потенциального либо актуального партнера по общению и к собственному самопознанию применительно к роли пребывающего в общении желанном и постижение смысла ситуаций, приемов и средств общения, — а вся эта работа не минует интеллектуальной сферы, хотя ею не ограничивается, — постольку указанные компоненты уместно обозначить как *интеллектуально-гностические*.

Кроме того, помимо потребности в приеме и передаче эмоциональной информации, эмоциональных состояний, а также в деятельностно-волевых взаимодействиях существует специфическая коммунологическая потребность *в обмене интеллектуальной информацией*, в обмене мыслями, коль скоро они продуцируются на докоммуникативной фазе или во время осуществления общения. Объективное качество интеллектуальной продукции, ее значимость и значительность не имеют здесь решающего значения. Как метко заметил однажды П.Сорокин, «человек нуждается в человеке для обмена мыслями, чувствами, волениями. Он импульсивно стремится «поделиться» своими переживаниями с другим. Идея — как бы примитивна она ни была — повелительно толкает человека сообщить ее сочеловеку»¹⁰². Соответственно дефицит эмоциональных, интеллектуально-гностических или деятельностно-волевых компонентов потребности в общении порождает соответствующие проявления *одиночества*, испытываемого на эмоциональном, интеллектуально-гностическом, деятельностно-волевом

уровнях. Это происходит и тогда, когда в действительном общении личности вполне представлены все названные компоненты, но они не обладают желаемым для субъекта общения качеством или же ему в них не отводится коммуникативная роль, соответствующая его запросам. Напротив, избыток тех или иных компонентов порождает стремление минимизировать утомительно насыщенные контакты посредством самоизоляции от них, снижения полноты участия, *удединения*.

Пропорция указанных компонентов всегда остается строго индивидуальной. Возможное преобладание одного из указанных компонентов не должно рассматриваться как аномалия. Здесь нет заранее заданного стандарта. Скажем, интравертированность или экстравертированность личности, особенности ее темперамента не могут не сказаться на структуре ее потребности в общении. Потребность в общении, взятая в целом, а тем более соотношение основных компонентов ее структуры, будучи относительно стабильными, все же изменяются в процессе онтогенеза¹⁰³. Общительный некогда человек становится более сдержанным и наоборот. Доминирование потребности в переживании стенических эмоций посредством общения сменяется акцентом на углубленное самопознание. Досадно другое, когда человек застревает на каких-либо элементарных коммуникативных потребностях и связанных с ними переживаниях. На объективные, общие для многих изменения внешних условий общения каждая личность реагирует индивидуализированно. Чем выше для нее «в норме» потребность в определенных компонентах общения, тем острее по сравнению с другими она будет ощущать недостаточность и гораздо энергичнее стремиться ее восполнить. Однако общий закон всякого дефицита — это его труднонасыщаемость, ибо он всегда порождает чрезмерный, неадекватный аппетит, инерцию потребления, ориентирует на запасы, перехлесты.

Применительно к потребности в общении, рассмотренной структурно, сказанное конкретизируется как абсолютизация тех или иных компонентов ее структуры, превращение их для личности в *метапотребности*. В результате этого возникает деформация структуры потребности в общении, ущемление других ее компонентов, что непременно сказывается в неадекватной реализации и самого доминирующего компонента. Так, стремление к деятельностному общению, направленному на преобразование либо себя, либо других, самоутверждение посредством общения неизменно должны сопровождаться и подкрепляться получением глубоких и всесторонних знаний о человеке, его достоинстве и предназначении, духовном мире и другой труднообозримой здесь, гуманистической по своей сути информации. Насколько опасен невежественный «деятель», отважно преобразующий природу и общество, в том числе и сферу человеческих отношений, едва ли нужно сегодня доказывать. Не менее важен акцент на эмоциональных компонентах потребности в общении: потребности в интимно-личностном сочувствии, сопереживании, признании и т.д.; потребности в

переживании принадлежности к группе, социальной идентичности, основанных на механизмах эмпатии, идентификации и т.д. Однако абсолютизация эмоциональных компонентов общения, склонность к бездеятельному переживанию стенических эмоций способны формировать эйфористический тип личности. Эмоциональная жизнь такого субъекта может быть не только бездеятельна, но и не слишком отягощена интеллектуальными компонентами.

Однако, с другой стороны, те или иные акцентуации субъекта общения, усиливающиеся и закрепляющиеся непосредственно в деятельности общения, порождают действительных личностей, весьма далеких от идеала, удобных и неудобных для окружающих, впрочем, как и для самих себя.

Выражение предрасположенности к общению, насыщенному эмоциональными либо интеллектуально-гностическими, либо деятельностно-волевыми компонентами иницируют влечение не только к осуществлению желаемого общения в сфере досуга, но и к предметной деятельности, подчас к определенному образу жизни в целом, предельно «заряженным» этими компонентами, что задает направленность развития отдельных представителей человеческого рода как феноменов далеких от ординарности: интеллектуалов и гуманистов, авантюристов и фанатиков и т.д.

Потребность личности в общении целесообразно рассматривать в диалектическом единстве со *способностями* личности к общению, так как «способности и потребности — стержневые качества личности, вокруг которых формируются все другие...¹⁰⁴ А.А.Кидрон, специально исследуя структуру коммуникативных способностей, следующим образом определяет понятие коммуникативной способности. «Под коммуникативной способностью понимается общая способность, связанная с многообразными подструктурами личности и проявляющаяся в навыках субъекта общения вступать в социальные контакты, регулировать повторяющиеся ситуации взаимодействия, а также достигать в межличностных отношениях преследуемых коммуникативных целей»¹⁰⁵. Учитывая, что общение отнюдь не всегда преследует утилитарные цели, да и в тех случаях, когда таковые имеются, не стоит ориентироваться лишь на достижение оптимального результата. Не менее важно наличие чувства удовлетворенности самим характером контакта между людьми, той ролью, которую они в нем отводили партнеру и себе. То есть гуманистическим проявлениям в общении, которые в чем-то поважнее инструментальных.

Не вызывает возражений и общая, достаточно универсальная, на наш взгляд, классификация умений общаться, разработанная А.А.Кидроном. Она заслуживает того, чтобы быть приведенной здесь полностью. В работе А.А.Кидрона «описывается 17 компонентов КС (коммуникативной способности. — В.Г.), которые на основе преобладающих психологических механизмов распадаются на пять классов: 1 — *познавательные умения*: способность познавать людей (уровень интерперсональной percep-

ции), обективизировать ситуацию и прогнозировать поведение, самопознание; 2 — *познавательно экспрессивные умения*: умение активно слушать, выбирать роль, адекватно передавать и воспринимать эмоции; 3 — *экспрессивные умения*: речевые способности, умение аргументировать, способность к невербальному самовыражению, умение подчеркнуть личностно-индивидуализированные черты; 4 — *экспрессивно-интеракциональные умения*: способность идти на риск, умение рефлексивно управлять («Я-образом»); 5 — *интеракциональные умения*: владение правилами поведения (этикетом), приемами техники общения и манипуляцией, конструктивное использование эго-защитных механизмов, умение использовать внеситуативные условия и средства»¹⁰⁶. Нетрудно заметить, что среди пяти указанных классов коммуникативных способностей первый, третий и пятый соответствуют трехкомпонентной схеме коммуникативных потребностей личности, рассмотренной структурно. Второй и четвертый представляют собой смешанные типы способностей. Феноменологически выделенные А.А.Кидроном семнадцать компонентов коммуникативной способности едва ли исчерпывают возможный банк этих социальных качеств индивидуума. При этом структуру коммуникативных способностей субъекта образуют лишь наиболее устойчиво сохраняющиеся в ней компоненты. Ибо в нетривиальных условиях, в условиях зависимости, крайней заинтересованности в ком или в чем-либо заурядный грубиян подчас становится «гением» общения, а замкнутый, нелюдимый человек обворожительным собеседником. В этом присвоении несвойственных личности коммуникативных приемов имеется лишь оболочка коммуникативных способностей. Стоит заметить, что коммуникативные способности должны быть рассматриваемы в динамике, в развитии. Иначе вся обширная область психокоррекционной работы в условиях специально создаваемых малых групп не имела бы практического значения¹⁰⁷. Вероятно, важнейшей из коммуникативных способностей в связи с этим следует считать способность непрерывно совершенствовать в процессе общения свои коммуникативные навыки. Ибо среди нас немало и тех, кто, интенсивно общаясь с окружающими, не только не прогрессирует в общении, но и препятствует развитию коммуникативных способностей других.

Способности к общению, как и всякие иные социальные качества личности, должны анализироваться с точки зрения тех требований, которые предъявляются к ним в конкретных исторических и социальных условиях. В качестве основных требований, предъявляемых к способностям личности в общении, одновременно выступающим слагаемыми индивидуальной культуры, в современных условиях можно постулировать: *коммуникативную активность, коммуникативную избирательность, коммуникативную мобильность, коммуникативную компетентность, вариативность коммуникативного поведения, коммуникативную привлекательность, коммуникабельность*. И здесь и далее мы не упускаем из вида отличие обще-

ния от коммуникации. Термин «коммуникативный» употребляется здесь исключительно из стилистических соображений.

В диалектическом единстве потребности в общении и способностей людей к общению ведущей стороной выступают потребности. Потребность в общении оказывает влияние на совершенствование либо угасание способностей к общению в целом, а также отдельных их компонентов. Однако способности к общению не являются пассивными восприимчивыми ее формирующего воздействия, а оказывают обратное влияние на потребность в общении. Стремительная смена современных условий общения нередко порождает ситуацию, когда развитие потребности в общении значительно опережает у отдельных индивидуумов развитие необходимых для ее удовлетворения способностей к общению. Сказанное относится как к частной, так и к публичной жизни личности, которые требуют от нее определенных способностей к налаживанию отношений с людьми. Однако отмеченное несоответствие не ведет к отказу от реализации потребности в общении. Напротив, Д.А.Кикнадзе отмечает, что «потребность только тогда порождает интерес, когда ее удовлетворение встречает затруднения в силу каких-либо субъективных или объективных факторов. Беспрепятственно удовлетворяемая потребность не порождает интереса»¹⁰⁸.

Не останавливаясь особо на дискуссионном вопросе о соотношении потребностей и интересов, заметим, что разрешение противоречия между уровнем развития потребности в общении и необходимыми для ее удовлетворения способностями к общению может происходить по двум направлениям: 1) потребности в общении не только стимулируют развитие на их основе соответствующих *интересов*, но и побуждают личность осознанно, целенаправленно формировать у себя способности, необходимые для реализации возникших потребностей; 2) напротив, в случае, когда потребность не порождает адекватного ей интереса, возможно *замещение* одних компонентов потребностей в общении другими. Указанные возможности на уровне формирования *интереса* особенно реальны потому, что «...интерес знаменует предметную конкретизацию потребности. Причем если потребность представляет собой выбор предметов в рамках нужды, то интерес — выбор предметов в рамках социально-деятельностных потребностей. Разброс вариантов здесь значительно больший <...> интерес есть выражение большей степени свободы человека, он свидетельство роста его самостоятельной активности, усиления роли личностного начала»¹⁰⁹. Так, потребность в деятельностно-волевом общении может замещаться потребностью в эмоциональном контакте. В результате происходит иллюзорное, мнимое удовлетворение исходной потребности, так как на ее место выдвигается другая, соответствующая уровню способностей личности к общению. Иллюзорно, мнимо преодолевается и *одиночество* в указанном отношении, оно лишь заглушается.

Особое место в микроструктуре общения занимает его мотивация, ко-

торая, по мнению Б.Ф.Ломова, все более становится логическим центром психологической науки¹¹⁰. В качестве *мотива* деятельности общения выступает осознание несоответствия между потребностью личности в этом виде социального взаимодействия людей и реальными актами общения, субъектом которых она является. Однако возникновение мотива той или иной деятельности — это лишь первый этап на пути ее осуществления. В связи с этим М.Г.Макаров отмечает: «Будучи осознана, «понята», потребность приводит в качестве мотива к выработке цели — образа предмета, который должен возникнуть в результате предстоящих действий и удовлетворить потребность. В мотив уже входит в какой-то мере осознание отношения между потребностью и возможными результатами. В собственно целевом представлении отражение возможности выдвигается на первый план»¹¹¹. В ходе постановки *цели* общения, прогнозирования результатов, составления плана и его реализации происходит выработка и уточнение не образа предмета, как это имеет место в предметной деятельности, а образа желаемого партнера по общению и желаемых с ним взаимоотношений.

Цели общения с учетом сказанного ранее относительно предшествующих звеньев цепочки микроструктуры общения могут конституироваться по целому ряду направлений.

Так, личность, не находящая удовлетворения *эмоциональных* запросов во влеченном общении, в сфере общения ради общения может быть ориентирована на те цели, что не реализуются в общении влеченном. Не претендуя на их исчерпывающее раскрытие, можно отметить, что на «камерном» уровне, в условиях, например, «диад» или малой контактной группы это может быть стремление к *сочувствию* и *сопереживанию*. Точнее, стремление быть окутанным участливой атмосферой сочувствия и сопереживания. Причем в одном случае характерно желание служить объектом указанных чувств, в другом — самому выступать в качестве лица, оказывающего сочувствие и выражающего сопереживание тем, кто в них нуждается. Вплоть до специального нахождения в своем окружении либо за его пределами таких лиц и соответствующих ситуаций. По-видимому, это своеобразная реакция на невостребованность присущих человеку качеств доброты и участливости, причем свойственных в значительной степени.

Эмоциональный дефицит, берущий начало в эмоционально бедном влеченном общении (если оно, конечно, предстает таковым для личности), может обнаруживаться в *гедонистической* ее направленности. Это проявляется в постоянном желании окружать свои отношения с партнерами особой атмосферой общения. Общения, дарующего наслаждение и максимально извлекающего его из контактов с окружающими. Здесь не исключен, конечно, и вариант девиантного гедонизма, извлекающего наслаждение посредством садо-мазохистского стиля отношений с окружающими. Кроме того, восходя по ступеням гедонизма в общении, мы поднимаемся до экзатических высот, вплоть до переживания аффектов в процессе об-

щения. Если эти переживания обладают значительной мощностью, но малосодержательны или неаутентичны ситуации общения, то они, безусловно, малопродуктивны и даже вредны.

К числу эмоциональных устремлений личности может быть отнесена интенция личности к *аффилиации*, то есть стремление находиться в обществе других людей. Этот феномен, кстати сказать, довольно многоплановый, полифункциональный, тем не менее он достаточно подробно изучен наукой и раскрыт средствами искусства.

Глубокую эмоциональную травму наносит личности утрата своей *идентичности*¹¹², которая также в значительной степени может быть вновь обретена и сохранена ею посредством общения. Поэтому обретение и подтверждение своей идентичности выступает важной целью общения, рассматриваемого в контексте эмоциональной жизни личности.

Во вплетенном общении цели *познания и самопознания*, а также обмена интеллектуальной информацией непосредственно обусловлены предметной деятельностью, в которую они вплетены и служат решению ее задач. Чем уже и беднее возможности для реализации *интеллектуально-гностических* потребностей личности во вплетенном общении, тем больше оснований для переживания специфических проявлений *одиночества* в плане оторванности от активной интеллектуальной жизни, по крайней мере в таких формах и в той степени, к каким личность чувствует себя способной. Тем, соответственно, вероятнее, что целями общения ради общения окажутся: самопознание, познание других людей за пределами «табельной» ситуации и стремление проявить себя в качестве существа, продуцирующего интеллектуальную информацию и способного к ее приему, восприятию и усвоению.

В процессе самопознания главенствующее значение приобретает не столько осмысление отдельных своих свойств и достоинств, равно как и недостатков, сколько стремление к знанию, приближающемуся к постижению смысложизненных проблем, или действительное овладение ими. Данное самопознание нацелено на обретение *целостности* восприятия своего *Я* (что не всегда удается в границах вплетенного общения), а это возможно лишь в контексте *Я-Ты отношения*. Следовательно, оно инициирует стремление к познанию *Ты* в его обобщенных сущностных характеристиках, мотивах, устремлениях, интеллектуальных, эмоциональных и волевых возможностях, нравственных качествах и т.д. Эти процессы неотделимы от ценностных ориентаций личности, включая самые предельные их координаты, то есть ориентированность человека на добро или зло, на гуманистические либо антигуманные цели. Процесс самопознания и познания другого непостижимым образом двояко сопряжен с процессами общения: он осуществляется через общение и делает само общение главным объектом своего интереса. «Я в отношении к другим и в соотношении с другими», «их отношение ко мне», «их видение меня, то есть я глазами других». Вот главные темы рассматриваемого процесса.

Внешняя коммуникация в общении ради общения небезпроигрышна, она может быть весьма некомплементарной, огорчительной для ее субъектов. И здесь на помощь приходит внутреннее общение, которое может представить «отрецензированный», пропущенный через фильтры самолюбия, приемлемого самовосприятия, щадящий вариант самопознания. Макс Фриш, по-видимому, совершенно прав, когда говорит, что «человек догадывается лишь о том, что он в силах вынести в данный момент»¹¹³. Еще более заостренную форму приобретает эта мысль в устах Фридриха Ницше: «В старании *не* познать самих себя обыкновенные люди выказывают больше тонкости и *хитрости*, чем утонченнейшие мыслители в их противоположном старании — *познать себя*»¹¹⁴. Уединение как отказ от внешнего общения может способствовать как углубленному самопознанию, так и формированию иллюзий на собственный счет.

В обществе постоянно циркулирует разнообразная интеллектуальная информация. В том числе не носящая узкоспециального характера и вызывающая почти всеобщий интерес. Общедоступные формы приобретает иногда и специальная информация (по крайней мере определенные ее уровни), интерес к которой подогревается сенсационностью ее содержания. Стремление приобщиться к такой информации (живейшим примером на этот счет может служить *паранаука* во всех ее формах) свойственно многим. Интересно также обладание редкими, доступными лишь избранным, а потому *престижными* знаниями. Если вплетенное общение не отягощено интеллектуальными компонентами или они не являются престижными в глазах широкого круга людей и в глазах самого субъекта, возникает соблазн интеллектуального общения, осуществляемого в границах «общения ради общения» с использованием подобной информации. Влечение к проявлению интеллектуальных сил прирождено человеку и может быть повелительным импульсом и целью межличностного общения. Интерес к получению новой информации может носить не менее императивный характер. «Один ищет акушера для своих мыслей, — с привычной долей сарказма отмечает Ф.Ницше, — другой человека, которому он может позволить разрешиться ими: так возникает добрая беседа»¹¹⁵.

Цели общения, связанные с реализацией *деятельностно-волевого* компонента потребности в общении, вращаются, на наш взгляд, вокруг темы *самоутверждения* личности. Не рассматривая пока более подробно состав и точный смысл этого понятия, отметим, что в нем выражены, с одной стороны, властные воления доминировать в общении, лидерствовать, стремление к соперничеству, состязательности в общении, к борьбе. На противоположном полюсе процесса самоутверждения заключены интенции к подчинению, часто внешнему и поверхностному смирению и т.д. Отказ от самоутверждения в активных, в «бойцовских» его формах часто вовсе не является проявлением безволия и бездеятельности, а есть стремление уклониться от бессмысленной состязательности, демонстрации силы, удач-

ливости и успешности (зачастую иллюзорных). Стремление к самоизоляции, к уединению на этом уровне отношения также требует определенного волевого усилия для преодоления в себе не только гордыни, но и ложно понимаемого самолюбия.

В деятельностно-волевой направленности общения цели вхождения во внутренний мир другого, воздействие на него и возможное его преобразование часто сочетаются с интенцией к самоизменению посредством субъект-субъектного взаимодействия или в результате активной внутренней коммуникации в условиях *уединения*. Но эти цели в пределах одного субъекта могут быть разделены, абсолютизирована лишь одна какая-либо цель.

Мотивы общения теснейшим образом связаны со *стимулами* к общению, поскольку они в единстве выступают сильнейшими побудительными силами коммуникативной деятельности личности. Однако в рамках этого единства стимулы выступают в качестве внешнего побуждения к деятельности общения, а мотивы в качестве внутреннего побуждения¹¹⁶. Связь между стимулами и мотивами носит не непосредственный, а опосредованный характер. По мнению авторов коллективной монографии «Человек и его работа», эта связь «опосредована структурой личности, потребностями индивида, его жизненным опытом, мировоззрением и т.д. Внешнее побуждение (стимул) действует лишь в том случае, если затрагивает доступные для насыщения в данных условиях потребности, то есть ее объективные нужды, обеспечивающие жизнедеятельность и развитие. В свою очередь, потребность, прежде чем стать побудительной силой к действию (регулятором поведения), должна пройти через сознание. Субъективная сторона потребности есть, таким образом, мотив, внутреннее побуждение»¹¹⁷. Коммуникативные потребности, проходя через мотивационную сферу личности, побуждают ее к установлению тех или иных контактов, способствующих самопознанию, достижению сочувствования, самоутверждению, стабилизации социального статуса или его повышения и т.д. Способ, которым личность пытается реализовать указанные коммуникативные потребности, во многом зависит от целого ряда важнейших ее социальных характеристик: от общего уровня культуры, коммуникативного потенциала личности, способностей к общению, наконец. Нередко бывает, что как сама личность, так и избранный ею способ реализации коммуникативных потребностей не вызывают одобрения группы. В этом случае мотив общения не подкрепляется стимулом со стороны непосредственного окружения личности. Группа не стимулирует личность к общению. Отсутствие стимула к общению со стороны группы ослабляет у личности побудительную силу вступления в контакт с ее членами. Отсюда становится понятным поиск данной личностью таких групп и форм связи, в которых облегчено удовлетворение ее коммуникативных потребностей, и соответствующая мотивация подкрепляется стимулированием. Это создает, при определенных условиях, возможность для вступления личности в общности, обладающие

отрицательной социальной направленностью, где преобладает иллюзорная компенсация недостающего общения.

Выбор *средств общения* обусловлен его целями, так как «средство есть объект, стоящий на стороне цели и содержащий внутри себя ее деятельность»¹¹⁸. В качестве средств общения выступают не только естественный язык и другие знаковые системы, но и различные материальные объекты (средства и предметы труда), способные служить цели передачи информации, социального опыта, навыков и т.д.¹¹⁹ Следовательно, наряду со специализированными средствами инструментального общения (телефон, телеграф, телетайп), а также средствами массовой коммуникации к средствам общения могут быть отнесены все материальные объекты, которые вовлечены в деятельность общения. Выступая в качестве средства общения, «предмет утрачивает «собственные определения», так как он подчинен цели»¹²⁰. Важнейшим средством общения, в значительной степени определяющим его характер и содержание, являются человеческие общности (трудовой коллектив, малая группа и т.д.), отдельный субъект при условии взаимодействия в диаде. При этом субъект фатально не утрачивает субъективных характеристик. Использование любого средства общения сказывается как на содержании самой деятельности общения, так и на ее результатах. Как уже отмечалось, особенно важное значение имеет выбор личности той или иной общности или отдельного партнера как средства общения.

В связи с влиянием средств общения на его результаты особое значение приобретает вопрос о соотношении *непосредственного* и *опосредованного* общения в структуре человеческих связей. Исходным пунктом решения данного вопроса является выяснение того, что следует понимать под опосредованным общением и общением непосредственным. На наш взгляд, базовым видом опосредованного общения является общение индивидов, осуществляющееся через предмет труда в процессе совместной производственной материально-технической деятельности людей, а также через обмен готовыми продуктами этой деятельности. Это исторически первый вид *опосредованного* общения, которое «вплетено» в материальную деятельность людей» (К.Маркс) и является необходимым условием ее осуществления. В дальнейшем с развитием общественного производства и общения происходит также совершенствование и *средств общения*. Это связано в первую очередь с выделением и автономизацией особых средств общения. Опосредованное общение начинает осуществляться с помощью специализированных посредников — от письма до инструментальных средств общения (телеграф, телефон, радио и т.д.). Однако исторически первый вид опосредованного общения через предмет труда в процессе совместной производственной материально-технической деятельности людей, а также через обмен готовыми продуктами этой деятельности не утратил своего значения. Ему принадлежит видная роль в передаче социального опыта, трудовых навыков и т.д. Таким образом, диапазон средств,

с помощью которых осуществляется опосредованное общение, достаточно широк.

Что касается непосредственного общения, то оно осуществляется в процессе контакта субъектов общения «лицом к лицу». Основой непосредственного общения является естественный язык и сопровождающие его паралингвистические элементы. Несмотря на кажущуюся простоту и естественность, непосредственное общение представляет собой сложнейшее социальное явление. Сложны и многообразны механизмы, параметры и условия его осуществления. Дистанция между субъектами общения, ритм общения, эмоциональность и другие параметры оказывают существенное влияние на протекание общения, степень взаимопонимания и удовлетворенность его участников.

Непосредственное общение может, так же как и опосредованное, осуществляться с помощью инструментальных средств. Но в отличие от опосредованного общения, где способ передачи информации существенно влияет на ее содержание, при непосредственном общении инструментальные средства общения (например, мегафон, микрофон) лишь расширяют границы естественных коммуникативных возможностей субъектов общения. Однако в этом пункте грань между непосредственным и опосредованным общением становится довольно условной. Вероятно, этот факт можно рассценивать как один из моментов диалектики взаимосвязи непосредственного и опосредованного общения, диалектики их взаимоперехода. Однако этим диалектика непосредственного и опосредованного общения не исчерпывается. В реальном общении непосредственное и опосредованное общение взаимно обуславливают друг друга. Непосредственное общение является своего рода основой опосредованного. Это выражается прежде всего в том, что широко распространенное сегодня общение с помощью инструментальных средств и средств массовой коммуникации использует в своем арсенале естественный язык, а в некоторых случаях и сопровождающие его паралингвистическую, экстралингвистическую и оптико-кинестическую системы знаков, так характерных для непосредственного общения. Если бы в дополнение к названным механизмам удалось так организовать пространство опосредованного общения, чтобы в нем как-либо имитировалась дистанция между партнерами от интимной до публичной и обеспечивался контакт глаз, то рассматриваемые нами типы общения оказались бы конгруэнтны друг другу. Кстати сказать, В.В.Розанов утверждал, что общение как контакт глаз является важным внутриэтническим средством общения. В самом деле:

Посмотришь на русского человека острым глазком... Посмотрит он на тебя острым глазком...

И все понятно.

И не надо никаких слов.

Вот чего нельзя с иностранцем¹²¹.

Насколько в общении важен контакт глаз, подтверждается следующей подлинной историей. Один из слушателей моего спецкурса по проблеме общения рассказывал о том, как на одном стеклодувном производстве в целях обеспечения техники безопасности пространство вокруг печи разделили на отдельные секторы стенками из непрозрачного материала, каждый из которых был предназначен лишь для одного стеклодува. Прежде стеклодувы свободно могли разговаривать и видеть друг друга. Теперь во время работы их разделяла перегородка, и они лишь слышали соседа. Тогда, преодолевая препятствие для контакта глаз, рабочие стали совершать сложные акробатические действия: продолжая работать, одновременно заглядывали за перегородку. Это привело еще к большему травматизму. Эпопея увенчалась заменой прежних перегородок на прозрачные со всеми вытекающими отсюда положительными последствиями.

В реальных актах духовного общения людей непосредственный контакт выступает своеобразным катализатором. Значительное количество информации, получаемой с помощью инструментальных средств и средств массовой коммуникации, оживает органическим целым в результате даже кратковременного непосредственного общения, обсуждения полученной респондентами информации. Более того, стремясь приблизить опосредованное общение к непосредственному по эмоциональной насыщенности и ориентированности на конкретных личностей, инженеры и конструкторы создают средства массовой коммуникации с эффективной обратной связью и персонифицированным общением¹²². Однако нельзя не согласиться с Б.Д.Парыгиным в том, что «общение лицом к лицу» ...если оно носит сравнительно устойчивый характер, основанный на общности интересов, открывает большие возможности для более ...полного самовыражения, чем любое другое общение, несущее на себе печать интенсификации и массовости»¹²³. В то же время общение через каналы массовой коммуникации обладает рядом бесспорных преимуществ по отношению к непосредственному общению. Это связано в первую очередь с широтой и масштабностью контактов с помощью средств массовой коммуникации, а также скоростью доставки информации респондентам. Если непосредственное общение служит главным образом цели установления глубоких личностно-ориентированных, эмоционально насыщенных контактов, то опосредованное общение преследует цель точной и оперативной передачи информации без существенных потерь смысла. Имея различающиеся цели, они в идеале взаимно дополняют и обуславливают друг друга. Перекосы в структуре общения в пользу, скажем, опосредованных контактов по отношению к непосредственным, как правило, влекут за собой потребность в восполнении недостающих компонентов общения.

Говоря об *объекте* общения, необходимо подчеркнуть следующее. Понятие «объект общения» может быть применимо к деятельности общения лишь условно. Нами уже подчеркивалось, что основное отличие дея-

тельности общения от предметных видов деятельности заключается в том, что она разворачивается в рамках субъектно-субъектного отношения. Человек, безусловно, может выступать в качестве объекта воздействия других людей, в том числе манипулятивного, но в этом случае мы имеем дело с предметной деятельностью либо с коммуникацией, а не с общением. Выделяя в микроструктуре общения его объект, нельзя упускать из вида специфических особенностей данного объекта, превращающих его в нечто противоположное, а именно: в субъект общения. Но принимая во внимание *полиmodalность* субъекта общения (М.С.Каган), а также континуум промежуточных форм между субъектом и объектом (субъективированный объект, объективированный субъект), мы неотвратно приходим к признанию необходимости рассмотрения таких модальностей субъекта общения, которые существуют виртуально и выступают как бы частичным субъектом, поставленным на место объекта в общих границах субъектно-объектного отношения. Таково, например, взаимодействие человека с природой, где в отношении к ней как к объекту вплетено отношение к природе как к субъекту. В этом случае природа выступает как субъективированный объект. Человек с легкостью, даже с известным легкомыслием может разрушать такой естественный для него мир межличностного общения, используя других людей как объекты, с тем чтобы впоследствии надеяться действительные объекты субъектными свойствами и восполнять недостающее общение, заполнять коммуникативный вакуум, созданный им же самим. Но эта же способность к субъективированию окружающего антиномически содержит в себе возможность не только к расширению сферы общения, но и к ее совершенствованию в плане межличностных отношений. Дар, особенно присущий художникам и поэтам, вообще людям творческим, очеловечивать все окружающее и вступать с ним в интимно-личностные отношения формирует особую поэтическую атмосферу, особый строй мыслей и чувств, способность к перевоплощению у широкого круга людей и обогащает их общение друг с другом.

Рассматривая общение как процесс, мы исходим из современных представлений о процессуальности социального бытия в целом¹²⁴. В качестве отдельных моментов процесса общения выступают докоммуникативная, собственно коммуникативная и посткоммуникативная фазы общения. Докоммуникативной фазе, на наш взгляд, соответствует то, что И.А.Ильин называл «бессознательным» или «полусознательным» общением с другими, то есть «всякое взаимодействие двух людей, хотя бы оно состояло просто в переживании взаимного присутствия, то есть пребывания в одном и том же месте»¹²⁵. Это своеобразная настройка на общение, незримое касание двух психик, предчувствие общения, которое, впрочем, может не состояться.

Коммуникативная фаза общения осуществляется как обмен информацией, чувствами, настроениями и, как уже говорилось в той части пара-

графа, где рассматривались средства общения, обмен продуктами деятельности людей, в которых также заключена актуальная для них информация. Информация, чувства и настроения могут передаваться посредством знаков, символов и *целостных образов* действительности. Последнее особенно характерно для внутреннего общения, в основе которого может лежать не только внутренняя речь, но и непрерывная смена образов, смена-борьба, состязание переживаемой наличной действительности и своего положения в ней и действительности желаемой, к которой устремляются планы, мечты и фантазии личности. Характерно, что эти образы носят не безличный характер; они персонифицированы, субъективированы и выступают как бы фантомами действительных личностей.

Посткоммуникативная фаза общения образует его *результат*. Результатом деятельности общения выступает не только достижение согласия между его участниками, но и субъективно переживаемое ими чувство удовлетворения от контактов с окружающими, то есть удовольствие от общения, радость общения. Однако это ближайшие, непосредственные результаты общения.

Основоположники марксизма обращали внимание на необходимость различения ближайших и более отдаленных результатов человеческой деятельности¹²⁶. Более отдаленные результаты общения — это изменения, происходящие в социальном положении личности, в структуре ее внутреннего мира, в том числе в структуре ее потребности в общении. Иногда ближайший позитивный результат, ощущаемый как психологическое благополучие, в конечном счете перечеркивается более отдаленными негативными последствиями. Так, эмоционально насыщенное общение спортивных фанатов приносит им желаемую эмоциональную разрядку, но пагубно сказывается на развитии их личности. Деформируется структура их потребности в общении, так как все более доминирующее значение в ней приобретает потребность в эмоциональном насыщении в ущерб интеллектуальным и деятельностно-волевым составляющим общения¹²⁷. Эта ситуация характерна не только для подобных объединений молодежи. Она воспроизводится всякий раз, когда, преследуя те или иные достаточно узкие цели в общении, люди не затрудняют себя тщательным выбором средств его осуществления и ориентируются лишь на ближайшие результаты.

Поскольку процесс общения есть одновременно и его результат, непосредственно воплощенный в реальных социальных действиях и контактах людей, то результат, понимаемый таким образом, наглядно иллюстрирует взаимодействие микро- и макроструктур общения. В самом деле, результаты общения в виде конкретных достигнутых контактов (личностно-ориентированных или функционально-ролевых) являются его структурообразующими факторами, так как их соотношение определяет структуру общения. Здесь происходит замыкание микроструктуры общения на макроструктуру через результат общения. Вслед за достижением результата общения

и формированием его макроструктуры, а следовательно, и новых условий общения складываются новые коммуникативные нужды личности и цикл повторяется.

Таким образом, рассмотрение макро- и микроструктуры общения в их взаимосвязи закладывает основы для анализа динамики процессов общения и помогает установить роль каждого из компонентов, образующих структуру общения; помогает выявить многообразие возможностей и направлений развития как самого общения, так и субъектов, которые в него вовлечены; фиксирует богатство способов овладения коммуникативной ситуацией с учетом их ценностного наполнения.

Анализ структуры общения позволяет перейти к рассмотрению его *социальных функций*. Особое значение имеет учет различия между вплетенным общением и общением ради общения. Ибо рассмотрение социальных функций общения без учета этого различия малопродуктивно и достаточно абстрактно. В двух этих срезах общения неодинаково представлены социальные функции общения. Структура общения задает субординацию и координацию его функций. Кроме того, каждый структурный компонент общения либо их сочетание связаны с реализацией вполне определенных функций общения. Функции общения всегда соответствуют, например, различным проявлениям потребности в общении, его (общения) мотивам и целям. Наконец, сама коммуникативная ситуация, описываемая в терминах макроструктуры общения, задает субординацию и координацию функций общения, вплетенного в предметную деятельность. Как это происходит практически, мы попытаемся показать в следующем параграфе.

1.3. СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ОБЩЕНИЯ

Как уже отмечалось в предыдущем параграфе, субординация и координация социальных функций общения органически связана со структурой общения. Выделяя в макроструктуре общения общение, вплетенное в предметную деятельность, мы, в свою очередь, полагаем, что характер и содержание данной предметной деятельности, ее напряженность и специфика определяют в конечном счете, какие функции общения выдвигаются на первый план как необходимые для ее (деятельности) полноценного осуществления.

Поскольку многие формы предметной деятельности носят непосредственно коллективный характер, то наиважнейшее значение приобретают такие функции вплетенного общения, как *интегративная* и *регулятивная*.

Интегративная функция служит цели сплочения людей, объединения их усилий. В ходе ее реализации формируются новые общности, еще более цементируются прежде сложившиеся формы объединения социальных субъектов. В основе осуществления интегративной функции при вплетенном общении лежит объективное тождество целей вступающих в общение людей. Причем эти цели имеют, как правило, внекоммуникативную на-

правленность. Таким образом, индивидуумы общаются не ради удовольствия, получаемого непосредственно от общения. Иногда они делают это даже предпринимая определенное усилие, преодолевая личные предубеждения и антипатии либо отсутствие интереса к ситуации общения, да и к самой предметной деятельности. Общение тогда приобретает в известной мере вынужденный характер, а интеграция выступает лишь как средство для осуществления предметной деятельности. Но изначально природа общения такова, что в нем с завидным постоянством при первой же возможности оживают и усиливаются совершенно иные тенденции. Самые что ни на есть прагматические цели и устремления, воплощаемые в той или иной предметной деятельности и вплетенном в нее общении, ее обслуживающем, подчас приобретают существенное *эмоциональное* подкрепление. Это происходит, когда вплетенное общение не ограничивается обслуживанием узкоутилитарных потребностей обеспечения предметной деятельности, но одновременно, попутно, позволяет реализовать сложный комплекс потребностей, связанных с самоактуализацией личности. Так, например, надежда на эмоциональное подкрепление, связанное с успешностью осуществления своей роли в коллективной предметной деятельности, на признание и одобрение окружающих делает предстоящую деятельность и общение весьма привлекательными, а интегративную функцию общения эффективной.

Интегративная функция общения в своем осуществлении опирается на генетические предпосылки в форме изначально присущего человеку стремления быть в обществе других людей, то есть на феномен *аффилиации*. Но условия современного производства отнюдь не всегда позволяют личности в полной мере ощутить непосредственную конкретно-чувственную интегрированность с общностью людей, ибо связи людей в предметной деятельности все более носят опосредованный характер. Следствием этого становится реализация указанной потребности в сфере *общения ради общения*. Одним из вполне «реликтовых», исторически давно сложившихся, многократно апробированных в истории культуры вариантов компенсации нереализованной потребности в аффилиации выступает включение субъекта в многолюдные сборища, толпы людей. Таков, например, карнавал, истоки которого заключены в средневековой и ренессансной культурах. «Эта праздничная организация людей, — писал М.М. Бахтин, — прежде всего *глубоко конкретна и чувственна* (выделено нами. — В.Г.). Даже сама теснота, самый физический контакт тел получает некоторое значение. Индивид ощущает себя неотрывной частью коллектива, членом массового народного тела. В этом целом индивидуальное тело до известной степени перестает быть самим собой: можно как бы обменивать с я друг с другом телами, обновляться <...> В то же время народ ощущает свое конкретное чувственное материально-телесное единство и общность»¹²⁸.

Конечно, современные формы праздничного общения не в состоянии возродить в полном объеме универсализм средневекового и ренессансного карнавала, его воистину вселенский масштаб, но в своей совокупности различные формы зрелищного общения, участие в обрядах, массовых гуляниях, наконец, спонтанное образование скоплений человеческой массы, может выполнять наряду с другими функциями (например, с функцией регуляции эмоциональной жизни населения города и т.д.) интегративную функцию.

Раскрывая механизмы образования человеческой массы, Э. Канетти обнаружил антиномию между боязнью личности чужого прикосновения и влечением к полному слиянию человека с толпой как способом преодоления страха и одиночества¹²⁹. В художественно-образной форме о подобном слиянии повествует Ж.-П. Сартр. Герой его романа «Тошнота» вспоминает об упоительных минутах счастья, которые он испытывал, будучи военнопленным, в тесном сарае, куда конвоиры сгоняли своих узников во время ненастья. «В последние месяцы войны, — повествует Самоучка (под этим прозвищем выступает в романе интересующий нас персонаж. — В.Г.), — работать нас заставляли редко. Когда шел дождь, нас загоняли в большой дощатый сарай, и мы, почти две сотни человек, стояли там впритирку друг к другу. Дверь запирали, и нас, стиснутых со всех сторон, оставляли почти в полной темноте <...> Все эти люди находились рядом с тобой, ты их едва различал, но чувствовал, как они сдавливают тебя, слышал, как они дышат... Как-то раз нас еще только начали запирать в этот сарай — теснота в нем была такая, что я чуть не задохнулся, и вдруг меня захлестнула невероятная радость, я едва не упал в обморок — я почувствовал, что люблю этих людей, как братьев, я хотел их всех обнять. С тех пор каждый раз, оказавшись в этом сарае, я испытывал такую же радость <...>

Этот сарай стал в моих глазах святилищем. Несколько раз мне удавалось обмануть бдительность часовых, я пробирался туда совершенно один и там, в темноте, вспоминая пережитые мной в этом сарае радости, впадал прямо-таки в экстаз. Часы шли, я их не замечал. Случалось, я даже рыдал»¹³⁰.

Если отвлечься от вполне извинительной экзальтированности повествования нашего героя, можно констатировать, что даже элементарное пребывание человека в непосредственном контакте с себе подобными (правда, с нашим героем это событие происходит в экстремальном контексте) может способствовать реализации интегративной функции общения. Более сложные формы ассоциаций людей, образующиеся за пределами утилитарной необходимости выполнения операций предметной деятельности, и заключающие в себе возможности для реализации интеллектуальных, эмоциональных и деятельностно-волевых интенций личности, делают проявления интегративной функции и ее результаты весьма тонкими, изощренными, многоплановыми и устойчивыми. Они оставляют глубокий след в духовном мире личности, так как зачастую весьма индивидуализированы

и личностно ориентированы. Сказанное может особенно ярко проявляться в малых неформальных группах, воплощающих свободный выбор личностью такого способа, формы социального контекста интеграции, которые наиболее для нее приемлемы. Стремление к различным возможным формам реализации интегративной функции общения теснейшим образом связано с тем, по какому основанию субъект стремится идентифицировать себя с окружающими, какими сторонами своей личности желает слиться с ними? Какой план собственной идентичности (социальный, национальный, возрастной, образовательный, ценностный; какая область пристрастий либо предрассудков, любви либо враждебности, вкусов и интересов, страхов и т.д.) представляется ей в настоящее время наиболее значимым, притягательным, престижным.

Свободное осуществление интегративной функции в одном отношении зачастую связано с ослаблением интеграции или даже с *дезинтеграцией* в другом. В основе этого процесса лежит открытый Б.Ф.Поршневым механизм образования социально-психологической оппозиции *Они* и *Мы*¹³¹. Идентифицируя себя с некоторым или с некоторыми *Мы*, индивидуум автоматически исключает, а подчас и резко противопоставляет себя некоторому или некоторым *Они*. Преодолевая одиночество в одном каком-либо отношении за счет реализации интегративной функции, осуществленной в границах определенного *Мы*, личность тем самым либо углубляет уже наметившееся отчуждение в том кругу отношений, который этому *Мы* явно противостоит либо создает условия для возникновения его в будущем в виртуальных условиях общения.

Интегративная функция общения проявляет себя и на уровне внутреннего общения, где она, с одной стороны, служит формированию целостности личности, относительного единства ее ценностей, установок, мотивов и устремлений; с другой стороны, аутокоммуникация, связанная с осмыслением причин возможной неуспешности в сфере общения, моделирование ситуаций (прошлых и возможных будущих) может способствовать последующей, более аутентичной интеграции субъекта в значимые для него общности. В последнем случае интегративная функция общения проявляет себя не непосредственно, а опосредованно. Человек как бы собирает себя во внутреннем общении. По крайней мере стремится к этому. Успешность или, напротив, неуспешность внутреннего общения в деле достижения целостности личности — индикатор состояния ее внешней коммуникации. Отсутствие внутреннего согласия с самим собой нередко нарушает согласованность и в отношениях с окружающими. Существенные деформации в структуре общения на межличностном уровне могут стать причиной соответствующих деформаций во внутренней коммуникации.

Если в основе осуществления интегративной функции общения лежит момент тождества (уже имеющегося, относительного, исходного тождества или тождества желаемого; поиска такого), то в *регулятивной функ-*

ции отражаются различия коммуникантов, которые необходимо учитывать, на которые необходимо опираться для достижения искомой интеграции. Регулятивная функция направлена на подчинение поведения индивидов интересам целого. Она связана с самоограничением. Особенно четко это проявляется во вплетенном общении. Однако известная степень самоограничения предполагается и в общении ради общения. Регулятивная функция проявляется также и на уровне внутренней саморегуляции как своеобразная настройка на вероятную в будущем деятельность. Внутренняя саморегуляция самоценна для общения ради общения как способ достижения гармонии коммуникативного мира личности.

Регулятивная функция общения осуществляется через формирование и функционирование в обществе норм общения, так как общение всегда носит нормативный характер¹³². Регулятивная функция общения теснейшим образом связана с моральным регулированием. Однако сфера действия регулятивной функции общения значительно шире и выходит за пределы морального регулирования.

Общение вплетено в деятельность всех институтов социализации. Оно незаменимо в деле передачи социального опыта, ценностей и норм; освоения личностью социальных ролей, их апробирования; посредством общения личность устанавливает и поддерживает свою идентичность. Общение составляет как бы острие процесса социализации. Общение ради общения, осуществляемое, как правило, за пределами институций, расширяет диапазон социализации либо оказывается первоначальным импульсом к процессу ресоциализации, то есть демонтажу прежней формы социализированности, с последующим созиданием новой (альтернатива по П.Бергеру и Т.Лукману)¹³³. Успешность или, напротив, неуспешность общения часто выступает в качестве одного из важных, а главное, достаточно наглядных свидетельств успешности либо неуспешности социализации личности.

Сказанное дает основание для выделения особой социализирующей функции общения, без реализации которой невозможно обретение личностью своего социального Я. Императивность общения в социализации индивида, в созидании им своего социального Я с большой силой выразил С.Л.Франк, который писал: «...Никакого готового сущего-в-себе “я” вообще не существует до встречи с “ты”. В откровении “ты” и в соотносительном ему трансцендировании непосредственного самобытия, хотя бы в случайной и беглой встрече двух пар глаз — как бы впервые совместно рождается и “я”, и “ты”; они рождаются, так сказать, из взаимного, совместного кровообращения, которое с самого начала как бы обтекает и пронизывает это совместное царство двух взаимосвязанных, приуроченных друг к другу непосредственных бытия. “Я” возникает для меня впервые лишь озаренное и согретое лучами “ты”; форма бытия “я есмь”, о которой мы говорили выше, становится подлинным, полноценным “я есмь” лишь поскольку она имеет себя в нераздельно-неслиянном единстве с соотносительной ей формой бытия “ты-еси”¹³⁴.

Многие считают, что личность социализируется не только на ранних ступенях своего бытия, а в течение всей жизни¹³⁵. Для того чтобы осмыслить изменчивое содержание процесса социализации, исследователи выделяют определенные его этапы: *стадии* социализации (Я.И.Гилинский)¹³⁶; *первичную* и *вторичную* социализации (П.Бергер, Т.Лукман)¹³⁷. Второй из названных подходов представляется нам наиболее эвристичным, ибо он позволяет более отчетливо проследить динамику процесса социализации, взаимосвязь и взаимообусловленность различных периодов социализации, противоречия, в них содержащиеся, а также противоречия между первичной и вторичной социализацией.

Обстановка, в которой происходит первичная социализация, обычно весьма эмоционально насыщена. Это общение, сопровождающееся высокой степенью идентификации со значимыми другими, составляющими непосредственное окружение индивида и с которыми он связан тесными эмоциональными узами. Вторичная социализация, как правило, не требует для своего осуществления сильной эмоциональной идентификации с персоналом социализации. Значительное место в ней занимает общение с институциональными функционерами. Оно в достаточной степени анонимно и формализовано. Правда, в ряде случаев успешная социализация требует применения специальных техник, увеличивающих эмоциональную нагрузку, сопровождающую социализацию и как бы копирующих характер первичной социализации. Личность, которой посчастливилось пережить отрадный опыт первичной социализации, общение со значимыми другими, до краев наполненное стеническими эмоциями, внутренне никогда не сможет примириться с разочаровывающими впечатлениями вторичной социализации. Располагая в ее границах возможностями выбора ситуаций социализирующего общения, обстоятельств и значимых других — конечно, все это в определенных пределах, — она продолжает стремиться к такому общению, что обладает желанными чертами *протообщения*, в котором закладывалось ядро «Я-образа» и первоначальная модель взаимоотношений с окружающими. Отсюда наряду с осуществлением институциональных форм общения возможен часто бессознательный поиск неформального общения, вносящего свою особую лепту в социализацию индивида и в формирование его идентичности. Это общение может оказать воздействие, альтернативное институциональной социализации, даже конфликтное с ней, создающее смешанную социализируемость и негативную идентичность. Ибо в данном случае не исключена ориентация на палиативные способы разрешения указанного конфликта.

Весомость различных проявлений общения в социализации индивида неодинакова. Неодинакова их значимость в формировании его субъективной реальности в целом, а также и в важнейшем ее измерении — *идентичности*. Несовпадение направленности социализирующего воздействия разных видов общения может вызывать серьезные внутренние конфликты.

Наиболее уязвимы в рассматриваемом отношении процессы вторичной социализации. Угроза идентичности личности может стать стимулом к отказу от одних видов общения или к обесцениванию и минимизации определенных контактов, а также к изменениям в субординации значимых других. Одновременно происходит поиск иных видов общения, сопряженный с обретением новых значимых других, поддерживающих желаемую «Я-концепцию».

Сказанное означает, что процесс социализации связан с *самопознанием* личности. Но рассматривая самопознание как важнейший фактор социализации индивида, целесообразно проанализировать его в более широком контексте реализации *гносеологической* функции общения, проявляющейся как на уровне вплетенного общения, так и на уровне общения ради общения. При этом необходимо учитывать, что гносеологическая функция общения проявляет себя в жизнедеятельности личности и общества весьма *многопланово*.

Рассмотрим наиболее важные, на наш взгляд, проявления гносеологической функции общения. Прежде всего общение выполняет гносеологическую функцию, будучи непосредственно вплетено в научную деятельность людей. В процессе общения происходит обмен научной информацией, ее уточнение, переработка и систематизация. Без этого было бы невозможно функционирование науки как системы. Не случаен поэтому неиссякающий поток исследований, посвященных рассмотрению различных аспектов научной коммуникации¹³⁸.

Гносеологическая функция общения проявляется не только на уровне профессиональной научной деятельности. Исследователи отмечают рост эффективности познавательной деятельности учащихся в условиях непосредственного общения и совместного решения познавательных задач¹³⁹. Разумеется, это не происходит спонтанно, а требует специально организованного общения. Изучением характеристик, элементов и процессов общения, оптимизирующих совместную деятельность людей, и занимаются в связи с этим ученые.

Однако гносеологическая функция общения не исчерпывается сказанным. На наш взгляд, незаслуженно мало внимания уделяется рассмотрению общения как средства получения качественно нового знания. В этом случае гносеологическая функция общения конкретизируется как *эвристическая*. В основе эвристической функции общения лежит взаимное стимулирование познавательной деятельности в процессе общения. Классическим примером эвристического общения является все творчество великого Сократа, который вместе со своими собеседниками отправлялся на поиски истины. Эвристическое значение слова, обращенного к собеседнику не для того, чтобы вразумить его, а лишь с целью преобразовать собственные туманные представления о чем-либо в ясные и отчетливые сведения, прекрасно раскрыл Генрих фон Клейст в статье «О том, как посте-

ленно составляется мысль, когда говоришь»¹⁴⁰. Рождению новой идеи, считал Клейст, может способствовать не только обмен мнениями с достойным партнером, но даже сам факт хотя и безмолвного, но сочувственного внимания и участия, выражаемого лишь мимическими средствами. «Странный источник вдохновения для говорящего, — отмечал Клейст, — человеческое лицо перед ним; и часто всего лишь один взгляд, указывающий нам, что наша наполовину выраженная мысль уже понята, дает нам возможность выразить всю другую ее половину»¹⁴¹.

Общение выполняет эвристическую функцию в процессе так называемого мозгового штурма, когда в результате всестороннего обсуждения той или иной проблемы, нередко носящего игровой и парадоксальный характер, при участии специалистов самого различного профиля достигается правильное ее решение. Поэтому мы не можем согласиться с С.Р.Микулинским, что в процессе общения лишь «оттачиваются и уточняются те или иные положения, устраняется их ограниченность, они приобретают законченную форму, как грани алмаза. Но так же, как никакая шлифовка не в состоянии создать алмаз, споры сами по себе не могут привести к принципиально новому в науке»¹⁴². Разумеется, нельзя подменять конкретные научные исследования спором, но не менее ошибочно сводить научное общение к шлифовке уже найденных решений. Думается, что абсолютизация любого из высказанных здесь положений будет преувеличением. Так, на наш взгляд, необоснованно большие надежды на творческий потенциал общения возлагает Е.Я.Режабек, когда пишет, что «индивидуальное отношение предполагает обмен способностями. В процессе возникновения индивидуального отношения между людьми происходит *универсализация способностей индивида В за счет присвоения им способностей индивида А*»¹⁴³ (выделено нами. — В.Г.). Мы считаем, что говорить о присвоении способностей индивида В индивидом А можно лишь в метафорическом смысле; иначе в этой процедуре можно усмотреть нечто от поведения гофмановского крошки Цахеса — отвратительного, злобного уродца, который, как известно, буквально, а не иносказательно присваивал себе достоинства и дарования наиболее выдающихся из окружающих. Лучшее, а главное, точнее было бы сказать об обоюдном умножении творческих способностей взаимодействующих сторон. Но «обоюдное умножение», к сожалению, не следует автоматически за каждым взаимодействием. Определить условия, вызывающие его к жизни, — важная, но практически нерешенная пока задача. Адекватное решение вопроса об условиях эвристичности общения, например, в научной деятельности может быть осуществлено в результате совокупных усилий представителей различных научных специальностей. Определенные шаги в этом направлении сделаны уже довольно давно. Так, американские ученые Д.Пельц и Ф.Эндрюс исследовали влияние различных факторов, в том числе интенсивности, круга и других характеристик общения на творческую деятельность ученых¹⁴⁴.

Им удалось определить оптимальные параметры общения в научных коллективах для представителей некоторых научных специальностей.

Гносеологическая функция общения может быть также выявлена при изучении явления *аутокоммуникации*. Так, диалогический характер человеческого мышления лежит в основе научной рефлексии, когда «исследователь и оппонент как бы объединяются в одном лице»¹⁴⁵. Однако эвристические возможности внутренней коммуникации без подкрепления ее иными формами связи с внешним миром ограничены. Исследования, проведенные О.Н.Кузнецовым и В.И.Лебедевым¹⁴⁶, показали, что человек, находящийся в условиях экспериментальной изоляции в сурдокамере и лишенный общения с коллегами, а также всякой информационной связи с внешним миром, неадекватно оценивает объективную значимость собственной научной продукции. Находясь в длительной изоляции, один из испытуемых создал обширный трактат «О пыли», который казался ему в стенах сурдокамеры серьезным вкладом в науку. Некоторое время спустя после окончания опыта автор злополучного трактата, адаптировавшийся к нормальным условиям существования, не мог вспомнить об этом графоманском произведении без чувства стыда...¹⁴⁷

Таким образом, научная деятельность, которая, безусловно, требует глубокого сосредоточения на изучаемом объекте и, следовательно, временного уединения, не может осуществляться в условиях полной и продолжительной изоляции. Необходимо постоянное переключение с внутренней коммуникации на внешнюю; переходы от прямого межличностного общения к косвенному и обратно. В этом ритмичном переключении исследователь никогда не покидает сферы общения, а лишь переходит от одного ее сегмента к другому.

Было бы неверно считать, что общение выполняет *эвристическую* функцию только на уровне профессиональной научной деятельности. Мы убеждены, что это не так. Обыденное общение также таит в себе эвристические возможности. Это усиливает его притягательность. В процессе повседневного общения человек может переходить на качественно новую ступень знаний о мире и о своем месте в нем. И если даже это новое знание не имеет серьезного, научного например, значения, оно может быть субъективно весьма значимым для данного индивида, для его духовного становления как самостоятельной творческой личности.

Эвристическая функция имманентна общению, но она актуализируется в нем отнюдь не всегда. Условием ее актуализации выступает создание особой атмосферы общения, инициирующей проявление всех сущностных сил человека. В одном случае — это особая атмосфера доверия к этим силам у самого субъекта и у его партнеров, терпеливое и осторожное ожидание их проявления, бережное возвращение первых ростков творческой мысли, взаимная поддержка, подбадривание и т.п. В другом случае, напротив, острое соперничество, критика, неодобрение и недоверие вла-

стно порождают самолюбивое стремление обнаружить, проявить свой творческий потенциал вопреки самым неблагоприятным мнениям и оценкам. Гораздо чаще подобный эмоциональный контекст общения парализует, сковывает творческие силы человека, обрекает на простое, бесплодное в своей беспредметности, сопротивление неконцептуализированному негативному отношению к себе.

Впрочем, и излишне благоприятное в эмоциональном отношении общение не дает в полной мере проявиться его эвристической функции. В подобной атмосфере часто невольно растворяется сам предмет общения, по поводу которого оно осуществляется.

Особую силу гносеологическая функция общения обретает в ситуациях, когда объектом отражения выступает само общение: его условия, нормы, средства и т.д. Непосредственно в общении усваивается как технология общения, так и то наиважнейшее, без чего любая технология становится механистичной и малопродуктивной, а именно: происходит глубокое и разностороннее проникновение в психологию партнера по общению, понимание его мотивов, желаний, чувств, настроений; его отношения как к ситуации общения, так и к тем, кто в нее вовлечен. Вся эта тончайшая «материя» межличностного общения зачастую выражается партнерами бессознательно посредством «языка тела»¹⁴⁸, так же бессознательно прочитывается и запечатлевается в бессознательных структурах психики. Познание посредством общения другого человека как личности теснейшим образом сопряжено с *самопознанием*. Здесь гносеологическая функция общения конкретизируется как функция *самопознания*. В динамичном контексте общения возникает изменчивая череда «Я-образов», а на их основе конституируется относительно устойчивая «Я-концепция», выражающая личную определенность человека.¹⁴⁹ Смотришь, «как в зеркало, в другого человека», он начинает относиться к самому себе, как к человеку¹⁵⁰. Об этом же, в сущности, говорил и Аристотель: «Узнать самого себя — это и самое трудное, как говорили некоторые из мудрецов, и самое радостное (ведь радостно знать себя), но самих себя своими силами мы не можем видеть <...>, поэтому как при желании увидеть свое лицо мы смотрим в зеркало и видим его, так при желании познать самих себя мы можем познать себя, глядя на друга»¹⁵¹.

Изменение условий общения, например, повышенная значимость для личности новой ситуации общения либо ее настораживающая непривычность, незнакомое окружение активизируют «работу» *ориентирующей функции* общения, представляющей собой своеобразную ипостась гносеологической функции общения, тесно связанную с другими ее ипостасями: эвристической и самопознания. При ближайшем рассмотрении ориентирующая функция предстает как своеобразная прамбула к общению. В процессе ее реализации обрисовываются общие контуры предстоящего контакта, выясняются значимые для данной ситуации социальные и инди-

видуальные характеристики партнеров по общению, распределяются роли в общении. Первое, в ряде случаев исключительно визуальное впечатление о возможном партнере по общению, безмолвное, «бессознательное или полусознательное касание с реальной живой психикой другого» (И.А.Ильин)¹⁵², решительно располагает к последующему общению или, напротив, отвращает от него. При рассмотрении ориентирующей функции общения следует учитывать по крайней мере два обстоятельства. Первое — снижение внешних проявлений активности общения, «ориентировочное замирание» (Л.А.Китаев-Смык)¹⁵³ индивидов вовсе не означает, что они исключены из общения. Их контакт, подчас весьма напряженный, происходит на паралингвистическом и экстралингвистическом уровнях. Второе — действие ориентирующей функции общения не ограничивается начальным его этапом и, тем более, временем «предчувствия общения». Конечно, начальный этап, время формирования первого впечатления о человеке как о личности, весьма ответственный отрезок общения, но ориентирующая функция проявляет себя в течение всего времени взаимодействия людей. На вербальном уровне это происходит при помощи специальных словесных формул и приемов, с помощью которых осторожный и опытный Собеседник предвдывает следующие более определенные утверждения и вопросы, приблизительно отрефлексировав возможную реакцию партнера. Однако пик интенсивности ориентирующей функции общения — его начало — остается ответственнойшей процедурой. Известный специалист по теории делового общения П.Милич метко обозначил неадекватное осуществление ориентирующей функции, происходящее в самом начале контакта термином «самоубийство общения»¹⁵⁴. Парадоксально, но факт: «самоубийство общения» почти всегда происходит именно в тот момент, когда оно фактически еще не родилось. Препятствия на пути реализации ориентирующей функции общения неверно сводить лишь к внутренней нечуткости партнеров по общению. Причины этого лежат, как правило, гораздо глубже — в особенностях осуществления социально-психологических процессов восприятия людьми друг друга, например, механизмов стереотипизации и др.¹⁵⁵

Полифункциональность общения не должна заслонять от нас *специфической* функции общения — *функции самоутверждения*. Тема самоутверждения уже давно укоренена в философии и психологии¹⁵⁶. Особое значение и звучание она приобрела в XX столетии. «Стремление к превосходству» А.Адлера, «мужество быть» П.Тиллиха, «потребность в самоактуализации» А.Маслоу — различные редакции, в сущности, одного и того же явления — *самоутверждения*. Не осталась в стороне от процесса изучения упомянутого явления и отечественная наука, в которой подробнейшим образом исследуется «гнездо» понятий, начинающихся с «само», имеющих важное значение для изучения личности¹⁵⁷.

Процесс самоутверждения, рассматриваемый как противоречивое един-

ство завоевания желаемого статуса и самореализации личности (именно такой, весьма перспективный, на наш взгляд, подход к исследованию самоутверждения предлагает С.Л.Березин), наводит на следующую мысль. Если самореализация возможна в любой форме предметной деятельности, то завоевание статуса осуществимо исключительно в такой форме человеческих связей, как общение. Ибо лишь в общении, как в индивидуализированном *Я-Ты отношении*, возможно повышение или подтверждение уже имеющегося у личности статуса. Впрочем, в случае неудачи — его понижение. Лишь благодаря общению возможна содержательная состязательность и сущностное самоутверждение личностей, коллективов, социальных групп, народов. Предметная деятельность и различные формы социальных связей ровно постольку содержат в себе элемент самоутверждения, поскольку в них «вплетено» общение. В зависимости от характера и содержания предметной деятельности и соответственно обеспечивающего ее вложенного общения человек самоутверждается в том или ином качестве: лидера, умельца, интеллектуала и т.д.

Общение ради общения способно компенсировать ослабленное в силу разных причин самоутверждение в той или иной сфере деятельности личности. Повышение статуса исключено в безличных функционально-ролевых контактах или в процессе передачи и приема безличной информации, как это происходит в управлении, обслуживании и коммуникации. Повысить свой статус можно лишь предварительно признав партнера по общению не столько носителем определенной социальной роли, сколько неповторимой индивидуальностью, сопоставляя силу собственной самости с его неотчуждаемыми достоинствами. Партнера реального или иллюзорного, даже объекта, наделяемого свойствами субъектности, тем самым превращая его в арену нашего самоутверждения, повышения нашего статуса, осознания нашей силы, значимости, самооценности. Никакого другого способа самоутверждения за пределами *Я-Ты отношения* нет. Это придает общению уникальную значимость. Между тем проблема самоутверждения в контексте общения, к сожалению, практически не изучалась.

Если в процессе реализации функции самоутверждения удовлетворяются преимущественно деятельностно-волевые составляющие потребности в общении, то эмоциональные компоненты потребности в общении реализуются преимущественно посредством осуществления *гедонистической функции* общения. Будучи подчинена во вложенном общении другим функциям, более утилитарным, как например, интегративная, гедонистическая функция общения обладает огромной социальной значимостью, принося людям ощущение полноты и гармонии их бытия. Однако, как справедливо отмечал И.А.Ильин: «...Все мы с полной добросовестностью не отдаем себе отчета в том, какую решающую роль играют в нашей повседневной жизни *незаметные приятности общения*...»¹⁵⁸. Поэтому совершенно оправдано то, что в качестве ведущего мотива общения ради обще-

ния, восполняющего дефициты общения вплетенного, становится часто бессознательное побуждение к контактам и коммуникативным ситуациям, приносящим максимум удовольствия. Примером подобного общения выступает *гедонистический дискурс* — речевое событие, отличающееся тем, что в нем «именно речь выступает как одно из главных средств получения удовольствия всеми участниками общения»¹⁵⁹. Радость, получаемая от этого речевого события, считают специалисты, вполне сопоставима с эстетическими переживаниями, испытываемыми при совместном пении или слушании музыки¹⁶⁰. С максимальной полнотой гедонистический дискурс проявляет себя в форме гармонизирующего диалога, концепция которого успешно разрабатывается А.К.Михальской¹⁶¹. В гармонизирующем диалоге воплощаются идеалы общения. Возникновение чувства гармонии мира, обретение в процессе общения гармонии с миром, с окружающими людьми и с самим собой оказывается источником ничем не замутненного наслаждения как процессом общения, так и его результатом. Однако идеал этот труднодостижим. Причиной тому — непостижимая сложность и противоречивость человеческой природы, в том числе и в гедонистических ее устремлениях. «С точки зрения, учитывающей эту сложность, — писал И.А.Ильин, — понятно, что наличие гармонических касаний между членами общения может нередко и, пожалуй, даже должна казаться каким-то чудом: до такой степени трудно представить себе в подлинной действительности и конкретной широте то положение двух встретившихся и коснувшихся «жизненных метелей», при которых реакции обеих монад зазвучат «симпатически» и дадут то, что мы называем приятностью общения»¹⁶². Поэтому гармония общения при реальных жизненных отношениях в гедонистическом плане весьма относительна. Наслаждение одного нередко оплачивается переживаниями эмоционального и нравственного дискомфорта другого или других. Паллиативность средств, доставляющих коммуникативное наслаждение, зачастую ведет не к обретению гармонии, а к углублению дисгармонии. Боль от ран, полученных в сфере межличностных отношений, одиночество, горести, потери и разочарования, имеющие внекоммуникативную природу, могут быть существенно смягчены общением, ориентированным на *сочувствие* и *сопереживание*. Такое общение выполняет *психотерапевтическую функцию*. Неформальное эмпатическое общение в диаде — *естественная основа* для проявления психотерапевтической функции общения. Правда, это вовсе не означает, что данная функция осуществляется лишь в узком кругу доверительного, дружеского, родственного и т.д. общения. Всякое общение, стирающее следы прежних негативных переживаний, отвлекающее внимание от тягостного и неприятного, будь то зрелищное общение в составе огромных масс людей, самообщение (К.С.Станиславский), общение с природой, Богом и пр., с большим или меньшим успехом выполняет психотерапевтическую функцию, коль скоро в ней возникла необходимость. Но наряду с формами

общения, в которых психотерапевтическая функция проявляется как подчиненная и возникает спонтанно, имеются формы общения специально преследующие психотерапевтический эффект. Так, например, вся практика психоанализа построена на психотерапевтическом диалоге между психоаналитиком и его пациентом¹⁶³. «Психотерапия <...>, — писал К.Г. Юнг, — является (в определенном смысле) *диалектическим процессом*, то есть диалогом между двумя людьми <...> человек — это целостная психическая система, которая в процессе общения вступает во взаимодействие с другой системой психики».¹⁶⁴ Психотерапевтическая функция такого общения проявляется не сразу. Целительный диалог на первых порах предстает как обжигающе травмирующий¹⁶⁵. Психотерапевтическая функция становится явной лишь тогда, когда бессознательное пациента освобождается от тяготящего психику содержания. Таким образом, следует различать формы общения, оказывающие немедленный психотерапевтический эффект, причем зачастую довольно поверхностный, не связанный с глубоким и деятельным преобразованием внутреннего мира личности (такова, например, экстренная психотерапевтическая помощь, оказываемая по телефону доверия и значимость которой мы вовсе не намерены умалить), и формы общения, психотерапевтическая функция которых проявляется в результате продолжительного целенаправленного взаимодействия партнеров, сопряженного с переживанием ощутимых эмоциональных неудобств. Последнее относится и к практике *психокоррекционных групп*, также осуществляющих психотерапевтическую функцию¹⁶⁶. Не умаляя значения группового опыта, следует иметь в виду его недостатки, отмечаемые специалистами. Так, «группы встреч формируют ценности, которые трудноосуществимы в повседневных социальных контактах <...> Трудности реализации многих ценностей групп встреч в реальных социальных условиях приводят к тому, что некоторые люди становятся «завсегдатаями» этих групп. Множество «наркоманов» групп встреч переходят из одной группы в другую в поисках все более и более сильных и значимых переживаний, так как они не способны измениться и адаптироваться к реальному миру и чувствуют себя в безопасности, комфортно только среди узкого круга участников группы»¹⁶⁷. Разумеется, в современной России практика психокоррекционных групп не имеет такого размаха, как в США, но указанное выше необходимо учитывать в процессе осуществления любых тренинговых форм. Ибо самое сложное, на наш взгляд, — обеспечить органичный, без существенных потерь коммуникативных приобретений переход из условий, заданных игровой ситуацией, в реальную жизнь, с ее отнюдь не дистилированными условиями общения. В противном случае указанные формы общения будут выполнять не столько задачу подготовки личности к реальным аутентичным взаимодействиям, а способствовать реализации *компенсаторной функции* общения.

Рассмотрение этой функции целесообразно совместить с этимологи-

ческим анализом самого термина «компенсация». Этимология термина «компенсация» вариативна. Считают, что в его основе лежит латинское слово *compensare* — «уравнивать, уравнивать, возмещать»; *compensatio* — «возмещение»; *compenso* — «возмещаю, уравниваю». Наличие по крайней мере двух относительно близких по смыслу, но далеко не тождественных значений «возмещаю» и «уравниваю» определило в дальнейшем следующее. В различных отраслях знания активно используется обычно какое-либо одно значение. Применительно к общению уместно использовать оба как равноправные. Ибо выполняя компенсаторную функцию, общение может как *возмещать* нечто, так и нечто *уравнивать*. Восполнение недостающих компонентов общения тем самым уравнивает, гармонизирует деформированную структуру общения. Между тем использование того или иного значения термина «компенсация» позволяет увидеть компенсаторную функцию общения как бы в двух ракурсах. В первом случае подчеркивается, что одни формы общения способны выполнять компенсаторную функцию по отношению к другим в той своей части, которая *возмещает*, восполняет дефицитные компоненты повседневного взаимодействия личности с ее окружением. Таким образом, речь здесь идет о прямом и непосредственном дополнении недостающего в общении, когда подобное компенсируется подобным. Второй ракурс раскрывает компенсаторную функцию общения в качестве активного начала, *уравнивающего* деформированную структуру общения за счет таких его проявлений — носителей компенсаторной функции, которые диаметрально противоположны по своей направленности. Уравнивая деформированную структуру общения, формы общения — носители компенсаторной функции могут способствовать не только возмещению, но и *замещению*, даже подмене предполагаемого ответа на вполне определенный запрос другим, ему не соответствующем. Так, например, потребность в деятельности-волевом компоненте общения может быть замещена эмоциональными компонентами. Компенсаторная функция общения всегда осуществляется через реализацию других функций общения, она не имеет собственного содержания. Так, неудовлетворенная потребность в самоутверждении компенсируется через реализацию функции самоутверждения; нереализованная потребность в самопознании не может быть компенсирована иначе, чем посредством активизации гносеологической функции общения в интересующем личность ракурсе.

Общение способно выполнять компенсаторную функцию не только по отношению к неаутентичным проявлениям взаимодействия людей, но и по отношению к выполняемой ими предметной деятельности, не удовлетворяющей личность в том или ином плане. Общение выполняет компенсаторную функцию внутри жизнедеятельности личности, взятой в целом, когда жизнедеятельность эта разочаровывающе скучна, однообразна etc. Общение вносит в повседневную жизнь элемент разнообразия, отвлекает

от навязчивых переживаний, компенсирует многое из того, что в ней (в жизни) недостает, принося облегчение, пусть порой поверхностное и даже иллюзорное.

Когда в том или ином проявлении общения компенсаторная функция начинает приобретать преобладающее значение, становится устойчивой, постоянной, выражающей существенное в данном способе взаимодействия людей все более подчиняющее себе остальные функции, видоизменяя их содержание, тогда мы имеем дело с таким явлением, как *компенсаторное общение*.

Завершая анализ функций общения, мы осознаем, что их содержание раскрыто нами отнюдь не исчерпывающе. Это вряд ли возможно в рамках одной работы. Вероятно, не все функции общения попали в поле нашего зрения. То, что мы сосредоточили внимание лишь на этих функциях, было обусловлено тем, что именно через них, на наш взгляд, наиболее полно раскрывается природа этого социального явления. Кроме того, некоторые из функций общения, не выделенные нами специально, например, *эстетическая*, не являются специфическими исключительно для общения и в гораздо большей степени характеризуют другие виды человеческой активности. Важно подчеркнуть, что функции общения интересовали нас не сами по себе, а в контексте проблемы компенсаторного общения.

Анализ функций общения в единстве с изучением взаимодействия его микро- и макроструктур имеет важное методологическое значение. Он позволяет построить идеальную теоретическую модель социально полноценного общения, в которой органически сочетаются все основные элементы¹⁶⁸. Однако этим его эвристические возможности не исчерпываются. Указанный анализ помогает заметить несоответствие между реальным общением и его моделью. Это несоответствие естественно, так как реальные процессы всегда отличаются от их идеальных аналогов, но здесь мы имеем в виду другое. Сличение идеальной модели и реальных процессов общения позволяет обнаружить определенную *деформацию* в структуре этого вида социального взаимодействия людей, если она, конечно, имеет место. Гармонизация деформированной структуры общения может происходить с помощью компенсаторной коммуникации. Однако подобная гармонизация может осуществляться по существенно различным сценариям, в том числе и по весьма пагубно отражающимся на личности. Обоснованию и развитию высказанных положений посвящены последующие разделы данной работы.

ГЛАВА 2

КОМПЕНСАТОРНОЕ ОБЩЕНИЕ КАК СПОСОБ ГАРМОНИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО МИРА ЛИЧНОСТИ И СМЯГЧЕНИЯ ОДИНОЧЕСТВА

2. 1. КОМПЕНСАТОРНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ИХ СПЕЦИФИКА

Понятие «компенсация» широко вошло в общественное сознание. Разъяснения относительно значения данного термина и сопряженных с ним понятий имеются во многих справочных изданиях¹, в том числе с недавнего времени и в Философском энциклопедическом словаре². Трудно найти такую область действительности, которая бы не описывалась с помощью этого термина, имеющего явно междисциплинарное значение. Но даже тогда, когда этот термин непосредственно не используется, через иные понятия и обозначения проглядывают реальные процессы компенсации.

Наиболее прозрачно компенсаторные механизмы обнаруживают себя при анализе процессов живой природы, в сложных динамических, саморегулирующихся системах. Об этом свидетельствуют труднообозримые материалы биологии и медицины. Как способ сохранения гомеостаза³, как средство приспособления к измененным внутренним и внешним условиям существования компенсаторные механизмы исследуются на уровне клетки, отдельных органов и систем человека и животных, организмов в целом, биоценозов и популяций⁴. Компенсаторные механизмы анализируются как на структурном, так и на функциональном уровнях. С одной стороны, фиксируются морфологические изменения в отдельных системах, например, явление компенсаторной гипертрофии, с другой — функциональные изменения, в них происходящие, скажем, перестройка психики человека как компенсаторно-адаптивный процесс. Феноменология компенсаторных механизмов психики и поведения человека необозрима, и в настоящее время даже видимая ее часть еще недостаточно изучена, хотя компенсаторные процессы в их значении для личности и общества издавна привлекали внимание зарубежных и отечественных обществоведов и психологов. Достаточно сказать, что, по крайней мере, дважды в этом столетии А.Дж.Тойнби и В.М.Бехтеревым был сформулирован *закон компенсации*⁵, который, естественно, в силу различия профиля их изысканий имеет и различное содержание, но то, что в его основе лежит общий принцип,

безусловно. Компенсаторные механизмы культуры исследует Н.А.Хренов⁶. Наиболее глубоко и всесторонне сущность и формы проявления психической *компенсации* и *сверхкомпенсации*, направленные на преодоление чувства неполноценности, были исследованы австрийским ученым Альфредом Адлером (1870—1937)⁷. В свою очередь, К.Г.Юнг (1875—1961), анализируя специфические особенности каждого выделенного им психологического типа, установил, что та или иная односторонность, присущая любому психологическому типу, преодолевается за счет *компенсирующей* установки бессознательного по отношению к установке сознания⁸. В качестве объяснительного принципа при анализе человеческого поведения *принцип компенсации* широко использовался Э.Фроммом (1900—1980). Так, на страницах его работ понятие компенсации встречается в самых различных сочетаниях, имеющих глубокий эвристический смысл: «компенсаторное насилие»⁹, «компенсаторное значение нарциссического возвышения»¹⁰, «компенсированная и некомпенсированная формы скуки»¹¹, «компенсаторные способности»¹², «садистские компенсации»¹³ и т.д.

Такой подход вполне созвучен отношению ряда современных отечественных психологов к компенсаторным процессам. Так, например, Ю.С.Савенко считает, что в принципе «любой психологический процесс или качество могут приобретать компенсаторное значение»¹⁴. По свидетельству Ф.Е.Василюка, «психологическая литература изобилует исследованиями, в которых обсуждаются защитные и компенсаторные функции самых разнообразных видов поведения — от художественного творчества и трудовой деятельности до воровства и вообще правонарушения»¹⁵. Но наряду с отмеченной потенциальной готовностью системы выступать в качестве компенсатора того или иного рода исследователи считают, что «можно усмотреть основание для представления о существовании значительно более узкой группы собственно компенсаторных механизмов, как вторичных, сложных специальных конструкций»¹⁶. Как компенсаторный механизм такого рода в «ситуациях невозможности» реализовать внутренние потребности своей жизни, осуществляя деятельность переживания¹⁷. Результатом переживания как компенсаторной деятельности должен явиться новый уровень духовной целостности личности, вновь обретенная гармония с миром и самим собой.

Различение собственно компенсаторных механизмов и тех, что превращаются в компенсаторные лишь при определенных условиях и способны к трансформациям, имеет чрезвычайно важное методологическое значение для исследования компенсаторного общения. Не перенося автоматически эту особенность на функционирование социальных систем, можно, однако, заметить, что и в социуме те или иные структурные элементы — социальные институты, малые группы, отдельные виды деятельности и общения, ритуальные формы поведения, некоторые проявления общественно-го и индивидуального сознания (религия, искусство, мечты, фантазии) и

т.д. — могут при определенных условиях играть компенсаторную роль. Подробнее об этом будет сказано в дальнейшем.

Компенсаторные механизмы психики хотя и не тождественны сходным явлениям социального порядка, но могут быть для нас более поучительными, нежели компенсаторные механизмы, рассмотренные на биологическом уровне или — тем более — на уровне неживой материи. Психологическая компенсация более аутентична социальной, между ними есть непосредственная взаимообусловленность и взаимопроникновение. Однако не следует забывать и о том, что как бы ни были отдалены компенсаторные механизмы в неживой природе от двух последних, они все же являются их основой и в снятом виде в них содержатся.

В сказанном не стоит искать лишь традиционный поклон в сторону диалектического принципа всеобщей связи. Даже предварительно нетрудно обнаружить, например, сходные параметры в измерении компенсации, свойственные, по-видимому, всем уровням организации действительности. Это *полная и неполная, устойчивая и неустойчивая, срочная и долгосрочная, обратимая и необратимая, статическая и динамическая* и т.д. компенсации. Вероятно, некоторые из этих параметров компенсаторных процессов, весьма заметных на исходных ступенях развития мира, переходят «по наследству» к более высоким ступеням его организации. И здесь важен, скорее, общий принцип, чем частное содержание.

Разумеется, задача обнаружения компенсаторных механизмов в неживой природе, кроме тех случаев, когда в специальной научной литературе содержатся прямые указания на них, составления их достаточно полного тезауруса немислимо трудна. Они наверняка неоднородны и обладают спецификой проявления. Но нас, как и прежде, интересует совершенно иное, а именно: то предельно общее, что заключено в механизмах компенсации, установленная нами ранее способность материальных систем сохранять определенное равновесие, восстанавливать его с помощью особых механизмов, постоянно возобновлять нарушаемую внешними воздействиями и внутренними изменениями устойчивость, целостность, способность оставаться тождественными себе. Что из того, что сами эти механизмы остаются подчас латентными и имеют разнообразные модификации в зависимости от того, к какой из «стихий» они принадлежат. Ведь не случайно современная физическая химия рассматривает компенсаторные механизмы как условие устойчивости материальных систем¹⁸, а термодинамика анализирует компенсаторные процессы, происходящие при передаче тепловой энергии от одного тела к другому¹⁹. История техники и материального производства показывает, что способность материальных систем к компенсации того или иного рода широко применяется при воздействии на различные по своей природе объекты. Так, на основе рассматриваемого свойства действуют компенсаторные устройства в электрических системах, синхронные компенсаторы, компенсаторы оптические, компенса-

онные методы измерений, компенсирующие муфты и, наконец, широко осуществляется сборочная компенсация.

Если бы способность компенсации не была изначально присуща материальным системам, то все эти перечисленные здесь и в несоизмеримом объеме не указанные нами приборы и методы едва ли были бы возможны.

Понятие компенсации может выполнять роль объяснительного принципа между отражением и системностью, мостика, соединяющего эти понятия в единый комплекс. Сказанное нуждается в известном обосновании.

Компенсаторные механизмы проявляют себя уже на уровне неорганической материи в связи с универсальной способностью «любого материального образования в своих собственных изменениях воспроизводить внешний мир»²⁰. Воспроизводить внешний мир, но не растворяться в нем. Сохранять определенную обособленность, автономность. Ибо воспроизводить нечто может лишь то, что сохраняется, а не исчезает в результате воздействия бесследно. Компенсаторные механизмы и направлены на такое сохранение. Даже такой простейший тип целостной организации объектов, как суммативное целое²¹, возникающее на основе механического сочетания частей, обладает способностью к компенсации, ограничивающей внешнее воздействие, вытесняющей его последствия. Компенсаторные механизмы выступают здесь как сила, оказывающая сопротивление отражению, борющаяся с ним, стирающая следы возмущающего воздействия и его субстратов на каком-то уровне. Понятно, что эта сила не только не существует отдельно от самого процесса отражения, а выражает его суть, по крайней мере часть его сути. Можно — достаточно условно — сказать, что она и есть форма отражения. Отражение благодаря компенсаторным процессам, в нем заключенным, как бы ограничивает само себя на рубеже, приемлемом для взаимодействующих факторов, систем, объектов, допускаемом их природой. Следуя предложенному Д.В.Пивоваровым способу прочтения гегелевской теории рефлексии²², можно утверждать, что, во-первых, компенсаторные механизмы формируются в границах взаимодействующих объектов; во-вторых, образовавшиеся компенсаторные механизмы оказывают обратное воздействие на все системы, в рамках которых они сложились, преобразуя их. При достаточно объемных и энергичных взаимодействиях может существенно изменяться направление развития этих явлений. Прямая компенсация при определенных условиях может быть преобразована в *сверхкомпенсацию* либо в *декомпенсацию*. Более подробно эти варианты судьбы взаимодействующих систем анализируются ниже.

В случае с суммативным целым возможно то, что следует назвать полной, предельной компенсацией. Вот только срабатывает она после прекращения внешнего воздействия и полностью стирает его отражение-след. Не закрепляется и само свойство компенсации, которое всякий раз возникает будто заново при повторных воздействиях. Компенсирующую роль выпол-

няет лишь какая-то часть суммативного целого, находящаяся в непосредственном контакте, не затрагивая ни других составляющих, ни природы целого²³.

Поскольку наличие компенсаторных механизмов предполагает определенный уровень организации составляющих его элементов, их упорядоченность, то в данном случае было бы более точным говорить не о механизмах, представляющих собой системное целое, а скорее, о *компенсаторных реакциях*. Можно предположить, что компенсаторные механизмы способны складываться на основе взаимодействия и дальнейшего синтеза отдельных компенсаторных реакций. Таким образом, в физических границах материального объекта исходного уровня целостности может возникнуть целое более высокого порядка организации, которое повлечет за собой дальнейшую его перестройку. Деятельность компенсаторных механизмов предшествует во времени и как бы опосредует переход материальных объектов от одного уровня целостности к другому, в том числе более высокому.

Усложнение типа целостной организации объекта влечет за собой более сложное, чем в случае суммативного целого, проявление отражения и, как мы пытаемся показать, существенные особенности в содержании и обнаружении механизмов компенсации. Так, в динамических равновесных системах, в том числе и принадлежащих неорганическому миру, отмечается «проявление в отражении... противоположных моментов — способности к накоплению следов внешних воздействий и в результате этого способности «противостоять повторяющимся воздействиям», которая «выступает как объективная предпосылка возможности превращения свойства отражения в *функцию уравнивания* систем с внешней средой» (курсив мой. — В.Г.)²⁴. Заметим, уравнивания, то есть компенсации. Мы вновь сталкиваемся здесь с компенсаторными механизмами, сопровождающими процесс отражения. Только неполнота компенсации оборачивается на этот раз существенным преимуществом. Накопление следов внешних воздействий влечет за собой в дальнейшем, по крайней мере, три варианта судьбы материальной системы: *декомпенсация* (разрушение существующей системы и переход ее на более элементарный уровень целостности, скажем, превращение в суммативное целое); *собственно компенсация* (обеспечивающая сохранение целостности системы на прежнем уровне организации и упорядоченности) и *сверхкомпенсация* (возрастание уровня упорядоченности, сложности и организации в динамической системе). Сверхкомпенсация — это такая форма активности материальной системы, которая связана, на наш взгляд, с нахождением во взаимодействии «своего другого», а не «любого другого», что имеет место в случае компенсации, либо «чуждого другого», своего разрушителя, что характерно для процесса декомпенсации. Это «свое другое» и является катализатором для запуска импульса к саморазвитию системы, к изменению внутренних и внешних

условий ее существования. В отличие от прямой компенсации задачи сверхкомпенсации решаются обходным путем, через промежуточные звенья и формы активности, не имеющие, казалось бы, непосредственного отношения к гармонизации исходного целого. Это не случайно, ибо «тот факт, что обходной путь может оказаться более быстрым, заложен в фундаментальной физической модели этого мира»²⁵.

Особенно принципиальное значение данное положение имеет для процессов социальной сверхкомпенсации, как будет показано ниже. Показательно также и то, что Л.С.Выготский видел единственное направление практической реабилитации лиц, страдающих дефектами, именно на обходных путях психологической сверхкомпенсации²⁶. Следовательно, прогрессивное развитие материальных систем можно связать с явлением сверхкомпенсации как предельным случаем проявления компенсаторных механизмов, функционирование с компенсацией, регресс с декомпенсацией. Нельзя не согласиться с тем, что «при рождении планет, звезд, галактик, при образовании химических элементов в космических масштабах, при химической эволюции — одним словом, при рождении и возникновении нового вообще» мы сталкиваемся «с отражением и его протоактивностью как функциональностью, обеспечивающей приращение упорядоченности, сложности и организации неживых динамических систем через механизмы, являющиеся прототипами положительной обратной связи»²⁷. Однако следует подчеркнуть, что в основе указанной протоактивности лежит не отражение, взятое в недифференцированном виде, а лишь его относительно самостоятельная сторона — механизмы сверхкомпенсации, частное проявление универсальных механизмов компенсации, сопровождающих все отражательные процессы. Механизмы компенсации, как отмечалось ранее, образуют своеобразный мостик между способностью отражения всех материальных систем и различными, последовательно сменяющимися друг друга формами их целостности, являются материальными носителями соответствующей регулирующей некибернетической информации²⁸ и избирательности в неорганическом мире.

Применительно к органическому миру отражение традиционно рассматривается в связи с универсальной способностью всего живого к приспособлению²⁹. По мнению Ф.Энгельса, «ко всем органическим телам необходимо применить одно и то же выражение, а именно, приспособление»³⁰. Всеобщность приспособления подтверждается всем опытом биологической науки, теоретические основы которой закладывались еще Ж.Б.Ламарком и Ч.Дарвином. Основоположники научной биологии «показали, что процесс приспособления организмов как системы полезных для них изменений осуществляется через посредство его основных свойств и биологических форм отражения: изменчивости, наследственности, естественного отбора»³¹. Дальнейшее развитие биологической науки обнаружило «приспособительную сущность многочисленных конкретных форм

биологического отражения»³². При этом была установлена интегративная функция приспособления по отношению к биологическим формам отражения. То есть «в качестве целостной системы процесс приспособления следует рассматривать как такую организацию форм биологического отражения, которая сосредоточивает в себе, как в фокусе, все его виды и формы на всех уровнях их существования, начиная с раздражимости и кончая мышлением человека»³³.

Из приведенного выше следует, что интегральное проявление всех форм биологического отражения — процесс приспособления есть *видовая* проблема. Приспособление решает стратегические, видовые задачи. Чем же обеспечивается решение тактических задач саморегуляции на уровне индивидуума? Средствами компенсации. К таким выводам пришел И.В. Давыдовский, который писал: «...компенсаторные процессы являются приспособительными. Они имеют гомеостатическую направленность. Однако в отличие от актов приспособительной регуляции широкого биологического значения процессы компенсации и декомпенсации не выходят за пределы индивидуума, имея сравнительно узкое, в основном медицинское значение.

Приспособление как широкая биологическая проблема, наоборот, выходит за пределы индивидуума, имея видовое значение, будучи связана с проблемой обеспечения существования и развития видов в природе»³⁴.

Означает ли «узкое значение» механизмов компенсации ограничение сферы их действия по сравнению с приспособлением? Правомерно ли ограничивать проблему компенсации преимущественно медицинским значением? Думается, что нет. Приспособление складывается на основе частных компенсаций. Строго говоря, приспособление интегрирует не непосредственно биологические формы отражения, а проявления компенсаторных механизмов в них, осуществляет отбор уже возникших наиболее целесообразных, устойчивых компенсаторных реакций. Компенсация симультанна с отражением, процесс приспособления растянут во времени. Компенсаторные механизмы играют роль промежуточного звена между отражением и приспособлением. Не все компенсаторные механизмы включаются в процесс приспособления, так же как отдельное не в полном объеме входит в общее. Вероятно, сфера действия компенсаторных механизмов не только не уже сферы действия приспособления, но даже шире ее и полнее сопряжена с процессами отражения.

Компенсация предстает как преимущественно медицинская проблема лишь в случае узко органического подхода³⁵. Тогда в качестве парадигмы данного явления выступает прямая биологическая компенсация того или иного телесного недостатка, например, компенсаторная гипертрофия одного из парных органов, который берет на себя функции удаленного. Однако это лишь частный случай компенсации, более того, очищенный от весьма существенных психологических и социальных напластований. Пря-

мая биологическая компенсация никогда не выступает в чистом виде, она всегда сопровождается, вернее, опосредуется, психологической и социальной и, следовательно, да простится мне невольный каламбур, не такая уж прямая, как кажется. Ведь в данном случае речь идет о личности, обладающей сознанием и самосознанием, сопоставляющей свое сегодняшнее внутреннее состояние и внешний облик со вчерашними, личности, погруженной в определенную социальную среду с ее социокультурными требованиями, оценками и стандартами. Так, человек, обреченный на «стесненную в своей свободе жизнь» (К.Маркс), должен предварительно выработать, а в дальнейшем усовершенствовать психологические механизмы компенсации этой вынужденной несвободы. От успешности психологической и социальной компенсации будет зависеть степень преодоления органического недостатка, психологическая и социальная адаптированность личности. Видное значение при этом приобретает богатство *компенсаторного фонда общества*³⁶. Его состав определяется опытом успешного компенсаторного взаимодействия, накопленным в коллективной памяти людей, неоднократно позволявшим прежде восстанавливать нарушенное равновесие разнообразных социальных агрегатов (П.А. Сорокин) и отдельному индивидууму. Формируется своеобразный банк готовых возможностей для восполнения утраченного равновесия или даже сверхкомпенсации и перехода на более высокую ступень целостности личности или социального агрегата. Тем самым проблема компенсации предстает как широкая социальная и социально-психологическая проблема, а не только и не столько как медицинская. Даже в том случае, когда гомеостатические процессы нацелены на достижение лишь индивидуального равновесия, они через социальный компенсаторный фонд и социальные связи личности выходят за пределы сугубо индивидуальные, становятся надличностными. Надличностный характер социальной компенсации обусловлен и тем, что в качестве ее субъекта — носителя особой формы активности, направленной на поддержание собственного равновесия или равновесия сопредельных социальных систем, может и должен быть рассмотрен не только индивидуум, но и совокупный субъект, то есть различные виды общностей людей. Действительность дает основания для необозримого множества классификаций видов социальных общностей по целому ряду параметров: масштабу, устойчивости и т.д. Задачи нашего теоретического анализа требуют обращения лишь к некоторым из них в соответствии с последовательно возникающими конкретными гносеологическими ситуациями исследования. Так, в данный момент нас прежде всего интересует пространство *основного социального компенсаторного фонда* и его компоненты, конституирующиеся на этом уровне социальной системы. За основу классификации социального субъекта можно принять ту, что была предложена Б.А. Грушиным³⁷ с учетом как собственных дальнейших дополнений к ней автора, так и тех добавлений, что вытекают из других подходов к анализу возможных

модификаций социального субъекта (Г.М.Андреева, Г.С.Арефьева, М.С.Канган, Б.Ф.Поршнев, В.А.Штофф и др.).

Классификация Б.А.Грушина предусматривает применение пяти последовательных уровней анализа общества: «глобальный (человечество в целом), субглобальный (все прочие “метагруппы”), социетальный (отдельные общества и страны, их население, народы, а в случае однородных по национальному составу обществ — нации), субсоциетальный (разнообразные большие группы, образующие те или иные структуры отдельных обществ: классы, нации, профессии, региональные, социокультурные и т.п. группы) и, наконец, микроуровень со всеми существующими здесь малыми группами»³⁸.

Логично предположить, что на каждом из указанных уровней формируются собственные, особенные компенсаторные механизмы, за счет которых поддерживается гомеостазис данной формы социальной целостности. Что же касается основного, базового социального компенсаторного фонда, то он накапливается, по нашему мнению, прежде всего там, где исторически сложился самый высокий уровень целостности социальной системы. Мощный компенсаторный фонд необходим такой системе, которая структурно представлена наиболее разноплановыми, гетероморфными по природе компонентами и предельно полифункциональна. Разумеется, системы как глобального, так и субглобального уровня сегодня не обладают в полной мере указанными чертами. Это системы, не имеющие пока достаточно высокого уровня целостности. В наибольшей степени сказанному соответствуют общности социетального уровня, совпадающие «...с устойчивыми, исторически сложившимися социально-экономическими, общественно-политическими и социокультурными (национальными и многонациональными) образованиями, заключенными в географических и административных границах отдельных государств»³⁹. Те виды общностей, которые находятся ниже указанного уровня и, обладая относительной самостоятельностью, являются все же подсистемами социетальной общности, зависят от свойств целого, в том числе от компенсаторных. Испытывает воздействие основного социального компенсаторного фонда и микроуровень, хотя его компенсаторные механизмы во многом определяются действием социально-психологических законов. Ибо возможности развертывания социально-психологических компенсаторных механизмов в малой группе и во внегрупповых объединениях в значительной степени детерминированы диапазоном воздействия социального компенсаторного фонда.

Как отмечалось ранее, всякий конкретно взятый социум располагает определенным компенсаторным фондом, который позволяет, с одной стороны, достигнуть равновесия общественной системе, с другой — личности обрести достижимый в данных условиях уровень целостности. Таким образом, социальные компенсаторные механизмы призваны смягчить ос-

троту целой группы противоречий, среди которых можно выделить следующие: противоречия между обществом и природой (включая и биологическую природу самого человека), обусловленные неполнотой гармонии между стихийными силами природы и степенью овладения ими человеком; противоречия между отдельными социальными группами (классами, сословиями, слоями, этносами и т.д.) и лицами, к ним принадлежащими, возникающие на основе социального неравенства; противоречия между различными сторонами общественной жизни, противоречия внутри самой личности, вызванные определенными деформациями ее индивидуального бытия, его частичностью, односторонностью в плане деятельности и общения. Множественность возможных деформаций в отдельных составляющих социального целого детерминирует необозримый комплекс компенсаторных механизмов, основу которого потенциально могут составлять практически любые социальные явления как духовного, так и материального порядка. Компенсаторную роль способны выполнять отдельные элементы общественного сознания, находящиеся как на идеологическом, так и на социально-психологическом уровнях. К числу первых нетрудно отнести различные идеологические лозунги и призывы, в вялом сопровождении реальных жизненных перемен, призванные несколько «взбодрить» общественность, указать ей перспективу, и главное, в очередной раз компенсировать неудовлетворенность безусловно «временным» положением вещей. Небезызвестны в указанном отношении идеологические сентенции об «экономной экономике» и об «активной жизненной позиции».

К числу вторых можно отнести, например, *слухи* и *сплетни*. Современная ситуация весьма показательна в этом отношении. Слухи могут временно компенсировать недостаток объективной информации, но способны отторгать или фальсифицировать ее даже в тех случаях, когда она имеется. Слухи — индикатор социально-психологической напряженности в обществе и одновременно попытка индивидуализированного ее преодоления через усиление страха, подобно тому как нервный тик окологлазных мускулов преодолевается через искусственное частое моргание, через перенапряжение соответствующих мускулов и участков нервной системы, ими управляющими. Если слухи — явление достаточно массовидное, обретающее подчас глобальные масштабы (не случайно некоторые из них приходится опровергать с помощью средств массовой коммуникации, дабы восстановить общественное спокойствие), то сплетни, скорее, камерное, интимное явление. Есть основание считать сплетни иллюзорно-компенсаторной формой самоутверждения их носителей, когда жертва, то бишь объект сплетни, низводится до собственного уровня, а часто гораздо ниже, что способствует иллюзорному повышению статуса в известном круге людей. Компенсаторную роль играют иррациональные верования как в рамках ортодоксальных религий⁴⁰, так и в пределах мифологических форм сознания и связанных с ними символов и ритуалов. Подробный анализ компен-

саторной сущности ритуала содержится в исследованиях этнографов. Так, В.Тэрнер⁴¹ анализирует особое, безусловно, компенсаторное состояние общества — коммунитас, находящееся в промежутках между институционализированными социальными структурами или сегментами общественного целого. Коммунитас, по В.Тэрнеру, возникает в условиях социальной драмы как средство предотвращения раскола общества или как способ его узаконивания. Важнейшее свойство коммунитас — *лиминальность*, проявляющаяся, во-первых, через существование «пороговых людей», в ситуациях жизненных переломов, когда социальное возвышение возможно через промежуточное состояние приниженности и бесправия; во-вторых, посредством ритуальной перемены статуса, обмена статусами в определенные периоды времени у целых групп людей, когда социальные верхи и низы временно меняются местами и возникает ритуальная власть слабого. Таким образом, социальный конфликт преодолевается в ритуале, возвращающем обществу утраченную гармонию. «Люди, чего-либо лишенные в своей функциональной ежедневной деятельности, — отмечал В.Тэрнер, — ищут восполнения (то есть компенсации. — В.Г.) в ритуальной лиминальности. Структурные низы стремятся к структурному верховенству в ритуале; структурные верхи стремятся к символической коммунитас и подвергают себя лишениям на пути к ее достижению»⁴². Люди возвращаются от коммунитас к структуре обновленными опытом коммунитас-общества, компенсирующего социальное неравенство. При этом В.Тэрнер убежден, что «коммунитас и структуру можно обнаружить на всех ступенях и уровнях культуры и общества»⁴³, а «в жизненном опыте каждого человека имеет место чередование структуры и коммунитас, состояний и переходов»⁴⁴. Черты, присущие коммунитас, В.Тэрнер обнаруживает в движении бхакти в Бенгалии, в деятельности монашеских орденов (францисканцы) и ряда миллениаристских сект, в учениях Ганди и Льва Толстого и в философии современных битников и хиппи. Излишне, вероятно, говорить о том, что тезаурус коммунитас, опираясь на методологию В.Тэрнера, можно без труда расширить. Под углом зрения коммунитас могут быть рассмотрены многочисленные неформальные объединения, такое социальное явление, как праздник⁴⁵, да и мало ли что еще. Хотя, безусловно, компенсаторное в их содержании, элементы коммунитас, не исчерпывают полностью их значения в системе культуры. Извечная актуальность коммунитас сродни актуальности такого компенсаторного механизма, как мифотворчество, ибо в свете современных представлений, широко представленных в научных исследованиях⁴⁶ и публицистике⁴⁷, было бы глубоко ошибочным относить его лишь к архаическим формам сознания. Глубоко драматическое расхождение между свободой и необходимостью, идеалом и действительностью и сегодня подчас компенсируется в общественном сознании созданием мифов XX века⁴⁸. Свидетелями и участниками грандиозного обмана и самообмана, его жертвами стали миллионы наших соотечественников в

годы культа личности И.В.Сталина. «Вспомним мифы о «гениальном вожде и учителе», — будоражит нашу больную память О.В. Пристанская, — победе колхозного строя, гигантские показатели перевыполнения первых пятилеток, готовность сокрушить врага «малой кровью на чужой территории» и многое другое»⁴⁹. Думается, что социальные мифы не исчерпали своего компенсаторного значения и по сей день. Ибо и ныне наблюдаются попытки манипулировать общественным сознанием через его мифологию.

Однако, как справедливо утверждает А.Ф.Еремеев, «...это лишь одна из тенденций, не все мифотворчество множит ложь и дезориентацию»⁵⁰. Подробно анализируя созидательные силы мифотворчества, он заключает: «...мифотворчество может быть как отрицательной, так и положительной социальной ценностью, что требует конкретного индивидуального подхода к каждому случаю; общие мерки здесь не годятся <...> правдивое мифотворчество дополняет, усиливает возможности науки и общественного сознания, а ложное — наоборот — может настолько развиться, что полностью заслонит от общественного сознания реальную действительность и станет крайне опасным средством манипулирования им, особенно при своем господстве, а тем более монополии»⁵¹.

Идея о компенсаторной роли социальных институтов издавна разрабатывается в буржуазной социологии, начиная с организмической теории Г.Спенсера. На компенсаторное значение социальных институтов все чаще обращают внимание отечественные социологи. В некоторых работах содержатся прямые указания на этот счет. Так, на компенсаторный характер связей между социальными институтами указывает Ю.П.Андреев: «Ядро социального института и его периферия испытывают потребность друг в друге — так возникают не только центристские, но и центростремительные направления интеграции; тем самым *компенсируется* (выделено мной. — В.Г.) недостаток общего социального единства, заменяемый состоянием взаимной зависимости»⁵². И далее: «Социальные институты существенно различаются между собой по своим коммуникативным возможностям. Ряд из них специально создает возможности для общения (в сфере культуры); условия, в которых функционируют другие, затрудняют коммуникацию (конвейерное производство); неодинакова информативная насыщенность разных институтов; возможен активный способ получения информации (научное общество), равно как и пассивный (радио, телевидение). Социальные институты по указанным параметрам стремятся *компенсировать* друг друга (выделено мной. — В.Г.)»⁵³. Так, в ряде европейских стран в эпоху феодализма церковь наряду с религиозными выполняла политические функции, компенсируя деятельность государственного аппарата⁵⁴. Образовательную и культурную функции наряду с первыми учебными заведениями светского типа играли монастыри. Гомеостатическое значение социальных институтов проявляется не только че-

рез их объединение в единый взаимоуравновешивающий комплекс, но и по отношению к процессам гармонизации общественного целого вообще. «Социальные институты, — отмечает Ю.П.Андреев, — способствуют сохранению как своей целостности, так и целостности и стабильности всего общества, обеспечивая упорядочение, закрепление и развитие общественных отношений, служат средством передачи социальной наследственности, будь то сами общественные отношения и деятельность, духовная информация, способы общения или типичные черты личности»⁵⁵.

С точки зрения концепции социальной компенсации может быть рассмотрено соотношение институциональных организаций и неинституциональных. А.И.Пригожин считает, что «неформальная организация — это явление, возникающее и существующее не само по себе, а только в связи с формальной организацией, в сопоставлении с ней и на ее фоне»⁵⁶. Если учесть возросшую сегодня роль неформальных инициатив и соответствующих им организаций, которые отнюдь не мирятся с незначительной ролью чего-то, ютящегося на фоне могучих институтов, а представляют собой серьезную политическую и социальную силу, следует признать их нерасторжимое единство с официальными структурами. С нашей точки зрения, единство это обусловлено, кроме прочего, тем, что неформальные структуры играют компенсаторную роль по отношению к неинституциональным и берут на себя те их функции, с которыми формализованные структуры просто уже не справляются в силу их устаревания или изначального несовершенства. В процессе исторического развития происходит отбор ряда неформальных структур и их институционализация. При этом устаревшие социальные институты частично исчезают, а некоторые переживают общественные отношения, на основе которых они возникли, продолжая существовать в лучшем случае в виде бесполезного или малопродуктивного для общества придатка.

Даже предельно конспективное рассмотрение социальных институтов с точки зрения их компенсаторного значения нацеливает на анализ гораздо более обширной реальности, стоящей за ними: общественных отношений и деятельности. Более обширной хотя бы потому, что институциональная форма социальной предметности далеко не исчерпывает объективного содержания всех известных общественных отношений. Известно, что значительная совокупность общественных отношений объективируется через вещную, телесную (биосоциальную), знаковую формы социальной предметности⁵⁷. И было бы чрезвычайно заманчиво попытаться выстроить достаточно полную систему общественных отношений, дабы исчерпывающе раскрыть компенсаторные механизмы, с ними сопряженные. Однако задача эта труднодостижима, да и вряд ли ее достижение так уж необходимо для реализации конечной цели нашей работы. Думается, будет достаточно установить хотя бы тот факт, что компенсаторные процессы являются неотъемлемой составляющей не только общественного со-

знания, социальных институтов и т.д., но и такого важнейшего компонента любой социальной системы, как общественные отношения. Что касается проблемы социальных компенсаторных механизмов в целом, их теории и истории, следует подчеркнуть, что она вполне может быть предметом специального исследования.

Поскольку в системе общественных отношений определяющее значение имеют экономические, остановимся отдельно на них. Компенсаторные механизмы, имея гомеостатическую природу, охватывают все основные сферы экономики: производство, распределение, обмен и потребление. Непрерывная модернизация экономических основ капитализма дает богатейшую картину различных проявлений социальной компенсации. Глобальное компенсаторное значение в нашем столетии сыграло для капитализма огосударствление капиталистической собственности. Совершенствование этого механизма проявляется в своеобразных приливах и отливах огосударствления, которые в конечном счете, не меняя частной природы капиталистического присвоения, «служат интересам упрочения монопольных позиций капитала в поисках оптимальной дозировки компонентов “публичного” и “частного” в структурах государственно-монополистической собственности»⁵⁸. Компенсаторную роль играет в условиях современного капитализма система перераспределения труда, служащая предотвращению кризисов занятости. Как только «вытеснение активного населения из производственного процесса начинает угрожать социальной и политической стабильности всей системы <...> буржуазия начинает включать сдерживающие механизмы»⁵⁹. Компенсаторные механизмы, регулирующие процессы занятости, модифицируются по следующим направлениям: переход от постоянных трудовых соглашений к временным, развитие подпольной («подводной») экономики, рост сверхурочных работ, расширение сфер надомного и самостоятельного труда⁶⁰. Наряду с подпольной экономикой существует «теневая», обслуживающая иррациональные потребности людей в наркотиках, в алкоголе во время действия «сухого» закона.

Аналогичные структуры имеют место и в наших условиях. Их компенсаторная направленность достаточно очевидна. Компенсаторное значение теневой экономики отмечалось отечественными учеными еще в самом начале перестройки. В этот период теневая экономика расценивалась как побочное детище командно-административной системы. «В связи с тем, — отмечал Г.Ф. Хохряков, — что командно-нажимные методы входят в острое противоречие с объективными законами функционирования экономики, появляется теневая экономика, где эти законы, пусть в искаженном, уродливом виде, но действуют, удовлетворяя общественные потребности»⁶¹. Справедливо отмечалась и специфика нашего черного рынка, который «в отличие от того же американского... в большей степени удовлетворяет рациональные, повседневные потребности, являясь своего рода ком-

пенсаторным механизмом снабжения населения подчас самым необходимым»⁶² (подчеркнуто мной. — В.Г.). Специфичным, по-видимому, является и то, что в нашей экономике были чрезвычайно распространены такие формы иллюзорной компенсации, как приписки, очковтирательство, едва ли необходимые в условиях рыночной экономики. Так, «приписки в годы застоя стали широко распространенным явлением. В Узбекской ССР в 1978—1983 гг. было приписано 4,5 млн т хлопка-сырца. Ущерб — 4 млрд рублей. В 1983 г. 61% проверенных предприятий Минавтотранса РСФСР приписали 20% общего объема перевозок. В Москве в период с 1980 по 1987 год материальный ущерб от приписок возрос почти в три раза»⁶³.

Компенсаторные процессы в различных сферах экономики проглядывают с разной степенью очевидности. Наиболее наглядна в этом отношении сфера распределения. Исследователи отмечают, что «в зависимости от затраченного труда и от существующих форм собственности между людьми происходит распределение продуктов производства, возникают отношения по удовлетворению потребностей в тех или иных продуктах на компенсационной основе в натуральной или денежной формах»⁶⁴ (подчеркнуто мной. — В.Г.). Упомянутая компенсационная основа не исключает несовершенств в сфере распределения, серьезных ее деформаций. Поэтому в обществе возникают вторичные компенсаторные надстройки, которые образуют дополнение либо альтернативу последней, наконец, создают хотя бы видимость социальной справедливости. Надстройки формируются как в рамках социальных институтов, так и за их пределами. Институционализированной формой компенсаторного перераспределения материальных ценностей был в докапиталистических обществах институт дарений и пиров⁶⁵. Подобную функцию еще в античном обществе играло меценатство и патронат, различные формы благотворительности.

Компенсаторное значение имеют официально принятые льготы и привилегии отдельных социальных, профессиональных и возрастных групп. Следует заметить, что они зачастую не столько ощутимо изменяют к лучшему материальное положение их обладателей, сколько вызывают в обществе определенную напряженность и недоброжелательность по отношению к ним. Этим обесценивается моральный смысл льгот, а символическая весомость сообщает им оттенок иллюзорности. Возможно, кто-то всегда заинтересован в том, чтобы часть недоброжелательной энергии расходилась в «горизонтальной плоскости» и чтобы в дальнейшем свободней легализировать собственные, гораздо более внушительные преимущества занимаемого общественного положения.

Социально неприемлемой, но достаточно распространенной формой индивидуальной и групповой компенсации несовершенства распределительных отношений выступают взяточничество, воровство, спекуляция и другие проявления экономических преступлений. Правомерность, законность такой компенсации «теоретически» обосновывают иные идеологи

преступного мира, подобно шукшинскому Аристарху, представителю «энергичных» людей. Прислушаемся к логике его рассуждений. «Я тебе прочитаю курс экономики! — воскликнул Аристарх. — Чтоб ты не бегала и не смешила прокурора. И прокурор твой, и все, кто всерьез занимаются экономикой, прекрасно знают, что воруют. Больше того, какой-то процент, кажется, пятнадцать процентов государственного бюджета отводится специально — под воровство. Не удивляйся и не делай детские глаза. Всякое развитое общество живет инициативой... энергичных людей. Но так как у нас равенство, то мне официально не могут платить зарплату в три раза больше, чем, например, этому вчерашнему жлобу, который грузит бочки. Но чем же тогда возместить за мою энергию? За мою инициативу? Чем? Ведь все же знают, что у меня в магазине всегда все есть. Я умею работать. Какое же мне за это вознаграждение? Никакого. Все знают, что я — украду. То есть те деньги, которые я, грубо говоря, украл, — это и есть мои премиальные. Поняла? Это мое, это мне дают по негласному экономическому закону»⁶⁶. К сожалению, негласный экономический закон, по которому компенсировались в сфере распределения затраты энергии «деловых людей», не способствуя развитию нашей экономики, выступая в широком плане как иллюзорная компенсация, получал и «высочайшее соизволение». Ф.М. Бурлацкий вспоминает: «Бовин как-то рассказывал мне о разговоре, который произошел на даче в Завидове, где готовилась очередная речь. Он сказал Брежневу о том, как трудно живется низкооплачиваемым людям. А тот ответил: «Вы не знаете жизни. Никто не живет на зарплату. Помню в молодости, в период учебы в техникуме, мы подрабатывали разгрузкой вагонов. И как делали? А три мешка или ящика туда — один себе. Так все и живут в стране». Да, верно говорится: рыба гниет с головы. Брежнев считал нормальным и «теневую экономику», и грабительство в сфере услуг, и взятки чиновников. Это стало едва ли не общей нормой жизни»⁶⁷.

Неспособность личности проявить себя в сфере производства нередко компенсируется увеличением активности в сфере потребления, в развитии потребительских ориентаций и вещизма.

Таким образом, компенсаторные процессы могут осуществляться как в рамках определенного вида общественных отношений, когда подобное как бы замещается подобным же, так и за счет перевода активности в область других видов общественных отношений и развертывания компенсаторных процессов на более широком фоне.

Будучи диалектически взаимосвязанной с общественными отношениями, человеческая деятельность также следует указанной парадигме. Ибо и здесь имеют место как компенсаторные процессы в границах отдельных видов человеческой деятельности, так и на фоне всей совокупной деятельности, рассматриваемой как целое. При этом не имеет принципиального значения, какой способ классификации человеческой деятельности принят нами за основу. Так, принцип компенсации помогает развеять недоумение

по поводу явного несоответствия низкого уровня развития материального производства в первобытном обществе и относительно высокого состояния духовной культуры. Ибо последняя выступала компенсирующим звеном в рамках единой человеческой деятельности⁶⁸. Особая роль в компенсаторных процессах принадлежит деятельности общения. Это объясняется уникальной ролью общения в системе человеческой деятельности. Будучи способным выступать по меньшей мере в трех ипостасях⁶⁹: конкретным видом человеческой деятельности, ее типом (по отношению к предметной деятельности в целом) и, наконец, аспектом любой деятельности, — общение обладает колоссальными компенсаторными возможностями. Оно потенциально способно замещать как любой другой вид деятельности в случае деформаций в ее системе, так и самоуравновешиваться за счет внутренних гомеостатических механизмов. Принципиально важное значение эта особенность приобретает на уровне саморегуляции личности в связи с проблемой смены ведущего вида деятельности в ходе онтогенеза⁷⁰.

Феноменология социальных компенсаторных процессов по указанным ранее причинам не исчерпывается сказанным. Но то, что компенсаторные механизмы обеспечивают гомеостазис и социальных процессов, думается, очевидно. Будучи связана с социальными формами отражения и выступая в качестве их необходимой стороны, компенсация может быть *полной и неполной, устойчивой и неустойчивой, обратимой и необратимой*. Однако в связи с сознательным, целеполагающим, свободным характером деятельности человека, социальная компенсация приобретает еще одну бинарную оппозицию, только ее характеризующую. Она может быть выражена следующими альтернативными измерениями: *действительность и мнимость, реальность и иллюзорность* компенсации. Но об этом подробно речь пойдет далее.

2.1.1. Реальное и иллюзорное в социальной компенсации

Компенсаторные процессы как в живой, так и в неживой природе всегда объективно реальны и не включают в себя ничего из того, что можно было бы назвать иллюзорным. Если компенсаторные механизмы уже не способны поддерживать гомеостазис системы, это ведет через декомпенсацию (угасающую компенсацию, ибо декомпенсация не одномоментный акт) к ее разрушению и только. А декомпенсация — такой же объективно реальный процесс, как и компенсация. Следовательно, в рамках объектно-объектного отношения ни о какой иллюзорной компенсации не может быть и речи. Иное дело — социальная компенсация, которая способна осуществляться как в рамках субъектно-объектного, так и субъектно-субъектного отношения. Здесь иллюзорная компенсация является постоянной спутницей реальной. Ибо никогда ни та, ни другая не выступают в чистом виде. Сказанное отчасти подтверждается анализом феноменологии социальных

компенсаторных процессов, произведенным нами ранее. Напомним, например, что такое социальное явление, как религия выполняет иллюзорно-компенсаторную функцию⁷¹. Хотя и здесь иллюзорная компенсация, которая, вероятно, является преобладающей, сопровождается вполне реальными компенсаторными процессами⁷². Иллюзорно-компенсаторное в одном отношении, в одной системе связей может быть реально-компенсаторным в другом. Если рассматривать компенсаторную функцию религии в отношении к коллективному субъекту-социуму, то она, безусловно, играет иллюзорно-компенсаторную роль. Именно в этом контексте рассматривает религию Д.М. Угринович. Но отдельно взятая личность может получать с помощью заключенных в религии компенсаторных механизмов вполне реальную компенсацию. На что совершенно справедливо указывает В.И. Колосницын, отмечая, что «религия компенсирует ... ограниченность социальных связей личности путем организации общения и создания общностей особого типа <...> восполняет недостаток счастья, неполноту положительных, стенических эмоциональных реакций»⁷³.

Что же является источником появления иллюзорной социальной компенсации? С какими специфическими социальными явлениями она связана? Где она локализуется? В чем ее специфика по отношению к реальной компенсации и каково ее социальное значение? Без самого общего рассмотрения этих вопросов, более глубокое рассмотрение которых требует специального анализа, нельзя перейти к изучению собственно компенсаторного общения как одного из проявлений социальной компенсации.

Прежде всего поясним, почему мы с самого начала противопоставляем реальное иллюзорному, а не идеальному, как это традиционно принято.

Если отталкиваться от вполне архаических сегодня представлений о реальном как о вещественном (одно из значений слова *realis* (лат.) — вещественный) и относить к идеальному явления сознания, то вполне правомерно, вернее, единственно правильно рассмотрение именно этой пары категорий. Наполнение данных понятий более современным содержанием мало что меняет в указанном отношении и оставляет желательным их совместное рассмотрение. То есть если мы, например, трактуем реальное в плане объективной реальности, а не только как ее вещественный или природный модус, а под идеальным разумею субъективную реальность — отражение объективной реальности в сознании человека, то указанная оппозиция сохраняет свое значение. Как же быть с иллюзорным? В каком отношении оно находится, например, к реальному и идеальному. То, что это отношение объективно имеет место, не вызывает сомнения. Ведь если вновь следовать этимологии слова *realis*, второе его значение определяется как *действительное*. Конечно, действительное можно трактовать как парфраз вещественного, буквально как то, что есть, но мы оставляем за собой право рассматривать действительное как антитезу мнимому, иллюзорному. А это дает основание для сопряженного рассмотрения реально-

го и иллюзорного как противоположностей. Напомним, кстати, о гегелевской трактовке действительного как необходимого, которая, несмотря на кажущуюся произвольность, дала прекрасные результаты. Возможно, диалектика необходимого и случайного неожиданно имеет самое прямое отношение к вопросу о соотношении реального и иллюзорного. Можно предположить также, что случайное в социальной деятельности и общении социального субъекта, не вытекающее из его природы, участвует в создании основ иллюзорного, в то время как необходимое — в создании основ реального. Это вполне согласуется с весьма продуктивной, на наш взгляд, концепцией интранатурального как отчужденного продукта иррационального компонента человеческой деятельности, разрабатываемой Д.В.Пивоваровым⁷⁴.

Итак, иллюзорное (от лат. *illusorius*) — призрачное, обманчивое, кажущееся. Призрачное, обманчивое для кого? Кажущееся кому? В этих вопросах невольно содержится указание на то, что иллюзорное принадлежит субъекту, укоренено в субъекте, зависит от особенностей его сознания и, по-видимому, не выходит за его пределы. Так ли это? У основоположников марксизма, например, мы встречаем суждения об иллюзорных формах и результатах общественной практики. Может быть, это просто метафоры? Ничуть не бывало. Обратимся непосредственно к анализу высказываний классиков марксизма на этот счет. Так, например, по мнению Ф.Энгельса, «Ламартин олицетворял февральскую революцию как таковую, всеобщее восстание буржуа и пролетариев с его *иллюзорными результатами*, его заблуждениями, его поэзией и его громкими фразами»⁷⁵ (выделено мной. — В.Г.).

Что же такое иллюзорные результаты, как не материальное воплощение иллюзорных целей, иллюзорное, вышедшее за пределы сознания, но не прервавшее пуповины, соединяющей его с ним? Ибо безотносительно к социальному субъекту эти результаты вполне реальны, как и любые результаты человеческой деятельности. Иллюзорное в социальной практике связано с неадекватным отражением социальной действительности, непониманием ее или недостаточным пониманием. Из неадекватного, искаженного отражения и формируются впоследствии иллюзорные цели. «Это превращение в свою противоположность, это достижение в конечном счете такого пункта, который полярно противоположен исходному, составляет естественно неизбежную судьбу всех исторических движений, участники которых имеют смутное представление о причинах и условиях их существования и поэтому ставят перед ними чисто *иллюзорные цели*»⁷⁶ (выделено мной. — В.Г.). Интериоризация предметного полюса иллюзорного, формирование новых иллюзорных целей и их дальнейшая экстериоризация множат объем иллюзорного в сознании и действительности. Достаточно установить иллюзорность тех или иных результатов человеческой деятельности, как исчезает один из полюсов иллюзорного. Цепь нарушена,

воспроизводство иллюзорного затруднено. Иллюзорные результаты предстают в их действительном значении как чуждая человеку реальность, нуждающаяся в преобразовании.

Но вернемся к анализу иллюзорного основоположниками марксизма. Что, по их мнению, представляют собой иллюзорные формы, имеющие место в социальной действительности? Анализируя политическую и экономическую сферы, К.Маркс отмечал, что «...всякая борьба между демократией, аристократией и монархией, борьба за избирательное право и т.д. и т.д. — представляет собой не что иное, как *иллюзорные формы*, в которых ведется действительная борьба различных классов друг с другом»⁷⁷ (выделено мной. — В.Г.). Что касается прибавочной стоимости, то она «приобретает форму *прибыли*, без количественного различия между той и другой. Это лишь *иллюзорная форма* проявления прибавочной стоимости»⁷⁸ (выделено мной. — В.Г.). И, наконец, государство, по Марксу, выступает как *иллюзорная форма* всеобщности⁷⁹.

В приведенных фрагментах об иллюзорных формах проявления социальной деятельности людей мы постоянно сталкиваемся с репрезентацией одного через другое: прибавочной стоимости через прибыль, частного интереса через всеобщий и т.д. Убеждаемся, что иллюзорное существует виртуально, не принадлежа абсолютно ни объекту, ни субъекту, взятым в отдельности, как своего рода интегральная функция субъектно-объектного отношения. Все это, как показал в своем исследовании Д.В.Пивоваров, признаки идеального⁸⁰. Иллюзорное, следовательно, имеет самое прямое отношение к идеальному как ложная идеальная репрезентация⁸¹. Однако уместно заметить, что идеальное есть функция не только субъектно-объектного, но и субъектно-субъектного отношения или общения. Соответственно, ложная идеальная репрезентация может возникать и в рамках субъектно-субъектного отношения, в процессе социальной перцепции. Такой подход позволит расширить теоретико-познавательные возможности как теории общения, так и синтетической концепции идеального.

И еще одно замечание. Д.В.Пивоваров абсолютно прав, рассматривая интранатуральное как продукт иррационального компонента человеческой деятельности⁸². Но объектом иррациональной деятельности человека (субъектом, если речь идет об общении) может быть не только природный, но и социальный объект. Возникший в результате «зеленый эффект», которого никто не ожидал или по крайней мере его не предвидели непосредственно взаимодействующие субъекты, не уместно ли назвать интрасоциальным? Сам автор концепции, на наш взгляд, не вполне оправданно относит к интранатуральному не только результат взаимодействия социального и природного начал, но также «...группового и индивидуального субъекта со сложившимися социальными институтами»⁸³. Таким образом, в случае интранатурального мы имеем дело с первоприродным, с одной стороны, и социальным действием, с другой, то есть двумя ярко выраженными про-

тивоположностями, взаимопроникновение которых порождает нечто такое, что не является уже ни чисто природным, ни социальным. В нашем случае взаимодействуют однопорядковые явления. Но если предположить, что способы их взаимодействия или их сочетание совершенно неадекватны присущей им природе, то нечто, возникающее в результате, также будет непредсказуемым и чуждым создателям. Нарушая гармонию привычного, обжитого социального мира, оно будет нуждаться в уравнивании, компенсации.

Сказанное не означает, что в гармонизации будут нуждаться лишь результаты непредсказуемых процессов. Ибо интрасоциальное есть, скорее всего, материальная основа иллюзорной компенсации, когда результат непредвиден, непонятен, необъясним. Тем не менее, его как-то нужно вмонтировать в привычный социальный мир, обезопасить себя хотя бы иллюзорно. Любая активность социального субъекта, особенно в новой для него форме, вынесенная вовне, вызывает временное разбалансирование социальной системы. Без этого не обойтись, будь то государство, расширяющее сферы своего экономического и политического влияния, или отдельная личность, вступающая во взаимодействие с окружающими. Следующий акт должен быть направлен внутрь, дабы вновь восстановить утраченное в результате предыдущего шага равновесие. Возможно, в одном случае лидирующее компенсаторное значение приобретает совершенствование законодательства, политической системы, форм идеологии, в другом совершенствование системы образования. Следует ли из этого, что компенсаторные процессы социальной жизни связаны лишь с внутренней активностью социального субъекта и не могут осуществляться за счет тех изменений, которые производятся во внешних по отношению к уравнивающей системе объектах или субъектах, если речь идет об общении? Думается, нет. Но поиски «своего другого», если они успешны, завершаются в контексте *сверхкомпенсации*, которая на первых шагах трудноотличима от первоначальной активности, вызвавшей потребность в компенсации. Сверхкомпенсация, в отличие от собственно компенсации, влечет за собой не просто гармонизацию социальной системы, а переход ее на более высокий по сравнению с предшествующим уровень целостности. Так, «пытаясь ослабить нежелательные для капитализма социальные и политические последствия многомиллионной безработицы, правящие круги сначала США, а впоследствии других промышленно развитых стран решили затормозить выход масс молодежи на рынки труда. Сначала лишь с целью ослабления груза безработицы были существенно продлены сроки обучения в школе. В результате фактическая средняя продолжительность общего образования почти удвоилась. Это способствовало формированию в массовом порядке — сначала в США, потом в Японии и наконец в Западной Европе — рабочей силы, способной к сложному труду <...> Массовая подготовка рабочей силы, вооруженной знаниями, открыла капиталу воз-

возможность вовлечь в производство прибавочной стоимости дополнительные источники созидательной энергии»⁸⁴. Выход за пределы экономики в сферу образования, как следует из сказанного, преследовал вначале вполне компенсаторную цель — сбалансировать рынок труда. Однако компенсация обернулась паче чаяния сверхкомпенсацией, ибо в ней неожиданно было обретено «свое другое», так необходимое для научно-технического прогресса.

Реальное и иллюзорное в социальной компенсации подчас трудноразличимы. То, что иллюзорная компенсация сопряжена с декомпенсацией и маскирует, по крайней мере, начало этого процесса, безусловно. Однако, как правило, декомпенсация не одновременный акт. О ней чаще всего можно судить лишь по практически необратимому результату, когда изменить что-либо уже не в нашей власти. Кроме того, спорадические иллюзорно-компенсаторные процессы совсем необязательно сопровождаются декомпенсацией, но развитие, во всяком случае, сдерживают. Конечно, для любой системы предпочтительна реальная компенсация, еще лучше сверхкомпенсация, если не принимать во внимание целенаправленно тиражируемые в обществе и ориентированные на определенные социальные слои средства иллюзорной компенсации. Иллюзорная компенсация, осуществляемая в разумных пределах, дает временную передышку в ситуациях невозможности и в определенной степени спасает от гибели. Это касается прежде всего таких исторических условий, которые в некоторых отношениях практически исключают реальную компенсацию.

С этой позиции можно подойти, например, к анализу компенсаторного значения многочисленных древнегреческих и древнеримских праздников, а также спортивных состязаний античного мира. В хронотопе праздника временно устанавливались социальное единство и однородность, уже утраченные в раннеклассовом обществе, устранялись на время социальные различия, непреодолимые в повседневной жизни. Иллюзорно-компенсаторный эффект усиливало то, что во время празднеств господа прислуживали рабам, а рабы одевались и вели себя по-господски. Это происходило и во время сельских Дионисий⁸⁵, и когда древние греки справляли Великие Панафины⁸⁶. Таков был праздник Компиталий у римлян, получивший, заметим, особенно демократическую интерпретацию во время смут конца Республики⁸⁷, а также Сатурналии⁸⁸. Даже суровая Спарта, отличающаяся наиболее жестким отношением к рабам, не ставляла исключения, ибо во время праздника, связанного с культом бога Аполлона, «граждане в плющевых венках угощали друг друга, даже рабы принимали участие в пирах, одним словом, везде царило веселье и вся Спарта устремлялась на праздник»⁸⁹.

Иллюзорная компенсация в этих условиях выполняла роль своеобразного «предохранительного клапана», значимость которого особенно возрастала в кульминационные периоды социального напряжения. Возникающая иллюзорно-компенсаторная общность, разумеется, никогда не была в

состоянии раз и навсегда покончить с социальными антагонизмами и социальным отчуждением людей, но поскольку они на время становились несущественными, напротив, закрепляла существующий социальный порядок. Найденная однажды форма социальной компенсации сознательно использовалась господствующими классами и в более поздние исторические периоды. Она отчетливо обнаруживает себя, например, в карнавальной культуре средневековья. М.М.Бахтин писал: «...на карнавале все считались равными. Здесь на карнавальной площади господствовала особая форма вольного фамиллярного контакта между людьми, разделенными в обычной, то есть внекарнавальной жизни непреодолимыми барьерами сословного, имущественного, служебного, семейного и возрастного положения. На фоне исключительной иерархичности феодально-средневекового строя и крайней сословной и корпоративной разобщенности людей в условиях обычной жизни этот вольный, фамиллярный контакт между всеми людьми ощущался очень остро и составлял существенную часть общего карнавального мироощущения. Человек как бы перерождался для новых, чисто человеческих отношений. Отчуждение временно исчезало. Человек возвращался к себе самому и ощущал себя человеком среди людей <...> Это временное идеально-реальное упразднение иерархических отношений между людьми создавало на карнавальной площади особый тип общения, невозможный в обычной жизни»⁹⁰. Однако гармонию праздничных отношений не следует абсолютизировать. Ибо в праздник не только скрадывались, но нередко еще более отчетливо обнажались противоречия. Случалось, что праздники сопровождались насилием и межгрупповыми, а также межэтническими конфликтами. В атмосфере праздника, связанной с потреблением алкоголя и других одурманивающих средств, легко возникали эксцессы⁹¹. Но они, как правило, носили, скорее, моральный, чем политический оттенок. Такой перевод социально-классового, политического в область моральных явлений с явно компенсаторными целями особенно актуален для обществ, характеризующихся крайней степенью политического деспотизма. Астольф де Кюстин, побывавший в России в 1839 году, писал: «Русское правительство прекрасно понимает, что при самодержавной власти необходима отдушина для бунта в какой-либо области и, разумеется, предпочитает бунт в моральной сфере, нежели политические беспорядки»⁹².

С иллюзорной компенсацией в хронотопе праздника можно связать и обычай перераспределения материальных ценностей посредством даров, подарков, пожертвований, угощений. Так, по мнению К.Жигульского, «практика праздничных приемов, показательных и дорогостоящих, вытекает из стремления к социально справедливому и обрядно-санкционированному мирному перераспределению имущества, выравниванию режущих глаз диспропорций. В институте праздника появляется социально значимый механизм сохранения экономического равновесия между членами празд-

нующей группы, улаживания конфликтов и напряженных ситуаций, смягчения зависти и ненависти, неизбежно порождаемых чрезмерным по отношению к среднему достатку богатством»⁹³. Иллюзорность достигаемого подобными средствами равновесия очевидна, ибо за их счет едва ли кто-либо заметно изменял свое имущественное или социальное положение. Прямая экономическая компенсация, по принципу булгаковского Шарикова «взять все да и поделить», едва ли вообще возможна как реальная на пути совершенствования сугубо распределительных отношений. «Простой подсчет показывает, — отмечает Ханс Закссе, — что равномерное распределение имеющегося богатства — если его можно было бы осуществить — мало бы что дало, поскольку число бедных больше, чем богатых. Если в качестве грубого масштаба для жизненного уровня взять потребление энергии на душу населения, то в США богатые должны были бы отказаться от 5/6 их потребления, а бедные получили бы только 1/6 от нынешнего уровня. Экспроприация зажиточных слоев населения даст слишком мало. Помощь, выравнивающая положение для бедных, может быть осуществлена только на основе технико-экономического роста»⁹⁴.

Иллюзорная компенсация в системе праздничного общения направлена не только на гармонизацию социально-классовых и имущественных отношений, но, как это следует отчасти из фрагмента работы М.М. Бахтина, затрагивает и другие элементы имеющегося в обществе неравенства, например, половозрастного и т.д. Так, даже современный праздник — Международный женский день 8 Марта — лишь временно освобождает женщин от «ига кухни», тогда как для миллионов мужчин, не менее временно, он происходит под знаком кухонного фартука. Элементы иллюзорной компенсации свойственны и многим другим современным праздникам и обрядам. Так, начальник, вполне демократично забивающий юбилейный костыль, производит иллюзорно-компенсаторный акт, мнимо сближающий его с рабочим классом. Иллюзорно-компенсаторное равенство особенно актуально там и тогда, где и когда по-прежнему ощущается дефицит действительного. Послушаем об этом И.Ильфа и Е.Петрова: «На полотно со звоном полетели рельсы. В минуту они были уложены, рабочие-укладчики, забившие миллионы костылей, уступили право на последние удары своим руководителям <...> Инженер-краснознаменец сдвинул на затылок большую фетровую шляпу, схватил молот с длинной ручкой и, сделав плачущее лицо, ударил прямо по земле. Дружелюбный смех костыльщиков, среди которых были силачи, забивающие костыль одним ударом, сопутствовал этой операции. Однако мягкие удары о землю вскоре стали перемежаться звоном, свидетельствовавшим, что молот иногда приходит в соприкосновение с костылем. Размахивали молотом секретарь крайкома, члены правительства, начальник Севера и Юга и гости. Самый последний костыль в каких-нибудь полчаса заколотил в шпалу начальник строительства»⁹⁵.

Мы сосредоточили внимание на иллюзорно-компенсаторном в празднике, не отбрасывая в нем реальных, социально ценных моментов. Так, праздник издавна был сферой творчества, одним из способов передачи и распространения культуры.

Иллюзорно-компенсаторный эффект может достигаться не только благодаря созданию иллюзии тотального единства общества, но и за счет подмены одних форм противостояния между различными социальными группами другими, менее острыми. Так, политическая оппозиция может быть подменена зрелищной — спортивной или театральной. В границах такого противостояния победа не дает видимых преимуществ, а поражение не оборачивается гибелью. Плиний Младший выразил однажды насмешливое удивление по поводу пристрастия его сограждан к цирковым играм, не находя в них ничего из того, «что следовало бы посмотреть более одного раза». Между тем он поделился интересным наблюдением: «Если бы их еще привлекала быстрота коней или искусство людей, то в этом был бы некоторый смысл, но они благоволят к тряпке, тряпку любят, и если бы во время самих бегов в середине состязания этот цвет перенести туда, а тот сюда, то вместе с ней перейдет и страстное сочувствие, и люди сразу же забудут тех возниц и тех лошадей, которых они узнавали, чьи имена выкрикивали. Такой симпатией, таким значением пользуется какая-то ничтожнейшая туника, не говорю уже у черни, которая ничтожнее туники, но и у некоторых серьезных людей...» (Pl. *epist.* IX.6). Привязанность к «тряпке» означала приверженность к той или иной цирковой партии. И хотя имеется мало сведений об экономической и политической сторонах цирковых состязаний, можно предположить, что указанная приверженность была неадекватной, но достаточно безопасной формой проявления политических симпатий и антипатий. Политическая оппозиция к императорам выражалась в спортивной оппозиции к тем беговым обществам, которым они покровительствовали. М.Е.Сергеенко отмечает: «Известно, что и Калигула, и Нерон, и Домициан покровительствовали одному из беговых обществ, и это покровительство воспринималось остальными, конечно, как незаслуженное оскорбление. Зависть, обида, боязнь, негодование — эти чувства в разных оттенках и с разной силой жили в сердцах тысяч и тысяч. Нельзя ли думать, что эта эмоциональная оппозиция была, пожалуй, страшнее идеологической, сенатской; и смерть трех императоров не была ли в какой-то мере подготовлена этим «цирковым недовольством»⁹⁶.

Думается, что не следует преувеличивать значения «циркового недовольства». Эмоциональная оппозиция была страшна не сама по себе, а как выражение той политической оппозиции, которая складывалась за пределами совместного восприятия зрелища, здесь же она выявлялась, как указывалось нами ранее, в неадекватной себе форме. Эмоциональная оппозиция являлась индикатором оппозиции политической. Более того, коль скоро в состязательном общении происходило разрешение конфликта и

можно было победить ничем не рискуя, то эмоциональная оппозиция как раз теряла свою остроту. Вместе с тем несколько ослабевала и социальная напряженность.

Компенсаторная состязательность публики стимулировалась даже такими зрелищами, которые внутренне не содержали сколько-нибудь выраженного по сравнению со спортивными соревнованиями состязательного момента. Таковы театральные представления. Но и здесь выявлялась основа, на которой складывались театральные партии вполне по аналогии со спортивными. Приверженность своему актеру, наиболее близкому определенным социальным слоям, их мироощущению манерой игры, обликом и т.д., проявлялась не только в античном театре. Н.А.Хренов показал, что достаточно четкая дифференциация публики существовала, например, в русском театре вплоть до конца XIX века, что находило свое отражение в возникновении театральных партий, в своеобразной состязательности партер-а и галерки⁹⁷.

Возникновение театральных партий и их иллюзорно-компенсаторная деятельность возможны, в условиях определенной исходной либерализации общественной жизни. В рамках тоталитарного и авторитарного режимов такая интеллектуальная форма компенсации едва ли может иметь сколько-нибудь заметное значение. В условиях мнимого морально-политического единства сама мысль о возможном расколе публики за пределами спортивной арены, где это всегда допустимо, наверняка была бы воспринята чуть ли не как кощунственная. Строжайшая цензура, нетерпимость к инакомыслию, обрушивающиеся на авторов и исполнителей, давали минимальный повод для такого раскола. В результате иллюзорная социальная компенсация развивалась по другим направлениям, подчас разрушительным для личности в сравнении с рассматриваемой. Но они, по крайней мере, непосредственно не затрагивали основ и поэтому были предпочтительнее для власть предержащих.

Ныне ситуация в нашем обществе изменилась. Политические условия и сценический материал не препятствуют больше возникновению театральных партий. Они могут быть продолжением политических баталий, своеобразной формой их выражения. Иллюзорная победа той или иной позиции может скрадывать трудности реальной политической борьбы. С другой стороны, иллюзорная компенсация в данной форме способна усиливать реальные процессы, стимулировать консолидацию сил, формирование единства, осознание задач не только на рациональном, но и на чувственно-эмоциональном уровне. Таким образом, иллюзорная компенсация может трансформироваться в реальную компенсацию и сверхкомпенсацию.

В этом разделе работы мы невольно рассматривали среди реальных и иллюзорных социальных компенсаторных механизмов и коммуникативно-компенсаторные. Оценивали их возможности в деле гармонизации ком-

муникативного мира личности. Но не определив содержания понятия компенсаторного общения, трудно говорить о конкретных проявлениях коммуникативно-компенсаторных процессов.

2. 2. ПОНЯТИЕ КОМПЕНСАТОРНОГО ОБЩЕНИЯ

Широко используемый термин «компенсация» в неожиданном сочетании с проблемой общения еще до разъяснения стихийно вызывает целый ряд представлений. Анализ возможных ассоциаций понятия «компенсаторное общение» заслуживает поэтому особого внимания, ибо как иначе обосновать нашу собственную позицию, которая представляется нам не только имеющей право на существование наряду с другими возможными подходами, но и достаточно эвристичной, позволяющей глубже понять природу человеческого общения и самого человека.

1. Одна из возможных реакций на термин «компенсаторное общение» состоит в следующем: «А разве бывает некомпенсаторное общение?» В самом деле, всякое общение в каком-то отношении есть компенсаторное явление, так как оно компенсирует слабость отдельного человека. Это верно, но малопродуктивно, ибо лишь фиксирует тот факт, что общению, как и другим социальным явлениям, присуща компенсаторная функция. Применительно, например, к искусству и религии эта функция достаточно детально анализировалась нашими исследователями, что и отмечалось нами ранее. От предиката до субъекта путь недалек. Компенсаторная функция общения еще не есть компенсаторное общение. Это один лишь его оттенок, причем, как правило, отнюдь не главный.

2. Если принять за основу общения, например, его вербальную форму, как наиболее развитую и информационно насыщенную, то можно предположить, что паралингвистические, экстралингвистические, кинесические компоненты реальных межличностных контактов могут быть отнесены к компенсаторным. Они восполняют неполноту вербального общения. Следовательно, в этом случае жест, мимика, пауза, система вокализации и т.д. будут искомым компенсаторным общением. Но общение отнюдь не сводится к обмену или односторонней передаче информации. Информационный подход к общению уже неоднократно подвергался убедительной критике. Все составляющие общение компоненты органичны, и ничего компенсаторного в указанном смысле в его структуре нет. Между тем эмоциональная бедность общения, дефицит в его содержании эмоциональных компонентов, обычно выражаемых с помощью различных средств экспрессии, нередко требует восполнения. Но это восполнение происходит за счет изменения содержания самих социальных связей, которые и могут при определенных условиях выступать как компенсаторные не без участия указанных средств. Однако взятые отдельно, они мало что могут изменить. Сказанное не означает, что способ передачи, например, информации не влияет на ее содержание, но одно дело компенсаторные средства общения,

другое — компенсаторное общение. Компенсаторные средства еще не делают общение компенсаторным.

Аналогичным образом могут быть рассмотрены и другие вспомогательные средства общения. Так, например, письменность или массовая коммуникация в чем-то дополняют естественные средства связи, позволяют преодолевать границы времени и пространства. Между тем они вызваны к жизни вовсе не внутренними потребностями, а всем ходом развития совокупной человеческой деятельности и направлены на ее совершенствование. Более того, появление и дальнейшее развитие инструментальных средств общения, наконец, их автономизация от сугубо утилитарных целей еще более остро поставили проблему аутентичного общения. Инструментальные средства, предоставляя одни возможности, одновременно отняли у общения его естественные краски, обогатили обедняя. Сказанное означает, что скорее последствия развития инструментальных средств стимулируют появление компенсаторного общения в рамках естественных человеческих связей, чем наоборот.

3. Наконец, если подойти к определению компенсаторных связей с позиций анализа его содержания, то легко придать термину «компенсаторное общение» сугубо негативный смысл. Дескать, есть хорошее, полноценное некомпенсаторное общение и как противоположность ему компенсаторное. Такой подход вполне правомерен, правда, с некоторыми уточнениями. Опыт исследования негативной компенсации с учетом ее особенностей как определенного класса коммуникативно-компенсаторных процессов уже имеется⁹⁸.

В самом деле, если попытаться проанализировать общую природу негативных явлений в сфере общения, носящих устойчивый характер и осуществляющихся в определенных общностях, то выяснится, что все они являются своеобразной реакцией на неудовлетворенность личности своими контактами с окружающими, способом возмещения недостающих социальных связей⁹⁹. Но если верно то, что негативные явления в сфере общения носят общую компенсаторную природу, то неверно обратное. Ошибочно утверждать, будто все способы компенсации в сфере общения неизбежно будут негативными. Отсюда вытекает необходимость дифференцированного подхода к коммуникативно-компенсаторным процессам, учета социальной, нравственной и т.д. направленности. Что же общее в таком случае можно хотя бы предварительно отметить у столь различных в ценностном измерении социальных явлений? Думается, что во всех случаях компенсаторное общение решает задачу гармонизации коммуникативного мира личности либо какого-то иного субъекта общения, например, малой группы.

Человек всегда стремился к гармонии, которую древние даосы понимали как «совершенное равновесие»¹⁰⁰. Он живо фиксировал любые проявления гармонии в природе, в обществе, в человеке. Относительность, про-

тиворечивость, сопряженность с дисгармонией и хаосом, из которого рождается порядок, не могли снизить социальную ценность гармонии при самых различных исторических ее интерпретациях в сознании людей¹⁰¹. Что касается гармонии внутреннего мира человека, то она едва ли может быть достигнута без гармонизации сферы его общения. Но возможно ли хотя бы приблизительное деление общения на ту часть, которая должна быть подвержена процессу гармонизации, и ту, которая в состоянии его осуществить? Имеются ли объективные основания для подобного деления, и принадлежат ли они безраздельно сфере общения, не выходя за ее границы? Где зарождается первоначально дисгармония в общении? Раскрыть эти вопросы, относящиеся, по сути дела, к генезису компенсаторного общения, можно, опираясь на методологические положения, выработанные основоположниками марксизма.

В произведении классиков марксизма, как уже отмечалось, присутствует чрезвычайно важное различие «вплетенного» в предметную деятельность общения и общения, эмансипировавшегося от предметной деятельности¹⁰². Исторические условия, в которых общение выступает преимущественно в качестве стороны, аспекта, необходимого условия осуществления материального производства, не порождают в полном объеме проблемы компенсаторного общения. Компенсаторное общение возможно лишь в случае формирования самостоятельной потребности в общении как относительно самоценной формы взаимодействия индивидов. Относительно самоценной, потому что видимое на поверхности «общение ради общения» в самом деле генетически и структурно было связано с общим усложнением социальной жизни и материального производства, требующими дополнительных источников усиления сплоченности и организованности членов первобытного коллектива. Таким образом, коммуникативная надстройка над непосредственно «вплетенным», необходимым для осуществления материального производства общением составила исходный базис компенсаторного взаимодействия, которое уравнивало неполноту первого. К «вплетенному» общению в условиях родового строя можно, вероятно, отнести и кровно-родственные связи, на основе которых осуществлялось материальное производство, в том числе одно из его направлений — «производство людей» (К.Маркс).

В таком случае как компенсаторные по отношению к кровно-родственному можно рассматривать впервые складывающиеся отношения дружбы. Это правомерно хотя бы потому, что дружбу трудно отнести к общению, непосредственно «вплетенному» в предметную деятельность в качестве его подсистемы и необходимого условия осуществления. Но как решиться назвать дружбу (!), «соприкосновение душ, не преследующее никаких выгод» (М.Монтень), компенсаторным общением. У этого опасения по крайней мере два источника: 1) внеисторическая абсолютизация наших сегодняшних представлений о дружбе и неправомерная экстраполяция их

на весьма отдаленное прошлое; 2) возможно не вполне разъясненное пока содержание понятия «компенсаторное общение» и сопряженных с ним понятий. Что касается первого, то как раз исторический анализ дружбы, с блеском проведенный И.С.Коном¹⁰³, позволяет увидеть как особую компенсаторную природу дружбы именно в момент ее зарождения, так и ее неразрывность с вполне утилитарными задачами социума. В отличие от современной дружбы древнейшие ее формы носили ритуализованный характер, требования к людям, вступающим в отношения дружбы, были институционально закреплены. С одной стороны, дружба и родство часто мало отличались друг от друга, с другой — отношения дружбы не были чисто «казенным» отношением и, несмотря на указанные выше особенности, заключали в себе зародыш добровольных, личных, избирательных, неперсонифицированных отношений на фоне институций. «Ритуализованная дружба, — отмечает И.С.Кон, — позволяет включить в состав общины человека из чужого рода или племени, покончить с былой враждой. Она особого рода механизм социальной интеграции, разрядки внутригрупповой и межгрупповой напряженности. Ритуализованные личные отношения представляют собой, по-видимому, своеобразное звено, форму перехода от отношений, основанных на родстве или символизирующихся в качестве таковых, к индивидуально-избирательным отношениям, которые еще остаются институционализированными, занимая вполне определенное место в социальной структуре общины»¹⁰⁴. С развитием тех субъектных интенций, которые имплицитно содержались в ритуализованных формах дружеского общения, цементируя их, более широкие компенсаторные возможности приобретает дружба. Одновременно она утрачивает непосредственную связь и взаимодействие с «вплетенным» общением, компенсируя более сложный, индивидуализированный комплекс потребностей личности в эмоциональной полноте жизни (сочувствие, сопереживание), самоутверждении. Дружеское общение было способно компенсировать недостаток теплоты отношений, скажем, в суровой, пуританской семье или восполнить ее отсутствие. Элитарные формы дружеского общения позволяли возвыситься над прозой повседневных контактов, способствовали реализации потребностей в самоуважении и самоутверждении. Характерно в указанном отношении общение итальянских гуманистов¹⁰⁵.

Богатство оттенков и содержания дружеского общения в его развитой форме не может скрыть тот факт, что в структуре дружеских отношений преобладающей бывает либо ориентация на себя, либо на другого. Следовательно, друг в образе «жилетки», в которую можно выплакаться, — средство самораскрытия или, напротив, друг в качестве страдающего существа, нуждающегося в поддержке, утешении, образуют противоположные полюсы дружеских отношений, между которыми располагается бесчисленное множество промежуточных градаций. Мы здесь умышленно не принимаем в расчет вариант дружбы как сотрудничества, совместного твор-

чества и т.д. Ибо в их основе лежат иные цели, чем в общении ради тех ценностей, которые заключены в нем самом. Вариант полезной дружбы — современный аналог ритуализованной, хотя и более персонифицированный. В то время как указанная поляризация в заданной нами плоскости дает больше оснований для различения компенсации и сверхкомпенсации средствами общения. Различения весьма важного для понимания сущности и природы компенсаторного общения и его проявлений.

Из сказанного ранее можно заметить, что компенсацию мы связываем в первую очередь с ориентацией на потребление, насколько это вообще возможно средствами общения, сверхкомпенсацию — с активным проявлением деятельностного начала. Предварительно можно отметить своеобразный «эгоцентризм» компенсаторного общения в сравнении со сверхкомпенсаторным, ибо оно направлено в первую очередь на себя, а не на другого. Лейтмотив компенсаторного общения, осознанный или бессознательный: мне недостает того-то и того-то в моих повседневных контактах с окружающими. Объединение в компенсаторные малые группы или образование на основе потребности в компенсации диад (любовных, дружеских) подчинено реализации этой направленности. «Эгоцентризм» компенсаторного общения преодолевается в сверхкомпенсаторном, которое, имея много общего с первым в плане причин возникновения, отличается от него прежде всего своей направленностью на другого. Сущность этого процесса выражена А.А.Ухтомским в терминах его учения о доминанте следующим образом: «С того момента, как человек решится однажды вынести свою установку (свою доминанту) на собеседника вне и помимо себя, приходит что угодно, только не «покой»: начинается все растущий труд над собой и ради другого, то есть все больший и больший в жизни для ближайшего, встречного человека»¹⁰⁶. «Труд над собой и ради другого» гармонизирует не только внутренний мир личности, переводя его на более высокий уровень целостности, но и экстерииоризуется вовне, совершенствуя среду общения в целом. Сверхкомпенсация, следовательно, может быть оценена как своего рода творчество в сфере общения, причем и по своим процессуальным характеристикам, и по результату. Разумеется, речь здесь идет о *реальной* сверхкомпенсации, с которой иллюзорная совпадает лишь внешне, процессуально. Мера творческой в сверхкомпенсаторном общении определяется степенью полноты сверхкомпенсации, устойчивостью и необратимостью изменений, происходящих в самой личности и в том коммуникативном мире, что она вольно или невольно преобразует. Характерный признак сверхкомпенсации как таковой: ориентация на *свое иное* проявляется здесь в форме неустанного поиска тех, кто истинно в нас нуждается, ибо они-то и есть наши ближние. Реальная сверхкомпенсация сопряжена с усилиями по гармонизации внутреннего мира другого и достижима лишь при условии решения этой задачи. Парадигмой сверхкомпенсации в общении выступает истинная половая любовь, сокровенную

суть которой с удивительной силой выразил Владимир Соловьев в работе «Смысл любви»¹⁰⁷. Восстановить целостность и единство человеческой личности, обрести подлинную индивидуальность, утвердить себя, считал Вл.Соловьев, нельзя иначе, как в любви, преодолевающей естественный для человека эгоизм. «В чувстве любви, — писал Вл.Соловьев, — по основному ее смыслу мы утверждаем безусловное значение другой индивидуальности, а через это и безусловное значение своей собственной»¹⁰⁸. Любить, по Вл.Соловьеву, это значит «жить в другом, как в себе, или находить в другом положительное и безусловное восполнение своего существа»¹⁰⁹.

В иллюзорной сверхкомпенсации посредством общения акцент также перенесен на другого, но индивидуальная гармонизация осуществляется за счет дегармонизации коммуникативного мира партнера по общению или углубления уже имеющейся у него дисгармонии. В реальной сверхкомпенсации опора происходит на безусловно сильные, привлекательные стороны личности партнера по общению или по крайней мере на ростки таковых. Не случайно Вл.Соловьев отмечал, что любящие воспринимают друг друга не в «эмпирическом, подлежащем реальному чувственному восприятию бытии, но «как идеальную форму любимого предмета»¹¹⁰, которая должна явиться. Однако прозорливостью, по-видимому, обладает всякое заинтересованное отношение, в том числе и недоброжелательная установка на окружающих. В этом, вероятно, заключается корень иллюзорной сверхкомпенсации, о чем следует сказать подробнее и в более детальной соотнесенности с реальными компенсаторными процессами. При этом уместно сопоставлять ее не только с реальной сверхкомпенсацией (как однопорядковым процессом), но и поочередно соотносить в меру возможности с собственно компенсацией, впрочем, как и другими механизмами коммуникативно-компенсаторной ориентации.

Иллюзорная сверхкомпенсация, так же как и реальная, использует в своем арсенале «обходной путь». Она также ориентирована на другого. Только если в случае реальной сверхкомпенсации другой выступает в качестве цели, то в иллюзорной лишь как средство уравнивания собственного внутреннего мира. В первом случае происходит действительный обогатительный личностный рост, *диалогическое взаимоутверждение Я и Ты* (М.Бубер), во втором — иллюзорное *возвышение одного за счет и на фоне снижения другого*. Так поступает Глеб Капустин — герой рассказа В.Шукшина «Срезал»¹¹¹. Характерно, что «жертвами» поверхностно начитанного, но острого на язык мужика всегда оказываются именитые родственники односельчан, сами выходцы из этой же деревни, «выбившиеся в люди»: полковник, кандидат наук и прочие. Глеб Капустин подобно декартовскому слепому умело «заводит зрячего в темный подвал, чтобы драться с ним на равных условиях». Псевдоинтеллектуальный диспут, который он всегда ловко затевает при многочисленных «болельщиках», достойно мог бы поддерживать, пожалуй, лишь раблезианский Панург, но интеллигенты совер-

шенно теряются в этом местном театре абсурда. Глеб «взмывает ввысь коршуном» и «срезает» их к большому удовольствию своих поклонников, которые всякий раз с нетерпением ждут, когда он «срежет знатного». Последнее во многом объясняет жизненную силу иллюзорной сверхкомпенсации. У нее есть свои со-участники, со-чувствующие, те, что воспринимают ее как подлинную. Сами они не лезут на рожон, но словно отождествляя себя с победителем «из наших», всякий раз испытывают чувство психологического выигрыша.

Иллюзорная сверхкомпенсация часто неразборчива в выборе своих приемов. В гностическом плане она опирается на выявление у «средства» сверхкомпенсации наиболее уязвимых сторон его личности, создающих возможность успешного манипулирования его поведением. И в этом смысле инициаторы иллюзорной сверхкомпенсации весьма прозорливы и изобретательны. Характерными образчиками иллюзорной сверхкомпенсации такого рода выступают хулиганские действия по отношению к окружающим, стремление эпатировать или подавлять их, вызывая чувство страха и зависимости. Средствами иллюзорной сверхкомпенсации могут оказаться не только люди, но и животные, и даже неодушевленные предметы, которые поневоле выступают здесь в качестве субъективированного объекта (М.С.Каган). Акты вандализма по отношению к памятникам и захоронениям, по-видимому, являются не только неадекватной формой проявления определенной идеологической позиции, но и способом иллюзорной сверхкомпенсации, посредством причинения страданий и боли отсутствующему в данный момент, но предполагаемому оппоненту. По ведомству иллюзорной сверхкомпенсации могут быть проведены и банальные формы вандализма, не маскируемые политическими атрибутами.

Ранее мы уже отмечали своеобразный эгоцентризм собственно компенсаторного общения, не пытаясь «порицать» эту форму социальных связей, впрочем, как и не пробуя «развести» реальную и иллюзорную компенсации средствами общения. Анализ процессов иллюзорной сверхкомпенсации, сопряженный с рассмотрением реальной, показал нам наихудший из вариантов эгоистического самоутверждения за чужой счет. Чтобы как-то оценить роль собственно компенсации в коммуникативно-компенсаторных процессах, следует подойти к проблеме аналитически. То есть попытаться расчлнить собственно компенсаторное общение на внутренние присущие ему элементы, каждый из которых выражал бы возможную доминирующую направленность личности. Если следовать весьма распространенной трехкомпонентной схеме, то в компенсаторном общении можно выделить эмоциональную, интеллектуально-гностическую и деятельностную направленности. Из предыдущего анализа следует, что сверхкомпенсация (реальная и иллюзорная) связана с вынесением деятельностной установки на другого, и только посредством ее реализации возможна гармонизация внутреннего коммуникативного мира субъекта сверхкомпен-

сации, сопровождающаяся переходом на новый уровень целостности. В зависимости от того, с реальной или иллюзорной сверхкомпенсацией связано обновление личности, она «возвращается» в сферу предметной деятельности, в систему институциональных и прочих стабильных связей обогащенной или, напротив, обедненной. Что в конечном счете сказывается в дальнейшем на всех ее жизненных проявлениях.

Зададимся вопросом: достижима ли сверхкомпенсация за счет доминирующей ориентации на эмоциональное либо информационное насыщение в рамках потребления при «атрофии» деятельностного начала? Думается, нет. Сверхкомпенсация, как мы пытались показать, отнюдь не чисто количественное измерение. Больше или меньше информации как таковой или эмоциональных компонентов в общении еще не образует сверхкомпенсации. Важно другое: выводят ли данная информация и эмоциональные составляющие общения за границы прежней целостности, создавая одновременно желаемую гармонию в коммуникативном мире личности, или искомая гармонизация достигается в пределах прежнего единства социальных параметров личности. Сверхкомпенсация и в информационном, и в эмоциональном планах достижима посредством реализации деятельностного аспекта сверхкомпенсации, то есть опосредованно, через вынесение установки вовне. Прямой сверхкомпенсации эмоциональных и информационных компонентов не предусмотрено. Прямой, по интересующим нас направлениям, может быть лишь компенсация (как реальная, так и иллюзорная). Проиллюстрируем сказанное следующим рассуждением. Представим ситуацию, в которой личность, остро нуждаясь в эмоциональном тепле, сочувствии, сопереживании, ощущает эмоциональный дискомфорт. Восстановить душевное равновесие можно, обратившись к другим людям как к возможному источнику преодоления эмоционального «вакуума» и вызывая сострадание к себе, вымолить недостающее сочувствие. Однако можно заключить, что есть люди, еще более нуждающиеся в эмоциональном тепле, и обратить свою энергию на улучшение положения этих людей. Тогда перенесение внимания с себя на другого позволит получить обратную реакцию и возместить недостающее деятельно, приобретать отдавая. Но это в отличие от первого варианта уже путь не компенсации, а сверхкомпенсации, через деятельность, через преобразование себя, обновление и воссоздание нового уровня целостности. Вероятно, этот путь и имел в виду К.Маркс, когда писал: «Предположи теперь человека как человека и его отношение к миру как человеческое отношение: в таком случае ты сможешь любовь обменивать только на любовь, доверие только на доверие...»¹². Если проанализировать процесс восполнения личностью недостающей информации средствами общения, причем в контексте сверхкомпенсации, то, думается, перед нами предстанет картина, идентичная рассмотренной ранее.

Получение новых знаний необязательно связано с процессами общения, во всяком случае непосредственного. Исключение, пожалуй, состав-

ляет самопознание, которое вне общения совершенно невозможно. Ибо чтобы познать себя как личность, свои возможности и способности, надо соотнести себя с другими, а это затруднительно сделать, не общаясь.

Человек, нуждающийся в информационно насыщенном общении, может получить искомую информацию только от другого. Если речь идет о такой информации, которая, как говорится, лежит на поверхности, ее можно получить от всякого. Чем утонченней становится потребность в информации, чем избирательней она к ее содержанию, чем уникальнее требующаяся информация, тем труднее ее получить. Одна из серьезных трудностей заключается в том, что носителем этой информации выступает другая личность, а общение, как известно, обоюдная, избирательная форма активности. Следовательно, нужно, во-первых, суметь определить среди многих такого человека, который может обладать необходимой для вас информацией, а во-вторых, настолько расположить его в свою пользу, чтобы он пожелал ею поделиться, решив, что вы именно тот человек, который способен правильно воспринять и оценить сказанное. Тем более, если речь идет о сугубо личностной информации, имеющей для ее носителя глубокое субъективное содержание. Таким образом, если я хочу подняться на порядок выше в информационном отношении, пропорционально этому должны возрасти мои коммуникативные способности, навыки социальной перцепции, коммуникативная привлекательность. Я сам должен стать иным, более интересным, более привлекательным для этого потенциального собеседника. А это опять же предполагает деятельное отношение к себе, самосовершенствование. Субъект общения как бы раздваивается, и деятельностная установка направляется на самого себя, как на другого.

Характерно, что всякое приобщение к тайным знаниям, известное из истории культуры, всегда было сопряжено с прохождением целого ряда испытаний, иногда весьма сложных, порой мучительных, связанных со страданием. Люди так высоко ценили эти знания, что были готовы принять за них муки, увечья (скопцы), радикально изменить образ жизни и самоизмениться¹¹³.

Таким образом, стремление к сверхкомпенсации в эмоциональной и информационной сферах осуществимо лишь опосредованно, через деятельностьную сверхкомпенсацию.

Раскрывая преимущества реальной сверхкомпенсации в коммуникативно-компенсаторных процессах, мы невольно указывали на ограниченность собственной компенсации. Показывали, что за счет компенсации происходит лишь как бы подпитка заданного эмоционального и информационного потенциала личности. Подпитка, не связанная с творчеством, с совершенствованием коммуникативного мира, не имеющая глубокого смысла и далеко идущих целей. Дает ли сказанное основание для осуждения компенсаторного общения? На этот вопрос трудно ответить однозначно. Те, кто

склонен рассматривать компенсацию средствами общения по аналогии с законодательно принятыми формами юридического возмещения, едва ли согласится с порицанием. Компенсация как возмещение утраченного по той или иной причине. Что же тут плохого? Вот уж воистину случай, «когда житейская середина принимается за вершину жизни» (Вл. Соловьев). Между тем и анализ существующей в мире юридической практики по возмещению материального ущерба позволяет поставить под сомнение ее полноту и универсальность. Представим себе, что у некоего гражданина, много лет назад незаконно осужденного, было конфисковано имущество, в том числе богатейшая личная библиотека. Будет ли эквивалентна потере та сумма денег, как бы велика она ни была, что он получит взамен? Как адекватно возместить ему труды по ее тщательному, любовному собиранию? Думается, что ни один библиофил, да и просто здравый человек не признает такую компенсацию действительной. А где найти компенсирующий аналог разрушенному строителями деревянному дому, о котором повествует в своих стихах Арсений Тарковский; дому, с исчезновением которого уходит в небытие жизненный уклад многих поколений¹⁴. Нет, компенсация, чтобы быть полной, должна превращаться в сверхкомпенсацию. Хотя следует признать, что есть вещи невозполнимые, разве что иллюзорно можно в них что-то поправить.

Занимая промежуточное положение между сверхкомпенсацией и декомпенсацией, собственно компенсация означает неустойчивое, легко нарушаемое равновесие, своеобразную «отсрочку». Неустойчивость собственно компенсаторного общения обусловлена тем, что будучи ориентировано на частичное восполнение одного какого-то аспекта человеческих связей, оно легко может быть запредельно и односторонне насыщено искомыми компонентами. А это в свою очередь может вызывать еще большее разбалансирование коммуникативного мира личности. Как уже отмечалось, при определенных условиях компенсация может переходить в сверхкомпенсацию. Так, например, адюльтер, безусловно, выступающий в качестве дополнения к неудовлетворительным семейным (эротическим, нравственным) отношениям, может со временем перерасти в большое, искреннее чувство. Если рассматривать этот трансцензус в координатах коммуникативно-компенсаторных процессов, то такой переход можно расценивать как превращение, возможно, привычной компенсации в неожиданную сверхкомпенсацию. Собственно, так и происходит в чеховском рассказе «Дама с собачкой», когда отношения героев, складывающиеся вначале в форме банального курортного романа, перерастают в сильнейшую личную привязанность.

Наличие компенсаторных механизмов общения не гарантирует успешности компенсации. Когда они не срабатывают, происходит *декомпенсация*, означающая переход на более элементарный уровень гармонии индивидуальной сферы общения. Не развивая пока более подробно положение

о различении реального и иллюзорного в компенсаторном общении, заметим, что конкретные акты этого вида социального взаимодействия могут содержать в себе одновременно обе указанные стороны. Декомпенсация вполне может сопровождаться иллюзорной сверхкомпенсацией, а реальная сверхкомпенсация, выводящая личность за пределы привычного для окружающих коммуникативного мира, может оцениваться как иллюзорная. Отсюда, естественно, возникает вопрос об объективных основаниях оценивания компенсаторного общения.

Оценивание коммуникативно-компенсаторных процессов усложняется наличием в них *первичной* и *вторичной* компенсации. Если принять за первичную, базовую компенсацию выделение общения в особый вид деятельности, гармонизирующий «вплетенное» общение, то недостаточность первичной компенсации вызывает к жизни вторичную, дополнительную. Появление последней означает, что первичная компенсация срывается, скорее, на социальном, чем на индивидуальном уровне. Точнее, для гармонизации коммуникативного мира личности уже недостает тех сложившихся компенсаторных механизмов, в которые она включена автоматически в силу ряда обстоятельств: этнических, классовых, культурных, образовательных, возрастных, половых и т.д. Первичная компенсация, как правило, социально одобряема или по крайней мере признана. Она, если можно так выразиться, входит в официальный компенсаторный фонд и, как ни парадоксально это звучит, настолько органично входит в культуру, в необходимые условия бытия социума, что вовсе не воспринимается как компенсация. Едва ли, например, в средние века кто-либо осознавал, что богообщение имеет, кроме всего прочего, иллюзорно-компенсаторную природу. Вторичная компенсация часто вызывает настороженность, в иных случаях враждебность. Хотя сам «инструментарий» вторичной компенсации чаще всего заимствуется из первичного компенсаторного фонда. «Криминал» в этом случае заключается в том, что он (инструментарий) незаконно узурпируется теми, на кого не распространяется по существующим нормам. Так, в современном обществе допускается как форма общения пьяное застолье взрослых, но осуждается таковое у детей и подростков. Образование вторичного компенсаторного фонда происходит и за счет экспериментирования в сфере общения. Первичный и вторичный компенсаторные фонды взаимопроникают друг в друга. Некоторые элементы первичного компенсаторного фонда переходят во вторичный и наоборот. Существовавшая в некоторых культурах ритуальная практика совместного употребления наркотиков ныне подлежит моральному осуждению и соответствующим юридическим санкциям. Неоднократно в истории культуры происходила переоценка практики гомосексуальных связей.

Таким образом, вторичная компенсация связана с отрицанием социокультурной заданности коммуникативной среды, в которую личность по-

гружена изначально. Как бы жестко ни задавались нормативы, образцы и круг общения личности, факт существования смежных коммуникативных миров и возможность творчества в сфере общения позволяют вырваться за очерченные пределы во вторичной компенсации. Вырваться хотя бы иллюзорно. Даже такое жестко регламентированное общество, как средневековое, не исключало этой возможности. Герой поэмы Вернера Садовника «Майер Гельмбрехт» (XIII в.)¹¹⁵ порывает со своей крестьянской средой и, иллюзорно повышая свой сословный статус, становится рыцарем-разбойником. В рыцарстве его прельщает праздность, яркость внешних проявлений, выгодно отличающиеся от монотонной, однообразной крестьянской жизни. Неадекватность иллюзорной компенсации заложена уже в побудительных мотивах коммуникативного поведения личности. Поэтому новоявленный рыцарь — «ворона в павлиньих перьях», а его метаморфоза оборачивается гибелью. Сказанное не означает, что в этих условиях полностью исключается возможность вторичной компенсации, хотя бы иллюзорной, за установленными пределами без «летального исхода». Как известно, в средние века широкое распространение имела магия, которая, безусловно, играла иллюзорно-компенсаторную роль. Причем эта компенсация была явно вторичной по отношению к признаваемой религиозно-христианской ортодоксией коммуникации с трансценденцией. Тем не менее ортодоксальная идеология не только была вынуждена с этим мириться в течение длительного исторического периода, но даже вмонтировать элементы народной религии в христианские обряды¹¹⁶. Однако бесспорно и то, что авторитарное общество плохо приспособлено для экспериментирования в сфере общения, поисковых попыток гармонизировать среду индивидуального общения за пределами регламентированной первичной компенсации. Характерно, что «осень» средневековья ознаменовала наступление на народную магию, что вовсе не означало ослабления роли вторичной компенсации в данном ее проявлении, скорее, вторичная компенсация в явно оппозиционных мировоззренческих, нравственных и т.д. формах приобретала все более латентный характер¹¹⁷. Особенно очевидно это в эпоху Возрождения и даже Просвещения, когда все более широкое распространение получили шабаш (реальность которого, как правило, ставится под сомнение)¹¹⁸ и с середины XVII века «черная месса» (факт совершенно реальный)¹¹⁹. Как вторичная компенсация в сфере сексуальных отношений всегда выступало общение в форме специально организованных оргий¹²⁰.

Рассмотренные выше особенности коммуникативно-компенсаторных процессов позволяют проиллюстрировать их структуру следующей схемой (рис. 1) и дать общую дефиницию компенсаторного общения. Под компенсаторным общением в широком смысле мы понимаем общение, исторически выделившееся из области предметной деятельности и направленное на гармонизацию коммуникативного мира личности. Эта гармонизация

происходит в результате первичной либо вторичной компенсации реально или иллюзорно, посредством собственно компенсации, декомпенсации или сверхкомпенсации. Социальные причины коммуникативно-компенсаторных процессов мы рассмотрим в следующем параграфе данной главы.

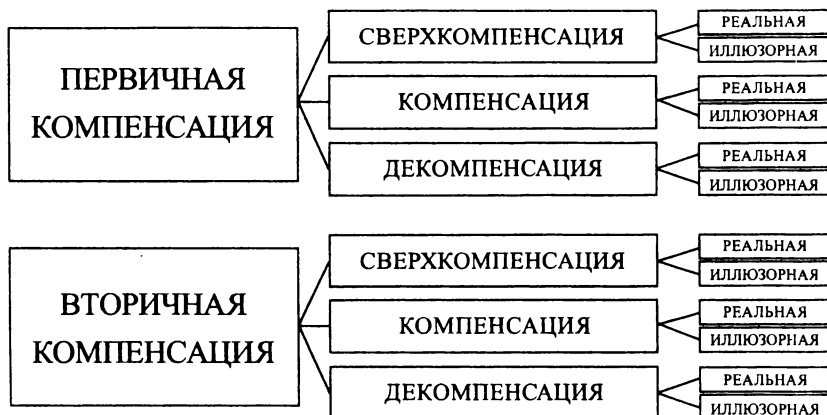

Рис. 1. Классификация коммуникативно-компенсаторных процессов.

2. 3. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ КОМПЕНСАТОРНОГО ОБЩЕНИЯ

КАК БЫ НИ ОТЛИЧАЛИСЬ друг от друга история отдельной личности и история человеческого рода, в одном они все же сходны: они означают прогрессирующий рост мира Оно.

Мартин Бубер

Проведенный нами ранее анализ показывает, что область компенсаторного общения включает в себя довольно различные, а подчас и прямо противоположные в ценностном измерении явления. В одной плоскости это *сверхкомпенсация, собственно компенсация и декомпенсация* средствами общения, в другой — *первичная и вторичная компенсация* и, наконец, можно выделить в компенсаторном общении *реальные и иллюзорные* моменты. По преобладанию того или иного компонента уместно говорить об иллюзорно или реально компенсаторном общении. Несмотря на радикальное различие содержания этих коммуникативных процессов, они так или иначе восполняют «дефициты» вплетенного общения, гармонизируют коммуникативный мир личности, смягчают одиночество. В этом их единая социальная роль и предназначение.

Однако можно ли при этом настаивать на целесообразности поиска общих социальных причин для таких все же весьма различных социальных следствий? Думается, что вначале и возможно, и необходимо определить причины формирования общего коммуникативно-компенсаторного рус-

ла и лишь затем остановиться на анализе причин отдельных его потоков, нередко сливающихся в одном субъекте, то «турбулентных», то «ламинарных» в своем движении. При этом следует различать *объективные* и *субъективные* причины компенсаторного общения, рассматриваемые с точки зрения диалектики *общего, особенного и единичного*. Учитывать *внутренние* и *внешние, необходимые* и *случайные* причины. В этом и заключаются, по-видимому, возможная для социально-философского анализа конкретизация интересующего нас предмета, а также условие дальнейшего выхода на конкретные проявления компенсаторного общения.

Как и любые социальные процессы, коммуникативно-компенсаторные складываются на основе взаимодействия объективных и субъективных факторов. Объективность будет пониматься нами, вслед за А.Ф.Еремеевым, как «внешняя обусловленность этих внутренних действий, как реальная ситуация, которая позволяет процессу развиваться во вполне определенных направлениях, со вполне определенным качественным результатом»¹²¹. Взятые в отдельности объективные условия общения помогают нам обнаружить имеющиеся трудности и препятствия на пути полноценного общения и определить русло их преодоления. При этом многое будет зависеть и от собственных коммуникативной активности и избирательности субъекта общения. Например, выбор иллюзорной или реальной гармонизации коммуникативного мира во многом обусловлен субъективными особенностями самого носителя активности. Направленность на овладение одними и теми же коммуникативными ценностями (достижение сочувствия, повышение статуса и т.д.) может быть осуществлено довольно различными средствами.

Предельно *общей* объективной причиной коммуникативно-компенсаторных процессов выступает та или иная деформация структуры вплетенного общения, которая гармонизируется за счет компенсаторного потенциала, уже рассмотренного нами, коммуникативно-компенсаторного фонда. Чем радикальнее эти изменения, тем большая нагрузка ложится на компенсаторный фонд. Особенно заметную роль коммуникативно-компенсаторные процессы начинают играть в периоды резкой смены коммуникативной ситуации, когда в результате коренных социальных изменений в целом одновременно разрушаются прежние условия общения и возникают новые, непривычные, требующие освоения. Тогда нагрузка на первичный компенсаторный фонд многократно увеличивается, и все большее значение начинает приобретать вторичная компенсация. Если деформация структуры вплетенного общения является предельно общей объективной причиной возникновения коммуникативно-компенсаторных процессов, то реальное содержание этой деформации всегда достаточно конкретно. Оно может быть рассмотрено как на уровне особенного, так и на уровне единичного. В первом случае должны быть учтены особенности данной конкретной коммуникативной ситуации, имеющей историческое, на-

циональное, региональное, вообще надличностное значение. Во втором, напротив, нас интересует, как эта коммуникативная ситуация сопряжена с индивидуальными условиями общения, которые могут либо усиливать, либо ослаблять ее воздействие.

В течение жизни личности индивидуальная коммуникативная ситуация многократно изменяется. Это связано с переходом личности из одной возрастной и социальной группы в другую с переменой социального статуса, с переездами, со сменой социального окружения. Однако ведущее значение для возникновения коммуникативно-компенсаторных процессов имеет коммуникативная ситуация более широкого масштаба, которая определяет судьбы, в том числе и коммуникативные, целых поколений и народов.

Комплекс факторов, оказывающих определяющее влияние на формирование коммуникативной ситуации, часто имеет иную, то есть некоммуникативную природу. Важнейшими факторами, обусловившими в последние десятилетия коренные изменения в условиях и средствах общения людей, явились научно-техническая революция и урбанизация, а также связанные с ними процессы развития системы массовой коммуникации и компьютеризация. Некоторые социальные и социально-психологические следствия этих изменений могут быть рассмотрены как объективные причины происхождения и активизации коммуникативно-компенсаторных процессов на уровне *особенного*. Понятно, что эти факторы следует рассматривать в определенном социальном контексте, характерном для данного конкретного социума. Кроме того, важно учитывать, с каким историческим, социально-психологическим, идеологическим, нравственным и культурным багажом субъекты общения входят в новую коммуникативную ситуацию, какие традиции они в нее вносят. Тогда более отчетливо прогнозируется преобладание тех или иных модификаций в системе социальной компенсации, те или иные возможные предпочтения из реального или иллюзорного рукавов компенсаторного русла.

Однако, как это следует из содержания двух предыдущих параграфов, компенсаторно-коммуникативные процессы вовсе не являются лишь современным изобретением, а характерны и для довольно отдаленных от нас эпох. Не трудно установить, что те или иные проявления деформации в структуре общения людей всегда были связаны с исторически определенными формами отчуждения людей от природы, от различных сторон общественной жизни, социальных институтов, процессов и продуктов собственной деятельности, от окружающих и самих себя. *Отчуждение всегда связано с искажением диалогического отношения, подменой Я-Ты и Я-Мы отношения отношениями Я-Он/Они, Я-Другой/Другие, Я-Оно. Компенсаторное общение, следовательно, может быть рассматриваемо и как форма проявления воздействия отчуждения и как способ его преодоления средствами общения. Так, например, эскалация субъект-объектного отношения к природе, отчуждающая человека от нее, углубление переживания*

космического одиночества могут быть смягчены компенсаторным общением с природой. НТП и урбанизация, с их противоречиями и негативными следствиями на нынешнем этапе развития, в совокупности с актуальными социокультурными и нравственными проблемами нашего времени, еще более остро ставят проблему отчуждения и соответственно компенсаторного общения.

Но пока даже довольно общее рассмотрение, например, вопроса о влиянии НТР и урбанизации на систему общения сталкивается с определенными трудностями. Хотя амбивалентность существенного влияния научно-технического прогресса *на общение людей* была метко подмечена еще в начале XX столетия Н.А. Бердяевым: «Технизация жизни улучшает общение между людьми, но она же увеличивает, а не уменьшает разобщенность между людьми. Техника не знает общения, она означает крайнюю форму объективации человеческого существования. Огромное значение для универсализации человеческих сообщений имеют автомобили, аэропланы, кинематограф, T.S.F. и т.п. Каждый человек перестает быть прикованным к изолированному пространству земли и ввергается в мировую жизнь. *Но необычайная широта и универсальность сообщений оказывается противоположной интимности и близости общения. Человек необычайно одинок в этих универсальных сообщениях*»¹²² (курсив мой. — В.Г.).

Последующие десятилетия мало что прибавили к осмыслению этой проблемы в плане ее конкретизации. Так, один из исследователей проблемы общения Б.А.Родионов в семидесятые годы с сожалением констатировал, что «в советской философской и социологической литературе подробно рассмотрены многие вопросы, связанные с влиянием научно-технической революции на личность работника, влияние на изменения в структуре рабочей силы, профессиональное разделение труда и другие. Однако вопросы о влиянии научно-технической революции на систему общения, специфику последнего в зависимости от степени развития механизации и автоматизации производственных процессов, к сожалению, в литературе до сих пор почти не рассматривались»¹²³. Это замечание, высказанное более двадцати лет назад, сохраняет свою актуальность и сегодня, ибо недостаток, на который оно указывает, преодолен лишь частично, несмотря на лавинообразный рост исследований общения усилиями представителей многих научных дисциплин. И по сей день вопрос о влиянии научно-технической революции на процессы общения обычно рассматривается как сопутствующий. И это несмотря на его громадную теоретическую и практическую значимость. Но и при специальном анализе влияния НТР на процессы общения рассматриваются лишь некоторые стороны этого влияния, причем на отдельные характеристики коммуникативных процессов.

Об изученности влияния НТР *на систему общения* в целом, как это подчеркивал Б.А.Родионов, пока говорить не приходится. Да и что она собой

представляет, эта система? Кто это знает? Нам хотя бы уловить и учесть то, как взаимодействуют производственное и внепроизводственное общение, какое влияние они оказывают друг на друга в границах единого субъекта общения, какие противоречия порождают, какие коммуникативные ниши изобретает человек для гармонизации своего коммуникативного мира, деформированного воздействием социально-психологических факторов НТП.

Характерно, что, анализируя особенности общения в условиях современного автоматизированного и комплексно-механизированного производства, ряд авторов прежде всего констатирует факт пространственной разобщенности субъектов деятельности и общения¹²⁴. Все больший интерес исследователей привлекает сегодня «изолированный человек». О.Н.Кузнецов и В.И.Лебедев в связи с этим отмечают: «Развитие техники привело к созданию бесчисленного количества разнообразных «камер»: кабины автомашин, самолетов, космических кораблей, батискафов и т.д. Условия работы в экологически замкнутой системе предполагаются у космонавтов, летчиков, подводников, радиолокаторщиков и у представителей других операторских профессий.

Операторский характер труда, исключая возможность непосредственных межличностных контактов и воздействия многочисленных раздражителей внешней среды, еще больше усиливает одиночество человека. Оператор строго ограничен сигнально-кодовой символизацией его окружения, с которым он в обычной жизни соединен непосредственными восприятиями и человеческими связями.»¹²⁵. Пространственная разобщенность субъектов общения, преодолеваемая с помощью технических средств в процессе преимущественно функционально-ролевых контактов, порождает принципиально новую коммуникативную ситуацию, метко охарактеризованную чехословацким ученым Радаваном Рихтой, который писал: «Под влиянием технического прогресса все контакты между людьми стали более широкими и оживленными (люди больше встречаются, видят и слышат друг друга), но, с другой стороны, они становятся все более опосредствованными, поверхностными, все менее аутентичными (люди встречаются на транспорте, слушают друг друга по телефону, по радио, видят по телевидению и т.д.). При массовых масштабах современных средств коммуникации конкретные взаимодействия людей иногда теряются в необозримой сети взаимосвязей цивилизации.

С ростом производительных сил увеличивается сила влияния человека на жизнь других людей. В то же время эта сила иногда еще слишком слаба, чтобы быть в состоянии придать этому влиянию целеустремленное, позитивно человеческое и, по существу, более глубокое значение. Напротив, дает себя знать *растущее одиночество человека в полностью механизированных цехах, у автоматических пультов управления и т.п.*, которое столь серьезно влияет на человеческую личность. Эта тенденция с *небыва-*

лой остротой порождает — в перспективе, вероятно, — основополагающую *потребность в человеческой близости*»¹²⁶ (курсив мой. — В.Г.).

Чем объяснить возникновение чувства одиночества в экологически замкнутой системе и в автоматизированных цехах у пультов управления при наличии постоянной информационной связи с товарищами по работе при помощи инструментальных средств общения? Почему увеличение интенсивности и круга производственного общения одновременно порождает острую потребность в человеческой близости? Как выразить этот в сущности поэтический, а потому недостаточно определенный образ в логике более прозаических, но зато гораздо более точных понятий? Почему инструментальное общение и общение через предмет труда в процессе производственной деятельности, а также через обмен готовыми продуктами этой деятельности не приносит полного удовлетворения, как это бывает при непосредственных взаимодействиях? Ответить на эти теснейшим образом взаимосвязанные вопросы можно лишь при условии, что мы откажемся видеть в общении лишь или преимущественно обмен информацией. Уже тот факт, что человек, включенный в интенсивную сеть инструментальной коммуникации, испытывает острую потребность в иных способах взаимодействия с людьми, показывает неправомерность сведения общения к обмену информацией. По мнению В.М.Соковнина, общение выступает как *коммуникация, взаимопонимание, взаимовлияние, деятельность и отношение*¹²⁷. Стремление к всестороннему охвату всех возможных определений социального общения является, на наш взгляд, чрезвычайно плодотворным подходом к исследованию этого сложнейшего социального феномена.

Следующим важным шагом для наиболее адекватного раскрытия содержания этих определений является выявление главного из них. Мы уже отмечали, что наибольшую эвристическую ценность, по нашему мнению, имеет деятельностный подход к человеческому общению, а деятельностным компонентам потребности в общении принадлежит особая роль в структуре коммуникативных потребностей личности. Через призму деятельностного подхода наиболее полно и глубоко раскрывается содержание всех остальных определений социального общения (коммуникация, взаимопонимание и т.д.).

Что же касается В.М.Соковнина, то он выдвигает в качестве ядра общения обмен информацией, рассматривая остальные его функции как подчиненные, обусловленные потребностями коммуникации. Это, разумеется, сказывается на том, как он понимает содержание выделенных им основных определений социального общения. Так, например, В.М.Соковнин расценивает процесс *взаимопонимания* как «реальную возможность и способность коммуниканта адекватно расшифровывать полученное сообщение, переводить воспринятую мысль в план собственного сознания без существенных потерь смысла, заключенного в нее коммуникатором»¹²⁸.

Можно было бы не заострять специально внимания на такой трактовке процессов взаимопонимания, которая в определенных, довольно узких границах информационного подхода имеет право на существование, если бы она не имела многочисленных, хотя и не вполне последовательных приверженцев. Так, автор весьма интересной в целом работы «Природа интеллектуальных способностей человека» Н.В.Виденеев с удовлетворением цитирует приведенное нами выше определение взаимопонимания, которое аттестует как «достаточно правильное»¹²⁹. И тут же дает свою интерпретацию этого понятия, которая не только «проще» выражена, чем формулировка В.М.Соковнина, но и несет в себе существенное уточнение. *«Взаимопонимание, — подчеркивает Н.В.Виденеев, — это идентичное понимание партнерами по диалогу решения какого-то вопроса, их согласие»*¹³⁰. Позвольте, но у В.М.Соковнина ничего не говорится о согласии партнеров. Едва ли кто-нибудь будет отрицать, что вполне возможен адекватный перевод полученного сообщения в план собственного сознания, не сопровождающийся согласием. Более того, нередко несогласие сторон как раз может возникать именно тогда, когда адекватность понимания достигает предельных значений. Чем больше адекватность понимания, тем сильнее несогласие. Поэтому едва ли целесообразно выдвигать взаимопонимание, интерпретируемое подобным образом, в качестве особого определения социального общения, поскольку адекватное восприятие содержания полученного сообщения выступает необходимой стороной вплетенного общения, коммуникации, но не исчерпывает содержания взаимопонимания в более широком коммуникативном аспекте, в том числе в личностных связях между людьми¹³¹. Да и правомерно ли ограничивать *взаимопонимание* указанным аспектом, совершенно не учитывающим, кстати говоря, специфики взаимного отражения эмоциональных состояний вступающих в общение людей, особенностей эмпатического общения¹³², которое не исключено в производственной сфере, а подразумевается в ней как наиболее тонкий инструмент регуляции и совершенствования личности.

Воспользуемся фрагментом из статьи П.В.Симонова для иллюстрации и дальнейшего аргументирования высказанного нами положения. «Представим себе, — пишет П.В.Симонов, — что на нашей Земле оказался исследователь-инопланетянин, совершенно лишенный чувства боли. В результате своих экспериментов он обнаружил, что усиление разнообразных механических, термических, звуковых и т.п. стимулов в определенный момент вызывает ряд характерных, объективно регистрируемых сдвигов в человеческом организме: типичную мимику, речевые реакции (жалобы), повышение кровяного давления и т.д. и т.п., вплоть до изменения активности нервных клеток в определенных отделах головного мозга. Можно ли сказать, что такой высокоинтеллектуальный инопланетянин покинет Землю, поняв, что такое боль как субъективная реальность, как переживание?

Разумеется, нельзя. *Мы постигаем боль другого исключительно благодаря нашей собственной способности испытывать чувство боли. Никакого иного способа проникнуть во внутренний мир другого человека у нас нет*»¹³³ (курсив мой. — В.Г.). Следовательно, взаимопонимание в более широком контексте включает в себя способность сопереживания, взаимное уподобление партнеров по общению, способность идентификации. Чтобы отличить указанные аспекты взаимопонимания, можно обозначить рассмотренный нами тип как *сочувствование*, то есть достижение тождественных эмоциональных состояний коммуникантов в процессе общения. Оно-то как раз и будет способствовать достижению согласия. Именно эмоциональная сторона общения во все времена являлась для людей наиболее привлекательной. Люди изначально испытывают неодолимую потребность в сочувствовании.

Естественным, полноценным, гармоничным общение делает не только наличие в нем определенного содержания, некоторой важной для его субъектов информации, но и эмоциональные компоненты, сопровождающие ее передачу и выражающие отношение к сказанному. Характерно, что инструментальные средства общения, как правило, являются не только средствами передачи информации от коммуникатора к реципиенту, но и своеобразными фильтрами, задерживающими именно эмоциональные компоненты, так как главная задача, которую выполняют инструментальные средства общения, — это передача значений, которые «представляют собой отражение действительности независимо от индивидуального, личностного отношения к ней человека»¹³⁴.

Для передачи по каналам инструментальных средств личностных смыслов, эмоционального отношения коммуникатора к сообщаемым сведениям требуется дополнительная информация, качественно не отличающаяся от объективной, точнее, требуется объективация смысла в значениях¹³⁵. Если в условиях естественного, «лицом к лицу» общения передача личностных смыслов происходит попутно, через эмоциональную окраску речи, ее темп, вокалистику, выразительные движения и т.д., то в случае передачи эмоциональных компонентов с помощью инструментальных средств они должны быть, как правило, вербализованы и переданы в качестве дополнительной информации, а это предполагает наличие у коммуникантов высокого уровня культуры общения и мышления и требует определенных усилий. Следует также учитывать, что цели производственного общения заключены не в нем самом, а направлены вовне, поскольку главная его задача — обеспечение нормального протекания производственного процесса. Выполнение этой задачи не требует включения в процесс коммуникации эмоциональных компонентов, которые могут оказаться помехами при осуществлении функционально-ролевых контактов, поэтому субъекты производственного общения стремятся их минимизировать. Но как раз эмоциональные компоненты общения являются важнейшей формой самовыражения

личности. Понятно, что такая «экономия» отрицательно отражается на степени удовлетворенности личности качеством общения, на ее духовном самочувствии. Неудовлетворенная в условиях производственного общения потребность в эмоционально насыщенных контактах требует компенсации недостающего во внепроизводственной сфере.

Между тем трудности на пути развития глубокого, эмоционально насыщенного, личностно-ориентированного общения в условиях комплексно-механизированного и автоматизированного производства не ограничиваются рассмотренными выше. Научно-техническая революция, сопровождающаяся интенсификацией всей человеческой жизнедеятельности, ростом включенности человека в деятельность и повышением на основе этого уровня психической напряженности, ставит человека в экстремальные условия и в сфере общения. Для того чтобы обезопасить человеческую психику от чрезмерной психической напряженности, срабатывают особые психологические механизмы торможения непосредственной эмоциональной реакции¹³⁶. В результате включения механизмов психологической защиты человек перестает эмоционально реагировать на любые раздражители внешней среды, в том числе и на других людей. Предохраняя психику человека от избыточного нервного напряжения, защитные механизмы одновременно отрицательно сказываются на развитии эмоционально насыщенных, личностно-ориентированных контактов между людьми в сфере производственного общения.

Важно подчеркнуть, что психологические барьеры в общении, обусловленные некоторыми следствиями научно-технического прогресса, могут быть усилены за счет барьеров физических, социальных, гносеологических, идеологических, правовых, нравственных, этнических, наконец¹³⁷. Так, например, роль барьеров в общении могут играть негативные стереотипы в межнациональном восприятии¹³⁸. Все это делает особо актуальной гуманизацию производственного общения и объясняет острую потребность в осуществлении общения, насыщенного эмоциональными компонентами и наполненного значимыми для субъектов общения личностными смыслами во внепроизводственной сфере. Потребность в подобного рода контактах не удовлетворяется автоматически, ибо «техника наносит страшные удары гуманизму, гуманистическому идеалу человека и культуры. Машина по природе своей антигуманистична».¹³⁹ Поэтому от личности требуется высокая культура общения и значительная коммуникативная активность. Издержки эмоционального торможения проявляют себя и за пределами сферы производственного общения, так как действие механизмов торможения эмоциональной реакции обладает определенной инерцией и не прекращается тут же, вслед за изменением условий общения и выходом за пределы производственного пространства.

Негативные аспекты эмоционального торможения могут усиливаться за счет невысокой общей культуры личности, неразвитости ее нравствен-

ного мира, отсутствия уважения к человеческому достоинству, в том числе собственному. Однако часто значительная степень эмоционального торможения запечатлевается в психике личности подчас как чуждый для нее самый стиль поведения, не способствующий ее самовыражению. Это запускает компенсаторные механизмы. Чрезмерное развитие эмоционального торможения может иметь и иные последствия. Так, отсутствие эмоциональных, личностно-ориентированных контактов в структуре общения личности может элиминировать потребность в подобного рода контактах и, следовательно, исключить необходимость их восполнения за пределами производственного пространства.

Сложные процессы в сфере общения, не поддающиеся однозначной оценке, но безусловно оказывающие на общение существенное влияние, в том числе негативное, происходят сегодня при определяющем влиянии процессов информатизации. Деформация структуры повседневного общения у лиц, интенсивно использующих информационные технологии (ИТ), отмечается во всех возрастных группах, начиная от компьютерно-ориентированных детей¹⁴⁰, до взрослых — постоянных пользователей компьютера и суперпрограммистов¹⁴¹. Формируется новая среда общения с присущими ей приобретениями и потерями. И эта среда «омывает» даже тех, кто сам непосредственно не имеет отношения к ИТ. Постоянное общение с компьютером способствует *деэмоцианизации общения*, поскольку «внешнее выражение эмоциональных реакций, необходимое для установления контакта с другим человеком, совершенно необязательно при общении с компьютером. Все сложности, которые возникают при программировании, его подводные камни могут доставить программисту массу неприятных эмоций, но в отличие от неприятных эмоций, испытываемых при человеческом общении, компьютерные в конечном счете разрешаются исключительно интеллектуальным путем»¹⁴².

В процессе общения с компьютером как с партнером, утверждают исследователи, «возникает ряд новообразований по сравнению с традиционным межличностным общением: значительно усиливаются требования к точности формулировок, логичности и последовательности изложения, повышается значение рефлексии; снижается роль аффективных средств общения и др. Эти новообразования могут переноситься в условия традиционного общения между людьми. Яркие феномены такого «компьютероподобного» общения отмечаются не только в деловой сфере (например, при взаимодействии программистов с пользователями), но и в повседневной деятельности — при обсуждении бытовых проблем, в дружеских беседах, при разговорах с детьми и т.д.»¹⁴³. То, что вполне целесообразно в общении с компьютером, будучи перенесено на область межличностных отношений, чрезвычайно их обедняет. Невольные партнеры компьютероподобных собеседников наверняка будут стремиться компенсировать общение с ними, устремляясь к эмоционально полноценному общению.

Настораживает также и то, что социальная перцепция, опосредованная ИТ, закрепляет редуцированные лишь к определенным составляющим способы формирования образа коммуникативного партнера и результаты их применения¹⁴⁴. Автоматически используемые в дальнейшем при традиционном общении, они приводят к «феномену деперсонализации общения, в соответствии с которым образ коммуникативного партнера редуцируется до набора (списка) сообщений, продуцированных им за определенный отрезок времени. Например, к полной или частичной деперсонализации ведет распространенный среди подростков принцип оценки людей через перечень того, что они умеют или в чем хорошо разбираются. На этой основе у экспертов в области ИТ развивается определенный снобизм и нежелание вступать в контакт с коллегами, уступающими по степени квалификации, знаниям и уровню сформированных навыков»¹⁴⁵. Это способствует формированию редуцированного способа самоутверждения на весьма узком поле самоутверждения, имеющего оттенок иллюзорности.

Всюду, где невольно происходит перенос компьютерного стиля общения на область непосредственных межличностных отношений, последние утрачивают свою неповторимую специфику. Так, бесперспективен компьютероподобный способ рассудочного контролирования каждого этапа контакта с живым человеком и манипулирования им. Неуспешность подобного поведения часто ведет к аутизму. В качестве негативного примера изменения личности под влиянием ИТ можно привести компьютерную «игровую наркоманию». Замечено, что компьютерно-ориентированные дети более эгоистичны и агрессивны¹⁴⁶. «Компьютер, — отмечают О.Н. Черемисина и Г.Л. Бардьер, — как будто притягивает к себе негативно настроенных подростков с высоким уровнем предметной и физической агрессии»¹⁴⁷, этому способствует набор игр, включающих насилие и борьбу. Однако не установлено, чем является повышенная агрессивность — причиной или следствием интенсивного общения подростка с компьютером. Можно предположить, что развитие ИТ как производит деформацию в сфере общения, так и выступает в качестве компенсаторного средства.

Таким образом, научно-техническая революция и компьютеризация способствуют возникновению определенной деформации структуры контактов личности. Объективные изменения, происходящие в общении, и трудности адаптации к ним субъективно ощущаются как определенный психический дискомфорт, неудовлетворенность своими контактами с окружающими, переживание чувства одиночества.

Субъекты подобного общения бессознательно или сознательно стремятся выправить возникшие в структуре их взаимодействия диспропорции. Осуществить это не просто, так как препятствия на пути установления личностно-ориентированных, эмоционально насыщенных контактов, обусловленные научно-технической революцией, дополняются трудностями,

обусловленными *урбанизацией*. Однако прежде чем говорить о факторах урбанизации, оказывающих деформирующее воздействие на общение, следует специально отметить, что компенсаторная коммуникация в равной мере может быть инициирована не только указанными следствиями НТП, но, напротив, примитивными, рутинными, однообразными условиями производственной деятельности человека. Тогда компенсаторное общение замещает неудовлетворяющую человека, безрадостную, отупляющую предметную деятельность. Не имея возможности реализовать свои сущностные силы, самоутвердиться в малопrestiжной деятельности, вызывающей заниженную самооценку, человек стремится обрести самоуважение и снискать уважение окружающих в сфере общения, раскрыть невостребованные черты своей личности.

Особенно актуальна проблема компенсаторного общения в его направленности на самоутверждение личности для человека, утратившего связь с коллективом, для безработного, для человека, не имеющего крова (хотя, казалось бы, он должен быть целиком поглощенным витальными потребностями), то есть для человека, социальный статус которого буквально обрушился, который унижен до последнего предела. Все это реалии нашего времени.

Вернемся к урбанизации. Урбанизация не только способствует отчуждению человека от природы и формированию у него чувства космического одиночества (в терминологии У.А.Садлера и Т.Б.Джонсона), но затрагивает и сферу межличностных отношений. Кроме того, следует учитывать, что космическое одиночество, такое привычное для современного человека и вытесненное в его бессознательное, может проявлять себя на уровне сознания как социальное или межличностное одиночество.

Необходимо учитывать и факт взаимодействия, взаимопроникновения производственного и внепроизводственного общения в самом субъекте коммуникации, чему благоприятствуют условия современного города, способствующие сохранению инерции эмоционального торможения. Исследователи отмечают, что множественность контактов на улице, в транспорте, на предприятиях сферы обслуживания отрицательно сказывается на развитии личностно-ориентированного общения. Так, например, А.В.Баранов приводил следующие расчеты: «Допустим, человек движется со скоростью 4 км/час 5 часов в сутки. Он замечает каждого человека, который оказывается от него в радиусе до 25 метров (расстояние, на котором видно выражение лица). Тогда при плотности населения 40 человек на квадратный километр... человек установит за один день контакт с 32 различными людьми. При плотности Ленинграда 1200 человек на квадратный километр число суточных контактов возрастает до 10000»¹⁴⁸. Понятно, что в такой ситуации человек не может эмоционально реагировать на каждое новое лицо. Причем речь идет здесь не о простом нежелании вступать в личностно-ориентированные контакты, а об объективных трудностях их осуще-

ствления, так как в противном случае человеку приходится преодолевать сильнейшие социально-психологические механизмы торможения непосредственной эмоциональной реакции, о которых говорилось выше.

«Чем интенсивнее общение, — пишут Л.В.Донская и Э.Л.Линчевский, — тем меньше люди интересуются друг другом. Продавщице булочной безразлично, кто унесет хлеб из магазина. Приемщице прачечной все равно, чье белье отправлять на фабрику. Точно так же и покупателю или клиенту важно получить новый товар, сделать заказ. А кто будет отпускать или оформлять — несущественно. Взаимоотношения приобретают сугубо деловой характер. Формальный (официальный) компонент резко преобладает над личным... Производители и потребители услуг, обслуживающие и обслуживаемые противостоят друг другу как обезличенные фигуры»¹⁴⁹. Характерно, что индустриализация сферы обслуживания, интенсификация деятельности ее работников усиливает отмеченные Л.В.Донской и Э.Э.Линчевским тенденции развития межличностного общения. Таким образом, в условиях хронотопа города возникает определенное противоречие между широтой контактов, с одной стороны, и их поверхностностью, безличностью, с другой. Преодоление этого противоречия возможно через включение в наиболее апробированные, надежные межличностные контакты, характеризующиеся эмоциональной насыщенностью, ориентированные на личность и дающие возможность *самореализации* и *самоутверждения*. В качестве таковых традиционно выступали соседское, семейное, дружеское и т.п. общение.

Однако еще в 70—80-е годы, когда проблема соседского и семейного общения чрезвычайно активно исследовалась, большинство социологов констатировали факт свертывания соседского общения в условиях современного города, многие приходили к выводу о бесперспективности соседского общения как такового. Наиболее заостренное выражение эта точка зрения нашла у А.Рябушина, который считал, что «попытки стабилизировать городскую жизнь и укреплять соседство бесперспективны. Кооперирование каких-либо утилитарных функций не предполагает установления глубоких социальных связей»¹⁵⁰. Сегодня в свете немислимых по масштабам махинаций с жильем, запутанных процессов приватизации жилого фонда, социального расслоения населения и прочего едва ли можно возлагать большие надежды на интенсивное, доверительное, эмоциональное и личностно-ориентированное общение по месту жительства. Решетки на окнах, металлические двери, защищающие входы в подъезды, в отдельные секции и квартиры, диктофоны и более сложная техника наблюдения за околососедским пространством к этому не располагают.

Но даже там, где в результате длительного, продолжавшегося десятилетиями совместного проживания прочные соседские связи все же сложились (чаще всего это старые квартиры и дома в центрах крупных городов), соседское общение безжалостно разрушается в процессе «депортации»

старожилов на окраины и заселение отремонтированной жилой площади «ведомственными людьми», «новыми русскими», офисами и т.д.¹⁵¹ При широчайшем размахе строительства в стране одновременно разрушается специфическая особенность городского пространства — его коммуникативность¹⁵².

Правда, можно лишь предположить, так как соответствующие исследования на этот счет нам неизвестны, что соседское общение значительной части горожан перемещается на известный период из города в пригород, где на своих садовых участках они ведут совместную борьбу за урожай и прочее свое достойное в прямом и переносном смысле этого слова, а кроме непосредственно хозяйственной деятельности, компенсируют космическое одиночество в форме общения с природой. Ибо у горожан, по моему, совсем иное в массе своей отношение к земле, ко всему, что на ней произрастает, чем у привычных земледельцев-селян. У последних отношение по преимуществу утилитарно-практическое. У горожан отношение к той же деятельности смещено в сторону субъект-субъектного взаимодействия. Не боюсь впасть в преувеличение, но оно близко к сакральному отношению к хозяйственной деятельности, описанному С.Н.Булгаковым у его «Философии хозяйства».

Коммуникативную ситуацию современного города нельзя понять в отрыве от миграционных процессов, теснейшим образом связанных с урбанизацией и научно-техническим прогрессом. Но в последнее время естественные миграционные потоки катастрофически усиливаются за счет беженцев из ближнего зарубежья и отдельных регионов страны. Невиданные со времени гражданской войны масштабы приобрел феномен бездомности и бродяжничества¹⁵³. Бытовые трудности для этой категории населения дополняются острым переживанием одиночества в его *культурном* и *социальном* измерениях. Исследования показывают, что мигранты всегда переживают сложный период адаптации, даже при самых благоприятных условиях, к новым условиям общения. Потеряв связь с привычной средой, человек, особенно в юном возрасте, становится весьма уязвимым для вредных влияний. Мигранты в период адаптации к новым условиям общения более, чем коренные горожане, нуждаются в тесных эмоциональных контактах. Это является одной из причин распространенности среди мигрантов такого способа компенсаторного взаимодействия, как выпивка с друзьями, создающего иллюзию интимности и взаимопонимания.

К наиболее бесправной и отвергаемой окружающими части общества, переживающей чувство социальной изоляции и утери социального статуса, можно отнести бездомных. «Чем чаще люди встречаются с бродягами и бомжами, — отмечает С.А.Стивенсон, — тем чаще они выступают за репрессивные меры и тем реже — за помощь»¹⁵⁴. Бомжи вытеснены за пределы человеческого общества и у многих вызывают брезгливость. Едва ли не единственной доступной для них компенсаторной формой спасения от

одиночества становится совместное распитие спиртного. «Бутылка для бездомного, — пишет С.А. Стивенсон, — это медиум включения в общество <...> с одной стороны, алкоголь создает контекст общения для людей, находящихся в сходном положении, но не объединенных совместной деятельностью. С другой, он связан с принятыми в широком социуме ритуалами общения и частично снимает, в момент потребления, элемент статусной неполноценности»¹⁵⁵.

И, наконец, к числу важных объективных причин коммуникативно-компенсаторных процессов относятся трудности семейного общения, связанные главным образом с процессом нуклеаризации семьи и малодетностью.

Разделение сложной семьи и сведение ее к естественному ядру «родители — несовершеннолетние дети» привело к образованию так называемых семейных групп, в состав которых входят семьи, находящиеся в прямом родстве. Нуклеаризация семьи вызвала к жизни два ряда связанных между собой проблем. Во-первых, это проблема одиночества пожилых людей, во-вторых, нарушение естественной связи между поколениями, особенно отрицательно сказывающееся на подростках. Отсюда опасность злоупотребления компенсаторными формами связей, особенно негативными для представителей этих возрастных групп. При этом процесс нуклеаризации так или иначе затрагивает все возрастные группы. Случайное расселение членов семейных групп в рамках одного города, но на значительном расстоянии друг от друга затрудняет семейное общение, делает его менее интенсивным¹⁵⁶. Это характерно не только для современных мегаполисов, раскинувшихся на гигантские расстояния, но и для средних городов, особенностью застройки которых является значительное удаление районов друг от друга (например, г.Братск Иркутской области, г.Златоуст Челябинской области). Если к сказанному присовокупить хронические транспортные затруднения, то относительная изоляция членов семейных групп будет, как кажется, налицо. Однако и эти трудности для общения членов семейных групп были многократно усилены распадом СССР, в результате чего между близкими и дальними родственниками пролегли государственные границы и зоны, охваченные конфликтами на национальной почве.

Подобная ситуация не может сказываться на качестве семейного общения иначе как отрицательно. Сужается сфера полноценных эмоционально-доверительных контактов, уменьшаются возможности в выражении интимного чувства, самоутверждения в качестве любящего и любимого человека. Отсюда расширение сферы коммуникативно-компенсаторных процессов.

Сложная коммуникативная ситуация создается для пожилых в момент выхода на пенсию, так как происходит разрыв привычных связей с трудовым коллективом, с переходом в новую систему общения. Даже в том случае, если связи с товарищами по работе сохраняются в сфере досуга, они становятся иными, поскольку индивид живет уже другими заботами. Еще в более трудном положении, не только в экономическом отношении,

но и в плане внутрисемейной коммуникации оказываются безработные. А.А.Гордиенко с соавторами утверждают, что «каждый третий безработный одинок в своем эмоциональном переживании сложившейся ситуации, оставлен без поддержки»¹⁵⁷. Многие безработные в силу изменившегося положения и утраты функции «добытчика», «кормильца» испытывают психологическое давление со стороны членов семьи¹⁵⁸. Но даже при условии определенного материального достатка, при профессиональной занятости членов семьи «опыт исследования образа жизни современных семей показывает, что для большинства из них характерна как раз не сплоченность, а разобщенность членов семей, которых связывает зачастую минимально необходимая хозяйственная деятельность»¹⁵⁹. Исследования показывают, что супруги часто не удовлетворены характером общения в семье, что сказывается на общей неудовлетворенности семейной жизнью вообще¹⁶⁰. Причем женщины в большей степени, чем мужчины. Стремление женщин выполнять роль лидера в браке вызывает пассивные виды самоутверждения мужей, например пьянство, либо активные — избивание лидера. Исследователи отмечают, что чаще всего подвергаются избиванию жены с более высоким по сравнению с имеющимся у мужа образованием или те из них, что достигли больших успехов в профессиональной деятельности¹⁶¹. Так, нередко мужчины *компенсируют* «ощущение собственного бессилия, а также неадекватность самооценки в качестве «сильного» и «самостоятельного» мужчины реальному положению дел в семье и на работе»¹⁶². Таковы грубые, но, к сожалению, реальные формы компенсаторного общения в границах семейного круга. Нередко в семье жестокое обращение с детьми, также носящее компенсаторный характер. Масштабы этих явлений точно неизвестны, так как специально они не изучались, но, постоянно воспроизводимые прессой, не могут не формировать у читателя подсознательной «готовности» к такого рода решению проблем»¹⁶³. А читатель у нас особый.

Резкая смена индивидуальной коммуникативной ситуации и трудности адаптации к новым условиям общения — источник активизации коммуникативно-компенсаторных процессов. Сказанное в полной мере относится к различным переходным этапам в развитии личности. Так, подросток, к которому во многом неприменимы нормы поведения и общения, адресованные ребенку, но еще не могут быть в полной мере предъявлены и «взрослые» требования, обладает в общении маргинальным статусом. На практике это выражается в том, что к подростку зачастую предъявляются то заниженные, то завышенные требования. Нередко это делается взрослыми умышленно как форма манипулятивного поведения. Ибо в одних случаях (например, в вопросе об ответственности) удобно признать подростка взрослым, в других (в вопросе о правомерности тех или иных его притязаний, в том числе вполне законных) выгодно объявить его ребенком. Ничто так не разобщает подростков и взрослых, как подобные, неискренние фор-

мы поведения последних. Противоречивый статус в общении может быть как источником компенсаторных связей, так и причиной возрастания их значения в стабилизации и закреплении определенной социальной роли. Эту функцию обычно выполняют спонтанные группы подростков, из числа которых подчас с неумолимой логикой образуются криминогенные и преступные группировки. Причем масштаб их распространения во многом зависит от возможностей охвата лидерами преступного мира этих «беспризорных» групп. И нет, к сожалению, стойкого иммунитета к аморализму и злу у многих сегодняшних подростков и юношей. Характерно, что общение со взрослым преступником может играть для подростка компенсаторную роль в смысле восполнения дефицита общения со взрослыми вообще.

Исследователи отмечают, что для подростков характерно стремление к контактам со старшими, важно признание именно ими его достоинств. В условиях современной коммуникативной ситуации, когда происходит переход от сложной семьи к простой, для подростка одновременно сужается круг семейного общения со взрослыми. В полной семье он имеет дело с двумя взрослыми, в неполной — с одним. Сужение круга семейного общения отражается и на взрослых, затрагивая не только интенсивность, но и качество их контактов друг с другом. Характерно, что значительное число браков имеет гомогенную структуру, то есть заключается между лицами, принадлежащими к одной социально-профессиональной группе или обладающими одинаковым образованием. В этом случае циркулирующая в процессе семейного общения информация также является преимущественно гомогенной, причем в короткое время хорошо освоенной всеми участниками; в разговорах доминируют приблизительно одни и те же мотивы, которыми в конце концов пресыщаются, как бы они ни были интересны вначале. Панацеей может быть творческий семейный «тандем», но он редкость. Сказанное может повлечь за собой отсутствие заинтересованности в интеллектуальном общении в семье и поиск иного источника новой, качественно отличной информации и опыта. Не оттого ли такая форма компенсаторной связи, как адюльтер, часто вспыхивает между представителями настолько различных социальных слоев, таких трудносовместимых уровней культуры, что она становится действительно постыдной, ибо возможная легализация партнера уже унижает. Такой степени совмещения несовместимого не бывает и в самом нелепом браке.

Этот вопрос, к сожалению, разработан, скорее, в сюжетах художественной литературы, нежели в социологических изысканиях. Неудовлетворенность общением в семье с гомогенной структурой, при условии высокого уровня образованности ее членов, может быть вызвана преобладанием интеллектуального, информационного общения над эмоциональным.

Проблема обеднения и сужения круга общения затрагивает и *дружеские контакты*. Дело в том, что дружеские отношения устанавливаются преимущественно среди представителей одной социально-профессиональ-

ной группы. Так, еще Л.А.Гордон и Э.В.Клопов отмечали, что в числе друзей и у рабочих, и у служащих-специалистов преобладают представители их собственных социально-профессиональных групп¹⁶⁴. В различной степени это характерно, по-видимому, для представителей всех социально-профессиональных групп. Наиболее замкнутый характер, на наш взгляд, носит дружеское общение гуманитарной и творческой интеллигенции.

Указанные особенности семейной и дружеской коммуникации в плане преобладания интеллектуального общения над эмоциональным и сужение его круга метко подмечены писательницей Г.Б.Башкировой: «Общий сборник, общий текст, вообще любая общая работа — это среда обитания, там мы друг с другом встречаемся, говорим, спорим, там наши переживания и страсти... И незаметно получается... зачем семья, если между двумя людьми произошла любовь, зачем общая постель и общие дети, зачем родственники жены, зачем ходить в прачечную и бегать за картошкой? Можно жить проще... разговаривать по телефону, готовить вместе публикации...»¹⁶⁵ Таким образом, компенсаторная коммуникация может быть способом выхода за пределы повседневной среды для расширения круга общения и насыщения его эмоциональными компонентами.

Резюмируя рассмотренный выше комплекс объективных причин компенсаторного общения, можно сказать, что на уровне особенного это реальные трудности на пути реализации потребностей, прежде всего в лично-ориентированных (персонифицированных), эмоционально насыщенных контактах и в самоутверждении. Трудности эти обусловлены некоторыми социальными и социально-психологическими последствиями научно-технического прогресса на современном этапе его развития и связаны с непомерным ростом безличных, функционально-ролевых и опосредованно-инструментальных контактов в структуре общения личности. Есть все основания считать, что отмеченные деформации структуры общения личности, складывающиеся в производственной сфере, не нейтрализуются в полной мере во внепроизводственной. Более того, проведенный выше анализ показывает, что процесс урбанизации порождает нуклеаризацию семьи, способствует свертыванию соседских контактов, осложняет дружеское общение, обедняет связи поколений в семье, деперсонализирует общение в сфере обслуживания. Еще более все эти процессы обострились в современных социально-экономических, политических и духовных условиях.

Анализ современной коммуникативной ситуации показывает, что наиболее «дефицитными» выступают эмоциональные и деятельностно-волевые компоненты общения. Поэтому генеральная линия восполнения в рамках первичного и вторичного компенсаторных фондов, вероятно, пойдет прежде всего в данных направлениях. Коммуникативная ситуация, характеризующая внешние условия общения, определяет и набор коммуникативных качеств, требуемых для реализации потребности в общении, с учетом как ее доминант, так и менее насущных, но все же необходимых слагаемых.

На этом уровне анализа можно приблизительно определить субъектные детерминанты предпочтений того или иного коммуникативно-компенсаторного русла.

Отмеченные нами ранее «барьеры» в общении предъявляют повышенные требования к наличию у личности такого качества, как разумная *активность в общении*, активность, не обескураживающаяся неудачами в общении, неуспехом. При этом вектор коммуникативной активности может иметь два направления: на себя и на другого. В случае направленности на себя, как уже отмечалось, восполнение недостающего общения происходит в контексте потребления или с преобладанием потребления над деятельностью составляющей общения. Такая ориентация наиболее свойственна людям с гиперфункцией уровня эмоционального контроля базальной эмоциональной регуляции¹⁶⁶. «...Огромная потребность общения, — отмечают авторы указанной выше работы, — делает субъекта неизбежным в контактах. Входя в любое случайное сообщество, он стремится извлечь из ситуации контакта максимальное удовольствие, почувствовать одобрение, симпатию всех его членов. Он легко заражается эмоциональным состоянием других и начинает подражать им. В то же время, попадая под новое влияние, он проявляет такую же внушаемость и так же легко и искренне соглашается, обещает и вызывает сочувствие. Понятно, что обещаний он, конечно, не выполняет. Формируется характерный тип дефицитарности поведения: не проявляя последовательности и настойчивости в осуществлении каких-либо собственных целей, субъект действует всегда соответственно непосредственной эмоциональной оценке окружения. Попадая под влияние асоциального окружения, он может легко совершать и асоциальные поступки»¹⁶⁷. Непрерывная экспансия границ эмоционального насыщения посредством общения нередко влечет за собой не только максимальное освоение поля первичной компенсации, освоения, подчас довольно поверхностного, но и распространяется на вторичную компенсацию, как это следует из приведенного рассуждения. Не исключена и иллюзорная компенсация, ибо важны не столько ценности, на основе которых происходит положительное оценивание, а сам сиюминутный факт получения эмоционального подкрепления.

Чрезмерное сосредоточение на получении эмоциональных компонентов посредством общения облегчает усвоение личностью *аддиктивного поведения*, для которого характерно «...стремление к уходу от реальности путем изменения своего психического состояния посредством приема некоторых веществ или постоянной фиксации внимания на определенных предметах или активностях (видах деятельности), что сопровождается развитием интенсивных эмоций»¹⁶⁸. Заметим, что среди средств, используемых аддиктом, указываются не только психотропные вещества, но и определенные формы активности (виды деятельности). Общение как вид деятельности вполне может быть и реально выступает как один из распрост-

раненных способов аддиктивного поведения, что, к сожалению, специально не выделено в чрезвычайно интересной работе Ц.П.Короленко и Т.А.Донских.

Из рассмотренного следует, что перевод выбора активности в общении с себя на другого, усиление деятельностного начала с последующей реальной сверхкомпенсацией неизбежно связан с оптимизацией круга общения на основе тщательной его *избирательности*. Избирательность в общении — вот следующее требование к индивидуальной культуре общения. Оно теснейшим образом связано с *ответственностью* в общении. Чувство ответственности перед *Ты, Мы*, перед собственным *Я* должно предшествовать избранию круга, содержания, стиля и т.д. общения. «Быть ответственным», — писал В.Л.Франкл, — значит быть селективным, быть избирательным»¹⁶⁹. Рассуждая о трех степенях общительности, П.-Ж.Прудон по праву ставил неразборчивую, «слепую» общительность на низшую ступень. «Чувство симпатии, — писал Прудон, — влекущее нас к обществу, по природе своей слепо, беспорядочно, всегда может быть парализовано впечатлением минуты и не считается ни с давностью прав, ни со старшинством, ни с заслугами. Непородистая собака бежит вслед за каждым, кто ее позовет; грудной младенец считает каждого мужчину своим отцом, а каждую женщину своей кормилицей; каждое живое существо, лишенное общества себе подобных, привязывается к товарищу, с которым разделяет свое одиночество. *Эта основная черта инстинкта общительности делает невыносимой и даже ненавистной дружбу людей легкомысленных, способных увлекаться каждым новым лицом, готовых услужить всем и каждому и ради мимолетной связи забывающих самые старинные и наиболее достойные уважения привязанности*»¹⁷⁰ (курсив мой. — В.Г.).

На необходимость выбора именно оптимального круга общения обращал внимание еще Аристотель, который применительно к дружеским контактам писал: «Если друзей много, то трудно каждому в отдельности уделять любовь <...> Но если по бессилию природы любовь окажется недостаточной, это вызовет справедливые нарекания и такой человек не может быть другом, потому что не любит, а только на словах друг, дружба же этого не терпит. И еще, если друзей будет много, то не будет конца огорчениям. Ведь когда друзья многочисленны, то естественно, что с кем-то одним всегда приключается беда и огорчение тут неизбежно. С другой стороны, [нехорошо иметь] немногих друзей — одного или двух, число их должно соответствовать обстоятельствам и стремлению человека к любви»¹⁷¹. Еще более категорично мысль о плодотворности для личности сокращения излишних контактов, о целесообразности преднамеренного избегания множественности межличностных связей выразил В.В.Розанов: «Общество, *окружающие* убавляют душу, а не прибавляют. «Прибавляет» только теснейшая и редкая симпатия, «душа в душу» и «один ум». Таковых находишь одну-две за всю жизнь. В них душа расцветает. И ищи ее. А толпы бегай или

осторожно обходи ее»¹⁷². В этом высказывании верно отмечено, что, ориентируясь на множественность контактов, человек лишь растрчивает себя, а обретает по-настоящему только в редкостных отношениях, которые представляют собой особый труд души.

При этом следует отличать целенаправленное, рационально обусловленное сужение круга общения от вынужденного, навязанного личности индивидуальными особенностями развития ее эмоциональной сферы. Если в первом случае субъект общения не тяготится ограничением круга общения, ибо оно осуществлено на основе свободного выбора, то во втором возникает амбивалентность коммуникативных переживаний личности. Так, при ослаблении функций эмоциональной регуляции на уровне эмоционального контроля личность избегает общения в силу испытываемого в процессе его осуществления дискомфорта. В ситуации общения подобный субъект «не может противиться аффективному давлению другого человека, не может отказать ему и платит за это чувством истощения, усталости, жертвует своими сенсорными предпочтениями»¹⁷³. При этом «подобные люди обычно испытывают потребность в общении и часто нарушают благоразумное правило избегания, что дает им особую неровность в контакте»¹⁷⁴. Одним из следствий такого положения в сфере общения и способов его компенсации могут быть «отвлеченные эмоциональные интересы», в том числе развитие иллюзорных способов компенсации на уровне аутокоммуникации: мечты, фантазии, квазиобщение в разнообразных его проявлениях (см. раздел 3.3 данной работы).

Выбор в случае необходимости коммуникативно-компенсаторного русла обусловлен рядом других психологических особенностей личности и доминирующими на их основе формами поведения. Характерными в указанном отношении являются такие формы поведения, как *нарциссизм* и *конформизм*. При этом, если к исследованию конформизма причастны и российские ученые (И.С.Кон и др.), то нарциссическое поведение привлекло внимание наших исследователей совсем недавно. Что касается широкой общественности, то она познакомилась с результатами исследования этого явления благодаря публикации в последние годы ряда произведений З.Фрейда и Э.Фромма¹⁷⁶. Поэтому пионерами в данной области в нашей стране можно считать Ц.П.Короленку и Т.А.Донских, рассматривающих нарциссизм в контексте деструктивного поведения в уже цитированной нами работе.

«Лица с нарциссическим [нарциссическим] нарушением поведения, — отмечают Ц.П.Короленко и Т.А.Донских, — характеризуются грандиозным чувством собственной значимости. Для них типично постоянное преувеличение своих способностей, успехов, подчеркивание своей талантливости, что демонстрируется перед знакомыми, друзьями, коллегами, близкими. Они нуждаются в комплиментах, частых подтверждениях своей исключительности, превосходства в знаниях, достижениях, даже если последние малозначимы»¹⁷⁷.

Любопытно, что гипертрофированная ориентация на грандиозный успех делает реальные достижения малопривлекательными, не доставляющими радости. Окружающие сами по себе не вызывают интереса, чувства симпатии, часто служат объектами манипулирования для подтверждения чрезвычайно завышенной самооценки. Отсюда наибольшее предпочтение в общении оказывается подхалимам, лживым, бесхарактерным людям, конформистам. То есть тем, кто позволяет осуществлять такое манипулирование. Сказанное делает вполне объяснимым тяготение нарциссической личности к *иллюзорным формам самоутверждения и сверхкомпенсации* посредством общения. Ибо и сам по себе «нарциссизм, — по мнению Э.Фромма, — ...это избыточная компенсация за недостаточность любви к себе»¹⁷⁸ (курсив мой. — В.Г.). Компенсация подчас довольно агрессивная. Особенно очевидно это на стадии декомпенсации, сопровождающейся взрывами нарциссической агрессии по отношению к окружающим, не подтверждающим грандиозный «сэлф» субъекта нарциссического поведения. В кризисных ситуациях эта агрессия может быть направлена и на себя, создавая тем самым возможность суицидного поведения.

Высокий темп изменений условий общения, создаваемый современной коммуникативной ситуацией, требует от личности значительной коммуникативной *мобильности, вариативности* коммуникативного поведения, способности быстро и эффективно переходить, например, от функционально-ролевых контактов к личностно-ориентированным. Хотя известная пластичность применяемых в общении приемов отнюдь не сегодняшнее изобретение. Умение индивидуализированно осуществлять общение, учитывая особенности партнеров, не подходить с одинаковой меркой к различным людям издавна высоко оценивалась. «Гомер называет Одиссея, человека мудрого и “многохитростным”, именно потому, что он умеет находить к разным людям разный подход. Рассказывают, что и Пифагор, разговаривая с детьми, применялся к детской речи, беседуя с женщинами, приспособлялся и к ним, общаясь с властями, приноравливался к ним, обращаясь к юношам — к юношам. Ибо характерным для мудрости является умение найти для каждого свой род мудрости, а невежеству свойственно к различным людям обращаться с однообразной речью... Многообразие в речах и употребление различных средств речи порождает у различных слушателей единообразие в восприятии, ибо каждому свойственно свое, единственное»¹⁷⁹.

Потенциально приспособляемость человека в общении не знает границ и вытекает из общей уникально человеческой способности к «превращениям» (Э.Каннети), но при этом всегда есть опасность утраты собственной индивидуальности, опасность конформизма. Для конформиста более чем для кого-либо актуальным является общение, дающее ощущение социальной идентичности с группой или отдельными индивидуумами, достаточно сильными для того, чтобы не стремиться «быть как все». В принципе лю-

бой человек «если он не принадлежит к какой-то общности, если его жизнь не приобретает какого-то смысла и направленности, то он чувствует себя пылинкой, ощущение собственной ничтожности его подавляет. Человек должен иметь возможность отнести себя к какой-то системе, которая бы направляла его жизнь и придавала ей смысл, в противном случае его переполняют сомнения, которые в конечном счете парализуют его способности действовать, а значит и жить»¹⁸⁰. Конформизм в общении проявляется опять-таки на уровне потребительской ориентации, растворяясь в группе, субъект не вносит в ее потенциал ничего стоящего, а лишь «выносит». Он не обогащает группу своим присутствием в ней, ибо проявляет «маленькое в себе» (В. Розанов). «Слабое, инфантильное «реальное я», — отмечает Е. Т. Соколова, — стремится к сближению с сильными или значительными людьми, *компенсируя* собственную слабость эксплуатацией силы других»¹⁸¹ (курсив мой. — В. Г.). Добавим от себя, что символами силы могут стать группировки, объединения и организации, а не отдельные лица. Это относится прежде всего к объединениям, олицетворяющим собой престижные для личности интересы и виды деятельности, а также группировки, где понятие силы воплощается буквально — как физической силы. Криминогенные группировки молодежи и есть тот коллективный субъект, к сближению с которым стремится подросток со слабым, инфантильным «реальным я», хотя и не всегда только он. Для первого иллюзорность самоутверждения состоит в том, что он, уклоняясь от унижающей его регламентированной субординации и давления в других сегментах социального мира, попадает в не менее жесткие, хотя и неинституционализированные.

Преодолевать барьеры в общении позволяет не только коммуникативная активность, но и коммуникативная *привлекательность* субъекта, делающая его желательным партнером по общению. Следует различать привлекательность, проявляющуюся в кратковременных отношениях и в отношениях долговременных. В зависимости от успешности в *эмоциональных, интеллектуально-гностических* и *деятельностно-волевых* контактах привлекательность в общении может проявляться на указанных уровнях при преобладании какого-либо из них. Отмеченные особенности привлекательности в общении делают сложной ее однозначную оценку. Доминирование какого-либо из моментов, составляющих коммуникативную привлекательность, сказывается на выборе направления коммуникативно-компенсаторных связей. Можно предположить, что легкость и успешность установления поверхностных, ни к чему не обязывающих контактов при одновременном затруднении в поддержании и углублении долговременных, индивидуализированных отношений формирует тип своеобразного *спринтера* в общении. Его привлекательности и обаяния хватает ненадолго. Чем сильнее первое впечатление, тем быстрее оно рассеивается при близком знакомстве. Спринтер знает об этом, испытывает разочарование от постоянных поражений в долговременных отношениях и начинает избегать их.

Доминирование стремления производить благоприятное впечатление делает «спринтера» неразборчивым в контактах. Поиск все новых и новых источников стенических ощущений легко включает его в сферу вторичной компенсации, жажда подтверждения собственной значимости, толкает на путь иллюзорной сверхкомпенсации средствами общения.

Надо сказать, что коммуникативная привлекательность в определенной мере есть производная от внешней привлекательности индивидуума. Особенно важное значение внешняя привлекательность играет на первых этапах установления контакта. Наблюдения свидетельствуют «о существовании стереотипа «красивый значит хороший», в то же время «людей... с физическими недостатками стигматизируют, приписывая им различные пороки»¹⁸². Отмеченные стереотипы не являются непреодолимыми и могут быть развеяны, но при условии преобладания интеллектуального общения над эмоциональным или развитости его деятельностной составляющей. Однако в определенных ситуациях и для определенного контингента эмоциональные компоненты и эмоциональные оценки могут быть достаточно прочными. Затруднения в полноценном общении вызываются косметическими дефектами, ожирением (особенно у детей и подростков), заиканием, многими хроническими болезнями¹⁸³. Часто вступлению в контакты с окружающими мешают не физические недостатки и косметические дефекты сами по себе (это происходит лишь в случаях патологического уродства), а *собственное отношение к своей внешности* у их носителя. Приписывая окружающим преувеличенное внимание к особенностям своей внешности, а по сути дела, проецируя на них собственные переживания, личность строит свое коммуникативное поведение в соответствии с теми реакциями, которые предполагает у вступающих с ней в контакт. Возникающий на основе предвзятого отношения к собственной внешности комплекс различия выражается в неадекватном коммуникативном поведении личности, которое как раз и обращает на себя внимание. Препятствием в установлении контактов с окружающими выступает не внешность как таковая, а коммуникативное поведение лица, обладающего физическими недостатками и косметическими дефектами.

«Больным часто кажется, — отмечает В.В.Николаева, — что их болезнь вызывает у окружающих отвращение, брезгливость, ощущение нечистоты; что окружающие считают их заболеванием инфекционным и боятся заражения и в связи со всем этим испытывают антипатию к заболевшему. Поэтому больные стараются оградить себя от общения в период обострения. Они стараются не выходить на улицу, не появляться в общественных местах, меньше пользоваться транспортом, не встречаться со знакомыми и друзьями»¹⁸⁴. Особенно ранимыми являются подростки, для которых многие особенности их внешнего облика, включая рост, телосложение, походку, признаки маскулинности или фемининности чрезвычайно значимы. Исследователи отмечают, что подростки, обладающие какими-либо болез-

ненно переживаемыми ими недостатками, могущими выступать предметом насмешек, «иногда сознательно прибегают к использованию асоциальных форм поведения для повышения своего престижа среди сверстников»¹⁸⁵. Так, по мнению И.С.Кона, даже «незначительный физический недостаток, который ребенок еще не сумел скомпенсировать, может сделать его менее авторитетным у сверстников»¹⁸⁶.

Не имеющий коммуникативной привлекательности вытесняется из престижных, а часто и из вполне заурядных условий общения либо занимает в них подчиненную роль. Он просто не выдерживает конкуренции с более привлекательными. Отсюда весьма актуальной становится проблема «оттесненных» как особой категории, охватывающей не только учащихся, как это часто принято считать, но и другие возрастные и профессиональные категории.

Недостаточная коммуникативная привлекательность как производная от внешней привлекательности деформирует структуру коммуникативных потребностей личности, способствует поиску таких групп и ситуаций общения, в которых изначально занижены требования к исходным данным индивидуума либо их значение снижается за счет употребления психотропных веществ и алкоголя. А это влечет за собой интегрированность личности с общностями, формирующимися на основе вторичной компенсации. Малая коммуникативная привлекательность способствует погружению в аутокоммуникацию, в иллюзорные формы общения.

Было бы ошибочным ограничиваться оценкой коммуникативной привлекательности на уровне лишь внешних данных субъекта. Коммуникативная привлекательность неотделима от *компетентности* в общении. Компетентность в общении требуется и на эмоциональном, и на интеллектуальном, и на деятельностном уровнях. Субъективные трудности в установлении межличностных контактов возникают у лиц с неразвитой *социальной перцепцией*. Неспособность правильно оценить состояние партнера и его позицию в данном акте коммуникации для выбора соответствующей линии коммуникативного поведения может выступать как фактор разобщения личности с ее непосредственным бытовым и производственным окружением. Наличие иррациональных компонентов в результате взаимного отражения коммуникантами друг друга облегчает возникновение иллюзорно-компенсаторной коммуникации.

Мы умышленно постоянно останавливались преимущественно на таких субъективных детерминантах коммуникативно-компенсаторных процессов, которые определяют приобщение к нежелательным формам компенсации. Это обуславливалось двумя причинами. Во-первых, они вызывают наибольшую озабоченность. Во-вторых, причины иных, вполне социально приемлемых либо желательных трудноуловимы вне контекста самих конкретных модификаций компенсаторного общения. А это задача следующей главы.

ГЛАВА 3

УРОВНИ КОМПЕНСАТОРНОГО ОБЩЕНИЯ

3.1. КЛАССИФИКАЦИЯ КОМПЕНСАТОРНОГО ОБЩЕНИЯ

Рассмотрев предварительно общие признаки компенсаторного общения и социальные причины, его порождающие, следует перейти к более детальному анализу конкретных проявлений компенсаторного общения. Это позволит уточнить социальный смысл компенсации средствами общения, разобраться в условиях и причинах возникновения конкретных модификаций компенсаторного общения, направлениях его развития. Полученные представления могут послужить теоретической основой для определения границ вмешательства в компенсаторно-коммуникативные процессы и установления объективных предпосылок трансформаций иллюзорной компенсации в реальную и собственно компенсации в сверхкомпенсацию, что означало бы прогрессивное развитие сферы общения, а значит, совершенствование и самой личности. Промежуточной ступенью к реализации поставленных задач должна явиться классификация компенсаторного общения, группирующая отдельные его проявления по определенным признакам в некоторую целостность.

Потенциальное богатство проявлений компенсаторного общения, способного «произрастать» практически на любой коммуникативной или даже изначально внекоммуникативной основе, делает его классификацию затруднительной. Указанная особенность обесмысливает попытки указать такие формы социальных связей, которые являлись бы исключительно компенсаторными при любых обстоятельствах. Нахождение таких форм как чего-то завершенного и окончательного исключается самой природой этого явления. Представим себе, что мы рискнули бы обозначить зрелищное или религиозное общение, которые рассматривались нами в контексте их компенсаторного значения как целиком и полностью общение компенсаторное. Думается, что это чрезвычайно сузило бы понимание данных феноменов. Ведь компенсаторное значение они приобретают лишь частично, при условии их компенсаторного использования и для тех, кто их подобным образом использует. Другая, значительная часть этого общения, безусловно, есть общение «вплетенное». Так, для клира религиозное обще-

ние с Богом и паствой есть необходимая сторона религиозной деятельности, а отнюдь не компенсаторное общение. Наконец, религиозное общение много бы потеряло, будучи лишено зрелищной стороны. Зрелищное общение органично входит в состав религиозного действия. Следовательно, исходное противопоставление некоторых форм компенсаторного общения, в данном случае зрелищной и религиозной форм, вообще лишено основания.

Коль скоро классификация на основе выделения особых форм компенсаторного общения не работает, попробуем другие подходы к его анализу. Предпосылки для некоторых из них уже имеются. Почему бы, например, не взять за основу классификации *компенсаторные возможности*, заключенные в «общении ради общения»: *интегративные, информационные, самоутверждение* и т.д. Тогда мы сгруппировали бы основные проявления компенсаторного общения в зависимости от того, какие компенсаторные возможности в них реализуются. В одном случае это возможность самоутверждения, в другом так необходимая личности возможность ощущать себя членом общности. Но ведь в реальных контактах, как правило, реализуется не одна, а несколько возможностей. Пусть они неравнозначны и в некоторых случаях иными из них можно пренебречь, но сохранение целостности коммуникативного акта не позволяет растащить по разным углам его составляющие для довольно-таки искусственного объединения с другими, также вырванными из их естественного контекста. Если мы пока только предположим, что общение личности в условиях алкогольной микросреды создает компенсаторные возможности для самоутверждения, повышения статуса, эмоционального насыщения и чувства групповой принадлежности, то следовало бы каждую из названных возможностей рассматривать в отдельности от другой и в то же время в единстве со сходными возможностями совершенно иных проявлений компенсаторного общения, не связанных с процессом группообразования, либо иных в ценностном измерении. Компенсаторное самоутверждение возможно и посредством внутреннего общения с самим собой, а чувство социальной идентичности человек может обрести не только в малой контактной группе, но и смешиваясь с такой недифференцированной общностью, как толпа, публика и т.п. Наконец, эмоциональное насыщение сопутствует всем проявлениям компенсаторного общения, иначе оно не было бы столь привлекательно.

Если при классификации основных проявлений компенсаторного общения исходить из структуры коммуникативных потребностей, представляемых триадой *эмоциональные, интеллектуально-гностические и деятельностно-волевые*, то предыдущие рассуждения могут быть отнесены и на ее счет. Реальные взаимодействия за редким исключением содержат две, а то и все три составляющие, поэтому их нецелесообразно отрывать друг от друга.

Заманчиво было бы отразить все проявления компенсаторного общения в бинарной оппозиции *реальная-иллюзорная* компенсация. Такой под-

ход вполне уместен, но лишь как вспомогательный прием, причем в том случае, когда мы подвергаем дополнительному содержательному анализу элементы, уже найденные в результате какой-то основной, пока неведомой нам классификации и в сочетании с другими вспомогательными приемами. Сам же он за основной принят быть не может. Установлено, что реальная компенсация восполняет подобное подобным (недостаток эмоциональных или информационных компонентов эмоциональными в первом случае и информативными во втором), не затрагивая сути тех первичных отношений, которые ее вызвали, оставляя их в первозданном виде. Иллюзорная компенсация оборачивается для личности декомпенсацией, ибо, надевая одним, отнимает другое, объективно более значимое, еще более деформируя первичные связи, лежащие в ее основе. Но этот результат связан с неадекватным ценностным наполнением компенсаторного контакта, а вовсе не присущ ему изначально. Источником как первого, так и второго результата может быть одно и то же по форме взаимодействие. Напротив, к одинаковому результату могут приводить внешне различные или даже противоположные контакты. Как ни парадоксально это звучит, но общение с иллюзорным партнером может давать в конце концов реальную компенсацию, а общение с вполне реальным партнером (индивидуальным или групповым) — иллюзорную.

Деление компенсаторного общения с точки зрения осуществляемой в нем *первичной* и *вторичной* компенсации не лишено смысла в силу оценочных моментов, в нем заключенных. Но, учитывая подвижность границ первого и второго, необходимость их привязки к определенным социально-демографическими группам и различным социокультурным общностям делает его (деление) весьма неопределенным основанием для классификации за пределами вспомогательного использования.

То, что компенсаторный поток распадается на *собственно компенсацию*, *сверхкомпенсацию* и *декомпенсацию*, имеет важное значение для понимания сложной, неоднозначной природы компенсаторно-коммуникативных процессов. Между тем и здесь имеет место уже отмеченная применительно к иллюзорной и реальной компенсации особенность. Все три направления могут входить в состав компенсаторно-коммуникативных процессов, происходящих и в диаде, и в группе, и в аутокоммуникации. Сгруппировать вокруг них без остатка и взаимопоглощения известные проявления компенсаторного общения затруднительно.

В основу классификации проявлений компенсаторного общения может быть положена предложенная У.А.Садлером и Т.Б.Джонсоном *четырёхмерная модель одиночества*, включающая *космическое, культурное, социальное и межличностное* его измерения¹. Как это осуществить практически? Если исходить из того, что компенсаторное общение есть в конечном счете способ избежать одиночества (деформация коммуникативного мира личности всегда субъективно переживается как одиночество в том

или ином отношении), фиксируемого каким-то его измерением, тогда соответствующие проявления компенсаторного общения и будут противодействием против него. Но вся беда в том, что иные проявления компенсаторных связей противодействуют не одному, а сразу нескольким измерениям или хотя бы частично перекрывают заложенные в них дефициты. Так, компенсаторное общение в неформальном молодежном объединении (НМО) способно компенсировать одиночество и в культурном, и в социальном, и в межличностном его измерениях, и если не всегда исчерпывающе (неполная компенсация), то по крайней мере перекрывая часть такового. Если же это объединение включает в свою деятельность и углубление связи с природой, делает человека причастным выдающимся историческим целям и т.д. (пусть даже в мистифицированной форме), то оно способно компенсировать (иллюзорно или реально — не в этом сейчас дело) и все четыре измерения.

Что же в таком случае, все рассмотренные возможности не дают адекватных оснований для классификации компенсаторного общения? Ничуть не бывало. Они должны быть использованы в свое время и на своем месте. За основу классификации компенсаторного общения следует принять нечто другое, гораздо более устойчивое и целостное, нежели рассмотренные ранее основания, а именно: саму *систему субъектно-субъектных отношений*, на основе которой оно может возникать. Методологической базой для этого нам послужат выработанные М.С.Каганом представления о субъекте общения и основных его модальностях, включающих как переходные, так и синтетические формы². Опираясь на них, следует уточнить, какие модальности субъекта участвуют в создании компенсаторного взаимодействия, каковы возможные сочетания субъектно-субъектных отношений и мера активности составляющих его сторон.

Мир субъектно-субъектных отношений чрезвычайно сложен, и разобратся с ним непросто. Поэтому начнем с «простейшего» и наиболее очевидного. Так, наиболее очевиден контакт между реальным, индивидуальным субъектом и реальным, индивидуальным субъектом же ($S_{\text{р.инд.}} \leftrightarrow S_{\text{р.инд.}}$). Менее очевидно, но в теоретическом плане все чаще становится предметом научного исследования взаимодействие между двумя реальными, совокупными субъектами ($S_{\text{р.совокупн.}} \leftrightarrow S_{\text{р.совокупн.}}$)³. Выделяя $S_{\text{р.инд.}}$ и $S_{\text{р.совокупн.}}$, уместно, на наш взгляд, предусмотреть их взаимодействие в сочетаниях $S_{\text{р.совокупн.}} \rightarrow S_{\text{р.инд.}}$ и $S_{\text{р.инд.}} \rightarrow S_{\text{р.совокупн.}}$. Стрелка в данном случае указывает, что инициатива в общении принадлежит либо $S_{\text{р.инд.}}$, либо $S_{\text{р.совокупн.}}$, ибо инициатором взаимодействия, как правило, является один какой-либо субъект (что не исключает, конечно, встречной активности) и равноактивность их не абсолютна. Необходимость учета этой особенности субъектно-субъектного отношения подчеркивает М.С.Каган⁴. Выделение указанных сочетаний приобретает особо важное значение для понимания сущности некоторых проявлений компенсаторного общения. Так, компенсаторное обще-

ние, связанное с иллюзорными формами самоутверждения (например, остракизм в отношении к наилучшему, преследование человека, объявленного изгоем, избрание козла отпущения для безнаказанной и азартной травли) выступает как определенное групповое отношение общения к отдельному индивидууму. Отношение $S_{\text{р.совокупн.}}$ применительно к другому $S_{\text{р.инд.}}$ может выступать в прямо противоположной форме некритического обожания и восторга. Таково отношение спортивных и музыкальных фанатов к своему идолу, застилающему им свет реальных человеческих отношений, преклонение перед вождем и т.д. Немаловажное значение здесь имеет, вероятно, интенция к интенсивным, но примитивным переживаниям чувства любви при подмене естественных объектов фетишем. Имеется и другая сторона. Часто фанатство связано со статусным потреблением культуры. Обожание престижного в этом сезоне «бога» бросает тень его славы и на самого обожателя. Он как бы становится уже в силу самого факта своей любви более значительным. Если естественное чувство любви сугубо индивидуально и не требует для своего переживания больших коллективов, то статусное общение в одиночку просто невозможно, и без внушительного числа «единолюбцев» выглядело бы просто нелепо. Поэтому для обретения большей уверенности перед трезвым лицом нефанатов идолопоклонники сбиваются в кучи.

Подобная же амбивалентность, показанная нами ранее, возможна и в перевернутом отношении при взаимодействии $S_{\text{р.инд.}}$ и $S_{\text{р.совокупн.}}$. В одном случае это страстное стремление самоутвердиться через противопоставление не отдельному человеку, а целой группе (своеобразный супергероизм и сверхсамооценка собственных сил). Нельзя не учитывать, что бунт одиночки против целых социальных слоев и групп может осуществляться на основе ценностей более высокого порядка, более перспективных, чем исповедуемые $S_{\text{р.совокупн.}}$. Но коль скоро речь пойдет о реализации этих ценностей исключительно в сфере «общения ради общения» и средствами общения, а не во влеченном его варианте, сопряженном с деятельностью и при примате предметной деятельности, то не исключен вариант иллюзорной сверхкомпенсации. Полярна отмеченной интенция к общению с $S_{\text{р.совокупн.}}$, вызывающим лестное, опьяняющее преклонение последнего. Такой тип отношений, вероятно, находит основу в специфических психологических особенностях отдельных индивидуумов и связан, по-видимому, с некоторыми акцентуациями характера и темперамента (демонстративная личность). Не учитывать такого варианта нельзя. Логично предположить, что все названные сочетания как бы находят друг друга. Чтобы в полной мере проявились рассмотренные компенсаторные сочетания, необходимо, дабы контингенту, жаждущему общения в форме поклонения, была подготовлена почва в виде $S_{\text{р.совокупн.}}$, всей душой стремящегося постоянно испытывать поклонение кому-либо. «Изгой» и «оттесненный» часто несут в себе весьма ощутимый для части окружающих некий мазохис-

тский комплекс. Не случайно Э.Берн среди множества игр, в которые играют люди, анализирует игру, звучащую, как призыв «Бейте меня!»⁵. Искомый психологический выигрыш отдельные индивидуумы получают именно в такой игре. Криминологи, в свою очередь, уверяют, что существует особый тип жертвы, которая почти с фатальной неизбежностью становится объектом преступного насилия, притягивая к себе преступника. Конечно, не все жертвы обструкций таковы, но существование последних создает прецедент для тех, кто любит самоутверждаться за чужой счет, причем особенно охотно в почти беспронизышном и безопасном варианте групповой агрессии.

Очевидно, что различные модальности $S_{p.совокупн.}$ предоставляют неодинаковые возможности для осуществления подобных проявлений компенсаторной коммуникации. Уместно поэтому специально остановиться на анализе тезауруса $S_{p.совокупн.}$, что в свою очередь влечет дополнительное раскрытие его структуры. Напомним, что исходя из детализаций совокупного субъекта, представленных Б.А.Грушиным и М.С.Каганом, можно выделить *глобальный, субглобальный, социетальный и микрогрупповой субъекты общения*⁶. Возникновение и развитие субъектных свойств — *свободной активности*, опосредуемой *целеполаганием и самосознанием*⁷, происходит не одномоментно. Это длительный процесс, осуществляющийся на основе «зачатков» субъектности в границах самого субъектно-субъектного отношения, а не до и помимо его установления. «Вольтова дуга» субъектно-субъектного отношения должна «замкнуться» хотя бы на какой-то наличной субъектной основе, и лишь тогда возможно дальнейшее наращивание субъектных свойств. Наиболее очевидно это при рассмотрении такого субъектного свойства, как *уникальность*. Логически вполне правомерно видеть в нем «результатирующее свойство субъекта, завершающее его характеристику»⁸. Да и действительность как будто подтверждает такой порядок рассмотрения. Так, конкретная личность, интериоризируя социальные воздействия, становится все более уникальной, проходя путь от младенца к взрослому человеку, обладающему всем богатством субъектных свойств. Между тем гораздо чаще происходит обратное. Дети, заключающие в себе необычайное богатство творческих возможностей, неповторимо уникальны в своем большинстве, но в конечном счете превращаются в дюжинных обывателей, утрачивая, а не умножая свою первозданную уникальность как субъектов. Полимодальность субъекта, раскрываемая во множественности его возможных сочетаний с другими субъектами иной модальности, выдвигает свойство уникальности на первый план. Ибо уникальным можно быть только для другого, для субъекта же. Субъект — инициатор общения как бы наделяет нечто свойством уникальности, опираясь, конечно, в каждом отдельном случае на какие-то объективно присущие объекту наделения основания. Именно обнаружение индивидуальных, неповторимых черт у конкретного представителя животного мира

выделяет его в наших глазах из множества сородичей и позволяет очеловечивать, наделяя чертами субъекта. Обнаружение индивидуальных черт, а не простая антропоморфизация, основанная на определенном сходстве целого вида с человеком лежит в фундаменте превращения животного в субъект общения. Точно фиксируя у ребенка наличие индивидуально ценных особенностей, прозорливые, опытные родители и педагоги формируют у него и другие субъектные свойства не безотносительно к последним, а направляя их на усиление и развертывание замеченного, в данном случае первейшего и наиважнейшего субъектного свойства.

Вернемся к $S_{\text{р.совокупн.}}$. Как и в индивидуальном, о чем речь шла выше, в нем не всегда в равной мере представлены все субъектные свойства. Так, сегодня человечество как глобальный субъект деятельности и общения пока лишь складывается и не обладает всеми развитыми признаками субъекта⁹. Есть и такие, которым вообще не суждено в силу их особой природы стать вровень с такой достаточно сформированной в субъектном отношении общностью, как например, класс или нация. Если бы мы вслед за М.С.Каганом не вкладывали в этот термин иной смысл, то такой субъект можно было бы обозначить как частичный, то есть такой, который «стоит» в субъектном поле только «одной ногой». Так, большие, неорганизованные, стихийно возникающие «группы» людей (толпа), достаточно условно, по мнению отечественных специалистов, могут быть расценены как собственно группы¹⁰. Есть ли основания в таком случае вообще относить их к $S_{\text{р.совокупн.}}$? А как быть с такой общностью, как публика? Ответить на эти вопросы, опираясь на материалы лишь отечественных исследований, затруднительно, так они малочисленны. Показательно, что в «Кратком психологическом словаре»¹¹ вообще отсутствует статья «Публика». Правда, в довольно-таки объемной статье «Толпа» выделено «...четыре основных вида толпы: 1) окказиональная толпа, связанная любопытством к неожиданно возникшему происшествию (дорожная авария и т.д.); 2) конвенциональная толпа, связанная интересом к какому-либо заранее объявленному массовому развлечению (например, некоторые виды спортивных состязаний и т.д.) и готовая, часто лишь временно, следовать достаточно диффузным нормам поведения; 3) экспрессивная толпа, совместно выражающая общее отношение к какому-либо событию (радость, энтузиазм, возмущение, протест и т.д.), ее крайнюю форму представляет экстатическая толпа, достигающая вследствие взаимного ритмически нарастающего заражения состоянием общего экстаза (как на некоторых массовых религиозных ритуалах, карнавалах, концертах рок-музыки и т.д.); 4) действующая толпа, которая, в свою очередь включает следующие подвиды: а) агрессивная толпа <...>; б) паническая толпа <...>; в) стяжательная толпа <...>; г) повстанческая толпа...»¹².

Принося извинения за чересчур длинную, по необходимости, цитату, заметим, что из указанных выше четырех видов толпы (2) и (3) содержат в себе намек на публику в контексте эмоционально насыщенного зрелищ-

ного общения, если, конечно, мы высокомерно не относим посетителей концертов рок-музыки к толпе, а публикой считаем лишь посетителей оперного театра или концертов классической музыки. Но все же это только невольный намек, ибо некоторые свойства публики (второстепенные) не раскрывают ее сущности, да и автор статьи в словаре не ставил такой задачи. Традиция, в соответствии с которой «публику» и «толпу» следует различать, ведет свое начало еще от Г.Тарда¹³. Современные исследователи, продолжая и углубляя эту традицию, считают, что «публика» и «толпа» — это не только разные, но и противоположные понятия¹⁴. «Публика — уже не стихийно возникающая общность, — отмечает Н.А.Хренов, — но общность, каждый представитель которой имеет какую-то общую цель, общность, осознающая себя таковой лишь из противопоставления тем, кто к этой общности не относится»¹⁵. Работа механизмов социально-психологической оппозиции «Они» и «Мы» на докоммуникативной фазе отделяет публику как «замкнутую массу» (Э.Канетти) от тех, кто к ней не относится, а на собственно коммуникативной фазе зрелищного общения дифференцирует и саму публику, придавая ей внутреннюю организованность. Обращая внимание на наличие у публики *коллективного* самосознания, Н.А.Хренов приводит варианты обозначения последнего у многочисленных исследователей и деятелей культуры прошлого. «Так, — отмечает Н.А.Хренов, — Г.Лебон, Л.Войтоловский, М.Декот и Л.Деллюк употребляли понятие «коллективная душа», Г.Тард — «одна, общая коллективная воля», Р.Роллан — «одинокая душа многих миллионов людей», А.Толстой — «одно чудовищное сердце, в котором пульсирует кровь», Э.Морен — «огромная общая желатинообразная душа», В.Бехтерев — «собирательная личность», Вяч.Иванов — «одно душевное тело», В.Смышляев — «объединенный друг с другом одинаковым желанием созерцать театральное представление коллектив»¹⁶.

Едва ли следует специально оговаривать, что у публики есть и осознанная *цель* и *активность* на всех фазах зрелищного общения (докоммуникативной, собственно коммуникативной, посткоммуникативной). Если же речь идет о задаче попасть в престижное пространство, то публике свойственна сверхактивность. Нельзя отказать публике в *уникальности*. Унифицированность публики — это миф. Всякий артист знает, что публика любого населенного пункта, любого региона страны всегда в чем-то иная. Иной, казалось бы, ту же самую публику делает само содержание зрелищного общения, контекст, в котором оно происходит, множество других трудноуловимых факторов, не имеющих прямого отношения к театральному действию. Налицо и совместная деятельность, выступающая, по крайней мере, в двух формах: 1) по освоению эстетических и нравственных ценностей; 2) коммуникативная.

Сказанное означает, что у нас есть все основания для того, чтобы: 1) рассматривать публику как некий $S_{p, \text{совокуп.}}$; 2) рассматривать публику в разделе, отведенном нами для анализа компенсаторного общения на осно-

ве больших групп людей, учитывая, конечно, ее отличия от таких групп, как класс, нация и др. Если национальная, классовая принадлежность создает наибольшие возможности для компенсаторного общения в определенные исторические периоды, то компенсаторное общение на основе совместного восприятия зрелищ или участия в театрализованных действиях функционирует перманентно (хотя и его масштабность зависит от состояния общества). Именно поэтому мы придаем ему такое важное значение. Подробнее сказанное будет раскрыто в следующем разделе.

В качестве субъекта общения (по М.С.Кагану) может выступать и *объективированный субъект* или *культура*. В дальнейшем М.С.Каган специально выделяет в контексте общения реальных партнеров — *общение культур*¹⁷. Это совершенно справедливо, ибо доказано, что единственный способ существования культуры как культуры — есть диалог¹⁸.

Можно ли представить диалог культур в его компенсаторном значении при всех возможных вариантах компенсаторно-коммуникативного процесса (собственно компенсации, сверхкомпенсации и декомпенсации). Думается, что можно. В сложном процессе взаимодействия культур не исключен вариант частичного и функционального использования иной культуры в соответствии с принципом дополнительности (собственно компенсации), когда чужая культура как бы заполняет пустоты, оставляемые собственной, не меняя радикально ее смысла. Это псевдодиалог, характерный для компенсаторного общения. В той мере, в какой две культуры взаимно обогащают друг друга, образуя неслиянное единство, происходит *сверхкомпенсация*. И, наконец, когда одна культура утверждает себя шельмованием другой и главные усилия сосредотачивает на этом направлении, происходит процесс *декомпенсации*, воспринимаемый в границах данной культуры как *сверхкомпенсация*. Но *сверхкомпенсация* эта иллюзорна. При рассмотрении диалога культур нельзя упускать из вида те модальности $S_{\text{р.совокупн.}}$, что были рассмотрены нами ранее. Нельзя не учитывать возможностей компенсаторного взаимодействия с культурой каждой из выделенных модальностей. Для $S_{\text{р.инд.}}$ общение с культурой при определенных условиях может быть особенно заметным источником компенсаторно-коммуникативного взаимодействия.

И, наконец, учитывая, что компенсаторное общение может осуществляться (впрочем, как и вплетенное) в границах *аутокоммуникации* как внутреннего диалога, наметим основные модальности субъекта, принимающего участие в этом диалоге с $S_{\text{р.инд.}}$.

Прежде всего это *субъективированный объект* или иллюзорный партнер¹⁹. Вещественным субстратом этого объекта может быть как природа в целом, так и отдельные ее проявления (животные, растения и т.д.), а также рукотворные вещи. Естественно, что не будучи вызваны к жизни в качестве субъектов нуждающимся в расширении круга своего общения человеком, они субъектами не являются. Контакт с ними сводится в сущности к ауто-

коммуникации²⁰, то есть самообщению, общению различных ипостасей личности. Внутреннее общение может выступать в очищенном от такой чувственной наглядности виде, как простое *взаимодействие различных «смысловых позиций»* (Г.М.Кучинский). При этом едва ли правильно считать, что в данном случае происходит общение с воображаемым партнером²¹. *Общение с воображаемым партнером* (отсутствующим или вымышленным) — это уже следующая ситуация, в которой целостное «я» субъекта противостоит «квазисубъекту», в то время как все ипостаси «я», представляющие различные смысловые позиции одной личности, одинаково реальны, но реальность эта субъективная.

Наконец, четвертая ситуация компенсаторной аутокоммуникации возможна на основе внутреннего диалога с культурой. Если речь идет о персонифицированных образах (персонажах) как воображаемых партнерах, то мы имеем дело с предыдущей ситуацией. Если же представить себе внутреннее погружение реального «я» индивидуума в целостную, звучащую в нем среду культуры, интериоризированную в его сознании и не подпитываемую в данный момент художественным восприятием, то это и будет особая область внутреннего диалога с культурой. Этот диалог может быть, как и все предыдущие варианты аутокоммуникации, в одних обстоятельствах необходимой стороной предметной деятельности, в других, будучи самоценным, «общением ради общения», выполнять компенсаторную роль. Понятно, что намеченные позиции нуждаются в более весомом обосновании, что мы и намерены сделать в соответствующих разделах. Исходное выделение основных вариантов «сцепления» различных модальностей субъекта в компенсаторном взаимодействии будет дополнено рассмотрением системы причин, их порождающих и направляющих компенсаторно-коммуникативные процессы в то или иное русло (реальной или иллюзорной, первичной или вторичной и т.д.) компенсации.

3.2. КОМПЕНСАТОРНОЕ ОБЩЕНИЕ НА УРОВНЕ ГРУППЫ

...Отчужденная личность считает почти невозможным оставаться наедине сама с собой, так как панически боится почувствовать, что она ничто.

Эрих Фромм

Он пользовался местным авторитетом.

А.Платонов

Если нет никакой общности, к которой ты мог бы принадлежать, — создай ее сам, приятель.

Пол Гудман

Учитывая сложность осуществления исчерпывающей классификации социальных групп и социальных движений как реально существующих образований, и что особенно важно, неодинаковую степень их изученно-

сти современной наукой²², рассмотрим, как проявляет себя и какие результаты производит компенсаторное общение в тех из них, что представляются нам наиболее распространенными.

Наиболее подходящим местом для осуществления компенсаторных связей выступает малая группа. В ней могут быть реализованы *интеллектуально-гностические, эмоциональные и деятельностно-волевые* компоненты потребности в общении. Компенсаторные возможности малой группы охватывают широкий круг коммуникативных запросов личности: *в самоутверждении и лидерстве, в сочувствии и сопереживании, в обретении социальной идентичности и включенности в какое-либо «Мы»*. Здесь в зависимости от основного направления деятельности группы и преобладающих ценностных ориентаций можно *реально* или *иллюзорно* смягчить проявления одиночества во всех его измерениях: *космическом, культурном, социальном, межличностном*. Прочие проявления компенсаторного общения обладают более ограниченным набором компенсаторных возможностей, часто одной какой-либо. Тем наглядней проступают в них так часто свойственные компенсаторной коммуникации узость мотивации и функциональность, не столь заметные в условиях малой группы. Исключение составляют процессы *реальной сверхкомпенсации*, которые, даже будучи первоначально приведены в действие усилиями узко коммуникативного мотивационного ядра, в конечном счете разрастаются и набирают силу, универсально преобразующую личность и возвышающую ее над обыденностью.

Между тем малая группа сама по себе существует отнюдь не ради одного только общения, а имеет и внекоммуникативные цели. Тем более если речь идет о формальной группе (трудовая ассоциация). Но как формальные, так и неформальные группы могут быть использованы в качестве среды компенсаторного общения. При этом одни формы деятельности и общения будут выступать для личности как *вынужденные*, как неизбежная плата за возможность свободно реализовать в рамках группы потребность в компенсаторном взаимодействии, другие *восполнять* то желаемое, чего недостает личности в ее повседневных отношениях с окружающими, в которые она с необходимостью вовлечена в силу присущих ей социальных и индивидуальных характеристик: принадлежность к определенному этносу, пол, возраст, семейное положение, образование, физические данные, состояние здоровья, внешняя привлекательность и т.д. Предпочтение одних оснований, используемых в качестве средства компенсаторного общения, другим будет зависеть от соотношения в их составе *вынужденного* и желаемого — *свободного* компонентов общения.

Односторонность и частичность жизнедеятельности современного человека часто порождает стандарт их преодоления идентичными же средствами, характеризующимися частичностью и функциональностью. Хотя свободно осуществляемое компенсаторное общение и дополняется вы-

нужденным, общность в границах которой оно функционирует, можно с определенной уверенностью назвать *компенсаторной*, при условии что она *обслуживает* разнообразные *компенсаторно-коммуникативные потребности* многих из составляющих ее индивидуумов. Наиболее распространенным образчиком компенсаторной общности выступает *алкогольная микрогруппа*.

Из сказанного, конечно, не следует, что причины алкоголизма исчерпываются коммунологическими проблемами личностей, составляющих алкогольную среду. Впрочем, и сама эта среда не сплошь представлена лицами с непреодолимой алкогольной зависимостью, а включает в себя и тех, кто подвержен пока лишь риску заболевания. Поэтому говоря о компенсаторно-коммуникативных возможностях алкогольной микрогруппы, мы в первую очередь имеем в виду тех, для кого формирование алкогольной зависимости имеет корни преимущественно в коммуникативных проблемах, а также тех, для кого потребление алкоголя не имеет привлекательности за пределами компании и вне ситуации социального общения (эта-алкоголизм)²³. Кроме того, вовлечение личности в пьющую среду немислимо вне контекста социального общения в границах алкогольной субкультуры, общения, сопровождающегося нарастанием проблематичности контактов за ее пределами. Поэтому даже в тех случаях, когда трудности межличностного общения не являются непосредственной причиной интегрированности в алкогольную микрогруппу, их значение как фактора группообразования возрастает по мере алкоголизации составляющих ее членов и углубления их отчужденности от контактов с людьми, не одобряющими злоупотребления спиртными напитками. Возникновение отчужденности еще не означает, что контакты эти немедленно прерываются. Прежний круг общения сохраняется еще довольно долго, но изменяется само качество контактов. Прежние отношения все более схематизируются и формализуются и, следовательно, все более побуждают к компенсации. Все больший удельный вес в них приобретают *манипулятивные* контакты. Это чрезвычайно обедняет содержание межличностных связей, ибо «манипулятивное общение — это такое общение, при котором к партнеру относятся как к средству достижения внешних по отношению к нему целей»²⁴. В данном случае и сама по себе цель чрезвычайно узка и примитивна, так как состоит лишь в беспрепятственной алкоголизации. Другая личность автоматически оценивается со следующей позиции: способствует ли она либо препятствует алкогольному образу жизни. Ущербность манипулятивного общения состоит в том, что в нем невольно «происходит манипуляция не только партнером, но и собой»²⁵.

Манипулятивное поведение пьющего формирует особый круг общения из состава его ближайшего непьющего окружения (родственники, друзья) в соответствии со стандартными в этом случае ролями: Алкоголик, Преследователь, Спаситель и др.²⁶ Психологический подтекст и своеобраз-

ный «выигрыш» игрового взаимодействия для пьющего — обоснование фатальности и непреодолимости болезненного пристрастия к алкоголю: «Посмотрим, сможете ли вы меня остановить». Вовлекая в игру в «алкоголика» людей из ближайшего окружения, пьющий деформирует систему их коммуникативных потребностей, формирует из них «со-зависимых», например, в лестной и возвышающей роли Спасителя²⁷. Подобное общение нередко становится в ряду прочих, в том числе по-настоящему продуктивных контактов, наиболее привлекательным и значительным для Спасителя. Создается возможность использования этой роли непьющим в компенсаторных целях для иллюзорного самоутверждения за счет и на фоне пьющего. При этом круг общения и интересов сужается до масштабов питейной проблемы. Вовлеченные в бесконечные и бесплодные игры с пьющими, «со-зависимые» также обедняются в этом взаимодействии. «Со-зависимые» отношения с пьющими для них привычны и понятны, чего не скажешь о свободных, сложных отношениях с окружающими.

Всякий раз испытывая в них неудачи, «со-зависимые» укрываются в общении с пьющим, *компенсируют* в нем дефицит общения с более широким кругом людей. Поэтому создается впечатление, что на каком-то этапе формирования «со-зависимости» окружение пьющего как бы заинтересовано в том, чтобы все время иметь объект своих усилий под рукой, чтобы он оставался в прежнем своем качестве. «Возможно, — отмечают Ц.П.Короленко и Т.А.Донских, — имеет значение страх “со-зависимых” остаться “без дела” после излечения алкогольного аддикта, с которым они привыкли общаться на “со-зависимом” уровне»²⁸. С этим предположением трудно не согласиться. Добавим только, что «со-зависимый» боится не только «остаться без дела», но и нарушить сложившуюся вполне привычную систему общения, допускающую возможность социальной компенсации. Не случайно поэтому некоторые лица, расторгнувшие брак с алкоголиками, возвращаются в привычную систему общения, создавая новую семью с лицами, подверженными алкогольной зависимости²⁹.

Повышенной толерантностью к пьющим обладают взрослые дети алкоголиков (ВДА). Это проявляется как в их внесемейном общении (сфера трудовой деятельности), так и в дальнейшем демографическом поведении. Известно, что у жен алкоголиков, «как правило, кто-либо из их родственников, особенно часто отец, страдал алкоголизмом или злоупотреблял алкоголем»³⁰. Таким образом, компенсаторное общение на основе употребления спиртного выходит за границы непосредственно алкогольной микросреды, вовлекает и непьющих, получающих свою «долю» психологического «выигрыша». Сказанное не означает, что пьющих следует избегать, словно проклятых. Но чтобы действительно помочь им, необходимо прекратить игру в «алкоголика» и построить отношения на четкой основе искреннего сотрудничества в деле преодоления алкогольной зависимости.

Ядро компенсаторной коммуникации, связанной с употреблением ал-

коголя, заключается все-таки не в отношениях между пьющими и «со-зависимыми», а непосредственно в самой алкогольной микрогруппе. Поэтому следует к ней вернуться. Какие коммуникативно-компенсаторные возможности предлагает своим неофитам алкогольно-корпоративная группа? Прежде всего возможность ощутить само чувство включенности в группу, чувство принадлежности к некоторому «Мы», что всегда значимо для человека как «социального животного». Разумеется, значимость эта варьирует в довольно широких пределах, зависит от многих социальных и индивидуальных параметров и не всегда очевидна. Скажем, для подростка и юноши в норме эта потребность чрезвычайно велика. Чем независимее, чем менее конформен человек, тем меньше его потребность за пределами сугубо утилитарными в самоидентификации с другими людьми. Но полная самодостаточность, за исключением, пожалуй, случаев явной патологии, едва ли возможна. Самый махровый «рак-отшельник» хотя бы во внутреннем диалоге все равно себя с кем-то идентифицирует и черпает в этой идентификации силу и уверенность. Не имея под рукой реальной группы, соответствующей ценностям личности, она может идентифицировать себя с представителями группы воображаемой. Однако обычно основное поле социальной идентификации — реальные большие и малые группы людей, в том числе такие, как классы, нации, трудовые и учебные коллективы, полифункциональные по своей природе и наиболее значимые в жизни личности. Правда, не всегда интеграция с указанными группами дает полную удовлетворенность, не всегда она желательна, даже в тех случаях, когда носит необходимый и объективный характер (этничность). Принадлежность к различным группам обладает неодинаковой престижностью в общественном мнении и, следовательно, часто в глазах самого принадлежащего к ней.

Вероятно, фактор престижа сопровождал процесс группообразования во всех существовавших и существующих обществах, но нигде и никогда, по-видимому, он не был доведен до такой степени абсурда, как в нашей стране. Вопреки очевидной необходимости и полезности были стигматизированы в общественном мнении, например, профессии, связанные со сферой обслуживания. Захваливались определенные социальные группы при противопоставлении и в ущерб другим. Часто представители отдельных национальных меньшинств стеснялись своей национальной принадлежности и даже скрывали ее. Все это способствовало включению в такие микрогруппы, которые позволяли компенсировать неудовлетворяющую, рассматриваемую как внешнюю, иногда принудительную интегрированность в другие общности. Было бы известной натяжкой в качестве альтернативы выдвигать алкогольную микросреду, ибо она никогда не была престижной в общественном мнении. Скорее, средством подобной компенсации служили и служат иные, гораздо более престижные группы. Но и питейная микросреда может компенсировать указанные выше противоречия хотя бы потому, что она не знает классовых, национальных, професси-

ональных и культурных различий, причем нивелирует даже индивидуальные особенности. В том числе такие, что делают непривлекательными в общении тех, кого обычно называют «оттесненными» или даже более безнадежно — «отверженными», тех, кто находится в изоляции в трудовых и учебных коллективах и лишь формально к ним принадлежит. Для этой категории лиц свободная интеграция с любой, *признающей* их малой группой, не исключая и алкогольную, становится весьма привлекательной. Привлекательны легкость интеграции с группой, ее лояльность по отношению к своим членам, освобождение от чувства ответственности, ощущение защищенности. Очень хорошо отразил эти особенности алкогольной микросреды Генрих Манн в романе «Верноподданный»: «Он (Дидерих. — В.Г.) вступил в широкий круг людей, которые не причиняли ему зла и требовали только одного: чтобы он пил. За всех, кто предлагал ему чокнуться, он благодарно и дружелюбно поднимал свою кружку. Пить или не пить, сидеть или стоять, говорить или петь — все это в большинстве случаев не от него зависело. Это делалось под громогласную команду, и если точно ее выполнять, можно жить в полном согласии с собой и с миром <...> В поздние ночные часы ему даже чудилось, что все они — единое потеющее тело.

Он растворился в корпорации, думавшей и желающей за него, и в то же время здесь он был мужчиной, который вправе уважать себя, ибо имеет честь принадлежать к своей корпорации. Никто на свете не в силах вырвать его из этого круга, причинить зло ему одному»³¹.

Специалисты отмечают чрезвычайную «заразительность» питейной микросреды³², а также то, что отдельные ее представители обладают воистину гипнотической силой воздействия на окружающих. Поэтому отчасти привлекательность включения в алкогольную микросреду в контексте процессов идентификации объясняется наличием в ней «сладких» пьяниц в противовес имеющимся «горьким» пьяницам. Ничего, что такая классификация имеет мало общего с теми, что обычно даются специалистами по изучению алкоголизма, думается, и она не лишена смысла, ибо указывает на некоторые из социально-психологических механизмов вовлечения неопитов в алкогольную микросреду. Об этом стоит подробнее.

Всякий согласится, что спившийся, потерявший человеческий облик, окончательно деградировавший субъект, готовый пить что угодно и с кем попало, едва ли представляет собой сколько-нибудь привлекательный образ желаемого будущего для любого человека. «Горькому» пьянице не суждено стать центром притяжения новообращенных, эталоном мужественности, независимости, изобретательности и т.д. Он обычно вызывает либо брезгливость, либо сочувствие, а иногда и насмешку безжалостной публики. Правда, «горьких» пьяниц, к сожалению, от этого меньше не становится.

Иное дело «сладкий» пьяница. Идентифицировать себя с ним куда как приятнее, особенно если отбросить его пагубное пристрастие. Но оно обычно проглатывается вкупе со всеми прочими его качествами. В чем же они

состоят? Как правило, «сладкий» пьяница — колоритная фигура. Он не лишен мужского шарма, обаятельный, коммуникабельный, артистичный человек. Все эти качества, разумеется, приобретают культурные очертания в соответствии с уровнем духовного развития описываемого индивидуума. Ему вполне свойственны раскованность, независимость, обычно ироничное, «легкое» отношение к жизни, с некоторым налетом цинизма. В.В.Бойко, проводя социологическое исследование среди неумеренно пьющих рабочих и их непьющих товарищей на предмет выявления художественного потенциала тех и других, получил результаты, могущие показаться обидными для лиц, ведущих трезвеннический образ жизни. Как выяснилось, у неумеренно пьющих рельефнее, чем у непьющих, выражены музыкальная и изобразительная направленность, в детстве они имели более высокую потребность в художественном творчестве³³. Да и в момент проведения исследования на первом месте по сумме оценок за исполнение заданий оказались больные алкоголизмом и лица с риском заболевания³⁴. Как ни парадоксально это звучит, но «оказалось, что чем больше степень алкоголизации, тем вероятнее, что у человека есть какие-либо художественные наклонности»³⁵. Приведенное исследование позволяет подчеркнуть явную неординарность многих из пьющих. Вероятно, не реализовав свои задатки непосредственно в творческой деятельности, они иллюзорно воплощают их в алкогольной деятельности и общении в пьющей среде. Нереализованность в предметной деятельности компенсируется в деятельности коммуникативной, причем художественная одаренность делает эту деятельность весьма успешной, ее субъектов чрезвычайно привлекательными в общении, определяя их место в алкогольной среде как «сладких» пьяниц. «Сладкие» пьяницы приносят горькие плоды. Они провоцируют пьянство во вселенских масштабах, они производят «горьких» пьяниц. Удивительное дело, сами «сладкие» пьяницы могут пить буквально десятилетиями и при этом умудряются не спиться. Те же, кто не имеет всего набора присущих им качеств изящных инициаторов питейного процесса, бездарно подражают им чисто внешне и образуют в конечном счете весь безрадостный контингент опустившихся «горьких» горемык.

Для многих представителей алкогольной среды уже само по себе наркотическое воздействие алкоголя, нивелируя личностные особенности, облегчает процессы идентификации с нередко чуждыми людьми и интеграции с группой, отнюдь не отвечающей духовным запросам личности. Причем в дальнейшем процесс нивелирования захватывает и те отрезки времени, когда индивидуум не находится непосредственно в состоянии опьянения. Поэтому пьющие легко выделяют себе подобных среди многих лиц. Если в норме идентификация, как правило, разворачивается одновременно на чувственно-эмоциональном и на интеллектуально-рациональном уровнях³⁶, то для пьющих наиболее существенным становится эмоциональный уровень идентификации. Эмоциональное оценивание чаще все-

го осуществляется с позиций соответствия личности незатейливым стандартам алкогольного поведения. В качестве эталона сильной личности выдвигается тот, кто обладает высокой толерантностью к алкоголю. Короче говоря, любимое определение толстовского персонажа дяди Ерошки: «Хороший человек. Пьяница...» — существует здесь в нерасторжимом единстве составляющих его частей. Можно сказать, что идентификация осуществляется здесь плавным образом за счет эмпатии³⁷, а не рефлексий³⁸ и носит зачастую весьма некритический характер. Прямое следствие из этого — алкогольный конформизм как внешняя, поверхностная, частичная идентификация. Субъективно же она воспринимается пьющим в качестве внутренней, глубокой, объемлющей связи. Во всяком случае как более близкая и желаемая связь, даже когда человек недалек от адекватной ее оценки в минуты прозрения.

Напротив, с представителями из непьющего окружения идентифицировать себя становится все трудней. Трудней даже тогда, когда объективные основания склоняются в пользу именно такой идентификации, сулящей личности положительную перспективу. Происходит конфликт ценностей, в результате которого действительные ценности все чаще приносятся в жертву иллюзорным. Алкогольный синдром постоянно сопровождается нравственными муками, своего рода нравственным синдромом. Расслабление с социально более значимым миром, нарастание напряженности в отношениях с членами первичных групп³⁹ (например, с семьей) делает идентификацию весьма проблематичной в плане достижения искомого равновесия, компенсации. Ущербность подобной идентификации состоит в том, что спонтанная, диффузная группа (а именно таковой предстает, как правило, алкогольная микросреда) начинает перевешивать значение стабильных, устойчивых образований. Возможно ли вообще реальное устойчивое равновесие за счет включения в группы, которые сами не являются стабильными в смысле их состава, легко распадаются, не обладают четкими нравственными ориентирами, необязательны по отношению к своим членам?

Следовательно, иллюзорность идентификации в алкогольной микросреде в компенсаторном ее значении проявляется, по крайней мере, в трех планах. Прежде всего эта идентификация основана на иллюзорной системе ценностей и связана с неадекватными социальной перцепцией и самопознанием. Ведь пьющий человек, находясь в состоянии опьянения, идеализирует свое алкогольное окружение, а затем переоценивает, естественно, не без его помощи, свои собственные достоинства. Во-вторых, идентификация не достигает цели, вернее, достигает иллюзорно, ибо на деле не уравновешивает отношение подобия с окружающими, а еще более разбалансирует его. В-третьих, достигнутое равновесие носит релятивный, временный, даже сиюминутный характер, ограниченный рамками пьющей микросреды и оплачивающийся утратой идентичности в более социально зна-

чимых образованиях. Указанная идентификация происходит не в результате личностного роста и тотального расширения общечеловеческого диапазона социальной идентичности, а за счет деформирования и деперсонализации личности. Осуществление иллюзорно-компенсаторной идентификации дает импульс процессам *декомпенсации* личности.

В алкогольной эволюции личности может наступить такой момент, когда практически все значимые для нее потребности она реализует в алкогольной микросреде. Тогда эта среда становится главной сферой ее жизнедеятельности и едва ли может уже быть признана компенсаторной. В этом случае компенсаторные механизмы не исчезают, а лишь приобретают иную направленность. Дабы сохранить хотя бы тончайшую нить, связывающую личность с окружающим алкогольную микросреду миром, она зачастую пытается установить компенсаторные связи, выводящие за границы алкогольной деятельности, причем в той форме, на какую еще способна. Ибо компенсаторная коммуникация, восполняющая недостающее общение (в данном случае в плане социальной идентификации), отнюдь небеспроблемна. Не все находят в ней полную реализацию недостающих компонентов общения, даже иллюзорную. И в этой среде есть свои парии, конфликты, унижения. Мир алкогольной микросреды гораздо более жесток, чем его трезвеннический антипод. Поэтому для пьющего, наверное, было бы предпочтительным балансировать на грани этих двух миров, которые в действительности довольно плавно переходят друг в друга. Ведь редко пьющий желает полностью порвать с алкоголем. Абсолютная, вынужденная трезвость воспринимается им как инвалидность. Он знает, что многие не избегают застолий, но они пьют, когда хотят, а когда не хотят — не пьют, легко регулируя потребление спиртного. Поэтому пьющие обращают свои взоры за пределы алкогольно-корпоративной группы. Они с надеждой предлагают наивному трезвеннику поиграть с ними в «алкоголика». Пытаются обратить на себя внимание окружающих экзальтированным, демонстративным поведением со своеобразной щемящей самоподачей или, наоборот, с неприкрытой агрессией. Их привлекают многолюдие и праздничная атмосфера. Подчеркнем, что для компенсаторной коммуникации часто характерен экстенсивный подход к общению, попытка расширить возможности общения за счет увеличения его круга, не вкладывая труд души в совершенствование качества уже имеющихся контактов.

Углубленное рассмотрение компенсаторной идентификации несколько отвлечло нас от анализа компенсаторной *интеграции*, наиболее существенные причины которой мы указали выше. Виной тому связь и переплетение этих процессов. Однако полного совпадения между идентификацией и интеграцией нет. Прежде всего потому, что идентификация относится, скорее, к области оценки личностью степени своего подобия с окружением, степени соответствия ему, в то время как в понятии «интеграция» фиксируется деятельностное отношение. Что не исключает, правда, наличия в

чувстве интеграции с общностью также познавательно-оценочных моментов. Идентификация является условием свободной, самоопределяющейся интеграции с группой, а также ее следствием. Наконец, идентификация — явление индивидуализированное, ибо человек идентифицирует себя с отдельными представителями группы, а не со всей группой как каким-то единым, нерасчлененным субъектом, в то время как в интеграции проявляется не столько тяготение к отдельным лицам, сколько потребность именно в слиянии с целым.

Проанализируем особенности интеграции личности с алкогольной микросредой. Прежде всего интеграция эта осуществляется на основе принятия ценностей, связанных с алкогольным образом жизни. Об этом уже говорилось в связи с анализом процессов алкогольной идентификации. Интеграция предполагает принятие не только общих поведенческих, но и языковых образцов, алкогольного жаргона, на котором изъясняются в границах действия алкогольной субкультуры. Все это создает условия для некоторой *изоляции* алкогольной микросреды от других общностей. Изоляционизм алкогольно-корпоративных групп выражается и в подчеркнуто негативном отношении к непьющим, особенно к тем из них, что олицетворяют роль Преследователя, к организациям и социальным институтам, ведущим борьбу с пьянством, и их представителями. На них направлено то, что носит у специалистов обозначение «алкогольный юмор». Алкогольный юмор направлен и против тех, кто пытается покинуть алкогольную микросреду. Среда цепко держится за них. Если вход в алкогольно-корпоративную группу совершенно свободен, то выход из нее чрезвычайно затруднен. Чем выше степень интегрированности личности в алкогольную микрогруппу, тем меньше она связана с остальным миром и даже противостоит ему. Сплоченность группы здесь, как и повсюду, происходит через социально-психологическую оппозицию «Они» и «Мы» (Б.Ф.Поршнеv). Иллюзорные моменты компенсаторной интеграции с алкогольной микросредой совпадают с рассмотренными в связи с процессами идентификации. Интеграция эта сиюминутна, релятивна, неустойчива. Она подменяет социально ценные формы единства, способные к бесконечному и плодотворному взаимодействию и слиянию с себе подобными.

Наиболее привлекательной стороной общения в алкогольной микросреде являются переживания ярко окрашенных эмоций. Совсем необязательно это будет переживание счастья. Последствия употребления алкоголя часто совершенно непредсказуемы. Возможно, пьющего именно на этот раз ожидает состояние тоски, обостренное переживание прошлых обид или злости. Но и эти состояния могут быть желанными, а их публичное проявление повышать самоуважение. Важно, что все эти сильные чувства переживаются в группе, готовой охотно подтвердить праведность и правильность испытываемых, а главное, демонстрируемых эмоциональных состояний, помогая тем самым преодолевать одиночество в социальном

его измерении (то есть связанное с социальным отвержением) даже в том случае, когда преодоление это осуществляется не реально, а иллюзорно.

Актуальность для современного человека поисков эмоционального насыщения объясняется особенностями нынешней коммуникативной ситуации. Сегодня для личности достаточно остро стоит проблема дефицита именно эмоциональной стороны общения. Бедность эмоциональной жизни позитивными эмоциями: монотонность повседневности, перегруженность ее будничными заботами — с одной стороны, и стрессами — с другой, побуждают к поиску эмоциональных компенсаторов в сфере социальной коммуникации. Не случайно поэтому многие исследователи сегодня сосредоточили внимание на эмоциональных аспектах таких форм поведения, которые, несмотря на их качественное своеобразие, могут иметь общую компенсаторно-коммуникативную направленность (преступное поведение, пьянство, религиозный фанатизм)⁴⁰. Сказанное, конечно, не означает, что мы ставим знак равенства между этими явлениями. Речь идет лишь о возможном совпадении их компенсаторно-коммуникационной основы.

Эмоциональное насыщение в алкогольной микрогруппе обладает рядом особенностей, позволяющих расценивать приобретаемую в ней компенсацию как иллюзорную. Во-первых, компенсаторное общение, стимулированное употреблением спиртного, перенасыщено эмоциональными компонентами, страдает эмоциональной избыточностью. Эмоциональная избыточность лишь изнушает эмоциональную сферу, не принося желаемого равновесия. Во-вторых, в нем нарушено соответствие между объективной значимостью ситуации, содержанием общения и остротой их переживания общающимися, то есть оно неадекватно. На другой день пьющие нередко совершенно не помнят, по какому поводу вчера «рвали страсть в ключья». В-третьих, для подобного общения характерна полярность эмоциональных переживаний, минуя нюансы, полутона. «После втягивания человека в пьющую микросреду, — отмечает В.А.Рязанцев, — начинается процесс его нравственного огрубления <...> Пьющий как бы утрачивает способность к восприятию тончайших оттенков в психологии близких ему людей, к сопереживанию. То, что прежде его волновало и вызывало у него соответствующие реакции, теперь теряет актуальность»⁴¹. В-четвертых, преобладание эмоциональных компонентов над интеллектуальными, свойственное алкогольной микросреде, создает новую деформацию во внутренней структуре общения личности, побуждающую к компенсаторной активности. Но деятельность-волевая основа, необходимая для этого, ослаблена и извращена, что дает повод предположить проблематичность реальной компенсации недостающих в общении интеллектуальных компонентов. В-пятых, перегруженность актов алкогольного общения эмоциональными компонентами нередко способствует сосредоточению личности лишь на собственных переживаниях, одновременно создавая у нее иллюзию насыщенности внутренней жизни. Отсюда берут начало эгоцент-

ризм и, как это ни парадоксально, эмоциональная глухота. Привычка к осуществлению актов общения, запредельно насыщенных эмоциональными компонентами, пагубно отражается на эмоциональной культуре личности, что нередко находит выход в разнузданном поведении, актах вандализма, немотивированной жестокости.

Рассматривая процесс *самоутверждения* как феномен, выражающий специфическую социальную функцию общения, нельзя обойти вниманием вопрос о том, как оно осуществляется в алкогольной микросреде. Алкогольная микросреда превращается в арену самоутверждения в том случае, если оно затруднено в других группах, к которым относит себя личность. В норме процесс самоутверждения представляет собой диалектическое единство самореализации личности (воплощения в контакте, будь то совместная деятельность или соперничество, сущностных сил) и ее статусного измерения (его стабилизации, подтверждения либо повышения). На нерасторжимое единство указанных сторон обращает внимание С.Л.Березин: «Ни стремление личности завоевать себе определенную социальную позицию, ни самореализация, взятые в отдельности, в отрыве друг от друга, отнюдь не покрывают содержания понятия «самоутверждение»⁴². Однако гармоническое единство этих сторон возможно лишь в социально полноценном общении. При этом ведущей стороной должен быть процесс самореализации. Повышение статуса предпочтительно запаздывающее, «догоняющее» самореализацию. Забегающий вперед статус, не подкрепленный самореализацией (то есть псевдодостигнутый, мнимый) и ее результатами, предметно воплощенными в реальных достижениях личности, чреват для нее сильнейшими психоэмоциональными напряжениями, что само по себе может быть источником компенсаторных действий.

Но алкогольная микросреда не дает реальной компенсации. На эту особенность алкогольной деятельности все чаще обращают внимание исследователи. Так, Б.С.Братусь отмечает: «Деятельность, которая развертывается в состоянии опьянения, является совершенно особой по своему характеру, а именно: иллюзорно-компенсаторной. Для того чтобы понять специфику этой деятельности, достаточно сравнить ее (в особенности у людей уже больных алкоголизмом) с деятельностью здорового человека. Возьмем, например, столь важную для каждого потребность в удовлетворяющей его самооценке. Здоровый человек обычно идет по пути постановки целей и задач, достижение которых будет достаточно высоко оценено окружающими и им самим, что приведет к поддержанию и повышению его самооценки <...> Важнейшей особенностью алкогольного способа удовлетворения потребностей является подмена объективных результатов реально осуществляемых действий субъективными эмоциональными ощущениями и состояниями. Последние имитируют состояния здорового человека, в ходе своей деятельности реально осуществившего намеченные планы. Достигаются же эти желательные состояния с помощью алкоголя,

то есть посредством не реальной, а иллюзорно-компенсаторной деятельности»⁴³. Другими словами, важнейшая основа повышения или подтверждения статуса — самореализация осуществляется иллюзорно. Это сказывается и на обретаемом в алкогольной микросреде статусе, который оказывается не подкрепленным ничем социально значимым. Таким образом, проблема самоутверждения реализуется на узкостатусном уровне. На иллюзорное повышение статуса личности в питьевой микросреде обращал внимание еще Ф.М. Достоевский, который отмечал, что привычка к частым кабачным разговорам «обращается у иных пьющих в потребность, и преимущественно у тех из них, с которыми дома обходятся строго и помыкают. Оттого-то в пьющей компании они стараются всегда как будто выхлопотать себе оправдание, а если можно, то даже и уважение»⁴⁴. И действительно, Мармеладов, послуживший Достоевскому поводом для этого рассуждения, не пользовался уважением решительно ни у кого на свете, а «дома его даже бивали».

Референтность алкогольной микросреды в процессах обретения личностью желаемых статуса и самооценки затрудняет самоутверждение в других группах и в глазах лиц, не подверженных алкоголизации. По отношению к ним, как уже отмечалось, пьющие нередко занимают враждебную позицию, активно проявляя которую создают дополнительные условия для иллюзорного самоутверждения.

Несмотря на указанные выше особенности алкогольной деградации и нравственного огрубления пьющих, было бы несправедливым полностью отказывать им в способности к *сочувствию и взаимопониманию*, отрицать известную задушевность их контактов, выполняющих *психотерапевтическую функцию*. Совместное употребление спиртных напитков нередко располагает к *исповедальности, доверительности* в общении, способствует смягчению чувства одиночества в межличностном измерении. Под *доверительным* общением вслед за В.С. Сафоновым мы понимаем такую форму взаимодействия людей, «когда человек в процессе общения доверяет другим людям какую-либо конфиденциальную» информацию, мысли, чувства, переживания, раскрывающие те или иные стороны внутреннего мира его личности»⁴⁵. По мнению В.С. Сафонова, в доверительном общении значителен момент веры в добропорядочность собеседника⁴⁶. Характерно и обособление от всех тех, кто не вызывает доверия в плоскости предстоящих откровений⁴⁷. В контексте доверительного общения реализуются, по В.С. Сафонову, и основные его функции: *самопознание, психологическое облегчение, углубление отношений*⁴⁸. В связи с указанными особенностями доверительного общения уместно проанализировать их проявление в алкогольной микросреде.

Первое и, наверное, самое важное для осуществления доверительного общения — это адекватное определение объекта доверия. Декларируя абсолютную ценность общения, по крайней мере в теоретических и публи-

цистических изысканиях, многие, к сожалению, упускают из вида всю ответственность данной процедуры. Общение, взятое абстрактно, безусловно, огромное благо, социальная ценность. Здесь нечего возразить. Но оно таит в себе многие опасности. Ближайшие и, тем более, отдаленные последствия любого контакта никогда непредсказуемы полностью. Поэтому первые шаги в общении с Незнакомцем всегда связаны с активной реализацией *ориентирующей функции* (см. 1.3). В весьма острой форме сказал об этом Х.Ортега-и-Гассет: «Абсолютно незнакомый другой, находящийся на нулевой отметке близости, непосредственно раскрывается мне лишь в своем сиюминутном присутствии и со-присутствии, то есть в своем внешнем облике, жестах, мимике, движениях, из чего я могу заключить, что передо мной — Человек, и не более <...> другой может оказаться существом кроважадным <...> я буду вынужден *начать* с того, что попытаюсь не без опаски к нему приблизиться. С ним происходит то же, что и со мной, и поэтому общение наше обязательно *начнется* с действия самого по себе бессмысленного, единственная цель которого будет заключаться в том, чтобы прощупать друг друга, выиграть время и взаимно разведать наши тайные намерения <...> По мере того как мы с ним общаемся, в нас происходит любопытный процесс исключения возможностей; иначе говоря, мы убеждаемся, что этот человек не способен на то-то и то-то, но с другой стороны, он может повести себя так-то и так-то, будь это злодейства или добрые дела. И вот прямо у нас на глазах он превращается в совершенно определенную систему конкретных возможностей и невозможностей»⁴⁹. Несмотря на то, что в приведенном высказывании ориентирующая функция общения приобретает несколько шаржированный и где-то даже параноидальный облик, в ней больше здравого смысла (особенно это касается значимых ситуаций общения), чем в наивной и близорукой мгновенной готовности алкогольного аддикта к глубоко личностному контакту.

Однако вернемся непосредственно к алкогольной микросреде.

В ней, как уже отмечалось, присутствует известная спонтанность как членства, так и исповедальной тематики. Случаен и иррационален по большей части выбор партнера по доверительному общению. Проблематично и то, как может распорядиться он в дальнейшем открывшейся ему информацией и «допуском» во внутренний мир другого человека. Достаточно вспомнить, например, толстовского Феденьку Протасова, пьяная откровенность которого разрушила тщательно продуманный и убедительно осуществленный план разрешения запутанной семейной коллизии.

Характерно, что мысли, высказываемые в данный момент под воздействием алкоголя, и сопровождающие их чувства зачастую представляют собой спонтанный поток сознания, который вовсе не выражает действительно личностно-значимого, а заслоняет, невольно маскирует и даже подменяет его. Сюиминутно значимое иллюзорно воспринимается и адресатом, и отправителем как существенное в соответствии с расхожим мнени-

ем «что у трезвого на уме, то у пьяного на языке». Хотя исповедальность в этих условиях может быть причудливо сопряжена с почти маниакальной подозрительностью и недоверием одного и безудержным хвастовством и враньем другого. До истинно доверительного общения в алкогольной микросреде куда как далеко.

Впрочем, из трех названных В.С.Сафоновым функций реализуется в этих условиях разве что функция психологического облегчения: сказал и облегчил тем душу. Да и то за счет монологизма питейного диалога, где каждый торопится высказаться, пока еще в состоянии говорить, и никто никого толком не слушает. Подлинный же *обмен довериями* в доверительном общении предполагает, по крайней мере, внимательное вслушивание в собеседника.

Функция *самопознания*, такая значимая для любой формы общения, а не только для доверительного, предполагает сформулированность личностных смыслов, их точную передачу, а лишь затем сопоставление их с личностными смыслами собеседников и нахождение общего в собственных чувствах и поведении с чувствами и поведением других людей. Все это достаточно сложные и тонкие процедуры даже и для ясного ума, требующие для своего осуществления, как уже отмечалось, развитого диалога.

Что касается *налаживания отношений* как функции доверительного общения, то, вероятно, чем более гладко складываются эти отношения в алкогольной микросреде, тем более они разбалансируются за ее пределами, тем более проблематичны доверительные отношения в широком социально полноценном контексте.

Кратко подытоживая все сказанное относительно компенсаторно-коммуникативных процессов в алкогольной микросреде, следует отметить подавляющее преобладание в ней *иллюзорной компенсации*, которая лишь маскирует неотвратимые *процессы декомпенсации*. Что касается спорадического обращения к подобному общению, достаточно широко распространенному, оно хотя фатально не ведет к алкогольной деградации, но дает возможность тешить себя иллюзиями взамен реальной компенсации средствами общения. Отвращает от путей реальной сверхкомпенсации, подменяя их.

Продолжая тему о девиантных проявлениях компенсаторного общения, сегодня совершенно невозможно обойти вопрос об общении в *наркоманной* среде. Социологи отмечают, что «на смену алкоголя как атрибута молодежных досуговых мероприятий приходят *наркотики*, которые *становятся* неотъемлемой особенностью молодежной субкультуры, *компонентом общения* в подростково-молодежной среде»⁵⁰ (курсив мой. — В.Г.). В данной девиации, несмотря на ее неповторимую трагическую остроту, имеются общие с рассмотренной нами ранее черты. Однако если вопросы общения в алкогольной микросреде, прямо или косвенно, непрерывно в течение многих лет и даже десятилетий отражались в многочисленных источниках, что позволило нам обнаружить и исследовать компенсаторно-

коммуникативный аспект такого общения, то аналогичная задача применительно к группам *наркоманов* и *токсикоманов* до недавнего времени была вообще трудноразрешима. Это происходило из-за недостаточной разработанности социальных и социально-психологических аспектов проблемы наркомании и токсикомании в нашей стране. Причина подобного состояния общеизвестна. В течение многих и многих лет некоторые острейшие социальные проблемы замалчивались, что лишь усугубляло положение дел. К их числу принадлежала до недавнего времени и проблема наркомании и токсикомании. Сказанное не означает, что в прошлые годы она не исследовалась. Однако исследования эти носили по преимуществу узкомедицинский и правовой характер⁵¹ или же проводились в рамках закрытых научных программ с результатами, предназначенными сугубо для служебного пользования. Широкая общественность, непосредственно участвующая в деле формирования среды общения, имела довольно смутное представление об этом социальном зле. Отчасти это объяснялось и тем, что масштабы наркотизации общества в тот период были несопоставимы с нынешними⁵². Однако примерно с середины 80-х годов начался настоящий бум публикаций по вопросам наркомании и токсикомании в нашей стране, вначале, правда, главным образом в периодической печати. Как и всякий бум, он сопровождался известной поверхностностью и тавтологичностью анализа. Часто, как и в других подобных случаях, журналисты попросту безудержно эксплуатировали острую тему, вызывающую праздное любопытство обывателя тем, что перед ним приоткрывается завеса чужой, загадочной жизни. В одной из газетных публикаций того времени рассказывалось о девочке-школьнице, которая всякий раз, когда приносили свежие газеты, нетерпеливо спрашивала маму: «А о наркоманах что-нибудь есть?». Однако эскалация этих публикаций по мере нарастания угрозы тотальной наркотизации России будила общественное мнение, активизировала деятельность ответственных лиц и, очевидно, способствовала стремительному росту научных исследований данной проблемы не только в медицинском и правовом аспектах, но и в социологическом и социально-психологическом⁵³.

Другая сложность заключается в том, что компенсаторно-коммуникативные процессы в группах наркоманов и токсикоманов не находятся на поверхности. Если при рассмотрении алкогольной микросреды убеждаешься в том, что простая и очевидная схема, выводящая непосредственно компенсаторное общение пьющих из их коммунологических проблем, мягко говоря, не вполне адекватна, то вдвойне это следует отнести к проблеме общения наркоманов и токсикоманов. Наркоманию как социальное явление нельзя объяснить исключительно коммунологическими причинами. С большим основанием можно усматривать корни наркотизма в компенсаторных механизмах более широкого плана, включая, разумеется, и коммунологический аспект. Так, например, Ю.К. Чибисов связывает наркотизм

для определенных возрастных групп с компенсаторными формами поведения⁵⁴. Компенсаторное общение часто выступает одной из существенных сторон (аспектов) компенсаторного поведения, рассматриваемого как целое. Не будучи, как правило, первичной причиной возникновения наркомании, коммунологические аспекты создают вторичную детерминацию наркотического поведения, подкрепляют его. В чем тут дело? В отличие от алкоголизма при наркомании деградация личности (индивидуальная, нравственная) происходит стремительно. «Интересы большинства наркоманов, — отмечает А.А.Габиани, — крайне ограничены и примитивны. Как правило, они мало читают, не следят за культурной жизнью, не участвуют в художественной самодеятельности, в работе различных кружков»⁵⁵. Правда, в последние годы ряд авторов оспаривает этот тезис как упрощенный⁵⁶. Думается все-таки, что он справедлив, но для определенной степени наркотизации личности. Однако бесспорно то, что у наркомана мало времени и сил остается для досуга, не связанного с потреблением наркотиков. Так, например, Н.М.Фоломеева отмечает: «Потребление наркотиков — это целый образ жизни, предполагающий полную сосредоточенность только на наркотиках и на действиях, связанных с их добыванием. Химически зависимый наркоман или занят поиском и изготовлением наркотиков (или добыванием денег на их покупку), или находится в состоянии наркотического транса»⁵⁷. Эта деятельность и все, что ее сопровождает: общение, переживания и пр., — кажется на первых порах молодому наркоману гораздо более значительной, яркой, интересной и интенсивной в сравнении с предыдущей «постной» его жизнью. «Обычно люди, употребляющие наркотики, — отмечают Т.П.Долгова и Ю.А.Клейберг, — находятся в постоянном движении: они покупают, продают, готовят наркотики, когда встречаются — говорят о своем, обсуждают ощущения, смеются, бегают от милиции. Для молодого человека, чья жизнь до этого момента заключалась в надоевшем хождении в школу, фотокружок и т.д., подобная жизнь кажется чрезвычайно привлекательной, хочется стать своим в этом кругу, также запросто говорить о неизвестных ощущениях, иногда даже пострадать, быть непонятым, изгоем»⁵⁸. Постепенно происходит ослабление, а затем и разрыв связей с первичными группами и другими общностями, требующими от личности дополнительных интеллектуальных и нравственных усилий. По мере наркотизации личности резервы для таких усилий убывают. Постепенно утрачивается индивидуальная коммуникативная привлекательность. Последнее обусловлено общим морально-этическим и интеллектуально-мнестическим снижением личности.

Наркологи, предметом специального исследования которых были клинико-социальные последствия наркомании, отмечали, что «характерными чертами поведения и реагирования больных при всех видах наркомании были: эгоизм, лживость, позерство, паразитические тенденции, легкомыслие, безразличие к своей судьбе, brutality, непостоянство, непоследовательность, своевольность, показная уверенность в себе, неустойчивость

намерений, слабый контроль эмоций <...> циничность, жестокость по отношению к близким, непристойные, грубые выходки, развязность <...> При высказывании своих мыслей наблюдались примитивность суждений, застревание на «мелочах», неспособность обобщать и выделять главное <...> больные... забывали, о чем идет речь в настоящий момент, часто переспрашивая; нередко отвлекались, переключались на другие темы, проявляли плоский юмор»⁵⁹. Психический инфантилизм, наличие асоциальных и анти-социальных тенденций и своеобразное эмоциональное «огрубление» отмечали наркологи у своих пациентов — больных ингаляционной токсикоманией⁶⁰. Естественно, что вопрос о том, насколько желателен подобный Собеседник, насколько продуктивно общение с ним, насколько приемлемы глубоко личностные отношения, представляется риторическим. Не удивительно, что среда, в которой наркоман реализует свою потребность в наркотиках, становится в конечном счете едва ли не единственной сферой его общения. В границах коммуникативных потребностей наркомана, а они, по-видимому, тоже преобразуются вместе со всем строем его личности, эта среда и начинает играть для него *компенсаторную роль*, восполняя «дефицит» общения, вызванный разрывом или ослаблением прошлых связей.

В каком же направлении происходит это замещение? Деформация структуры коммуникативных потребностей происходит в направлении *усиления процессов аутокоммуникации*, осуществляемой в яркой, образной, эмоциональной, фантастической форме при одновременном свертывании коммуникации внешней, но лишь той, что не связана с употреблением наркотиков. Ибо эстетствующие наркоманы часто любят делиться друг с другом пережитыми ощущениями.

Экс-наркоманка Лена почти ностальгически вспоминает изобретаемые в ее компании ритуалы: «Подбиралась медиативная музыка, слабый свет, ароматические палочки, ночь... и вновь «Счастливого пути!» Потом мы часами делились ощущениями; я писала рассказы о том, что происходит с теми частями нашего Я «по ту сторону зеркал», где перестает быть время, а слова воздушными шариками кружатся над головой»⁶¹.

Созерцание галлюцинаторных зрительных образов, несуществующих героев, перемещение в сказочный мир «мультиков» привлекает психически инфантильных юных наркоманов⁶².

Подробнейшее художественное описание ярчайших эмоциональных переживаний и небывалого восприятия мира под воздействием гашиша, опиума, мескалина, ЛСД дают в своих книгах Ш.Бодлер, О.Хаксли, К.Каста-неда, С.Грофф. Описания чарующие и жуткие, влекущие и отталкивающие. «Способность к видениям, — писал Ш.Бодлер, — божественная и таинственная способность, потому что она приводит человека в общение с окружающим его миром тайн»⁶³ (курсив мой. — В.Г.). Так, одни обрета-ют способность перешагнуть порог обыденности многолетним тяжким трудом самосовершенствования, духовного делания; другие избирают путь

наикратчайший. «Человек, — продолжает Ш.Бодлер, — который с помощью ложечки варенья может приобрести себе в любой момент все блага земли и неба, не станет и тысячной доли их добиваться трудом»⁶⁴. Что касается внешней коммуникации, то она все в большей степени выполняет служебную роль и направлена главным образом на самообеспечение наркотическими веществами. Первоначальный компенсаторно-коммунологический импульс связан, пожалуй, с *гедонистической мотивацией* и с такой коммуникативной потребностью, как *потребность в самоутверждении*. В своем фундаментальном исследовании А.А.Габиани неоднократно подчеркивает, что главными субъективными причинами наркомании выступает гедонистическая ориентированность личности⁶⁵ и стремление к избранности, элитарности⁶⁶.

Исследуя поведенческие установки подростков на употребление наркотиков, а также механизмы приобщения к ним, исследователи установили преобладание *гедонистической* мотивировки (56,5% — по данным Т.И.Петраковой⁶⁷). «Мотивы приема наркотиков, — отмечает М.Е.Позднякова, — судя по ответам респондентов, различны, но на первом месте — *получить удовольствие, не предпринимая усилий* в реализации жизненных потребностей» (курсив наш. — В.Г.).⁶⁸ Однако для иных употребление наркотика, впрочем, как и алкоголя, выступает в качестве психологического «жестыля»⁶⁹, позволяющего войти в своеобразную норму и испытать определенный, пусть даже временный, психологический комфорт; обрести необходимую уверенность в себе, легче благодаря этому вступать в общение, преодолевать страх перед окружающим миром (*космическое одиночество*), людьми (*одиночество в социальном и межличностном измерениях*). Особое значение, по-видимому, имеет сфера межличностных отношений, как наиболее значимая и наиболее стрессогенная, ибо Другие, с их оценками и бесцеремонным коммуникативным поведением в целом, — самый сильный психотравмирующий фактор («ад — это Другие» — Ж.П.Сартр).

Что касается претензий на элитарность и связанной с ними интенцией к *самоутверждению*, то, по наблюдениям А.А.Габиани, начинающие молодые курильщики гашиша нередко бравируют «своей причастностью к «избранным». Им часто свойственно презрительное отношение к пьяницам, алкоголикам, себя же они считают «элитой», живущей «красивой» жизнью, знающей толк в наслаждениях»⁷⁰. Сказанное означает, что наиболее уязвимыми для пагубного пристрастия к наркотикам будут не только психопатические личности, как часто считают, но и лица с определенными акцентуациями характера и темперамента⁷¹. Так, например, наиболее ориентированный на самоутверждение *демонстративный* тип личности⁷², склонный всюду, где возможно, проявлять свою «суперординарность», легко может быть увлечен компенсаторным самоутверждением способами мнимо элитарными, в том числе за счет овладения наркотической субкультурой.

Поскольку у наркоманов сильно развито чувство своей особенности,

«они представляют собой *крайне замкнутую группу* (курсив наш. — В.Г.) и очень неохотно идут на контакты с теми, кто в нее не входит (так называемые «нормальные» и «химически независимые» люди) <...> один из респондентов (подвергшихся исследованию биографическим методом — В.Г.) охарактеризовал отношение группы к тем, кто не употребляет наркотики, как «шовинизм»⁷³. Другой интервьюируемый «говорил о том, что на начальной стадии наркотизации на тех, кто не употребляет наркотики, он смотрел свысока, а впоследствии, после того как окончательно втянулся в наркопотребление, просто не мог общаться с нормальными людьми, поскольку ему было не о чем с ними говорить. Его общение в тот период жизни было замкнуто лишь на других наркоманах, причем единственной темой были наркотики»⁷⁴.

Что касается самоутверждения, то оно все же всегда предполагает определенную гетерогенность социальной среды. Иначе в чьих же глазах самоутверждаться? Отсюда контакты с теми, кто пока еще не влился в ряды наркоманов, отсюда в определенной степени (не отбрасывая меркантильных причин) и постоянная потребность в прозелитах. «Для наркомана весьма характерно стремление приобщить к пороку свое ближайшее окружение. Так, на вопрос «Кто впервые предложил Вам принять наркотик, от кого Вы получили первую порцию?» 53 % опрошенных наркоманов указали на друзей, товарищей, близких, знакомых; 26% — одноклассников и однокурсников и только 11% — случайных знакомых; 57% предпочитают принимать наркотик в квартире товарищей, знакомых»⁷⁵.

Идентификация взятая в коммунологическом измерении, — как правило, процесс двунаправленный. С одной стороны, она предполагает обнаружение в себе личностно-сходных черт с окружающей социальной средой, точнее, с отдельными ее представителями, наилучшим образом выражающими ее сущность. С другой стороны, идентификация не исключает усилий личности, направленных на преобразование среды в соответствии с собственной самостью. Здесь налицо не только стремление самому уподобиться окружающим людям, но и желание уподобить их самому себе. Это уподобление может быть как идеальным, так и реальным. В первом случае оно осуществляется на эмоциональном и интеллектуальном уровнях, во втором — на деятельностном. Причем активность эта нередко распространяется не только на среду, в которую личность непосредственно включена, но и на сопредельные среды. Известно, что мелочный, к примеру, человек объясняет поступки других людей, даже тех, кто не имеет чести состоять в его окружении, собственными и понятными ему самому мелочными мотивами. Он идентифицирует их с собой путем низведения (к счастью, пока мысленного) до своего уровня. Для него просто нестерпимо, что кто-либо может иметь более сложную и более высокую в нравственном отношении мотивацию поведения. Вот так и люди, обладающие порочными наклонностями и неспособные от них избавиться (а многие

наркоманы в конечном счете осознают свою ущербность), *самоутверждаются, развращая окружающих*, демонстрируя тем самым силу влечения к злу, от которого не только им, но и никому другому нет ни зари, ни спасения. «Если я сам не могу стать лучше, то пусть и другие будут, как я».

Вовлечение в микросреду наркоманов облегчается тем, что потребление наркотиков обычно носит групповой характер. Отдельному индивиду трудно противостоять соблазну, усиливающемуся посредством социально-психологических механизмов подражания, заражения и т.д. Социологи с беспокойством констатируют, что сегодня в молодежной среде «быть «обколотым», «обкуренным» «стильно», модно, престижно <...> жаргонные выражения наркоманов становятся широко употребительными среди подростков и юношей, устойчиво входят в молодежный сленг, употребление их придает речи особый «шик». Анекдоты, байки, истории, шутки о наркоманах вызывают у молодых людей бурную реакцию, придают остроту общению»⁷⁶. Молодые люди начинают имитировать внешние формы поведения, манеры, стиль одежды наркоманов как престижные⁷⁷. Известно, что мода, в том числе и в одежде, всегда имела знаковую, коммуникативную природу. Она позволяла установить определенное тождество ее приверженцев между собой по целому ряду социокультурных параметров: социальной принадлежности, приверженности определенной идеологии и образу жизни, вкусам, пристрастиям и т.д. Мода всегда облегчала осуществление *ориентирующей* функции общения, способствовала скорейшему установлению и углублению социальных связей людей и их последующему взаимовлиянию. «Определенный наркоманический стиль, — отмечает А.Макеева, — существовал еще на рубеже XIX—XX веков, когда в России было распространено «увлечение» кокаином. Свободные, напоминающие греческие туники одежды, определенный грим (темные «набухшие» веки) стали внешним атрибутом поклонников дурмана. Этот стиль получил распространение в сфере «богеми» и просуществовал до начала 20-х годов. Сегодня, учитывая общий рост наркотизма, в мире моды вновь делаются попытки создать «наркоманический имидж». На подиум выходят тонкие и бесплотные модели, загримированные под «наркомана» (бледная кожа, синие круги под глазами, длинные, спутанные волосы, «хаос» в одежде). Пока этот стиль не приобрел широкой популярности, оставаясь «эксклюзивной» продукцией». Имеют место и спонтанные попытки создания «наркоманического стиля» в одежде. Так, в некоторых городах те, кто использует наркотики, носят определенную «форму»: широкие брюки, белые кепки, светлые рубашки»⁷⁸.

Таким образом, через определенные, все более расширяющиеся сегменты сферы наркоманического общения «все чаще в подростковом и юношеском сознании разрушаются барьеры, отделяющие человека от первой инъекции, и молодые люди, еще не попробовав наркотики, уже смотрят на мир глазами наркомана»⁷⁹.

Современная ситуация в нашей стране характеризуется невиданным ростом неформальной активности населения. Различные формы и направления активности (при преобладании социально положительного) охватывают буквально все социальные и социально-демографические слои и группы. Особенно активно в неформальное движение включается молодежь, что превращает отдельные его проявления в самостоятельную теоретическую и практическую проблему, границы которой условно обозначены областью неформальных молодежных объединений (НМО). Хотя повторим, явление неформальности отнюдь не только молодежное. Пестрота, разнородность составляющих его единиц затрудняют совокупное рассмотрение явления в целом, которое охватывало бы все имеющиеся модификации. Отсутствие четких дефиниций неформальности порождает неизбежную подмену последней многочисленными и подробнейшими классификациями. Ученые различают сегодня такие основные формы организации неформальной социальной активности, как неформальные группы, неформальные объединения, дискуссионные клубы, инициативы, комитеты, движения, фронты и др.⁸⁰ Элементарной единицей указанных организационных форм остается малая контактная группа.

Исчерпывающее объяснение взрыва социальной активности требует обширного анализа экономических, политических, социокультурных и духовных оснований. Ибо любой подход, взятый в отдельности, способен объяснить указанный феномен лишь отчасти. Не претендуя, естественно, на исчерпывающий анализ всех проявлений неформальной активности населения, мы хотели бы рассмотреть роль и место среди указанных детерминант *компенсаторно-коммуникативных процессов*, хотя и убеждены в том, что они неодинаково представлены в различных модификациях неформальности. В одних, по нашему мнению, им принадлежит ведущая роль, в других же они имеют вспомогательное значение. Наибольшую значимость, как нам думается, компенсаторно-коммуникативные мотивы имеют для образования большинства НМО. Нередко цементирующую роль для интеграции различных внекоммуникативных мотивов они играют и при образовании «взрослых» объединений. Поэтому, отмахнувшись от них, мы никогда до конца не поймем причин их чрезвычайной привлекательности, их роли в саморегуляции коммуникативного мира личности, ориентированной на общение в неформальной группе. Ибо здесь наряду с осуществлением определенной предметной деятельности в зависимости от компенсаторно-коммуникативных возможностей каждого отдельного объединения усилиями заинтересованных в этом участников *создаются условия для компенсации одиночества, взятого в культурном, космическом, социальном и межличностном измерениях*. Выявление этого глубоко личностного пласта неформальной активности невозможно без обращения к компенсаторно-коммуникативному компоненту в общении неформалов. Хотя, повторим, нельзя объяснять все и вся в неформальных объединениях исхо-

дя лишь из компенсаторно-коммуникативных моментов: «Дескать, они возникают лишь как реакция на нереализованную потребность в полноценном, гармоничном межличностном общении». Огромный пласт разнородных и разноплановых процессов, трудно поддающихся вообще какой-либо классификации и какому-либо определению, не избежал бы при этом профанации, совершенно очевидной даже непосвященному. Между тем сквозной анализ коммуникативного аспекта, охватывающий хотя бы наиболее распространенные формы неформалитета, просто необходим. Наиболее нагляден он будет, как уже отмечалось нами, на примере НМО. Поэтому к рассмотрению именно НМО, причем с точки зрения заключенных в них компенсаторно-коммуникативных возможностей, их развертывания и взаимопереходов, мы и обратимся в дальнейшем. Но прежде кратко проанализируем близкие к НМО общности, нередко служащие материалом для образования НМО.

Весьма близко к НМО располагается область *стихийно-группового общения* подростков и юношей. Однако полного совпадения между указанными группами нет, что следует из критериев, выдвигаемых многими исследователями НМО, несмотря на известные различия в их взглядах⁸¹. Стихийные группировки менее устойчивы, чем большинство НМО. Их представителям несвойственны резкие, бросающиеся в глаза отличия от большинства сверстников в одежде, причesке, образе жизни, интересах, манере себя вести и т.д., ибо они и составляют это большинство. По результатам массового анкетирования, проведенного И.С.Полонским, около 85% подростков и юношей проходят через стихийно-групповое общение⁸², в то время как, по данным Института социологии АН СССР, в работе самостоятельных объединений принимают участие 40—40% молодежи комсомольского возраста, а «активные неформалы составляют 10—13% от общего числа молодежи»⁸³.

Членство в спонтанной группе достаточно условно и не требует особых усилий и материальных затрат, в то время как необходимая экипировка и техника в ряде НМО (металлисты, байкеры, роллеры) не каждому по средствам. Ежемесячной данью облагают своих членов и криминальные группировки, формируя свой «общак». При этом членство нередко носит не свободный, а скорее, принудительный характер, выход из группы тех, кто не хочет «мотаться», возможен через довольно ощутимые «откупные»⁸⁴. Ничего подобного нет, разумеется, в спонтанных группах. Но нельзя не улавливать их связи с НМО. Прежде всего в том, что они, по-видимому, часто являются базой для НМО. Так, например, криминальные группировки легко формируются на основе стихийно-группового общения ввиду его бесконтрольности. Если в стихийно-групповом общении отчетливо просматриваются именно компенсаторно-коммуникативные моменты, то в НМО они не столь очевидны, зато гораздо более, как мы попытаемся показать в дальнейшем, эти моменты заострены. В компенсаторном плане НМО гораздо сильнее, гораздо радикальнее. Они тяготеют, скорее, к сверх-

компенсации, чем к прямой компенсации, как это имеет место в стихийно-групповом общении.

Показательно в указанном отношении общение хиппи, представляющее собой особого рода «системную» социализацию, призванную радикально преобразовать личность «пиπλα» в соответствии с базовыми ценностями этого движения: свобода, любовь, духовность⁸⁵. Поэтому стихийно-групповое общение может выступать в качестве лишь первого шага на пути к более сильным компенсаторным средствам.

Возвращаясь непосредственно к стихийно-групповому общению подростков и юношей, следует наметить круг вопросов, решение которых позволило бы раскрыть его компенсаторную природу.

1. Каковы причины включения в стихийно-групповое общение?
2. Что оно дает его субъектам?
3. Для кого уличная компания является наиболее значимой?

Прежде всего напомним, что потребность в общении становится в подростковом возрасте метапотребностью. Причем если в детском возрасте, по наблюдению К.А.Абульхановой-Славской, наиболее значимым является отношение «мать-дитя», то в подростковом возрасте «возрастает значимость коллектива или контактной группы. Для этого возраста характерна идеализация общения, то есть предъявление высоких требований к реальному общению...»⁸⁶ Что касается реального общения, то оно по большей части далеко от идеала как в школе или ПТУ, так и в семье. Возрастание роли общения со сверстниками не означает, что общение со взрослыми, в том числе в границах семьи, полностью утрачивает былое значение. Это видно хотя бы из того, что деформации в семейном общении, складывающиеся зачастую еще в дошкольном и младшем школьном возрасте, оказывают существенное влияние на социализацию подростка, на его коммуникативную направленность. Степень неблагополучия, степень неадекватности семейного общения коррелирует со степенью вовлеченности подростка в стихийно-групповое общение, со степенью референтности группы. Самым очевидным источником пополнения спонтанных групп подростков наиболее активными членами являются семьи, где подросток предоставлен самому себе. Максимально возможная *гипоопека* (фактическое сиротство при живых родителях) в семьях алкоголиков и антисоциальных элементов, напроочь забывающих о своих родительских обязанностях, толкает подростка не только на участие в группах стихийного общения, но и на бродяжничество и на криминогенное поведение. Многие проходят эту «школу» задолго до достижения подросткового возраста.

Но и внешний материальный достаток, забота о здоровье детей, об их материальных потребностях, внешнем виде, успехах в учебе не исключают гипоопеки, которая заключается в отсутствии интереса к внутренней жизни детей, кругу их общения, недостаточной взаимной информированности и взаимопонимания. Безразличие к личности подростка или непризна-

ние таковой оборачиваются активной вовлеченностью последнего в стихийно-групповое общение в уличных компаниях. Иницирует неформальное общение и нездоровая морально-психологическая атмосфера в семье, насыщенность общения в ней стрессовыми ситуациями, школьные неудачи. «Указанные основания, — отмечает А.И.Долгова, — сближают тех, кто в примерно одинаковых условиях. Среди себе подобных они встречают сочувствие благодаря тому, что могут откровенно говорить о своих неудачах и переживаниях, семейных конфликтах, неприятностях в школе и т.п. Слушателями подростка здесь оказываются лица, у которых переживания, неудачи, неприятности аналогичны, и в силу этого сочувствующая реакция бывает искренней, импонирующей ему. «Благополучные» же одноклассники, знакомые, соседи часто не в состоянии понять таких подростков, которым не всегда удобно отрицательно отзываться о собственной семье, сознавая, что разговор ведется с теми, кто вправе гордиться своими родителями»⁸⁷. Таким образом, компенсаторный характер стихийно-группового общения как средства восполнения недостающих положительных эмоций, как своеобразной психотерапии общением здесь не вызывает сомнения. Степень же активности включения в стихийно-групповое общение, еще раз заметим, зависит от степени насыщенности потребности в эмоциональном насыщении и, следовательно, может быть довольно различной. Среди членов подростковых групп много таких, что оказались в них ситуативно и не чувствуют себя с ними прочно связанными. Их членство временно и неглубоко. Оно не изолирует их от других сфер общения, не снижает их значимости. Придет время, и они легко преодолеют эту «подростковую болезнь», не закрепив в себе перманентной потребности в компенсаторно-коммуникативных актах. Ведь некоторые, к сожалению, постоянно переходят от одной компенсаторно-коммуникативной формы к другой, так и не выходя за пределы функционального и одностороннего круга реализации потребности в общении. Дело не в том, что мы имеем какие-то предубеждения против стихийно-группового общения как такового. Вслед за И.С.Коном мы считаем, что социальная направленность неформальных групп может быть и *просоциальной* (социально положительной), а не только *асоциальной* (стоящей в стороне от основных социальных проблем) или *антисоциальной* (социально отрицательной)⁸⁸. Далеко не все группы переживают эволюцию от антисоциальной через криминогенную к преступной. Но среди стихийно-групповых форм общения все же явно преобладают *асоциальные*. Они камерны, нацелены на внутренние проблемы их участников или просто на бесцельное времяпрепровождение, а никак не на «основные социальные проблемы».

Вполне объяснимо активное участие в спонтанно-групповом общении подростков из благополучных семей, подверженных *гиперопеке*. Для них уличная компания — это «глоток свободы» от преувеличенного внимания и надоедливого контроля со стороны родителей и старших родственников.

Эта категория подростков часто испытывает коммунологические проблемы и в учебном коллективе, если преувеличенное внимание дома к их персоне сопровождается завышенной оценкой их способностей и безудержным захваливанием. «Если ребенок окружен только восхищением и любовью, — отмечает Фрида Фромм-Рейхман, — и ничего не узнает о внешнем мире, у него может развиться уверенность в своем величии и значительности, которая ведет к нарциссической жизненной ориентации: убежденности в том, что жить — значит быть любимым и вызывать восхищение. Эта мания величия и нарциссическая установка будет неприемлема для окружающих; они ответят на нее враждебностью и изоляцией нарциссической личности. Образующаяся и глубоко укореняющаяся триада — нарциссизм, мания величия и враждебность — лежит, согласно Зилбургу, в основе всех трагедий одиночества»⁸⁹. Преодоление одиночества при помощи включения в компенсаторно-коммуникативные процессы — естественное продолжение приведенной триады. Достаточно сказать, что, по данным В.Е.Иноземцевой, учащиеся неблагоприятного типа взаимоотношений (изолированные) в обследованных ею ПТУ составили от 20 до 29 %⁹⁰. Показательно, что большинство изолированных учащихся «значительно переоценивали свою систему отношений к людям, уровень развития качества психики, свойств личности, нравственных качеств в сравнении с их оценкой компетентными лицами»⁹¹. Отвержение группой, следовательно, часто означает и отвержение группы, равно как и непризнание ее оценок. Сказанное подтверждается исследованием О.И.Крушельницкой и А.Н.Третьяковой.⁹² Но есть и другая категория отесненных учащихся, которую они специально анализируют. «Гонимые и жестоко третируемые» — это те, кто с повышенной чувствительностью реагируют на малейшие оттенки отношения к себе, те, для которых важнее любых результатов их деятельности то, как их воспринимают те, кто рядом. Отмеченная особенность, естественно, часто сопровождается определенными срывами — неадекватными эмоциональными и поведенческими реакциями в тех или иных случаях⁹³. Для них общение в учебных коллективах может быть просто нестерпимым, и отсюда рукой подать до компенсаторного общения, дарующего эмоциональное равновесие.

Повышение статуса в условиях спонтанно-группового общения не происходит автоматически. В стихийно складывающихся группах немедленно образуются своя иерархия и правила поведения, не всегда возвышающие вчерашнего изгоя из учебного коллектива, не всегда дающие ему и психологический комфорт. Обращаясь к анализу примитивных групп, — а они нередкое явление в условиях спонтанно-группового общения, — А.Добрович показал, насколько далека от оранжерейной обстановка в указанных сообществах⁹⁴. Иллюзорность компенсации в них достаточно очевидна. Тем не менее отесненный покорно принимает существующие в группе нормы поведения и отводимую ему роль. Во-первых, как бы он ни был «мал»,

в сложившейся иерархии у него всегда имеется возможность самоутверждаться за счет унижения более слабого или посредством опоры на авторитет примитивной группы, за счет третирования отвергнувших его некогда соучеников. Во-вторых, в примитивной группе у него все же больше шансов статусного роста.

Разновозрастной состав неформальных групп позволяет *компенсировать* дефицит общения со старшими. Известно, что подросток остро нуждается в признании не только сверстниками, но и людьми более старшего возраста. Для мальчика-подростка очень значима дружба со взрослым мужчиной, сильным, бывалым человеком. Рост числа неполных семей и дефицит преподавателей-мужчин в школе затрудняет такие контакты. В стихийно-групповом общении подросток может реализовать эту потребность, но велика опасность подвергнуться криминогенному влиянию. Ибо лица с антиобщественной, преступной направленностью охотно берут на себя роль воспитателей молодого поколения на «общественных началах», но не без расчета⁹⁵. Таким образом, общности, самоцелью которых является общение, компенсаторное по своей природе, могут переориентироваться на деятельность, уже непосредственно не связанную с коммуникативно-компенсаторным комплексом.

Спонтанно-групповое общение в этом случае плавно переходит в групповое криминогенное и преступное поведение. Сокращение пространства компенсаторно-коммуникативных процессов по сравнению со спонтанно-групповым общением, где общение выступает ведущим видом деятельности, замещается концентрацией коммуникативно-компенсаторного комплекса по двум основным направлениям. Первое — это иллюзорная сверхкомпенсация в результате применения к окружающим физического или вербального насилия, демонстрация готовности к насилию и возможности его применения. Самоутверждение посредством грубой физической силы тесно связано и со вторым направлением иллюзорной сверхкомпенсации, нацеленным на возмещение недостающих эмоциональных компонентов, бедности эмоциональной жизни вообще. Это использование механизмов «гедонистического риска»⁹⁶. Тот, кто еще вчера остро ощущал свое аутсайдерство (территориальное, социальное, этническое)⁹⁷, чувствовал себя находящимся на обочине жизни, с завистью, а то и со злобой взирал на счастливых, живущих в престижных районах города, обучающихся в не менее престижных учебных заведениях, модно и дорого одетых, сегодня он, не удостоиваемый прежде их внимания, может с легкостью привести их в жалкое состояние, терроризировать и унижать их. Сегодня они не посмеют его не заметить, не признать не только равным себе, но и вознесенным над ними авторитетом силы. Таковы в своих исходных посылах мотивы *компенсаторного самоутверждения* подмосковных «люберов», невольно разрекламированных прессой.

Глубинные корни компенсаторного общения в форме *компенсаторно-*

го насилия показаны Э.Фроммом⁹⁸. Под компенсаторным насилием он понимал «насилие, служащее импотентному человеку в качестве замены продуктивной деятельности»⁹⁹. Излишне объяснять, что понятие «импотенция» Фромм использует значительно шире его медицинского аналога. «Созидание жизни, — писал Э.Фромм, — означает трансцендирование своего статуса как тварного существа, которое подобно жребию из чаши брошено в жизнь. Разрушение жизни также означает ее трансцендирование и избавление от невыносимых страданий полной пассивности <...> Импотенту нужно только обладать револьвером, ножом или физической силой, и он может трансцендировать жизнь, разрушая ее в других или в самом себе. Таким образом он *мстит жизни за то, что она его обделила* <...> Человек, который не может создавать, хочет разрушать»¹⁰⁰.

Уродливое самоутверждение посредством силы обесценивает в глазах «аутсайдера» другие формы нравственного и интеллектуального самоутверждения, требующие, кстати говоря, гораздо больших усилий, причем не обезличенно-групповых, а индивидуальных. Иллюзорная сверхкомпенсация оборачивается вполне реальной декомпенсацией в духовном плане. Между тем все остается на своих кругах. Сохраняется и даже усиливается социальная и имущественная дифференциация. Новоявленные Робин Гуды не в состоянии ее отменить. Криминогенное поведение лишь еще резче обозначает «аутсайдерство» члена группировки. Нередко провозглашение мнимо уравнилельных принципов является слабым прикрытием «безыдейных» корыстно-нравственных преступлений, жертвы которых вовсе не относятся ни к «элитарной» среде, ни к «проводникам буржуазного образа жизни». Услугами членов неформальных группировок часто пользуются дельцы теневой экономики для «рэкета» и других противоправных действий.

Участие в деятельности криминогенных группировок способствует эмоциональному насыщению подростка или юноши, в том числе через «создание ситуации, угрожающей безопасности или самооценке»¹⁰¹. Это ситуация *гедонистического риска*, когда ощущение опасности, скажем, в условиях конфликтного взаимодействия, приносит удовлетворение. «Та сфера поведения, где используется гедонистический риск, — отмечает И.Ю.Борисов, — быстро становится эмоциональным центром, источником более ярких и «жизненных» впечатлений, в этом своем качестве может с легкостью *компенсировать* (курсив мой. — В.Г.) скуку или неудовлетворенность в других областях жизни (учебе, работе, семье)»¹⁰². Функциональное использование механизмов гедонистического риска имеет важные последствия для формирования *потребностно-мотивационной* сферы личности. При злоупотреблении этим механизмом, чему, кстати говоря, способствуют не только внешние условия, но и некоторые индивидуальные особенности, например, отдельные типы акцентуации характера и темперамента (возбудимость, лабильность), возникает или усиливается деформация как в эмоциональной сфере личности, так и во всем ее облике.

Сформировавшийся эмоциональный центр подавляет иные очаги эмоциональных переживаний. Эмоциональная жизнь становится бедной оттенками. Нарушается способность к нравственным чувствам, к сопереживанию, сочувствию. Постепенно примитивизируются потребности. Все более сильные раздражители, все более экстремальные условия нужны для получения желаемой эмоциональной разрядки. Узость и функциональность гедонистического риска как основного источника эмоциональной жизни делают ее *иллюзорной*, а общение, с ним связанное, *иллюзорно-компенсаторным*.

Если для представителей криминогенных субкультур («гопники», «матальщики») в компенсаторно-коммуникативном плане наиболее существенно самоутверждение через применение или демонстрацию физической силы, а субкультура в основном заимствуется из субкультуры преступной среды, то иначе обстоит дело с рядом формирований молодежи, которые носят, скорее, досуговый либо самодетельный характер и часто сопряжены с решением смысловых проблем, с выработкой особого мироотношения¹⁰³. Им присущи другие способы самоутверждения, часто весьма сложные, требующие как специальных знаний, так и отличной физической подготовки и артистизма. Таково, например, *толкиенистское движение*, включающее в себя в качестве основного элемента *ролевые игры* по книгам известного английского филолога и писателя Дж.Р.Р.Толкиена. Это относится к субкультуре ролевиков в целом¹⁰⁴.

Широкий диапазон ролевых игр, охватывающих историческую тематику, военно-стратегические игры, мир фантастики, интеллектуально-религиозные мистерии, способен не только смягчить возможные проявления космического, культурного, социального одиночества, так часто посещающие современного человека, но и через активное сотворчество в увлекательнейшем общении вывести его на более высокий уровень духовной целостности. Это общение обладает чертами *высокого гедонизма* и выполняет важную *социализирующую* функцию в единстве с функциями *самопознания, реального самоутверждения*. В них заложена интенция к деятельности *диалогическому взаимоутверждению Я и Ты, Я и Мы*, что является важнейшим признаком *сверхкомпенсации*.

Однако в ряде НМО действует, к сожалению, правило, сформулированное П.А. Сорокиным: «До настоящего времени возрастающее производство любви внутри группы часто сопровождалось увеличением дискриминации и антагонизма по отношению к внешним группам и индивидам. Это приводит к прекращению роста производства любви внутри группы <...> Этот взаимоуничтожающий процесс является бессмысленным, он должен быть заменен увеличением любви внутри каждой группы без увеличения антагонизма по отношению к миру вне группы»¹⁰⁵. Например, фанаты одного спортивного клуба могут совершать враждебные действия по отношению к приверженцам спортивного клуба соперников любимой команды. Криминогенные проявления по отношению к другим НМО и от-

дельным лицам встречаются в среде панков, байкеров и металлистов. Часто такое происходит в силу неоднородности, внутренней дифференцированности данных движений. Так, психолог О.Г.Заярная различает «настоящих металлистов» и «псевдометаллистов». Если, говоря о первых, она имеет в виду «фанатически увлеченных этим стилем любителей рока, включенных в группу себе подобных и идентифицирующих себя с ними посредством специфического внешнего вида, основанного на атрибутике, символизирующей образный и сюжетный ряды металлического рока», то вторые — «это окраинные, предкриминальные или криминальные группы, которых привлекла внешняя атрибутика металлического стиля и возможность эпатажного группового поведения. Конечно, они знают «для порядка» две-три группы металлического рока, но смысл совместного времяпрепровождения для них — в агрессивном поведении, в то время как настоящие металлисты, нацепив на себя устрашающие украшения, не применяют их в драках и даже не думают об этом. Для них это прежде всего символ принадлежности к поклонникам излюбленного стиля. Для «окраинных» же молодежных групп с антиобщественной ориентацией подобные украшения имеют функциональное назначение холодного оружия»¹⁰⁶. Поэтому, продолжая сравнение наиболее распространенных НМО с криминогенными группировками молодежи, следует подчеркнуть некоторые особенности первых, позволяющие им более содержательно выполнять коммуникативно-компенсаторные функции.

Итак, если исходить из внутреннего замысла многих НМО, то следует еще раз подчеркнуть, что непосредственное применение силы не составляет в них главного содержания или вообще не предполагается. Некоторые из них («система», например) выступают убежденными противниками всякого насилия. Напротив, в идеологии хиппи выражена высокая человечность и готовность оказать помощь отверженному, одинокому, «невписанному» в общество. Многие из НМО являются творцами собственной контркультуры, внешней атрибутики, ритуалов, лексических средств. Хотя заимствования, основанные на транснациональном характере НМО, не исключены и здесь. Гораздо более богат, дифференцирован и арсенал компенсаторных средств и соответственно и компенсаторных возможностей. Они гораздо тоньше, чем в криминогенных группировках, лучше учитывают индивидуальные особенности составляющих НМО членов, требуют более высокого уровня культуры. Правда, последнее замечание касается прежде всего «ядра» из наиболее активных приверженцев. Ибо основная масса лишь частично интегрирована в структуры НМО, увлечена лишь внешней атрибутикой, а не идеологией, не мировоззрением, если таковые имеются. По-видимому, это общее правило. Так, например, представители «новой системы» легко совмещают «хиппизм» с учебой, работой, семьей и т.д., не ломая повседневного распорядка жизни, что и делает для них уход время от времени в систему компенсаторным шагом.

Компенсаторный уровень использования НМО состоит и в том, что в границах контркультуры абсолютизируются какие-то определенные элементы, которые затем активно эксплуатируются, что и позволяет восполнять недостающие компоненты в повседневной жизнедеятельности, не порывая с нею. Среди компенсаторно-коммуникативной *мотивации* участия в НМО главенствующее положение занимает *мотив самоутверждения*. Во многих НМО, как уже подчеркивалось, преобладают сравнительно «мягкие» способы самоутверждения. Не всякий решится на такие жесткие, рискованные, реально агрессивные способы самоутверждения, что присущи, например, членам криминогенных группировок или отечественным расистам — «скинам». Но давно изучены более мягкие на первый взгляд приемы самоутверждения на уровне вербального общения. К одному из наиболее распространенных из них может быть отнесен *способ осуждения* чего-либо, а затем и кого-либо. Анализ такого самоутверждения, по мнению Э.Канетти, «стоит начать с явления, знакомого всем, с *радости осуждения*. «Плохая книга», говорит кто-нибудь, или «плохая картина», и кажется, будто он высказывается о сути дела. Между тем выражение его лица свидетельствует, что говорит он с удовольствием. Ибо форма выражения обманывает, и скоро высказывания переносятся на личность. «Плохой поэт» или «плохой художник» следует тут же, и это звучит, как будто говорят «плохой человек <...> Радость отрицательного суждения всегда очевидна»¹⁰⁷. В чем суть удовольствия от осуждения? Во-первых, в том, что отстраняя нечто в худший разряд, естественно, предполагаешь, «что сам ты принадлежишь к разряду лучшему. Унижая других, возвышаешь себя»¹⁰⁸. Вот она, классическая формула иллюзорного самоутверждения!

Но антиномически может быть выдвинуто противоположное — то, о чем, к сожалению, Э.Канетти здесь не говорит, а именно: самоутверждение через похвалу чего-либо или кого-либо. Здесь существенно не то, что и почему хвалимо, а важно, что хвалящий — это Я! Таким образом, я присваиваю себе власть эксперта или даже судьи. Зачастую «те, кто не являются судьями, кому никто не поручал эту роль, да и при здравом рассудке и не поручил бы никогда, позволяют себе изрекать приговоры о чем угодно»¹⁰⁹. Болезнь осуждения, считает Э.Канетти, одна из самых распространенных. В ее основе лежит потребность разделять людей на группы, что придает им (группам) нечто вроде плотности. Группы формируются так, словно они должны бороться друг с другом, они наделяются враждебностью, и судящий создает и поддерживает напряжение между ними¹¹⁰.

«В основе этого процесса, — считал Э.Канетти, — тенденция образовывать враждебные орды. Конечным же результатом должна стать военная орда. Распространяясь на другие возможные сферы жизни, тенденция как бы *разбавляется*. Но даже если она проявляет себя мирно, *даже если она выражается всего в одном-двух осуждающих словах, все равно всегда существует потенциальная возможность довести ее до активной и кро-*

вавой вражды двух орд <...> Тогда мирные на вид суждения оборачиваются смертными приговорами врагу»¹¹¹ (подчеркнуто мной. — В.Г.). Тем более что самоутверждение посредством грубой силы до сих пор успешно конкурирует в человеческой культуре с самоутверждением на основе противоположных ценностей — добра, милосердия и любви. Общество до сих пор не может отказаться от воспитания у своих членов, особенно у молодых, бойцовских качеств, не всегда в достаточной мере подкрепляя их гуманистическими, нравственными принципами. Современная массовая культура, многократно усиленная новыми средствами ее репродуцирования (видеотехникой), осуществляет невиданную прежде эскалацию насилия и жестокости. Огромной популярностью сегодня пользуются школы боевых рукопашных искусств, которые буквально заполонили наши города. Высокий престиж не духовной, нравственной, а напротив, грубой, физической силы делает возможными там, где непосредственные проявления ее затруднены, символические способы демонстрации агрессии и эпатажные формы поведения (металлисты, панки). «Агрессивен сам внешний вид панков, — отмечает А.И.Мазурова, — напоминающий боевую окраску дикаря. Щеки и мочки ушей, проколотые булавками, воинственно торчащие гребни или скрученные в рога волосы, цепи, которые при случае могут быть использованы как оружие, металлические шипы, приверженность к самому «агрессивному» цвету спектра — цвету крови, перчатки без пальцев, словно для демонстрации звериных когтей — таков классический облик панка.

Агрессия демонстрируется и в поведении, например, в ритуале приветствия среди самих панков, активно употребляются «физические» способы общения — всевозможные потасовки, толчки, удары»¹¹². Все это незамедлительно вызывает возмущение и ответную агрессивно-осуждающую реакцию значительной части окружающих. Ибо обыватель сам весьма агрессивен, хотя и не всегда знает об этом. Его агрессия, между прочим, находит выход отнюдь не в символических формах поведения, а в банальном хамстве и в конфликтном общении, осуществляющихся куда как в прямых и непосредственных формах. При этом он нетерпим ко всему, что с его точки зрения выходит за пределы допустимого. Агрессивность же вытекает из страха перед любой инаковостью. Любая выраженная непохожесть кажется угрожающей. За непохожесть, инаковость чужака, случалось, и убивали. К счастью, здесь дело, как правило, ограничивается лишь визуальным контактом и невербальными средствами выражения возмущения либо обменом мнениями с предполагаемыми единомышленниками. Удовольствие, получаемое от эпатирования обывателя своим внешним видом, прекрасно выразил Сергей Есенин в своей знаменитой «Исповеди хулигана»:

Я нарочно иду нечесанным,
С головой, как керосиновая лампа на плечах,
Ваших душ безлиственную осень
Мне нравится в потемках освещать.

Мне нравится, когда камня брани
Летят в меня, как гром рыгающей грозы...

Бескровное выражение агрессии, а «вся их (панков. — В.Г.) агрессивность и стремление к насилию уходят в атрибутику, полные ненависти тексты и «агрессивную» музыку»¹¹³, эпатажное поведение дают психологический выигрыш. Они как бы насильно приковывают внимание к тому, кто при иных обстоятельствах не только не испытывал достаточного внимания, но даже едва ли был просто замечен. Элементы демонстративности как средства компенсаторного самоутверждения в той или иной мере проявляются во многих НМО. Их роль значительна даже тогда, когда они существуют в смягченной форме или заслоняются другими субкультурными элементами, присущими группе. Так, если хиппи прокламируют уход от действительности, безразличие к повседневной жизни, окружающему и окружающим, то это отнюдь не означает того, что им чуждо компенсаторное самоутверждение за счет демонстративного поведения. «Образ хиппи, — отмечает М.В.Розин, — это эффект самопрезентации, и он выстраивается «напоказ» для других людей, в расчете на их ответ <...> Речь идет о пародийной демонстративности. Демонстративность ощущается во всем: специально порванная одежда, специально разлохмаченные волосы. Сборы в центре города, среди многочисленной толпы, надписи на одежде, показное несоблюдение норм и т.д.»¹¹⁴. Но эта демонстративность направлена не на враждебное обособление от окружающих, напротив, в ней просматривается попытка привлечь к себе внимание, вступить в добрый, дружелюбный диалог. «Десс, — рассказывает этнограф Т.Б.Щепанская, — показывал мне свой красно-белый колпак, такой вязаный и с длинным, висячим конусом: Десс в нем то ли гном, то ли шут. Как и все тусовочные атрибуты, этот колпак оказывает сильное провоцирующее действие на прохожих, то есть с его помощью постоянно воспроизводится ситуация отторжения. И Десс как бы тренируется, пробует, ищет подходящую реакцию, ищет способ преодолеть отторжение. «Я ношу этот колпак чисто из хипповских *заморочек*, — говорит он. — Когда я иду в своем колпаке, то вызываю у цивилизных людей самую разную реакцию. Рассчитано, что человек просто увидит меня и улыбнется. И я ему в ответ. И получится, что это мы друг друга *«вытаскиваем»*, то есть «помогаем», «поддерживаем»¹¹⁵.

Расширение компенсаторных возможностей в плане самоутверждения посредством погружения в контркультуру часто происходит за счет того, что в ней осуществляется метаморфоза явных недостатков в признаваемые группой достоинства. Так, например, для хиппи весьма престижным является наличие у «пиπλα» психических аномалий. Они превращают их обладателя в своеобразного аристократа среди прочих приверженцев системы, в то время как в обычных условиях психические отклонения — признак неполноценности их обладателя. Они снижают его статус, служат основой для стигматизации, избегания, затрудняют адаптацию к нормальным усло-

виям общения. Элементы карнавального, порой балаганного стиля, присущие некоторым НМО, свойственные им ирония и самоирония позволяют эстетически переосмыслить и особенности собственной внешности в плане ее достоинств и недостатков. Так, в образ «митька»¹¹⁶ — обаятельного шалопая и бездельника, ничего не принимающего слишком всерьез, ничего не отстаивающего и на за что не борющегося, прекрасно вписываются и излишняя полнота, и неуклюжесть, болезненно переживаемые подростками и снижающими их самооценку¹¹⁷. В контркультурном контексте указанные недостатки не снижают, а повышают статус их обладателя. Повышение статуса обеспечивается буквально несколькими штрихами в дополнение к имеющимся природным данным. Одновременно происходит трансцензус недостатка в достоинство.

Значимость именно статусных моментов НМО детерминирована и феноменом аутсайдерства. Не случайно поэтому среди представителей ряда НМО преобладают учащиеся ПТУ, которые, несмотря на всю прежнюю идеологическую шумиху вокруг престижа рабочих профессий, часто чувствовали себя изгоями в сравнении с более удачливыми сверстниками, обучающимися в престижных вузах. Многих из будущих выпускников ПТУ ждет в начале трудового пути тяжелый труд низкой квалификации, который преобладает на предприятиях нашей страны. В сущности, рабочая карьера, повышение социального статуса через трудовую деятельность являются не менее простыми, чем в любой другой области. Повышенная потребность в завоевании достойного социального статуса «здесь и сейчас» толкает на символические и иллюзорно-компенсаторные формы овладения ими. Так, например, М.В.Розин следующим образом анализирует атрибутику металлистов как символическое средство повышения статуса: «Один из атрибутов внешнего вида металлистов — поднятая прическа: иногда панковский гребень, чаще просто «ежик» — волосы, торчащие вверх. Это известный уже с древности символ власти, носители которой выше остальных людей. Пространственное понятие «выше» прочно ассоциировано с общественным понятием «власти». Делая себя «выше» с помощью прически, металлисты символически повышают свой статус.

Еще один атрибут — использование кожи (кожаные куртки, брюки, юбки). Мы знаем, что панки этот элемент заимствовали у рокеров; к нашим панкам, рокерам, металлистам он пришел с Запада. Но есть и ассоциация из советской истории: кожанки представителей власти 20–30-х годов — комиссаров, чекистов.

Наконец, цепи, шипы, перчатки с отрезанными пальцами и железными деталями. Это оружие, иногда декоративное, в некоторых же случаях вполне реальное, квалифицируемое криминалистами как один из видов холодного оружия. Кто носит оружие? Человек, облеченный властью, — это и атрибут, и средство ее реализации.

Итак, многие атрибуты «металлического» стиля можно считать симво-

лами «высокого статуса», отождествляемого с властью над окружающими»¹¹⁸. Повышение статуса, сравнительно несложно осуществляемое, происходит сегодня не только в воображении членов НМО и не только в пределах контркультурной среды, но и за ее границами. Этому немало способствовали средства массовой коммуникации, которые в последние годы интенсивно знакомили общественность с НМО. Причем в центре их внимания порой оказывались как раз отнюдь не самые социально значительные (экологические, социально-культурные и т.д.), а наиболее экзотические с точки зрения броских внешних проявлений. Неформалитет подобного рода нынче в большем почете, чем прежде. Раньше он либо замалчивался, либо живописался таким образом, чтобы вызвать у «достойного гражданина» чувство законного негодования к этим «отщепенцам» и «проводникам буржуазной культуры». Теперь у юных неформалов берут интервью, публикуют их письма в молодежных изданиях. Журналисты с трогательной настойчивостью и деликатностью добиваются встреч с неформалами в труднодоступных местах, пробираются в импровизированные «бункеры» и т.д. В связи с этим В.Т. Лисовский рассказывает: «Дело порой доходит до абсурда. Обратился как-то корреспондент журнала «Студенческий меридиан» к юному металлисту с просьбой встретиться. Но тот отказал, заявив, что на ближайшие дни у него время расписано, он дает интервью корреспондентам газет, радио, телевидения»¹¹⁹. Перефразируя известное латинское изречение, можно сказать: «Так приходит людская слава». К мнению юных неформалов прислушиваются. Водить с ними дружбу становится престижным. Вот уж компенсация в компенсации.

Сказанное не отменяет иллюзорного характера многих из проявлений статусного роста через причастность к НМО. Более того, здесь налицо расширение границ иллюзорного, с одной стороны, и, что отрадно, повышение толерантности общественности к чужим чудачествам, начало перехода от единообразия к плюрализму, с другой. На наших глазах то, что прежде можно было смело относить ко *вторичной компенсации*, социально неприемлемой, переходит в разряд *первичной*, социально одобряемой или по крайней мере не отвергаемой однозначно нравственными и правовыми нормами.

Выделяя в самоутверждении средствами НМО статусный аспект, нельзя игнорировать возможность *самореализации*, осуществляемой на основе освоения и создания особой молодежной субкультуры. Компенсаторные моменты данной самореализации производны от целого ряда причин. Среди них наиболее общая связана с маргинальностью подросткового возраста, другие вытекают из особенностей сегодняшнего социального бытия. М.В. Розин метко заметил, что «временная перспектива современного подростка сдвинута далеко в будущее — именно тогда ожидаются наиболее ценные события — жизнь до 30–40 воспринимается как «подготовка» к будущему. Очевидно, что такой перекося временной перспективы вызывает

чувство неудовлетворенности: представления о жизни после 30—40 лет для подростка относятся к области фантазии, обозримый же период рассматривается только как подготовка, то есть он сам по себе лишен всякого смысла»¹²⁰. Вот уж воистину: «Мы не живем, а только собираемся жить».

Однако человек трудно переносит «экзистенциальный вакуум» (В. Франкл). На любом этапе своего бытия человек нуждается в том, чтобы каждый его момент был осмыслен, имел собственную цель и предназначение. Поиски смысла особенно актуальны в переходные эпохи, когда прежние «полуфабрикаты» жизненных смыслов находятся в состоянии эрозии, когда собственные жизненные перспективы становятся трудноопределимыми и вовсе не ясно, ради чего жить и к чему стоит стремиться¹²¹. Собственно, и сам вопрос о самореализации как отдельно взятый возникает, по мнению В. Франкла, именно тогда, когда утрачиваются представления об общем смысле собственной жизни. Ибо реализуя свой единственный, уникальный смысл жизни, человек одновременно попутно и самореализуется, и утверждает свой статус¹²².

Осуществление смысла жизни не отбрасывает ценностей общения, а включает их в каждый момент его реализации. При этом действительный смысл общения раскрывается не в эгоистическом достраивании собственного коммуникативного мира, не в овладении отдельными ценностями общения и присоединении их к своему статичному, незыблемому «Я», которое вполне и так нас устраивает, а в активном творчестве в сфере общения. В творчестве, предполагающем интенцию к другому, к его заботам и потребностям, разрешая их или, по крайней мере, искренне пытаясь разрешить, мы тем самым решаем и собственные коммунологические и нравственные проблемы. Причем даже те из них, которые фактически не ставили и, может быть, даже отчетливо для себя не рефлексировали. В сущности, неформальная активность по своей природе (мы имеем здесь в виду прежде всего свободный характер ее направленности), если она не извращена, дает прекрасную возможность для актуализации смысла жизни и, следовательно, решения коммунологических проблем. Но это происходит тогда, когда интенция к определенной деятельности не отгораживает, не изолирует от прочих социально ценных общностей и форм общения, а возвращает к ним человека еще более обогащенным, способным внести и в эту среду обретенные им достижения, навыки, опыт, когда неформальная активность способствует формированию всеединства сферы человеческого общения, а не созданию отдельных локальных, изолированных ее фрагментов. Тогда самоутверждение одного предстает словно самоосуществление всего человеческого рода. Оно не несет в себе ограничений для чужого самоутверждения, не осуществляется за его счет. Повышение статуса отдельного человека тогда воспринимается как рост человеческого достоинства как такового. Взаимопонимание, обретаемое в неформальной группе, должно стать школой взаимопонимания в других общностях, а

не «заместителем» рассогласованности в сфере прочих взаимоотношений. Но все это уровень не *собственно компенсации*, а *сверхкомпенсации*.

Следует учитывать при анализе процессов самоутверждения в неформальной группе и те возможности, которые она предоставляет в плане реализации *потребности в лидерстве*. Ценность лидерства, завоеванного в неформальной группе, заключается в том, что это лидерство всегда *харизматическое*.

Причастность, принадлежность к ряду малых групп или движений позволяет расширить компенсаторные возможности общения за счет участия в массовых, экзотических и уже внегрупповых действиях в составе конвенциональной либо экспрессивной толпы или публики. Это участие вовсе не является какой-то «добавкой» к групповой принадлежности с ее коммуникативно-компенсаторными возможностями, а скорее, кульминацией и конечным смыслом существования самой общности. Чего бы стоила вся атрибутика металлистов и футбольных фанатов, если бы не возможность вот так, во всеоружии «доспехов» собраться в концертном зале или на стадионе и испытать мощнейшую эмоциональную разрядку, полностью растворяясь в толпе, ощущая максимально возможную на людях анонимность своего поведения. Ибо окружающие настолько поглощены совершающимся коллективным действием, что тут уже не до фиксации на своем поведении и поведении соседей.

Оценивая возможности подобного массового общения в деле преодоления одиночества, Н.А.Бердяев писал: «В стихийно-бессознательных, исключительно эмоциональных массовых состояниях “я” не испытывает одиночества совсем не потому, что оно общается с “ты”, соединяется с другим, а потому, что оно исчезает, что угасает самочувствие и самосознание “я”. И “я” исчезает совсем не в “мы”, а в Es, в “оно”. Масса, толпа есть “оно”, а не “мы”. “Мы” предполагает существование “я” и “ты”. В массе, в толпе “я” надевает маску, навязанную ему этой массой и ее бессознательными инстинктами и эмоциями <...> “Я” выходит из состояния одиночества через потерю себя»¹²³.

Подчеркивая свойственную современной контркультуре *«гедонистическую абсолютизацию принципа удовольствия»*, Ю.Н.Давыдов раскрывает разрушительный для личности смысл этики контркультуры. Этика контркультуры является, по его мнению, «...этикой наслаждения личности процессом самоликвидации, наслаждения «я» процессом самоутраты, разрушения его глубочайших оснований: наслаждение утратой самоконтроля и ответственности как перед окружающими, так и перед самим собою»¹²⁴. Конкретизируя сказанное применительно к музыкальной молодежной контркультуре, Ю.Н. Давыдов следующим образом развивает свою мысль: «Музыкальная культура» — это «модель» определенного типа общения <...> Суть этого общения — в непосредственном единении молодых людей, введенных до экстаза, буквально «выхода из себя», музыкой не просто

«отключающей» индивидуальное «я» человека, но прямо-таки «выбивающей» из него это «я» своими грохочущими, скрежещущими, визжащими, улюлюкающими звуками.

Иначе говоря, суть общения состоит в единении, предполагающем обезличение, «деиндивидуализацию» индивидов, в единении, в атмосфере которого уже даже и не нужно знать, кто они — окружающие тебя люди, где каждый человек не ощущает «другого», ибо существует только одно сплошное экстатически взвинченное «мы» (аналог Бердяевского Ес «оно», а не соборного «мы». — В.Г.). Вот для чего, кстати, так необходимы в рамках этого музыкально-культурного ритуала наркотики, которые, как известно, были легализованы именно на фестивалях рок-музыки. Они способствуют более эффективному достижению конечной цели этого ритуала: преодолению его участниками своего собственного индивидуального сознания, с тем чтобы погрузиться в лоно анонимного «мы», с максимальной интенсивностью пережив то изначальное чувство, которое толкает молодых людей в «общины ровесников» — чувство защищенности и всеислия, вседозволенности и безответственности в лоне «коллективного бессознательного»¹²⁵.

Замечено, что в современной России, в отличие, скажем, от Германии, «заметно проявляет себя *гедонистическая направленность личности*»¹²⁶ (курсив мой. — В.Г.). Ученые находят этому вполне достоверные объяснения¹²⁷. Автор не призывает к аскетическому образу жизни, хотя считает, что в нем есть весьма привлекательные стороны. Мне очень близка в этом вопросе позиция А.Маслоу, суть которой состоит в следующем: *«Разные виды удовольствий, удовлетворений можно организовать в виде иерархии, выстроить от низших к высшим. Таким же образом можно осмыслить разновидности гедонизма, то есть представить иерархию от низкого гедонизма до метагедонизма»*¹²⁸. Таким образом, я без особого почтения отношусь к низкому гедонизму, хотя и не отвергаю его, и очень высоко ценю метагедонизм, связанный с реализацией высших бытийных потребностей¹²⁹.

То, что справедливо для описанной выше ситуации массового общения было бы, безусловно, ошибочным экстраполировать на любые массовые сообщества. Серьезной ошибкой было бы рассматривать компенсаторно-коммуникативные возможности, возникающие в лоне больших групп людей, исключительно с точки зрения реализации в них (в группах) лишь гедонистической функции, да и то на довольно примитивном уровне. Анализ исследований ряда авторов, изучавших феномен человеческой массы, толпы, публики (Г.Лебон, Г.Тард, З.Фрейд, Э.Канетти, М.М.Бахтин, С.Московици, Н.А.Хренов и др.), показывает, что практически все измерения человеческого одиночества могут быть смягчены в условиях массового общения.

Некоторые из форм принимают в указанном отношении универсальный характер. Таковы, например, народные праздничные формы средневековья и Ренессанса, носящие космический, вселенский и одновременно

всенародный характер, разыгрывающие бессмертие и неуничтожимость народа, временно отменяющие иерархические отношения, освобождающие от страха, знаменующие победу свободы, равенства и братства¹³⁰. Современные праздничные и карнавальные действия лишь отчасти обладают отмеченными М.М.Бахтиным чертами, но в своей совокупности и в единстве с другими массовыми взаимодействиями они могут решать актуальные для личности компенсаторно-коммуникативные задачи. Так, например, установлено, что в организованной массе личность включается в жизненно важный для нее процесс идентификации с теми, кто эту массу составляет, а также со своим лидером, вождем, «идолом» и т.д. Последнее особенно важно для осуществления *самоутверждения*. «Когда толпа восхищается своим лидером, — писал Г.Тард, — когда армия восхищается своим генералом, она восхищается собой, она присваивает себе то высокое мнение, которое этот человек имеет о самом себе»¹³¹. Даже одиночество, взятое в межличностном измерении, недостаток любви могут быть компенсированы в отношении масса-вождь. Ибо вождя и массу, по З.Фрейду, связывают либидозные отношения. Такие же отношения связывают тех, кто идентифицирует себя с находящимся рядом. «Полководец — отец, — писал З.Фрейд, — одинаково любящий своих солдат, и поэтому они сотоварищи»¹³². Заметим, что идентификация как форма эмоционального отношения включает в себя и чувство любви, хотя не только его. Исходя из принципа равенства, всегда сопутствующего массе, каждая ее единица ревниво следит за тем, чтобы никто из поклоняющихся вождю не получил любви больше, чем другой.

Мы только что отметили, что идентификация есть форма любви, привязанности, желание быть похожим на свой идеал, но она включает в себя не только стремление к подражанию. Следующим шагом часто оказывается желание занять место предмета обожания, отодвинуть его в сторону, возможно, даже уничтожить. Отсюда видно, как общение может перерасти в активную деятельность или, по крайней мере, таковую стимулировать.

Таким образом, человек зачастую включается в группу движимый по преимуществу, а то и исключительно ради деятельности общения, ради преодоления одиночества в том или ином измерении. Сочетание коммуникативных возможностей группы, системы ценностей, норм, традиций и коммуникативных запросов личности, создающих особую надстройку над ее исходным коммуникативным миром, так или иначе компенсирует имеющиеся в нем деформации. Но часто гармонизация коммуникативного мира и смягчение одиночества в одном измерении порождают одиночество в другом или даже в других отношениях. Кроме того, будучи видом деятельности, общение преобразует жизненный мир личности далеко за пределами одной лишь сферы общения, ибо в предельных проявлениях компенсаторного общения: *декомпенсация* и *сверхкомпенсация* средствами общения происходит тотальное преобразование личности, ее образа

жизни, интересов, уровня культуры, основного направления жизнедеятельности. Компенсаторная надстройка перестает быть относительно автономной, а переходит в состояние вплетенного общения, пронизывая все и вся. Вместе с тем меняется и сама личность.

Рассматривая наиболее распространенные проявления компенсаторного общения на уровне группы, нам не удалось, естественно, проанализировать их с исчерпывающей полнотой, но наша концепция тем более была бы неполной, если бы мы не уделили должного внимания *компенсаторной аутокоммуникации*.

3. 3. КОМПЕНСАТОРНАЯ АУТОКОММУНИКАЦИЯ

Нет ничего противнее и разрушительнее, чем когда «я» эгоцентрически погружено в себя и в свои состояния, забыв о других, о мире, о множественном и целом, то есть не трансцендирует себя.

Н. А. Бердяев

Разве не может общение с самим собой таинственным образом преобразиться в общение с тайной?

Мартин Бубер

Возможность прислушаться к самому себе — это предпосылка возможности услышать других; быть в мире с самим собой — это необходимое условие взаимоотношений с другими людьми.

Э. Фромм

Мы уже неоднократно подчеркивали, что средствами компенсаторного общения могут быть практически любые формы социального взаимодействия людей и сопряженные с ними виды деятельности. Следовательно, дело заключается не в том, что эти формы изначально имеют компенсаторно-коммуникативную природу, а в том, что они при определенных условиях *используются как компенсаторные*. Тем не менее было бы ошибочным отталкиваться от представления об исключительно произвольном компенсаторном использовании совершенно нейтральных или даже противоположных целям компенсаторной коммуникации явлениях. Неверно выводить все многообразие модификаций компенсаторного общения лишь из компенсаторно-коммуникативных направленности и активности субъекта. Опыт показывает, что всякая трансформация любого социального явления в средство компенсаторного общения всегда имеет ту или иную объективную зацепку, основывается на большей или меньшей предрасположенности к подобной трансформации. Иначе почему, например, лишь вполне определенные направления искусства (скажем, рок-музыка) оказываются наиболее благоприятной средой для развертывания компенсаторного общения, причем в самых массовых, а порой и в самых примитивных формах, чего нельзя сказать о других направлениях. Сказанное не означает по-

пытки снизить художественную ценность рок-музыки, ведь речь идет о совсем ином. Просто правильное понимание смысла и причин возникновения различных проявлений компенсаторного общения требует при анализе конкретных его модификаций искать некую объективную основу (порой не только коммуникативную). Основу, превращающую некоторые явления и формы социального взаимодействия и деятельности, имеющие самостоятельную социокультурную ценность, в своего рода полуфабрикаты для компенсаторного использования. Когда достаточно много людей начинают использовать какие-либо общности или ситуации для компенсации тех или иных коммуникативных трудностей, то эти общности постепенно трансформируются в среду *компенсаторного общения*; они разрастаются за счет приверженцев подобного их использования и эта цель общения в них начинает приобретать едва ли не главенствующую роль по отношению к другим целям.

Можно было бы ограничиться лишь приведенным рассуждением, предварительно обосновывая все многообразие компенсаторных проявлений аутокоммуникации как совершенно очевидных, так и достаточно латентных, если бы не одно обстоятельство. Сказанное выше относится в большей мере к прямой компенсации, то есть к *собственно компенсации*. Что касается *сверхкомпенсации* средствами общения, то здесь неизбежно возникают существенные особенности, отличающие ее от компенсации прямой. Будучи весьма избирательной, ориентированной лишь на «свое другое», а не на «любое другое», сверхкомпенсация обычно происходит в границах самого высокого ценностного содержания при одновременном адекватном и всестороннем раскрытии его возможностей. В субъекте сверхкомпенсации, как мы пытались показать ранее, гармонично сочетаются деятельностно-волевые, интеллектуально-гностические и эмоциональные стороны отношения к субъекту освоения при ведущей роли деятельностно-волевой компоненты. Если же по какой-то причине освоение подобных явлений недоступно или оказывается недостаточным, то субъекты сверхкомпенсации обладают удивительной способностью возвышать не вполне аутентичные, но свободно избранные ими источники компенсаторной коммуникации, обнаруживать в них зерна «своего другого» и возвышать их до такого субъектного уровня, который чрезвычайно глубоко таился в их природе. Примером первого можно считать компенсаторную сверхкомпенсацию средствами искусства (кроме случаев потребительского и функционального его использования), где в качестве партнера выступает *объективированный субъект* (М.С.Каган) — *культура*, объект особого рода, заключающий в себе качества субъектности. Примером второго может служить отношение к природе, которое включает в себя ряд аспектов, причем с точки зрения прагматической гораздо более важных, но все же, кроме них, и аспект коммуникационный, когда природа, либо один из ее фрагментов, предстает перед нами *субъективированным объектом* (М.С.Ка-

ган) и в этом своем качестве включается как равноправный, равноактивный субъект в коммуникативные процессы, в том числе и в компенсаторные и в сверхкомпенсаторные. Наконец, и сам человек как духовно богатый (что совершенно естественно), так и вполне примитивный на первый взгляд (что гораздо удивительнее) может служить мощнейшим источником сверхкомпенсации. В последнем случае усилиями инициатора такого рода общения партнер зачастую одухотворяется выше видимых пределов, определенных его духовной конституцией. Возвышая другого, но не теряя собственной самости, не растворяясь полностью в этом возвышении, инициатор общения возвышается и сам. Стоит ли говорить, насколько обедняет человеческие контакты функциональный и частичный подход к партнеру в условиях прямой компенсации — один из вариантов извечного отношения к человеку не как к цели, но как к средству. При сверхкомпенсации (и здесь и ранее речь идет исключительно о реальной сверхкомпенсации) другой не служит средством для реализации ограниченных коммуникативных целей. Так происходит в отношениях альтруистической любви и дружбы¹³³. Следует учитывать, что отношения общения не исчерпывают всего содержания любви и дружбы, а компенсаторно-коммуникативные моменты в них составляют лишь одну, хотя и важную сторону.

Отмеченная нами способность компенсаторного общения возникать практически на любой основе, хоть как-то, порой просто непостижимым образом связанной с коммуникативными процессами, становится особенно очевидной при анализе явления *аутокоммуникации*. Аутокоммуникация создает наиболее благоприятные предпосылки для развертывания компенсаторного общения, которое осуществляется в ней с необычайной легкостью, как правило, спонтанно, не требуя практически никаких предварительных внешних условий и усилий, особенно в тех случаях, когда другие компенсаторно-коммуникативные возможности ограничены или даже вовсе отсутствуют (экспериментальная изоляция).

Эта очевидность компенсаторной функции явления аутокоммуникации и обусловила, по-видимому, то, что один из первых наиболее развернутых анализов компенсаторного общения был дан на материалах исследования именно внутреннего диалога. Так, Г.М.Кучинский не только формулирует гипотезу о том, что «...основная коммуникативная функция внутреннего диалога заключается в компенсации дефектов реального общения личности»¹³⁴, но и приводит довольно весомые аргументы в ее пользу, рассматривая конкретные проявления компенсаторного общения и условия их возникновения. Правда, весьма продуктивный подход Г.М.Кучинского вызывает ряд возражений, а иные, безусловно, сильные стороны его аргументации оборачиваются одновременно некоторым невольным сужением проблемы компенсаторного общения средствами внутреннего диалога.

Источник указанного сужения проблемы можно обнаружить, обращаясь к процессу ее генезиса, точнее, к тому контексту, в котором данная

концепция вызревала. Можно сказать, что она обязана своим происхождением специальным, экспериментальным исследованиям процесса совместного решения мыслительных задач двумя испытуемыми в условиях непосредственного речевого общения. Внешний и внутренний диалоги в их взаимосвязи являются необходимыми спутниками успешного взаимодействия партнеров. Внешний и внутренний диалоги продолжают и развивают друг друга. На парадигматический характер полученных в ходе исследования материалов для раскрытия смысла внутреннего диалога, взятого уже в более широком, внеэкспериментальном контексте, в том числе для понимания его компенсаторных проявлений, автор концепции указывает неоднократно¹³⁵. И хотя в действительности Г.М.Кучинский, конечно, не ограничивается рассмотрением лишь гносеологического, предметно-содержательного аспекта компенсаторного внутреннего диалога, а постоянно обращается и к анализу компенсации сферы межличностных отношений, ее нравственных сторон, исходная исследовательская парадигма невольно ограничивает эвристические возможности, заложенные в идее внутреннего компенсаторного общения как средства преодоления дефектов реальной общения личности.

Ну, скажем, чем плоха как таковая идея взаимосвязи и взаимообусловленности внешнего и внутреннего диалогов? Важно, однако, точно установить, в чем проявляется это единство, насколько оно абсолютно, в чем относительно. В условиях совместного решения мыслительных задач это единство выступает наиболее выпукло. Внутренний диалог продолжает внешний. Субъекты и того, и другого диалогов фактически одни и те же, если, конечно, учесть, что в сознании представлен субъект не во всей его целостности, а как, например, носитель определенной смысловой позиции, выразитель определенного личностного отношения (доброжелательности или неприязни).

В реальной действительности нетрудно подыскать подобные ситуации, предусматривающие известное тождество партнеров во внешнем и внутреннем диалогах. Их приведено в исследовании Г.М.Кучинского достаточно. Но разве невозможна ситуация, когда неудовлетворительный партнер по общению во внешнем диалоге с нежелательными информацией либо личностным отношением попросту исключается из внутреннего диалога, заменяется другим, воистину компенсаторным партнером, или когда из внешнего диалога переходит не содержание, а лишь некий эмоциональный смысл, невербализуемый оттенок контакта, подлежащий трансформации в процессе внутреннего общения в желаемом направлении? Тогда внутренний диалог будет *не продолжением*, а *отрицанием* внешнего. Возможно, в плане изучения собственно механизмов (психологических) внутреннего диалога не столь важно, что это будет за партнер. А в плане социокультурном? Будет ли другой более подходящим для целей компенсации реальным человеком, одухотворенным объектом природы, инопланетя-

нином, Господом Богом, произведением искусства (объективированным субъектом)? Каждая новая модальность субъекта общения включает в себе как вполне определенные компенсаторные возможности, так и определенные трудности для осуществления внутреннего диалога, как предсказуемые, так и труднопредсказуемые социальные последствия для личности и общества. Тогда уже внешний диалог будет подгоняться под внутренний, а не наоборот. Ибо ведущая роль в рассматриваемой паре будет принадлежать именно внутреннему диалогу. Скажем, приверженность к богочислению в его компенсаторном значении будет естественно определять круг внешнего общения с точки зрения религиозной системы ценностей. А разве невозможен внутренний диалог в ответ на полное отсутствие внешнего? Условия полной географической, социальной или экспериментальной изоляции способствуют компенсации прерванных внешних социальных связей с помощью внутреннего диалога с различными модальностями компенсаторного субъекта¹³⁶. Подробнее мы скажем об этом ниже. И наконец, неоправданным мы считаем сведение диалога, в том числе внутреннего, к вербальной его составляющей. Внутренний диалог может иметь не только словесную, но и образную форму выражения. Это справедливо не только для художественного мышления, как убедительно показал М.С.Каган¹³⁷, но и для обыденного сознания вообще. Особенно характерна образная форма ведения внутреннего компенсаторного диалога для определенных состояний сознания (сон, наркотическое опьянение и др.).

Пользуясь методом эмпирического обобщения, можно свести мыслимое многообразие возможных ситуаций *компенсаторной аутокоммуникации* к четырем основным позициям:

1. *Компенсаторный солилоквиум* (общение с различными ипостасями собственного Я).
2. *Компенсаторное общение с квазисубъектом* (отсутствующим или вымышленным партнером по общению).
3. *Компенсаторное общение с субъективированным объектом* (общение с природой).
4. *Компенсаторное общение с объективированным субъектом* (культурой).

Сказанное, естественно, не означает, во-первых, того, что все эти виды аутокоммуникации являются исключительно компенсаторными уже в силу своей природы. Напротив, они в равной мере принадлежат вплетенному общению и выступают в качестве необходимой стороны предметной деятельности. Так, например, общение в магической форме для первобытного охотника или земледельца — неотъемлемая сторона непосредственно производственного цикла, гарант его успешности. Оно не может быть отнесено к «общению ради общения», ибо конечные его цели лежат за пределами собственно коммуникативных потребностей. Разнообразные коммуникативные потребности с той или иной степенью полноты реализуют-

ся в данном случае попутно. Общение здесь, как в магической его форме, так и межличностное, обслуживает предметную деятельность, оптимизирует процесс ее протекания. Это общение не компенсаторное, а вплетенное. В то же время, будучи отделена от прагматических целей или оттесняя их на второй план, ориентируясь на гармонизацию коммуникативного мира личности и смягчение одиночества как на главные задачи, сама форма связи с природой в качестве равноправного, равноактивного субъекта может наполняться новым содержанием и служить основой для использования ее в компенсаторно-коммуникативных целях.

Возвращаясь в свете вышеизложенного к тем положениям, что высказаны Г.М.Кучинским применительно к компенсаторному значению внутреннего диалога, нужно отметить следующее. Внутренний диалог там, где он является продолжением внешнего и служит оптимальному протеканию процесса совместного решения мыслительных задач, есть *вплетенное* общение, а вовсе не *компенсаторное* в том смысле, который мы придаем ему в нашей концепции. Это не «общение ради общения», а такое общение, которое в качестве вплетенного подчинено определенной внекоммуникативной цели — познанию. Лишь там, где Г.М.Кучинский анализирует внутренний диалог как направленный на гармонизацию общения, взятого в его самоценности для личности, в случае, когда внутренний диалог служит совершенствованию и углублению межличностных отношений, обретению желаемого статуса, подтверждению «Я-концепции», словом, созданию благоприятной среды общения¹³⁸, наши позиции к оценке такого внутреннего диалога как компенсаторного совпадают.

Таким образом, у Г.М.Кучинского представлены две совершенно различных трактовки компенсаторного общения. Причем принятие первой делает неправомерным рассмотрение внутреннего диалога лишь как компенсаторного. В равной мере, если перевернуть отношение внутреннего и внешнего диалогов, то логично рассматривать внешний диалог как компенсаторный по отношению к внутреннему. Так, научно-исследовательская деятельность ученого, развертывающаяся в непрерывном внутреннем диалоге с предшественниками и предполагаемыми оппонентами, в определенный момент оказывается в цейтноте и требует для своего продолжения непосредственных контактов с коллегами, контактов, компенсирующих недостаточность внутреннего общения, научной рефлексии и др. Но и в этом случае мы вновь имеем дело с вплетенным общением, и внутренним и внешним, с явлениями одного, в сущности, порядка. Поэтому, приняв любое из них за точку отсчета, мы можем второе рассматривать как компенсаторное. Это малопродуктивно. Применительно к вплетенному общению можно говорить о присущей ему компенсаторной функции, которая в той или иной мере свойственна любой форме социальной связи, но здесь она вторична, несущественна. Только трансцензус вплетенного общения в «общение ради общения» делает его компенсаторным.

И наконец, второе и последнее. Мы далеки от мысли считать все указанные выше формы активности аутокоммуникацией в чистом виде. Едва ли можно представить общение с культурой в границах лишь внутреннего диалога, ибо диалог этот осуществляется и в формах вполне внешних. Однако нас в данном случае интересует не внешний диалог, а внутренний (более того, компенсаторный), который его сопровождает и делает возможным целостное общение с культурой как таковое.

Мы уже отмечали, что та или иная деформация сферы общения личности всегда сигнализирует о себе в форме переживания чувства одиночества. Переживание это многолико. Напомним, что в разработанной У.А. Сандлером и Т.Б. Джонсоном четырехмерной модели одиночества различаются четыре типа одиночества и соответственно четыре его измерения (космическое, культурное, социальное, межличностное)¹³⁹. Эта теоретическая модель имеет важное методологическое значение для более глубокого понимания смысла компенсаторной аутокоммуникации. В свою очередь, будучи применена к анализу компенсаторной аутокоммуникации и компенсаторного общения вообще, она позволяет довести концепцию авторов до логического завершения. ведь недостаточно ограничиться различением специфических типов одиночества и особых условий возникновения каждого. Признание многокачественности этого переживания инициирует исследование и тех многообразных путей, с помощью которых человек пытается выкарабкаться из состояния одиночества. Степень успешности его попыток — это отдельный вопрос. Но компенсаторное общение, в том числе посредством различных проявлений общения с самим собой, и означает эту попытку. Если допустить, что все названные типы одиночества могут быть преодолены или хотя бы смягчены с помощью компенсаторной коммуникации, отражаясь одновременно во внешних, фиксируемых изменениях жизненного мира человека, и прежде всего его мира коммуникативного, то, наверное, любая из сформулированных нами четырех позиций аутокоммуникации пригодна в качестве противоядия против любого типа одиночества. Так, например, космическое одиночество, фиксирующее ослабление единства человека с природой и пр., может быть заглушено посредством сосредоточения на компенсаторном общении с квазисубъектом (иллюзорным партнером). Но эта подмена неаутентична. Наиболее эффективно компенсаторная аутокоммуникация срабатывает, по нашему мнению, при следующих *с о ч е т а н и я х*: 1) *одиночество в социальном измерении — компенсаторный солилоквиум* (общение с различными ипостасями своего Я); 2) *одиночество в межличностном измерении — компенсаторное общение с квазисубъектом* (отсутствующим или вымышленным партнером по общению); 3) *одиночество в космическом измерении — компенсаторное общение с субъективированным объектом* (природой); 4) *одиночество в культурном измерении — компенсаторное общение с объективированным субъектом*

(культурой). Предложенная схема не исключает, конечно, и других вариантов. Например, 1-я и 2-я позиции наиболее близки, и способы аутокоммуникации, их компенсирующие, вполне взаимозаменяемы. Хотя все же в 1-й доминирует аспект саморегуляции и «самооправдания», а во 2-й компенсация происходит и за счет расширения сферы общения, посредством обращения к иллюзорному контакту с вымышленным партнером. Нельзя не учитывать также и то, что один тип одиночества нередко порождает другой. Так, одиночество в культурном измерении часто сопровождается одиночеством в измерении социальном и т.д. Это может инициировать подключение сразу к нескольким источникам аутокоммуникации.

Потребность в компенсаторной аутокоммуникации возникает в том случае, когда внешние формы общения по какой-либо причине не удовлетворяют личность, когда она испытывает дефицит *эмоциональных, интеллектуально-гностических, деятельностно-волевых* компонентов в своих взаимодействиях с окружающими. Возникая в глубинах вплетенного общения (в семье, трудовом и учебном коллективах и т.д.), ситуация одиночества (социального, межличностного, космического, культурного) многократно усиливается, если непосредственно в данный момент исключена возможность оперативного включения в общности с компенсаторной направленностью или, по крайней мере, в такие, которые могут быть легко трансформированы в компенсаторные.

Известно, что к одиночеству загодя, целенаправленно невозможно подготовиться, ибо для него характерна внезапность появления. Да и компенсаторные общности не всегда в состоянии полностью, а главное, оперативно нейтрализовать «послевкусие» от дискомфортного взаимодействия в пределах первичных групп. В зависимости от того, какая из сторон потребности в общении страдает в первую очередь, возникает повышенный *интерес* к таким взаимодействиям, которые в наибольшей степени заключают в себе возможность ее удовлетворения. «Интерес, — отмечает В.А. Панпурин, — знаменует предметную конкретизацию потребности»¹⁴⁰. Следовательно, в интересе отражены уже не только названные выше компоненты потребности в общении, но и их более детальные составляющие. Так, актуальность для личности эмоционального насыщения общения, в том числе с помощью компенсаторной аутокоммуникации, предстает в форме интереса к контактам или к их идеальной модели, нагруженным такими эмоциональными проявлениями, как *сочувствие, сопереживание, восхищение* инициатором общения, *любовь и уважение* к нему. Компенсаторная аутокоммуникация предоставляет возможность «насладиться» и такими извращенными переживаниями, в основе которых лежат отрицательные эмоции, вызываемые в собственной фантазии у воображаемого или реального партнера (*зависть, злоба, униженность* и пр.), благо в этом случае они не несут реальной угрозы безопасности индивидуума, чего не скажешь о действительных контактах. Возможность извращенной потреб-

ности в переживании негативных реакций окружающих, моделируемых в компенсаторной аутокоммуникации, не может не учитываться при ее анализе. Сказанное означает, естественно, что на процесс *целеобразования* в компенсаторной аутокоммуникации оказывают влияние *ценностные ориентации* личности, да и вообще весь комплекс элементов ее внутреннего мира, имеющих отношение к общению: *коммуникативные способности*, особенности характера, проявляемые в общении и им детерминированные, *коммуникативная направленность*. Эти индивидуальные особенности работают не только на *целеобразующем* этапе, но и на *реализующем*. Так, процесс самопознания в компенсаторной аутокоммуникации (позиция компенсаторный солилоквиум) требует от личности не только чисто гносеологических способностей к самопознанию на основе внутреннего диалога, но и известных волевых качеств. Результат аутокоммуникации (будет она реальной или иллюзорной компенсацией, прямой компенсацией или сверхкомпенсацией) зависит от того, насколько у личности проявится мужество раскрыть для себя истинный свой образ в процессе столкновения различных смысловых позиций, или она избежит этого самораскрытия, маскируя свое малодушие тем, что «...человек догадывается лишь о том, что он в силах вынести в данный момент»¹⁴¹.

Если учесть, что «интерес — это интенсивное положительное отношение к объектам, превращение их в цели избранной деятельности, в средства и условия практического осуществления социальной природы данного субъекта»¹⁴², то станет ясно, что опосредствуясь *мотивами, цели* компенсаторного общения средствами внутреннего диалога будут соответствовать установленным *интересам* в эмоциональном насыщении, получении значимой для личности информации, деятельностном отношении к субъекту аутокоммуникации. Причем *цели* эти будут носить развернутый, детализированный, конкретный характер и содержать в себе как предвосхищение желаемого результата, так и предвосхищение *средств*, которые приведут к его достижению¹⁴³.

Рассмотренные выше элементы системы — причины образуют в своей совокупности цепочку *целеобразования*, необходимую для осуществления компенсаторной аутокоммуникации. Дальнейшая дивергенция компенсаторно-коммуникативных процессов средствами аутокоммуникации зависит от внешних условий общения личности, выступающих как *стимулы* для определенных предпочтений в сфере внутреннего диалога (выбор позиции аутокоммуникации, наиболее соответствующей условиям). Ибо «производимое причиной следствие зависит от условий. Одна и та же причина при разных условиях вызывает неодинаковые следствия»¹⁴⁴.

Каков же примерный перечень наиважнейших условий, стимулирующих направленность на определенные *объекты* компенсаторной аутокоммуникации, и *средства*, с помощью которых эта направленность реализуется?

1. Компенсаторный солилоквиум. Среди многих коммуни-

кативных ситуаций, порождающих одиночество, преобладающей является ситуация *социального отвержения*, которая фиксируется в *социальном измерении одиночества*¹⁴⁵. «В социальном измерении одиночества, — отмечают У.А.Садлер и Т.Б.Джонсон, — человек очень остро чувствует, что его оттолкнули, покинули, исключили, отослали, не допустили или не оценили. Сам себе он видится изгнанником, посторонним, лишним человеком»¹⁴⁶. Суть одиночества в социальном измерении заключается, следовательно, в непризнании индивидуума группой, когда не подтверждаются его социальные ожидания, в результате чего «он ...озабочен своей идентичностью и статусом»¹⁴⁷.

Прогресс цивилизации, порождающий непрерывное разрушение малых контактных групп, не только делает людей одиночками и несчастными, как пишет об этом Дж.Хоманс¹⁴⁸, но и иницирует, по нашему мнению, компенсаторную аутокоммуникацию, замещающую реальные связи. Наиболее аутентичной формой компенсаторной аутокоммуникации в этих условиях выступает *компенсаторный солилоквиум* — испытанное средство нейтрализации неудачных взаимодействий в малой группе, способствующее *самореабилитации* личности. Почему приоритет здесь принадлежит именно компенсаторному солилоквиуму, а не другой какой-либо разновидности компенсаторной аутокоммуникации? Отвержение представителями из социально значимого окружения наносит мощный удар по «Я-концепции» личности. Безоговорочно признать справедливость, правомерность, обоснованность случившегося означало бы для нее полный крах. Выход за пределы травмирующей ситуации в формах, близких по смыслу к солилоквиуму, то есть происходящих в границах аутокоммуникации того или иного рода (общение с квазисубъектом, субъективированным объектом и др.), не вполне адекватен. Так, внутренний диалог с квазисубъектом, обладающим, по крайней мере в воображении, необходимыми субъекту качествами и пиететом к нему, может дополнить нежелательное общение, даже смягчить его отрицательные следствия, но не в силах исключить из сознания отражение чужих смысловых позиций (действительных или воображаемых), неприемлемых для личности. Более того, нередко недоброжелательное отношение проявляется латентно, как некий неявный эмоциональный фон общения, «обволакивающий» субъекта, не облекаясь при этом непосредственно в вербальную и деятельностную формы на уровне конкретных высказываний, обращений, оценок или поступков. Отвержение может быть вполне безличным, персонифицированным, когда нет видимых оснований для апелляции и не к кому апеллировать. Явная конфликтность общения и с конкретными персонами позволила бы продолжить внешний диалог во внутреннем с квазисубъектом, воплощающим черты конкретных лиц, и одержать в нем победу, ускользнувшую во внешнем диалоге, или по крайней мере самооправдаться. Следовательно, если *объектом* воздействия в компенсаторном общении с квази-

субъектом служит образ другого «я», в компенсаторном солилоквиуме, побеждающем внутреннее сомнение в собственной социальной значимости, объектом оказывается второе «я» самого субъекта. Сказанное нуждается в более детальном рассмотрении самого *процесса* компенсаторного солилоквиума, но прежде следует сказать несколько слов о солилоквиуме как таковом.

Составить общее представление об общении человека с самим собой в принципе совсем нетрудно. Порукой тому собственный опыт каждого, подкрепляемый разнообразными источниками. Ведь процесс «самообщения» (К.С.Станиславский) многократно исследовался в философской, психологической, филологической и прочих науках; постоянно использовался как художественно-психологический прием в литературе и искусстве¹⁴⁹. Сам термин «солилоквиум» (*soliloquia* — лат.) вынесен в заглавие по меньшей мере двух произведений, одно из которых принадлежит перу Августина Аврелия, другое Шефтсбери. Есть соблазн перевести этот термин буквально, как «монолог». Особенно легко это сделать, если мы классифицируем монолог как одну из форм общения, что, кстати сказать, и делает, например, Г.М.Кучинский¹⁵⁰. Но монолог, не важно, обращен ли он к самому себе или к другому, не является формой общения. Монологизм — характерная черта коммуникации, но не общения. Монолог одностороннен. Он не обладает такими, справедливо выделяемыми М.С.Каганом признаками субъектно-субъектного отношения, как равноправность и равноактивность¹⁵¹. Между тем, если уже у Августина «Солилоквиумы» представляют собой три интраперсональных диалога, а вовсе не монологи, то у Шефтсбери в сочинении «Солилоквиум» и вовсе содержится попытка теоретически обосновать интеллектуальную и нравственную необходимость для художника постоянно находиться в процессе напряженного внутреннего диалога с самим собой.

Внутренние голоса, «смысловые позиции», по Г.М.Кучинскому, не исчерпываются диадной формой существования, как это невольно следует из рассуждений ряда авторов. Гораздо точнее, и следовательно, плодотворнее, на наш взгляд, идея полифонии внутренних голосов, обнаруженная М.М.Бахтиным в поэтике Ф.М.Достоевского. Сведение внутреннего многоголосья лишь к «дуэту» писатель и философ Герман Гессе развенчивает как фикцию, как глупое упрощение «ради доходчивого, но неверного объяснения противоречий, заключенных в человеке»¹⁵². По Гессе, человеческая душа — клубок из множества «я». «Любое «я», даже самое наивное, — это не единство, а многосложнейший мир, это маленькое звездное небо, хаос форм, ступеней и состояний...»¹⁵³

Бесконечное множество «душ», заключенных в человеке, к которым он может испытывать отрицательные и амбивалентные, а вовсе не только положительные чувства, позволяют интериоризировать самые различные, порой взаимоисключающие позиции и личностные смыслы других людей.

Отрицая враждебные, например, оценки в свой адрес, человек тем не менее сам может находить в своей душе как бы «матрицы» такого же собственного самоотношения, в которое чужое отношение вполне укладывается, усиливая его. Это отчасти объясняет вариативность компенсаторно-коммуникативных процессов средствами аутокоммуникации, могущих развиваться по трем основным направлениям: декомпенсация, собственно компенсация, сверхкомпенсация. В компенсаторном солилоквиуме осуществляется непрерывный поиск равнодействующей борющихся сил, постоянный процесс саморегуляции. При этом не всякая саморегуляция может быть отнесена на счет компенсаторного солилоквиума. Как следует из отмеченного нами ранее, мы пытаемся рассматривать коммуникативный мир в качестве относительно самостоятельного приобретения человеческой культуры, имеющего собственные механизмы саморегуляции в форме компенсаторного общения.

Такая точка зрения не отвергает взаимосвязи коммуникативного мира личности с сопредельными характеристиками человеческого бытия, но не допускает и растворения в них. Таким образом, повторяем, не всякое самообщение, с нашей точки зрения, будет компенсаторным, хотя, несомненно, оно участвует в процессах саморегуляции, причем, возможно, более масштабных. Кроме того, *самоприказ, самовнушение* и другие рычаги саморегуляции не являются в принципе общением как таковым. Вопреки рассмотрению их как общения с собой, например Л.П.Гримаком¹⁵⁴, они не могут быть отнесены к общению вообще. Это *управление*. К компенсаторному общению средствами внутреннего диалога может быть отнесена лишь та часть самообщения, которая вызвана к жизни деформациями коммуникативной сферы личности и направлена на ее гармонизацию, что не исключает, конечно, особенно в предельных вариантах компенсации (декомпенсация, сверхкомпенсация), более глубоких изменений жизненного мира личности. Лишь в собственно компенсаторном общении мы как бы не выходим за границы коммуникативных процессов. Это довольно урезанная саморегуляция. Она практически не затрагивает других структур личности. Между тем за той или иной деформацией коммуникативной сферы скрываются, как правило, гораздо более глубокие причины, многие из которых юрятся в таких значимых характеристиках личности и серьезных обстоятельствах ее жизни, что простое «достраивание» сферы общения не спасает положения. То, что на поверхности выступает как простое отсутствие желаемого качества повседневных связей во влеченном общении: недостаточный статус, поверхностная интегрированность в первичные группы, дефицит необходимого признания — не может быть обретен без активной перестройки всей системы общения личности.

Преобразование (сквозное) всего ее коммуникативного мира осуществимо в двух направлениях: регрессивного процесса *декомпенсации* или прогрессивного — *сверхкомпенсации*. Маргинальность, промежуточное

положение *собственно компенсации* между декомпенсацией и сверхкомпенсацией в том и состоит, что эта точка бифуркации, от которой развитие может пойти в различных труднопредсказуемых направлениях. Наивысшим социокультурным приобретением среди компенсаторно-коммуникативных процессов выступает сверхкомпенсация средствами общения. В сверхкомпенсации благодаря деятельностной ее направленности происходит активное преобразование себя и других. Солилоквиум оставляет в распоряжении субъекта только самого себя. Как он этим воспользуется?

Социальная ценность солилоквиума может быть определена исходя из того, приближает ли он субъекта к партнерам по общению, от которых тот временно отдалился, либо просто дополняет «дефициты» от контактов с ними, либо, наконец, отдаляет от действительных реальных связей, находя единственно в нем подлинную отраду и забвение прошлых неудач в общении, делая эти контакты малоценными на фоне самообщения. Мысленное безапелляционное опровержение чужой позиции как полностью несостоятельной чревато усугублением положения и возникновением зримого конфликта с окружающими по инициативе субъекта компенсаторного солилоквиума. Разобщая человека с его основным окружением, он уже не столько компенсирует его коммуникативные трудности, сколько влечет к *декомпенсации*, частичному или полному разрыву социально значимых связей. Следовательно, эта компенсация *иллюзорна*. Пересмотр собственных позиций способен положить начало сближению с непосредственным окружением на основе деятельностной перестройки своего внутреннего мира, увеличением его *коммуникативного потенциала*, развития *привлекательности в общении* и т.д. Но это уже путь *сверхкомпенсации*. Или по крайней мере начало такого пути. Он сложен и не может осуществляться целиком в границах солилоквиума, но без него трудно представить дальнейшие практические шаги. Сверхкомпенсация сродни *переживанию*, понимаемому как деятельность (Ф.Е.Василюк), как перестройка внутреннего мира и подготовка его к наиболее оптимальному, гармоничному вплетенному общению, а значит, и к деятельности (предметной), сопряженной с ним. Это означает дополнительный импульс в развитии культуры и человека, что и составляет главный социокультурный смысл сверхкомпенсации средствами компенсаторного солилоквиума.

Стремление сохранить и усовершенствовать общение в первичных группах не должно приниматься за абсолют. Ведь в некоторых случаях разрыв связей, например с рутинной средой, просто необходимое условие для саморазвития личности, не вмещающейся в ее рамки. Тогда разрыв благо, а чужая смысловая позиция заслуживает отвержения. Но и в этом случае путь подлинной сверхкомпенсации означает не простое игнорирование и не безоглядное оставление среды, достойной сожаления. Коль скоро ты связан с ней генетическими узами, то следует вернуться к ней или обратиться к подобной же в той или иной форме (в живом или косвенном обще-

нии), пробудить ее от оцепенения, от косной неподвижности или хотя бы вырвать из нее тех, кто еще в состоянии вырваться.

«Физически отъединиться от людей и не участвовать в их мирской судьбе, — писал С.Л.Франк, — имеет право лишь тот, кто борется в себе с самым корнем мирового зла и растит в себе самом единое и благотворное для всех субстанциальное добро. Всякий же, кто еще противопоставляет себя другим, кто имеет свои личные страдания и радости, еще зависит от мира, еще живет в мире, то есть и извне соучаствует в коллективной жизни мира (хотя бы физически и видимым образом удалился от этого соучастия), а потому ответствен за нее, обязан соучаствовать в налагаемых ею обязанностях. Он обязан осуществить наибольшее добро или достигнуть наименьшей общей греховности в данном, совершенно конкретном, определенном данными условиями человеческой жизни положении»¹⁵⁵. Поэтому, несмотря на всю значимость для личности процессов самореабилитации и самооправдывания посредством компенсаторного солилоквиума как способа внутренней защиты от зла, причиняемого окружающими, высшее назначение «самообщения» состоит в том, чтобы духовными усилиями освободиться от зла в самом себе, одновременно взращивая в себе субстанциальное добро. А поскольку «зло *истребляется* одним лишь духовным деланием и его осуществлением — любовным единением людей»¹⁵⁶, постольку внешнее общение, связанное с внутренним, должно занимать надлежащее ему место, «чтобы не было опрокинуто нормальное духовное равновесие»¹⁵⁷.

2. Компенсаторное общение с квазисубъектом. Наиболее распространенным *стимулом* к осуществлению компенсаторного общения с квазисубъектом является ситуация одиночества, взятого в межличностном измерении. Под одиночеством в межличностном измерении подразумевается нехватка тесных эмоциональных связей с людьми, дефицит близких, интимных, доверительных отношений, которые обычно реализуются в родственных, эротических и дружеских связях. Используемый в качестве средства компенсаторного общения квазисубъект представляет собой образ партнера по общению, возникающий в воображении субъекта. По мнению М.С.Кагана, квазисубъект включает в себя следующие ипостаси: *образ отсутствующего реального человека, мифологический или художественный образ*. Принимая за основу предложенные трактовки квазисубъекта и его классификацию, целесообразно ее несколько расширить с учетом использования квазисубъекта в качестве партнера для компенсаторного квазиобщения. На наш взгляд, континуум возможных модальностей квазисубъекта, вовлеченных в процесс компенсаторного квазиобщения, может быть представлен следующим рядом: образ реального человека, недоступного в данный момент для непосредственного взаимодействия с ним (А); образ реального человека, дающий возможность таких желаемых отношений с ним, которые исключены или трудноосуше-

ствимы в реальных контактах с прототипом этого образа (Б); образ реального человека, непосредственные контакты с которым в принципе возможны хотя бы в силу реальности его существования, но трудноосуществимы именно для нас по причине, например, значительной социальной дистанции, нас с ним разделяющей (В); образ реального человека, непосредственные контакты с которым в принципе невозможны (образ умершего) (Г); мифологический или художественный образ, созданный чужой фантазией (Д); образ, созданный собственной фантазией (Е).

Под непосредственным общением в данном контексте мы понимаем общение, осуществляющееся не в воображении субъекта, а в реальной действительности даже тогда, когда имеет место использование инструментальных средств связи как посредников коммуникативного взаимодействия, а не только общение «лицом к лицу».

Даже беглый анализ позиций от (А) до (Е) показывает, что отдаленность процессов внутреннего общения от реальных контактов нарастает в указанном направлении. Наиболее тесно сопряжена с реальным общением соответственно первая позиция. Наверное, поэтому «образ реального человека, недоступного в данный момент для непосредственного взаимодействия с ним» может служить примерно тем же целям, что и компенсаторный солилоквиум, то есть для своего рода самореабилитации или, напротив, для самокритики на фоне социального отвержения. Но для компенсаторного квазиобщения эта цель второстепенная, ибо оно преследует цель расширения круга нашего общения и придания ему необходимого для нас качества. В центре компенсаторного взаимодействия с квазисубъектом, как уже отмечалось, стоят проблемы *межличностного общения*. Как они разрешаются с его помощью, можно уяснить, последовательно рассматривая намеченные нами модальности квазисубъекта, вовлеченные в компенсаторно-коммуникативный процесс.

А. Ситуация временной разлуки с психологически близкими людьми, которые не могут быть полноценно заменены никем из окружающих, достаточно тривиальна. Отсутствие центральной фигуры межличностных взаимодействий, центральной, но не единственной, не означает полного самоотлучения от межличностных контактов с оставшимися. Они (эти внешние реальные контакты) зачастую приобретают особый смысл. Причем преимущественно тогда, когда «отсутствующий» остается в отношениях родства, знакомства и т.д. с теми, кто находится в границах круга действительного общения. Возможность обсуждать с ними вопросы, связанные с «отсутствующим», придает им в глазах инициатора общения особую ценность. Они становятся дороже и ближе. В этом случае квазисубъект формируется не в индивидуальной памяти, а в памяти коллективной, как бы на пересечении процессов воображения двух или нескольких людей. Привлекательность того или иного человека в общении часто начинает зависеть от возможности развивать вместе с ним или при его

сочувственном внимании сюжеты, связанные с «отсутствующим». В этом проглядывает известная узость, частичность и функциональность как отличительные особенности компенсаторного общения. Лишь тогда, когда человек не находит поддержки главной, всецело занимающей его темы, а вакуум, образовавшийся в результате разлуки, велик, реальные контакты могут быть подавлены индивидуальным квазиобщением с «отсутствующим». Имея компенсаторную природу, это общение не может быть оценено однозначно. Будучи, например, сверхкомпенсацией в одном отношении, оно нередко выступает как собственно компенсация в другом. Диадическая квазисубъектная форма связи с «отсутствующим» способна служить сверхкомпенсации, кристаллизации чувств, подготовке (внутренней) к усовершенствованию дальнейших взаимоотношений.

Как человек, которому истинная дружба «известна до тонкостей», о пользе временной разлуки для близких хорошо рассуждал М.Монтень: «Порою наша разлука бывала для меня не без приятности и не без пользы. Разлучаясь, каждый из нас жил более заполненной жизнью и видел ее шире и глубже: он жил, он наслаждался, он наблюдал для меня, я наблюдал для него, делая это с такой полнотой, как если бы он был со мной. Когда мы бывали вместе, какая-то наша часть оставалась праздною: мы сливались в единой целое. Разъединение в пространстве обогащало нашу духовную связь. Жажда непосредственной близости говорит о недостатке способности к духовному общению»¹⁵⁸.

Предпочтительно, чтобы процесс квазиобщения происходил как обоюдный, встречный и подкреплялся инструментальными формами связи (переписка, телефонная связь и т.д.). Следует иметь в виду, что одновременно с возрастанием силы компенсаторного квазиобщения могут ослабляться и угасать реальные связи с окружающими. Стало быть, в компенсации этой нарастают иллюзорные моменты, и ее гипертрофия становится пагубной. Особенно явно это тогда, когда реальный, но в данный момент отсутствующий субъект исчез из поля зрения на неопределенно длительное время, возможно, навсегда. В этом случае одиночество в межличностном измерении неодолимо, а компенсаторное квазиобщение бесперспективно и бесплодно. Оно неотвратимо несет в себе трагическую двойственность социально ценного и деструктивного начал. Хотя, конечно, невозможно отрицать нравственную ценность, например, неразделенной или утраченной любви и страдания вообще. Но они в полной мере оправданы лишь тогда, когда в конечном счете приближают человека к миру людей, а не отворачивают от него. Не разрушают его как личность, не влекут к суициду.

Б. В квазиобщении с образом реального человека, дающим возможность таких желаемых отношений с ним, которые исключены или труднодоступны в реальных контактах с прототипом этого образа, возникает новый оттенок, нетипичный, хотя отчасти и свойственный рассмотренной ранее позиции. Если в предыду-

щем случае доминирует мотив расширения круга общения за счет контакта с квазисубъектом, то здесь, как правило, круг общения остается прежним, но изменяется качество общения с теми, кто в этот круг входит. Правда, изменение качества общения происходит лишь в воображении личности на основе механизмов *фантазирования*. Интенсивность фантазирования, а также преобладающие в его содержании сюжеты и мотивы, в том числе непосредственно связанные с межличностными отношениями, раскрывают тайну насущных потребностей личности, включая, разумеется, и коммуникативные. «Никогда не фантазирует счастливый, — писал З.Фрейд, — а только неудовлетворенный. Недовольные желания — движущие силы мечтаний, а каждая фантазия по отдельности — это осуществление желания, исправление неудовлетворяющей действительности»¹⁵⁹. Желания, побуждающие к фантазированию, З.Фрейд группировал следующим образом: «Это либо честолюбивые желания, служащие возвеличиванию личности, либо эротические»¹⁶⁰. Желания, относящиеся как к первой, так и ко второй группе, явно имеют существенную коммуникативную сторону. Возвеличивание — есть форма самоутверждения, которое всегда осуществляется в отношениях состязательности или даже острейшей борьбы с другими. Реализация эротических желаний предполагает объект (реальный или воображаемый), во взаимодействии с которым (действительном или мнимом) они утоляются.

Главное внимание в компенсаторном квазиобщении, как правило, уделяется образам, наиболее значимым, часто тем из них, реальные отношения с которыми носят чрезвычайно тревожный, эмоционально напряженный характер. Так, например, человек, неуязвимый в реальной действительности для нашего воздействия на него, но сам в свою очередь могущий манипулировать нами и не отказывающий себе в этом удовольствии, которого мы, попросту говоря, опасаемся, и который держит нас в постоянном напряжении, вполне принадлежит нашей воле в квазиобщении. Это общение, безусловно, компенсаторно, ибо в нем мы, пусть лишь в воображении, но все же сводим счеты со своим реальным или потенциальным обидчиком, одерживаем над ним верх. Для слабого, неуверенного в себе, но самолюбивого человека данный тип квазиобщения — верный способ хотя бы в фантазии поставить злейшего врага на колени. Относясь со снисходительным пониманием к подобному квазиобщению как к иллюзорной форме самоутверждения, нельзя не учитывать, что при известных условиях оно может служить и определенным тренингом для последующих решительных поступков во внешней коммуникации. Ибо для невротической, например, личности даже незначительные изменения во внешнем поведении требуют колоссальной по сравнению со здоровым человеком внутренней работы¹⁶¹. Эта внутренняя работа создает своеобразный предохранительный клапан.

По мнению У.Мастерса и В.Джонсон, сексуальные фантазии занимают

важное место в жизни людей обоего пола и любого возраста¹⁶². Они считают, что «большинство сексуальных фантазий — это творческие опыты или эксперименты, помогающие бороться с одиночеством и скукой»¹⁶³. При этом большинство вовсе не стремится реально осуществить свои фантазии. Более того, если бы они осуществились, многим это было бы неприятно. Сексуальные фантазии самоценны и существуют параллельно действительным отношениям, если таковые имеются. «Сексуальные фантазии, — считают У.А.Мастерс и В.Джонсон, — создают благоприятную и вполне безопасную атмосферу для свободного полета нашего воображения и полноты сексуальных ощущений <...> Очень часто фантазии позволяют создать и усилить сексуальное возбуждение, а поскольку они, как правило, сопутствуют мастурбации, то к ним прибегают для совершения акта без партнера. Фантазии часто встречаются и во время половых актов»¹⁶⁴. При этом возможна воображаемая замена действительного партнера другим. Одной из разновидностей фантазий данного типа У.Мастерс и В.Джонсон считают секс со знаменитостью¹⁶⁵.

Однако, положительно оценивая сексуальные фантазии, указанные авторы считают, что «существуют по меньшей мере две ситуации, когда излюбленные фантазии могут принести вред. Постоянное фантазирование на одну и ту же тему может в конечном итоге привести некоторых людей к тому, что это превратится в необходимый элемент его сексуального возбуждения. В результате исчезает сексуальная реакция на партнера, поскольку теперь возбуждение целиком зависит от фантазии. Нечасто, но бывает, что сексуальная фантазия становится настолько навязчивой, что мешает нормальной жизни человека»¹⁶⁶.

Сексуальное фантазирование вредно отражается на процессе самореализации личности в том случае, когда влечет к *поведенческой пассивности*. Так, в сексуальном общении «мужчина может вообразить какую угодно партнершу, скажем, Мэрилин Монро или Ирину Хакамаду. В реальной же жизни большинство мужчин видят вокруг себя, мягко говоря, менее привлекательных особ, расположения которых к тому же еще надо добиться. Нетрудно понять: мастурбация — это отказ от активного поиска духовно и/или эмоционально близкой женщины и подмена ее стереотипизированным суррогатом; фантазируемые отношения лишены интимности»¹⁶⁷.

В. Что делает привлекательным *компенсаторное квазиобщение* с образом реального человека, *непосредственные контакты* с которым в принципе возможны хотя бы в силу реальности его существования, но труднодоступны именно для нас по причине, например, значительной социальной дистанции, нас разделяющей? Не последнюю роль в выборе такого средства компенсаторного взаимодействия играет то, что, имея, например, о своем «идоле» (спортивном, театральном, политическом и т.д.) косвенные сведения из средств массовой коммуникации, мы можем наделять его такими коммуникативными и про-

сто человеческими чертами, в которых нуждаемся в первую очередь. Позиции (А) и (Б) не дают такой свободы интерпретации желаемого образа партнера по общению. Прообразом данной связи, осуществляющейся во внешней коммуникации, является в какой-то мере доверительная беседа с мало-знакомым человеком, когда неожиданно происходит предельное самораскрытие, а общение приобретает ярко выраженные исповедальные черты.

Образцы такого общения необычайно широко представлены в художественной литературе. Так, ситуацию совместного путешествия незнакомых прежде людей, сопровождающегося неременной беседой, перерастающей в страстную исповедь, можно считать архетипической. Позднышев из толстовской «Крейцеровой сонаты», Иван Северьянович Флягин из «Очарованного странника» Н.С.Лескова, герой рассказа Стефанга Цвейга «Амок» и многие другие персонажи выплескивают на своего попутчика или попутчиков страстную исповедь. Трудно заподозрить рассказчика в неискренности, в желании произвести благоприятное впечатление. Однако всякая исповедь содержит даже в жесточайшем самозабвении также и самооправдание, отчаянную попытку в самом акте исповеди сохранить связь с людьми, быть ими понятым, предстать не монстром, а страдающим человеком, оказавшимся жертвой трагических обстоятельств. Цинично, утрировано, но не без объективного основания судит о невольном двуличии человека в исповеди герой купринского рассказа «С улицы»: «И ведь как человек бывает подл, послушайте. Сам плачу, трясусь весь, рассказываю красивой, образованной даме самые грязные ужасы — уж, кажется, всю душу вывернул наизнанку! А ведь нет, — себя-то я все-таки в привлекательном виде выставил; что, мол, никем я не понятая, этакая возвышенная хреновина, вроде, что ли, Евгения Онегина; тяжелое детство, ожесточенная душа, ласки никогда не видел — чего я тут только не намотал»¹⁶⁸. Как тут не вспомнить и «двойные мысли» Ф.М.Достоевского!

Легко предположить, что исповедальность, открытость перед незнакомцем объясняется известной анонимностью контакта, уверенностью в том, что нежелательного разглашения не произойдет. Но это или второстепенно, или вовсе отсутствует. Главное же то, что мы, с одной стороны, получаем в лице незнакомца как бы «полуфабрикат» партнера по общению, который можем достраивать по своему произволу в соответствии с собственными потребностям, с другой — возникает возможность как бы отсечь нежелательные черты сложившегося собственного образа, отчасти навязанные нам стабильным окружением. Нечто подобное происходит и в компенсаторном квазиобщении. Правда, степень уверенности в невозможности разглашения здесь абсолютна. Наиболее частой формой подобного квазиобщения являются сновидения, что не исключает, конечно, грез наяву.

В рассматриваемом квазипартнере привлекает многое, но главное — это его авторитетность, обусловленная высоким статусом, и следовательно, значимость его воображаемых внимания и одобрения. Возможность

хоть как-то соотносить себя с таким человеком возвышает субъекта в собственных глазах. Ибо известно, что любовь, даже неразделенная и тайная, уравнивает. Любящий сам невольно сокращает дистанцию, разделяющую его с предметом любви. Любовь уже самим фактом своего существования как бы дает на это право. Часто окружающие не отвечают тем критериям, что предъявляются им приверженцем квазиобщения. Это делает в его глазах общение с ними за пределами необходимого малоценным и может служить источником высокомерия к своему исконному и часто вполне заслуженному кругу. Подобными примерами перенасыщена рубрика «Пишу кумиру» в газете «Комсомольская правда». Признаваясь в неземной любви к своему идолу, многие фанаты (чаще всего девушки) с патрицианской гордостью констатируют, что они были вынуждены прервать всякие отношения со своими прежними поклонниками лишь потому, что они совершенно не похожи на их музыкального кумира, и вообще с любым молодым человеком им теперь невыносимо скучно. Обеспокоенные прогрессирующим аутизмом фанатов, в газету шлют тревожные письма их близкие. Так, например, О.Леорова из г.Братска озабочена тем, что ее сестра «жить не может без гр. «На-На». Сейчас каникулы, и она сидит целыми днями дома, а я больше не могу смотреть видеокассету с записями разных лет гр.«На-На». И когда я слышу песню «Моя малышка» или «Сирень», ухожу на улицу или выключаю телевизор, хотя после этого у нас начинаются споры и обвинения. Ленка ходит на все концерты на-найцев. Целыми днями она пишет им письма, но ответа не получает. Не вести же ее к психиатру, но я так больше не могу жить»¹⁶⁹.

Чрезмерная погруженность в среду квазиобщения способствует разобщению человека с его окружением, готовит почву для будущего одиночества в межличностном измерении и в измерении культурном. «Разве не глупая блажь с моей стороны, — риторически вопрошал М.Монтень, — чуждаться тысячи людей, с которыми меня связала судьба, без которых я не могу обойтись, и тянуться к одному-двум, пребывающим вне моего круга?»¹⁷⁰

Г. Особо интимной формой связи с квазипартнером выступает *общение с образом реального человека, непосредственные контакты с которым в принципе невозможны*¹⁷¹, с образом умершего, но чрезвычайно дорогого и близкого при жизни человека, всепонимающего, способного к предельно тонкому сопереживанию и сочувствию. Естественно, что образ этот, и без того идеализированный нами в силу особого отношения, подвергается дополнительной идеализации, наделению такими чертами и достоинствами, которыми реальный прототип едва ли когда-либо обладал.

Понятно, что обращение (мысленное) к образу умершего близкого человека или упоминание о нем отнюдь не всегда имеет непосредственное отношение к компенсаторному общению. Множественность самых различных ситуаций подобного обращения легко опровергает такое предпо-

ложение. Образ близкого человека для нас прежде всего самоценен, и в нашем мысленном обращении к нему мы словно продолжаем внешний, реальный диалог, берущий начало в глубинах времени и не могущий в принципе быть завершенным, а лишь прерванным одновременно с нашей собственной жизнью.

Живущих часто тревожит чувство вины перед ушедшими, осознание неисполненного перед ними долга, острое сожаление, что мы так и не успели в суете повседневности в полной мере выразить им наши любовь и признательность. Переживание чувства вины перед умершими, память о них, обращение к их образу — совершенно естественный нравственный аспект внутренней жизни всякого нормального человека. Особенно остро переживание чувства вины, когда трагическое событие еще свежо в памяти. «Человек, которого постигла утрата, — отмечает Э.Линдемманн, — пытается отыскать в событиях, предшествовавших смерти, доказательства того, что он не сделал для умершего всего, что мог. Он обвиняет себя в невнимательности и преувеличивает значение своих малейших оплошностей»¹⁷². Состояние крайней зависимости от умершего (особенно на первых порах) укоренено, по-видимому, не только в особенностях нравственного сознания современного человека, но и подпитывается архетипическими наслонениями, возникающими на основе обширной области анимистических верований¹⁷³. Измененное состояние сознания в результате острого переживания утраты, которая всегда в чем-то иррациональна и необъяснима, растормаживает, наверное, реликтовые слои человеческой психики, открывая доступ к древнейшим слоям первобытной культуры, в ней запечатленным. Но сложные и неоднозначные отношения с умершими, занимавшие всеобъемлющее положение в жизни первобытного человека и разлитые практически по всей области его культуры, здесь как бы фокусируются лишь на отдельных ее полюсах, в том числе на компенсаторно-коммуникативном, замещаая неудовлетворительные моменты в общении с живыми, часто возникающие одновременно с переживаниями боли утраты. Если у первобытного человека мертвые (вернее, их «тени») активно участвовали в жизни живых в разнообразном спектре отношений с ними, от злобы и мстительности до помощи и заботы, то и сегодня образы умерших близких легко включаются во взаимоотношения живых в качестве своего рода экспертов и непрерываемых авторитетов. «Это он одобрил бы», — апеллируют к покойному. Или напротив: «Имярек так никогда бы не поступил».

Как и в позиции (А) ценность отдельных представителей постоянного общества, а то и просто знакомых может возрастать в зависимости от того, какие отношения связывали их с умершим, олицетворяют ли они живую память о нем. Но на ранних этапах острого горя, когда рана еще слишком свежа, часто наблюдается обратное, а именно: «...утрата теплоты в отношениях с другими людьми, тенденция разговаривать с ними с раздражением и злостью, желание, чтобы ...вообще не беспокоили, причем все это

сохраняется, несмотря на усиленные старания друзей и родных поддерживать... дружеские отношения»¹⁷⁴. Иногда оставшиеся в живых ровесники и тем более люди старшего возраста вызывают негативную реакцию, как «несправедливо пережившие» близкого, как люди, на которых переносится часть вины за его кончину. Если сказанное выше проявляется в выраженной форме достаточно редко, то исследователи настаивают на таких общих коммуникативных следствиях острого горя, как увеличение эмоциональной дистанции, отделяющей человека от других людей, утрата ряда элементарных навыков общения: прием друзей, умение поддержать беседу, участие в совместных предприятиях¹⁷⁵. В этом же пункте уже намечается поворот к компенсаторному квазиобщению с образом умершего. Оно происходит, как правило, на фоне неудовлетворительного реального общения, часто возникающего по невольной вине самого субъекта, реализуя самые что ни на есть тонкие индивидуальные эмоциональные составляющие потребности в общении. Частое мысленное обращение к образу, пережившему двойную, как уже отмечалось, идеализацию, значительно снижает в дальнейшем эффективность эмоционального насыщения на основе реальных контактов. Ведь квазиобщение задает недоступимую обычными средствами общения парадигму отношений. Вектор психической активности, устремленный в прошлое, затрудняет адекватную оценку, мешает установлению глубоких эмоциональных связей, преодолению границ между той, прежней, другой жизнью и жизнью нынешней. Нередко мешает и страх, отчасти бессознательный; неизбежности новых утрат, ибо каждая новая привязанность чревата и новыми огорчениями.

Мы далеки от того, чтобы возводить в принцип рассуждения лицемерного шекспировского Клавдия: «И с мудрой скорбью помня об умершем мы помышляем так же о себе»¹⁷⁶. Однако гипертрофированно-частое обращение к образу умершего как к компенсаторному квазисубъекту не разрешает проблемы одиночества, а только усугубляет ее. Так, нестерпимая боль от утраты любимого человека и образовавшаяся в результате пустота навсегда сделали добровольным отшельником помещика Хвоцинского из рассказа И. Бунина «Грамматика любви». Хвоцинский, судя по воспоминаниям соседей-помещиков, прежде слыл в уезде за редкого умницу и, думается, был общительным и обаятельным человеком. Но на него свалились вначале негаданная любовь к своей горничной Лушке, а затем неожиданная ее смерть, после которой он «обогастил ее, всю жизнь посвятил сумасшедшим мечтам о ней»¹⁷⁷. В результате «все пошло прахом: он затворился в доме, в той комнате, где жила и умерла Лушка, и больше двадцати лет просидел на ее кровати — не только никуда не выезжая, а даже у себя в усадьбе не показывался никому, насквозь просидел матрац на Лушкиной кровати и Лушкиному влиянию приписывал буквально все, что совершалось в мире: гроза заходит — это Лушка насылает грозу, объявлена война — значит, так Лушка решила, неурожай случился — не угодили мужики Лушке...»¹⁷⁸.

Момент реальной сверхкомпенсации в квазиобщении подобного рода просматривается тогда, когда, осмыслив опыт потерь, начинают понимать, «как надо любить, и жалеть, и прощать, и прощаться», и все это распространяют на живущих. Это не наносит ущерба памяти об умерших, а лишь делает ее более продуктивной, действенной. Тогда квазиобщение не отгораживает от реального общения, не просто дополняет его, а еще больше сближает с окружающими.

Противоположный нравственный смысл приобретает компенсаторное квазиобщение с образами умерших, когда мысленные отношения с ними являются продолжением реальных отношений состязательности, соперничества. В этих отношениях проявляется как бы догоняющее компенсаторное самоутверждение, запоздалый, но посильный реванш за испытанные прежде поражения, как видимые, реальные, так и незримые, происходящие в результате невольного сравнения достоинств явно превосходящего, удачливого любимца Фортуны с собственными, куда как более скромными. Простейший, пассивный вариант такого самоутверждения состоит в том, чтобы «пережить» соперника. Уже сам факт «переживания» возвышает над ним и дает власть. Многочисленные пассажи на этот счет мы находим у Элиаса Канетти в его книге «Масса и власть». Автор утверждает, что «миг, когда ты *пережил других*, это миг власти», что «переживание» «дает чувство избранности» и т.д.¹⁷⁹

Нетрудно подыскать и аутентичную художественную модель такого варианта самоутверждения. Так, Юрий Трифонов в рассказе «Победитель» повествует о спортсмене, который более полувека тому назад последним пришел к финишу на Олимпийских играх. Между тем сегодняшний старец давно уже не чувствует себя уязвленным прежним поражением. Все его соперники умерли, и он вчистую выиграл их в «марафоне жизни». Стало быть, уступив первенство на спортивной дистанции, он один настоящий победитель в самом главном «забеге».

Пассивное «переживание» не дает, конечно, такой полноты компенсации, такой силы самоутверждения, как возможность осуществлять посильные манипуляции с образом умершего соперника в сознании других людей, экспроприировать у него какие-либо дорогие ему некогда вещи, знаки отличия, вторгнуться в систему человеческих связей, где тот прежде занимал центральное, главенствующее положение. Это не только запоздалый реванш, а и навязчивое стремление как бы задним число переделать прошлое в духе оруэлловского Министерства правды, хотя и в локальном личностном масштабе. Такое деятельное самоутверждение «на костях» покойного соперника содержит в себе нечто людоедское.

Как тут снова не вспомнить шекспировского Клавдия. Показательно, что он не просто вероломно узурпирует власть в королевстве, но и обольщает стареющую королеву. Это двойное обладание дает ему иллюзию победы, самоутверждения над братом, рядом с которым, по меткому выражению

Гамлета, он всегда был «как колос, зараженный спорыньей, в соседстве с чистым»¹⁸⁰. По-видимому, встречающиеся в истории факты глумления над умершими политическими и идейными противниками, искажение их действительного нравственного и просто человеческого облика объясним не только текущими идеологическими и другими чисто прагматическими причинами, но содержит в себе и коммуникативно-компенсаторные моменты в форме самоутверждения посредством квазиобщения с ними. И чем более крупной исторической фигурой является умолкнувший оппонент, тем привлекательнее самоутверждение за его счет для «пигмеев-некрофагов». Все это, конечно, имеет мало отношения к преодолению одиночества в межличностном измерении и, скорее, направлено на компенсацию одиночества *социального* с присущими ему маргинальностью, избыточностью социального статуса, чувством незначительности, удаленности от процесса принятия важных решений. Лишь общность избираемых *средств* для компенсаторной коммуникации позволяет рассматривать данный аспект изучаемого феномена в этой части работы.

Компенсаторное преодоление одиночества в межличностном измерении возможно не только в результате обращения к квазисубъекту, в основе которого лежит прообраз некогда близкого человека, ныне покойного, но и того, с кем мы никогда и не могли быть знакомы. Таковы, например, образы выдающихся людей прошлого. Степень интимности такого квазиобщения задается индивидуальной силой воображения субъекта, типологическими особенностями его характера, склонностью к погружению во внутренний мир при пренебрежении реальным и действительным. Таковы мечтатели, которые «погружаются в свои мечты и в мечтах словно *компенсируют* себя за испытываемые ими неприятности в реальной жизни»¹⁸¹ (курсив мой. — В.Г.). В процессе квазиобщения они склонны идентифицировать себя с любимыми героями либо с их окружением, что создает возможность для иллюзорного самоутверждения.

Если реликтовым прообразом компенсаторного квазиобщения с умершим выступает характерное для анимистических представлений общение с душами (теньями) реальных людей, то прямым продолжением этих воззрений будет богообщение, включающее в себя и компенсаторно-коммуникативные компоненты.

Д. Мифологический или художественный образы, созданные чужой фантазией, изначально не предназначены для целей компенсаторной гармонизации коммуникативного мира личности, но при определенных условиях могут использоваться и в этом качестве. Наиболее широкие возможности для такого использования мифологических, например, персонажей открываются там, где отношение к ним исторически складывается как предельно личное, субъектное.

Парадигмой такого отношения выступает богообщение в христианстве. На тесную, интимную связь верующего с Богом христианства, с Богом,

сделавшимся человеком из любви к людям, указывал Серен Кьеркегор: «Никогда ни одна человеческая доктрина не сближала действительно Бога и человека так, как это сделало христианство...»¹⁸². И в другом месте: «Урок, который оно (христианство. — В.Г.) преподает, состоит в том, что этот индивид, как и всякий индивид, как любой другой — будь то муж, жена, служанка, министр, купец, цирюльник, ученая крыса и так далее, — что этот индивид существует *перед Богом*, — этот индивид, который, возможно, всю жизнь гордился бы, что один раз поговорил с королем, — этот самый человек, который должен был бы уже быть кем-то, чтобы дружески общаться с тем или этим лицом, — этот человек существует перед Богом, может говорить с Богом, когда этого пожелает, будучи всегда уверенным, что его услышат, и именно ему предлагают жить в тесном общении с Богом! Более того: именно для этого человека, и для него тоже, Бог пришел в мир, позволил себе воплотиться, страдал и умер; и именно Бог страдания просит его и почти умоляет, чтобы он соизволил принять эту помощь, которая ему предложена!»¹⁸³. Возможно ли вообразить более тесные узы, чем те, о которых говорится в этом страстном монологе? Неудивительно поэтому, что именно к Богу обращается человек как к «ближайшему, самому доверенному существу»¹⁸⁴, обладающему сверхъестественными способностями к сопереживанию; у него ищет убежища от одиночества в межличностном измерении, которое лишает его тесных индивидуализированных связей, доверительности в общении, исповедальности, находящей сочувственный отклик.

То, что в религии содержится возможность иллюзорной компенсации бедности повседневной жизни, в том числе бедности коммуникативного мира, не ускользнуло от внимания такого обстоятельного исследователя и критика христианства, как Людвиг Фейербах. «Чем *бессодержательнее* жизнь, — писал он, — тем *полнее*, тем *конкретнее* бог. Бог преисполняется по мере того, как опустошается действительный мир. Только *бедный* человек имеет *богатого* бога. Бог возникает из *чувства недостатка*: бог есть то, чего определено, то есть сознательно или бессознательно недостает человеку. Так, безотрадное чувство пустоты и одиночества нуждается в боге, который для него есть *общество*, союз искренне любящих друг друга существ»¹⁸⁵. Но бескомпромиссная критика религии упускает из вида, что в богообщении заключена возможность *реальной сверхкомпенсации* посредством нравственного самоочищения в искреннем раскаянии перед лицом Всевышнего и формирование готовности изменить смысл взаимоотношений с окружающими, приложить усилия к преодолению социальных, психологических и прочих барьеров во взаимодействии с ними, преодолевая тем самым собственное одиночество в мире и одиночество ближнего. И здесь неважно, что диалог в сущности разворачивается как внутренний, как обращение к голосу собственной совести¹⁸⁶. В демистифицированной форме он едва ли обладал бы такой силой воздействия, как это проис-

ходит в форме сакральной. Правда, личностный характер христианского Бога, компенсаторное квазиобщение с ним не исключают и узкоэгоистического, мелочного характера этого взаимодействия, на что справедливо указывал Карл Ясперс¹⁸⁷. Дело заключается, следовательно, не в исходной ущербности или преимуществах самого способа подобного квазиобщения, а в исходных нравственных позициях самой личности, степени ее готовности преодолеть узкие горизонты самодостаточности и самооправдывания. Действительная уязвимость компенсаторного квазиобщения с Богом как средства саморазвития, сверхкомпенсации личности состоит в другом.

Известно, что общение предполагает *равноправную, равноактивную* связь между субъектами. В богообщении это равноправие изначально нарушено несовместимостью человеческой личностной позиции и позиции абсолютного субъекта. «...Общение с трансценденцией (или посредством ее), — отмечает Л.А.Ситниченко, — в принципе необратимо и предполагает только послушание божественному слову, а не ответ и противоречие ему»¹⁸⁸. Это делает богообщение внутренне ущербным, принижающим как самого человека, так и значимость его мирских контактов с другими людьми. «Кажется, — говорил Кьеркегор, — следует с большой осторожностью входить в общение с другими, а в существенную беседу вступать лишь с Богом да с самим собой»¹⁸⁹. Ослабление межличностных связей не способствует реальной компенсации одиночества, взятого в межличностном измерении.

Подчинение, приниженное положение по отношению к могущественному, всесильному партнеру сопровождается притязаниями на исключительность по отношению к неверующим и инакововерующим. На это указывали многие, но наиболее четко статусную сторону причастности к Богу выразил Л.Фейербах: «Вера сообщает человеку особое чувство *тщеславия* и *эгоизма*. Верующий выделяет себя среди других людей, ставит себя выше *обыкновенного человека*; он мнит себя *лицом привилегированным*, пользующимся особыми правами; верующие — аристократы, а неверующие — плебеи»¹⁹⁰.

Сказанное наводит на мысль о том, что богообщение играет важную роль в *самоутверждении* личности и, следовательно, в компенсации одиночества в социальном измерении, так как дает человеку возможность переживания его социальной ценности, его значительности, но это происходит, во-первых, в результате подмены «всеобщего, естественного единства единством обособленным» (Л.Фейербах). Во-вторых, здесь проявляется, по-видимому, еще одна отличительная особенность иллюзорно-компенсаторного общения: преодолевая одиночество в одном измерении (в данном случае в социальном), мы одновременно расширяем сферу одиночества в другом (соответственно в межличностном, через ограничение круга значимого для нас общения размерами религиозной группы). Обретению коммуникативной гармонии в одном отношении сопутствует ее утрата в другом. Компенсация оказывается неполной.

Сказанное неприменимо к каждому верующему. Прежде всего — не каждый верующий имеет коммунологические проблемы. Не каждый, обращаясь к Богу, обязательно снижает интенсивность межличностного общения в мирской жизни. Степень обособленности религиозной группы определяется не только законом формирования социально-психологической оппозиции «они» и «мы», но и внешними социальными условиями, усиливающими или ослабляющими ее, скажем, положением верующих в конкретной социальной системе. Самоутверждение возможно не только на основе гордости от интимной сопричастности к Богу, но и на прямо противоположных основаниях (богоборчество, атеизм). Нет такого источника, из которого не мог бы ударить фонтан человеческой гордыни. Можно равно щеголять и изысканной одеждой, и лохмотьями, и красотой, и уродством, хвастаться отменным здоровьем и гордиться редким недугом. Было бы тщеславное желание отличаться от других, и выраженное отличие всегда найдется.

Между тем известны тоталитарные секты, жестко ограничивающие контакты своих членов с внешним миром («все нечистое от мира») и «внешними» людьми, внушающие фобию на выход из секты, внушающие гиперсамооценку («Поместная церковь» Уитнесса Ли). Так, например, посвящение в члены Богородичного центра включает в себя отвратительный обряд отречения от собственной матери¹⁹¹.

Справедливо, однако, что напряженная внутренняя жизнь, замыкающаяся на самодостаточности личности, в какой бы форме она ни осуществлялась, каких бы духовных высот ни достигала, имеет ограниченную социальную ценность до тех пор, «пока она не найдет пути обнаружить себя во внешних коммуникациях»¹⁹².

Если обращение с мифологическим персонажем (с Богом) требует от личности в качестве предварительного внутреннего условия религиозной веры в реальность его существования, то общение с *художественным образом* не требует этого. Оно лишено многих условностей и равно приемлемо и для верующего, и для атеиста. Мы можем вполне отдавать себе отчет в том, что образ этот — результат творческой фантазии художника, к тому же воспроизводимый нашим воображением с неизбежными при этом «потерями» и «добавками», и лишь в момент наибольшего увлечения процессом квазиобщения мы как бы отвлекаемся от этого, временно забываем свое знание.

Общение с персонажами художественных произведений не перекрывает всего диапазона общения человека с искусством, а составляет лишь один из фрагментов художественной коммуникации, но в определенные моменты в нем фокусируется для читателя, зрителя, слушателя главный смысл взаимодействия с искусством.

Наиболее аутентична реальному межличностному общению модель тесных индивидуализированных связей, формирующаяся при чтении художественной литературы между читателем и художественными образа-

ми, занимающими его внимание¹⁹³. На это время они предпочтительнее всех других возможных собеседников, не только посторонних, но даже близких людей. Интимность читательского отношения требует максимально возможного уединения, обособления от окружающих, предельного погружения в общение с любимыми героями, чего нет во многих других квазиконтактах, предполагающих именно коллективное восприятие зрелища и сопереживание на основе известных социально-психологических механизмов. Квазимежличностное общение, происходящее в процессе чтения, и обеспечивает поэтому максимальную возможность компенсации одиночества в межличностном измерении, а не просто замещает реализацию одних коммуникативных потребностей удовлетворением других коммуникативных же, но иного плана.

Каковы основания для отнесения такого общения к аутокоммуникации? Может быть, они исчерпываются тем, что диалог с художественным персонажем разворачивается как внутренний? Думается, это не так. Посредством диалога с героями художественных произведений читатель вступает в межличностное, исповедальное общение со стоящим за ними автором, и наконец, с его помощью происходит «...встреча читателя с самим собой, взятым на такой глубине, на которой он сам, быть может, не всегда и встречался с собою...»¹⁹⁴.

Таинством наделения читателя подобной силой прозрения обладает далеко не любая литература и даже не каждый из высочайших ее образцов. Применительно к философской литературе лишь те авторы, что глубоко осознают реальность духовной жизни, «конкретного» Я, способны сделать то, что, по мнению Фердинанда Эбнера, удавалось, например, Серену Киркегору. «Он, — считал Ф.Эбнер, — может непосредственно превратить читателя в «конкретное» Ты, это значит здесь — заставить конкретное Я в читателе очнуться, прийти в чувство. Киркегор может заставить читателя понять самого себя, в то время как философы, если все идет хорошо, помогают всегда только в объективном понимании их мыслей и трудов. Тот, кто понял критику чистого разума, возможно даже так хорошо, что он может упражняться в ее критике, что ж, тот ее именно понял и, кроме этого, сказать более нечего. Тот же, кто действительно понял какое-либо из сочинений Киркегора, например, книгу о болезни к смерти или о понятии страха, тот понимает себя лучше, чем прежде — или он ее как раз не понял»¹⁹⁵ (разрядка моя. — В.Г.).

Более того, читатель не только начинает лучше понимать себя, чем прежде, но благодаря переходу на новую ступень в самопознании становится несколько иным. Об этом свидетельствуют результаты самоанализа некоторых из «заядлых» любителей серьезной литературы. «...Вполне конкретные произведения — «Долгое прощание» Юрия Трифонова и книга В.Шкловского о Льве Николаевиче Толстом, — пишет читатель Г. Андрианов, — помогли мне раскрепоститься душевно, распрощаться с тем, что

тяготило долгие годы. На подробностях останавливаться не хотелось бы, поэтому скажу коротко: я стал проще с людьми (и с учениками в том числе), стал ближе семье»¹⁹⁶.

Для особо одаренных читателей, остро чувствующих разлад с окружающим их миром, *сверхкомпенсация* посредством квазиобщения с любимыми героями становится мощным импульсом к формированию своего внутреннего мира, который в дальнейшем с небывалой силой прорывается в мир реальный непосредственно их творениями. Непостижимым образом сочетая в себе неизбежное внутреннее одиночество первопроходца¹⁹⁷ и внешнюю активность деятеля, они находятся в интенсивнейшем общении на социальном и культурном уровнях, преобразуя внутренний мир многих и многих. Сказанное, если судить по его философской автобиографии, можно отнести к Н.А.Бердяеву. «С детства, — вспоминает Н.А.Бердяев, — я жил в мире, не похожем на окружающий, и я лишь притворялся, что участвую в жизни этого окружающего мира. Я защищался от мира, охранял свою свободу <...> С детства я много читал романов и драм, меньше стихов, и это лишь укрепило мое чувство пребывания в своем особом мире. *Герои великих литературных произведений казались мне более реальными, чем окружающие люди.* В детстве у меня была кукла, изображавшая офицера. Я наделил эту куклу качествами, которые мне нравились. Это мифотворческий процесс. Я очень рано в детстве читал «Войну и мир», и незаметно кукла, которая называлась Андрей, перешла в князя Андрея Болконского. Получилась *биография существа, которое представлялось мне очень реальным, во всяком случае более реальным, чем мои товарищи по корпусу.* Жизнь в своем особом мире не была исключительно жизнью в воображении и фантазии. Прежде всего, я убежден в том, что воображение есть один из путей прорыва из этого мира в мир иной»¹⁹⁸ (курсив мой. — В.Г.). То, что напряженная внутренняя, в том числе «книжная», жизнь Н.А.Бердяева не оказалась для него, не осталась наиглавнейшей, свидетельствует не только его активная общественно-политическая и научная деятельность, но и ряд характерных для него высказываний. Так, например, он был убежден в том, что «эгоцентризм разрушает личность, он есть величайшее препятствие на путях реализации личности. Не быть поглощенным собой, быть обращенным к «ты» и к «мы» есть основное условие существования личности»¹⁹⁹.

Между тем обращение к литературе самого того, что ни на есть глубокого содержания, погружение в мир любимых героев и мудрых мыслей может оказаться изысканной формой эскапизма. Таков профессор-китаист Питер Кин из романа Элиаса Канетти «Ослепление». Он убежден, что «ни один человек не стоит того, что стоят его книги»²⁰⁰. Минимизируя по возможности любые контакты с людьми, Кин рассуждал так: «К истине приближаешься, отъединяясь от людей»²⁰¹. Даже на прогулку он отправлялся в те районы, где находились книжные магазины, «чтобы подышать воздухом

незнакомых книг, они вызывали у него желание возразить, они немного освежали его»²⁰². Напротив, «обыденность была поверхностным хаосом всяческой лжи. Сколько прохожих, столько лжецов. Поэтому он вовсе не смотрел на них...»²⁰³. Единственной формой значимого для него общения были беседы с любимыми авторами окружающей его огромной библиотеки. «...Он оживлял свою библиотеку изысканными друзьями. Чаще всего он склонялся к древним китайцам. Он приказывал им выйти из тома и сойти со стены, где было их место, подзывал их, усаживал, приветствовал их, угрожал им, как когда, вкладывал им в уста их собственные слова и отстаивал свое мнение, пока они не умолкали»²⁰⁴. Таким образом, не желая и не умея вести диалог с реальными людьми, он придает уродливые очертания и квазидialogу с единственным своим богатством — книгами. Из «верных друзей» они превращаются в безгласных и безответных «подданных». Его взаимодействие с ними монологично, ибо полнота и глубина общения в любой его модальности требует разносторонних умений. Многолетняя самоизоляция делает Кина наивным и незащищенным от ничтожнейших из людей, которые легко входят в доверие к нему. В результате гибнет редчайшая библиотека, гибнет и ее хозяин.

Квазиобщение — это не только коммунологические открытия, но и «утоление» коммуникативной жажды. В этом корень проблемы. Чем резче несовпадение идеала и действительности, тем вероятнее пренебрежение последней и использование первой как средства иллюзорной компенсации и сверхкомпенсации. Применительно к зрелищным видам искусства замечено, что переживание катарсиса в условиях художественного восприятия часто делает «необязательным» переживание сходных чувств в реальной жизни. В театральном пространстве моделируется определенная «переживательная» ситуация. Зритель проходит ее всю, от зарождения до развязки, сопровождаемой его собственной эмоциональной разрядкой. И вот переживать уже собственно нечего, даже если некоторое «послевкусие» остается. Жизнь определенных эмоций может быть прочно привязана к театральному пространству без нахождения аналогов в действительности, без умения и желания их находить. Дело тут, конечно, не в искусстве, а скорее, в самом человеке. Он чертовски интересно устроен. Легко предпочитает суррогаты, пусть самого высокого качества, различные фантомы — настоящему, подлинному; отражение — отображаемому. Человек часто просто панически боится этого настоящего, бежит от него. Возможно, это своего рода комплекс. Он страшится настоящего, особенно в межличностных отношениях, потому что в глубине его души живет неуверенность: достоин ли он вообще чего-то подлинного, настоящего, соответствует ли ему, хватит ли у него сил на обладание им, защиту от чужих посягательств, его удержание и т.д. К этому, вероятно, присоединяется страх ответственности.

Пренебрежение подлинным проявляется не только во внешней деятельности и общении, но и в художественных вкусах, а также в выборе квази-

партнеров для внутреннего диалога. Ошибочно, думается, объяснять это явление лишь недостатком общей культуры, недоразвитостью и т.д. Массовая культура не питает процессов реальной сверхкомпенсации, в лучшем случае она создает условия для компенсации прямой, а нередко способствует и декомпенсации коммуникативной сферы личности.

Коммерциализация книжного дела наводнила книжный рынок печатной продукцией не самого высокого качества. Хотя в последние годы публикуется также немало весьма ценной литературы: художественной, исторической, философской и т.д., закрытой прежде для читателя. В своей массе он едва ли способен переварить такое обилие непривычной и сложной информации. Да и потребность в этом у него не сформирована. Поэтому наибольшее распространение получают ориентированные на доминирующие читательские вкусы книги: эротика, детективы, приключения и фантастика.

Литература эта рассчитана в основном на подростка, но охотно потребляется и лицами вполне зрелого возраста. Это печальное явление, когда человек на долгие годы застревает на уровне мальчуковых потребностей, сигнализирует о том, что для данных индивидуумов чтение выступает как средство компенсации. Безусловно, и серьезная литература, создаваемая выдающимися мастерами, может использоваться функционально и частично для компенсации в каком-либо отношении. И «Гамлет» может быть прочтен с точки зрения произведения, относящегося к детективному жанру. Прыщавый юнец, возможно, читает Золя и Мопассана «по диагонали», акцентируя внимание лишь на эротических подробностях. Но и в этом случае непроизвольно происходит приобщение к серьезному пласту культуры. Да и одухотворенность, возвышенность эротики в классике, не унижающая духовного начала в человеке, несоизмерима с примитивизмом и трафаретностью эротических описаний в литературе «из подземного перехода». Пушкинское «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...», обнаженно сопоставляющее различия в переживаниях от любовного сближения с женщинами противоположных темпераментов, сладострастнее и одновременно целомудреннее всех сегодняшних эротических опусов, вместе взятых.

Теперь, когда эротический заряд в чистом виде сконцентрирован в специальных изданиях, часто напоминающих по способу изложения популярные пособия по гантельной гимнастике, подросток вполне благополучно обойдет вниманием и Золя и Мопассана и, возможно, обойдется без них и в своей дальнейшей взрослой жизни. Зачем Золя, если есть Эммануэль? Весь этот поток литературы, обрушившийся на молодого читателя, предлагает свои образцы для социальной идентификации, свой стиль общения, не имеющие ничего общего с гуманистическими человеческими идеалами.

Но из всех искусств для нас по-прежнему важнейшим является кино. Имеющиеся в нем компенсаторные тенденции уже давно подмечены исследователями. Сегодня они многократно усилены теми возможностями, которые предоставляет видеотехника. Думается, что будет оправданным

привести здесь обширную цитату из одного исследования на этот счет. «Находящемуся в кинозале зрителю, — пишет Ю.С.Бабахан, — не нужно проявлять серьезных интеллектуальных и эмоциональных усилий, связанных с самой организацией общения: ему не приходится «поддерживать беседу», «ставить проблемы» и по ходу дела так или иначе решать их; единственное, что в этом отношении остается на долю зрителя, так это принимать уже незаметно принятое за него режиссером решение, при этом зритель делает это весьма эмоционально, активно преодолевая препятствия, подстроенные ему режиссером, ведя внутренний диалог со своими экранными оппонентами. Следовательно, кино создало у зрителя социогенную потребность в идеальном собеседнике-оппоненте, а через него и в широком эмоциональном общении именно с теми людьми и именно в тех условиях, которые недоступны в реальной жизни.

Поэтому, как показывает ведущая во многих странах статистика, кино-театры (особенно когда в них демонстрируется коммерческая кинопродукция) посещаются больше всего теми людьми, которые в силу своих жизненных условий не встречаются с «интересными» людьми в «интересных» обстоятельствах. В этом смысле кино действует по принципу дополнения: оно дополняет реальную жизнь жизнью экранной, и именно в этой второй экранной жизни у людей, посещающих кинотеатры, возникает социогенная потребность»²⁰⁵.

Автор приведенного рассуждения удачно, на наш взгляд, применяет принцип дополнительности к анализу той роли, которую действительно может выполнять и часто выполняет кинематограф, компенсируя бедность эмоциональной жизни личности. Хотя для абсолютизации этой функции у киноискусства нет оснований. Большое подлинное киноискусство требует от зрителя значительных «эмоциональных и интеллектуальных усилий» для равноправного партнерства в квазиобщении с персонажами, а через них и с создателями фильма, что составляет внутреннюю, наиболее важную, сторону организации общения. Простое присутствие в кинозале во время кинодействия, не вовлекающего нас в полной мере в свою атмосферу, не есть общение. Зритель лишь частично освобожден от организации общения, поскольку не является его инициатором, но коль скоро он вовлечен в диалог, то должен его поддерживать, полемизировать с точкой зрения автора, сопоставлять увиденное с собственным жизненным опытом и т.д.

Кино привлекает не только возможностью встретиться с «интересными» людьми в «интересных» обстоятельствах. Не менее заманчиво, особенно с точки зрения компенсации одиночества, взятого в межличностном измерении, оказаться в тесном общении с людьми, похожими на тебя самого, с такими, что в жизни вполне могли бы стать твоими друзьями, быть допущенными в область их интимных, глубоко личных переживаний. В таком случае встреча с понравившимся персонажем сродни переживанию чувства дружбы. Художественные достоинства произведения явно

отступают на второй план под давлением социально-психологических потребностей в компенсации одиночества в межличностном измерении. Устойчивая потребность в подобном компенсаторном квазиобщении хотя и не формируется кино, как это утверждает Ю.С.Бабахан (она возникает за пределами художественной коммуникации и вполне может найти другой объект), но во всяком случае обнаруживает в нем подходящие условия для своей реализации, а отсюда рукой подать до ее закрепления и развития. Там и тогда, где и когда квазиобщение с персонажами кинофильмов начинает подменять действительное общение, складываются условия для иллюзорной компенсации одиночества в межличностном измерении. Разомкнуть бесплодный, по крайней мере с коммунологической точки зрения, круг компенсаторной аутокоммуникации может выход во внешнюю коммуникацию, хотя бы по поводу кинопечатлений. Замечено, что кинофильмы в силу одновременности их просмотра многими создают прецедент для частных разговоров по их поводу даже между малознакомыми людьми. В гораздо меньших масштабах это происходит по поводу новинок художественной литературы. Чемпионами в указанном отношении оказываются популярные телесериалы, правда, зачастую пустейшие. Тем не менее, возникает почва для межличностных контактов, дополняющая прочие мотивы общения.

Особенно плодотворны такие организационные формы общения по поводу киноискусства, как киноклубы. Они могут способствовать преодолению одиночества в нескольких измерениях, в том числе и в межличностном, завязывая тесные индивидуализированные отношения между единомышленниками. В зависимости от направленности вектора коммуникативной активности эти контакты способны приобретать достоинство сверхкомпенсации.

Е. *Компенсаторное общение с образами, создаваемыми собственной фантазией.* Все рассмотренные ранее позиции от (А) до (Д) связаны так или иначе с деятельностью нашей фантазии. «Современная психология показывает, писал Б.П.Вышеславцев, — что жить и не фантазировать вообще нельзя...»²⁰⁶. Прекрасные фантазии сублимируют действительность, преобразуют нас и других, компенсируют неполноту общения, смягчают одиночество. Но пути сублимации и компенсации могут быть иными, в зависимости от того, какое воображение прорывается из глубин нашего подсознания. Порочное воображение не сублимирует, а *профанирует* (Б.П.Вышеславцев). «Опыт показывает нам, — учит Вышеславцев, — что существует *извращенный Эрос*, Эрос ненависти, Эрос злой радости, или «злорадства», в противоположность Эросу любви. Если Эрос любви есть «рождение в красоте», то извращенный Эрос есть умерщвление в уродливом (садизм), наслаждение в низком. Существует Эрос сублимации, и существует Эрос деградации, Эрос падения. Существует Эрос творчества, но существует и Эрос разрушения»²⁰⁷.

Прекрасные фантазии и образы всегда подлинны в том смысле, что выходят за нас и окружающих, они подлинны в ценностном отношении. «Магия воображения, — считал Б.П.Вышеславцев, — состоит в том, что человек становится тем, что он воображает <...> мир становится таким, каким мы его воображаем. Воображение никогда не остается безнаказанным и безрезультатным»²⁰⁸.

Поэтому фантазии компенсаторно-коммуникативного характера с образами, создаваемыми собственным воображением, весьма ответственное творчество. Оно может быть созидательным, но и может быть разрушительным. Благо у нас всегда остается противоядие против последнего, так как «образы воображения можно изгнать и победить только образами воображения»²⁰⁹.

3. Компенсаторное общение с субъективированным объектом (бытием, при различных его трактовках и проявлениях, космосом, природой и их фрагментами).

Представление об общении как межсубъектном взаимодействии уже само по себе выводит нас за границы понимания общения как сугубо межличностного феномена. Принимая во внимание полимодальность субъекта общения, а также континуум промежуточных форм между субъектом и объектом, мы неотвратимо приходим к признанию необходимости рассмотрения таких модальностей субъекта общения, которые существуют виртуально и выступают как бы *частичным субъектом* в общих границах субъектно-объектного отношения. Таково, например, взаимодействие человека с природой, где в отношении к ней как к объекту вплетено отношение к природе, как к субъекту. Субъектное отношение к природе, общение с ней, в архаических обществах проистекает не из потребности в компенсаторной коммуникации, а непосредственно вплетено в естественно-исторический процесс производственной деятельности человека, пронизывает весь его менталитет, знаменуя неразрывное единство общества и природы, делая внешнюю среду более понятной, обжитой, гармоничной; более податливой для человеческого воздействия.

Такое отношение к природе находило, например, предметное воплощение в первобытных тотемизме и мифологии. Сохранялось оно и в условиях раннеклассового общества. Так, «в эпоху античности, — отмечает Л.Уайт, — каждое дерево, каждый ручей, каждый водный поток, каждый холм имели своего *genius loci*, своего духа-защитника. Эти духи были доступны человеку, хотя и очень непохожи на него: кентавры, фавны, сирены, наяды — все они являли собой двойственный облик. Прежде чем срубить дерево, вырыть шахту, перекрыть речку, важно было расположить в свою пользу того духа, который владел определенной ситуацией, и позаботиться о том, чтобы и впредь не лишиться его милости»²¹⁰.

Технический прогресс, подкрепляемый в средневековье христианским антропоцентризмом, разрушил языческое отношение к природе, как к

субъекту, создавая одновременно предпосылки для формирования *космического одиночества*²¹¹, которое не перекрывалось возможностью властвовать над природой, созданной Богом во имя и для блага человека. Разрушив старые запреты на эксплуатацию природы, обусловленные субъектным ее восприятием, человек одновременно обеднил свой коммуникативный мир. Принятие коммунологического подхода к вопросу о взаимоотношении человека и природы позволяет увидеть несостоятельность аргументов тех ученых, которые критикуют позицию, занимаемую Л. Уайтом²¹². Отрицая вину христианского мироотношения в возникновении современных экологических проблем, они обычно приводят такие тексты из Священного писания, которые содержат требования бережного отношения человека к природе. Наличие таких мест в Библии не может опровергнуть того факта, что вместе с христианством на смену субъектному отношению к природе пришло отношение объектное. Как бы бережно оно ни было — это радикально иное отношение, чем субъектное. Правда, такое отношение, к счастью, никогда не было ни абсолютным, ни всеобъемлющим. Почему — к счастью? Потому, что оно было из тех счастливых заблуждений, которые ограничивали безудержную человеческую алчность и беспощадную жестокость по отношению к «братьям меньшим». Это заблуждение было спасительным и для животных, и для человека. «Благоговение перед жизнью» (А. Швейцер) расширяло сферу морального регулирования, которую людям нередко было удобно сузить даже по отношению к своим «братьям по разуму». Показательно, что, например, конкистадоры, обращая аборигенов в рабов в далекой Латинской Америке, в качестве оправдания выдвигали тезис о том, «что обитатели неведомой земли не могут происходить от Адама и Евы и, следовательно, не являются людьми и могут использоваться как рабочий скот»²¹³.

Но языческое, субъектное отношение к природе не было до конца изжито и с победой христианства. Народная версия христианства, как убедительно показал А. Я. Гуревич, в противовес ортодоксальной религии всегда включала в себя языческие элементы, отголоски прежних обрядов, тяготение к конкретно-чувственному (культ святых или их мощей), в том числе субъектное отношение к природе, которое церковь во что бы то ни стало стремилась разрушить²¹⁴. Но это было трудноосуществимо, ибо здесь пролегла область компенсации одиночества в *космическом* и *социальном* измерениях.

Относительно последнего с полной определенностью говорит А. Я. Гуревич: «Крестьянин в период раннего средневековья общался с ограниченным числом людей, проживающих вместе с ним или по соседству. Сеть социальных связей, в которую он был включен, была относительно простой и стабильной. Тем большую роль в его жизни играли его отношения с природой»²¹⁶. При этом они выступали не как отношение субъекта к объекту, а как «скорее нахождение самого себя во внешнем мире, *восприятие космоса как субъекта*»²¹⁷ (выделено мной. — В. Г.). Человек строит свои от-

ношения с природой «исходя из внутренней уверенности в интимном единстве и взаимопроникновении природы и человека, органически родственных и магически сопряженных»²¹⁸. Суть одиночества как социального феномена состоит в том, что оно продуцируется развитием человеческой культуры и в ней же преодолевается. Космическое измерение одиночества не составляет исключения. Взятое в том объеме, что предложен авторами концепции (У.А.Садлер и Т.Б.Джонсон), космическое измерение применяется для обозначения по меньшей мере трех различных форм самовосприятия:

«1) постижения себя как цельной реальности, благодаря которому человек соотносит себя с природой и космосом;

2) причастности к мистическим, таинственным аспектам жизни, предельно близким к Богу или к глубинам бытия;

3) веры человека в уникальности своей судьбы или причастности к великим историческим целям»²¹⁹.

Учитывая многообразие проявлений космического измерения, трудно рассчитывать, чтобы все они в полной мере охватывались одной какой-либо идеологией, системой взглядов или формой религии. Можно предположить, что каждое из них компенсирует какой-либо аспект космического одиночества, одновременно усиливая другой. Так, христианство, создавая барьеры для субъектного отношения к природе, активизирует компенсаторное общение с трансценденцией, абсолютизируя в этой своей ипостаси собственное понимание бытия. За его границы человек мог выходить во *вторичной компенсации*²²⁰: различные ереси, другие религиозные и этические воззрения, демонология, ведовство и др. Наибольшие компенсаторные возможности для преодоления космического одиночества заключались в религиозных направлениях, где мистическое слияние с трансценденцией сочеталось с субъектным отношением ко всей окружающей природе, то есть общение с квазисубъектом не ограничивало, а предполагало процесс постоянного субъективирования объектов природы и признание их равноправными партнерами. Такое мироотношение характерно для ряда восточных религиозных учений: даосизма, чань- (дзэн-), буддизма и др. Однако компенсаторные возможности этих религиозных учений стали доступными для европейцев лишь в последние десятилетия.

По мере того как с развитием цивилизации, с одной стороны, нарастало отчуждение человека от природы в урбанизированном пространстве его обитания, а развитие его индивидуальности — с другой, остро ставило перед ним экзистенциальные проблемы связи собственного бытия с бытием Универсума, смысловые вопросы об индивидуальном предназначении, социальной значимости и причастности к историческим целям человечества, — все мучительнее охватывало человека космическое одиночество. Ибо в его предметной деятельности и вплетенном общении все меньше находилось места для решения этих вопросов, требующих допол-

нительной его активности, часто вступающей в противоречие или просто не охватываемой дискурсивными процессами. Все большее значение, следовательно, приобретали компенсаторно-коммуникативные процессы, призванные гармонизировать, восполнить нарушенные дологические, но такие эффективные связи с бытием или установить новые, опираясь на опыт всей предшествующей культуры.

Неудивительно поэтому и то, что наиболее актуальной проблема компенсации космического одиночества стала для нашего современника. Сказанное становится очевидным, если под углом зрения компенсаторной коммуникации рассмотреть многие, казалось бы, не связанные между собой формы активности современного человека. В самом деле, что общего между сегодняшним тотальным увлечением *паранаукой* (уфология, экстрасенсорика, астрология и др.) и восточными культами, мистикой; природоохранной деятельностью и глубокой личной привязанностью к представителям мира животных? Понятно, что причины этих явлений отнюдь не исчерпываются коммунологическими, но на их основе возникают компенсаторно-коммуникативные процессы, служащие преодолению космического одиночества, которые одновременно усиливают влияние данных увлечений, способствуют их тиражированию, закреплению в системе культуры, оказывая существенное влияние на формирование личности.

Памятуя о гамлетовском «Гораций, в мире много кой-чего, что вашей философии не снилось», мы отнюдь не намерены подвергать сомнению объективность положений, высказываемых приверженцами экзотических увлечений и обладателями тайных знаний. Нас интересуют не сами эти явления и не степень адекватности их интерпретации, а скорее, причины страстной приверженности к ним многих современников, их неумная жажда чудес и т.д., да и то не в полном объеме, а лишь в аспекте коммуникативном. То есть их связь с проблемой общения.

Там, где имеет место субъектно-субъектное взаимодействие с субъективированным объектом — с бытием, с космосом, с природой, оно не существует в отрыве от обыденных форм межличностного общения, как-то соотносено с ними. В одних случаях компенсация космического одиночества повышает интенсивность межличностного общения в границах круга единомышленников, не ослабляя прочих социальных связей, в других, где сильна тенденция к изоляционизму или они явно не согласуются с распространенными образцами культуры и образа жизни, возникают коммунологические проблемы за пределами этого круга.

Так, один из идеологов мистической связи с внеземными цивилизациями с помощью психоделиков Дж.К.Лилли как основное из требований успешности путешествий в глубинах Вселенной выдвигает «...отказ от связей (трудовых, семейных, дружеских) с обществом, ибо это мешает прогрессировать дальше, переходить глубже и более цельно в запредельные пространства»²²¹.

Тенденцию к ослаблению или разрыву связей в первичных группах исследователи отмечают у представителей ряда нетрадиционных религиозных групп молодежи: кришнаитов, мунистов, сатанистов²²². В наибольшей степени эта тенденция выражена, пожалуй, у последних, ибо их служение князю тьмы прямо противоположно всем требованиям общечеловеческой нравственности и никак не может способствовать установлению гармоничных, гуманистических отношений с окружающими. Преодолевая космическое одиночество за счет иллюзорного ощущения причастности к силам космического масштаба, в данном случае силам зла, возможно, повышая в своих глазах или глазах единомышленников свой статус и, следовательно, преодолевая одиночество в социальном измерении, хотя и частично, сатанисты разрушают в себе способность к полноценным межличностным отношениям, нравственные основы, обрекая себя тем самым на одиночество в межличностном, социальном и культурном измерениях. Деятельность и идеология сатанистов ставят их вне общества²²³. Поэтому иллюзорность такого рода компенсации не вызывает сомнения. Она отнимает несоизмеримо больше, нежели дает.

Поскольку субъективированный объект в своем субъектном значении, как правило, не обладает собственной коммуникативной активностью, не может быть инициатором общения, вырабатывать собственную информацию, направленную на партнера, то содержательная сторона подобного общения всецело определяется, во-первых, богатством внутренней жизни самого субъекта (аутокоммуникация) и информированностью, интеллектуальным потенциалом единомышленников, особенно лидеров, во-вторых. Общение с ними подпитывает и придает смысл контакту с субъективированным объектом, сопутствующим общению с квазисубъектом или сливающимся с ним.

Оценивая качество этих контактов на эмоциональном, интеллектуально-гностическом и деятельностно-волевом уровнях, следует отметить преобладание эмоциональной стороны над интеллектуальной, а также специфические проявления деятельностной стороны. Что касается интеллектуально-гностической стороны, то она осваивается весьма поверхностно. Исключение составляют немногие интеллектуалы. Поверхностность освоения интеллектуальной стороны экзотических учений объясняется, с одной стороны, сложностями «вживания» в труднопостижимую для европейца ментальность²²⁴, с другой — тем, что большинство приверженцев составляют лица с техническим образованием, точнее, учащиеся технических вузов, техникумов, ПТУ, испытывающие дефицит гуманитарного знания и легко воспринимающие любые его суррогаты. Наибольшей же привлекательностью обладают такие формы знания, которые создают иллюзию «приобщения к самым передовым рубежам, недоступным даже большинству «ученых ретроградов», в силу присущего им «консерватизма»²²⁵. То, что это приобщение не требует от самого новообращенного больших интел-

лектуальных усилий и специальной подготовки, легко трактовать как своего рода избранность, предназначение, талант к усвоению подобного рода знаний. Привлекательны и те знания, которые несут в своем содержании явно комплиментарный заряд для тех, кто к ним обращается, повышает их значительность в собственных глазах. Таковы, например, разного рода гороскопы, каждый из которых несет в себе нечто лестное для того, кто проявляет к ним интерес.

Несколько слов о деятельностной стороне применительно к преодолению космического одиночества с помощью псевдоиндуистских культов. Эта деятельность является, можно сказать, «чисто» аутокоммуникативной, хотя для кришнаита, например, в состоянии медитации возникает иллюзия мистического единства, растворения в сознании Кришны. Надо сказать, что преодоление дуальности мира, выражаемой субъектно-объектным отношением, уничтожает не только диалектику субъекта и объекта, но и субъекта и субъекта. Так, чрезмерное увлечение психотехникой создает условия для «стирания» собственного социально взращенного Я, что «не может быть полезно для человека как существа общественного»²²⁶. Полное слияние, связанное со стиранием уникальности личности, ее индивидуальной неповторимости есть для нее катастрофа. Пускай иллюзия полного слияния с природой, с Абсолютом сулит ощущение бессмертия, вневременности и т.д., но для человека с ярко выраженной индивидуальностью полное растворение в них без сохранения чувства своей особенности, отдельности невозможно. Таким человеком, по свидетельству Г.В.Плеханова, был, например, Лев Толстой, который, остро ощущая родство с природой, все же не мог никогда до конца раствориться в ней²²⁷.

Сохранение определенной дистанции — необходимое условие для осуществления компенсаторно-коммуникативных процессов, ибо полное «слияние» снимает и саму проблему общения как таковую. Где нет разделения, хотя бы внутри самого субъекта, нет и общения, нет личности. Трудно судить, в какой степени и в какой ипостаси выступало общение с природой для Л.Н.Толстого в своем компенсаторном значении. Известно, что его отношения с природой были весьма многозначны. Можно лишь предположить, что общение с природой могло быть для выдающегося художника мощным источником сверхкомпенсации, стимулом к деятельному преобразованию всех мыслимых отношений с окружающим миром. Не случайно, соприкасаясь с близким ему Кларанской природой, Толстой чувствовал, что его душа наполняется радостью бытия и ощущением в себе готовности любить...²²⁸

Субъектное отношение к природе всегда осуществляется через соприкосновение с каким-то ее эпизодом, фрагментом, частью. Природа как таковая для человека не больше чем абстракция. Наиболее щедро способностью субъективировать природу, расширяя тем самым сферу своего общения и преодолевая космическое одиночество, одарены художественные натуры. Как от прикосновения царя Мидаса любые предметы превра-

щались в золото, так и художник, обращаясь к миру, субъективирует все окружающее: горы, реки, цветы, звезды...²²⁹ Субъектные отношения развертываются, как и с людьми, — то на уровне гармоничных, доброжелательных отношений, то на уровне отношений враждебных, конфликтных. «Меня не любят вещи, — заявлял от лица своего героя Юрий Олеся. — Мебель норовит подставить мне ножку. Какой-то лакированный угол однажды буквально укусил меня. С одеялом у меня всегда сложные взаимоотношения. Суп, поданный мне, никогда не остывает. Если какая-нибудь дрянь — монета или запонка — падает со стола, то обычно закатывается она под трудно отодвигаемую мебель. Я ползаю по полу и, поднимая голову, вижу, как буфет смеется»²³⁰.

Интимно-субъектное отношение к вещи обусловлено тем, что у ее владельца связаны с ней значимые для него воспоминания. Вещь как бы выступает свидетелем и соучастником его отношений с людьми и миром²³¹. В этом случае обычная куртка «с двенадцатилетним стажем» становится автору «дороже, чем собственная кожа» (Г.Белль). Созданная человеком вещь, в которую он вложил душу, оживает, как творение Пигмалиона. Наконец, имея вещь создает возможность глубокого, индивидуально живого, или личного, общения ее с окружающими (А.Ф.Лосев). Общение с вещью имеет глубокое экзистенциальное значение, оно позволяет проникнуть в сокровенный смысл бытия и, следовательно, в глубины собственного духа. Отношение к вещи по принципу «использовал-выбросил», непрерывная смена вещного окружения человека разрушила сегодня интимное отношение к вещам (М.Хайдеггер). Это большая самостоятельная тема, имеющая самое непосредственное отношение к анализу вопроса о компенсаторно-коммуникативных возможностях субъективирования предметного мира.

Если подлинное общение с неодушевленными предметами и стихиями доступно отнюдь не каждому и требует особой духовной организации, то общение с животными гораздо естественнее и доступно многим. Общение с животным может служить звеном, связующим человека с природой в глобальном, космическом контексте, как с представителем мира природы, от которого человек оторван в своих «каменных мешках», и, что гораздо очевиднее, как с партнером по межличностному общению, компенсирующим одиночество в межличностном измерении.

Социологи А.А.Попов и В.И.Максименков установили, что зачастую при возникновении в бездетной семье психологических проблем среднего периода жизни «приобретение собаки выполняет функцию компенсации неудовлетворенной потребности в детях — *детокомпенсации*. Иначе говоря, ДС (домашняя собака. — В.Г.) в быту замещает отсутствие реального ребенка и *компенсирует* ее владельцу отсутствие психологического комплекса чувств и переживаний, возникающих при общении с маленькими детьми»²³² (курсив мой. — В.Г.). Среди описываемых в данной статье характерных черт бэби-комплекса обращает на себя внимание то, что обще-

ние с ДС «создает повышенное чувство ответственности, дает человеку ощущение собственной значимости, ценности, повышает уровень его самоуважения»²³³. Все это отличительные свойства *самоутверждения* — генерализующей функции компенсаторного общения. Однако авторы справедливо подчеркивают, что функция замещения носит в данном случае символический характер и, как всякое замещение, является неполным. Ибо «любой объект-заместитель не может выполнять тех реальных функций, которые свойственны реальному объекту»²³⁴. Что и сообщает компенсации потребности в детях через общение с ДС оттенок *иллюзорности*.

Анализируя социально-психологические аспекты взаимодействия человека и домашних животных в семье, М.А.Пороховская обращает внимание на то, в каких направлениях происходит перестройка эмоциональной структуры семьи при включении в нее животных-компаньонов. Опираясь на опыт зарубежных исследований этой темы, она отмечает, что «во-первых, животное может являться средством расширения сети социальных взаимодействий семьи; во-вторых, оно может стать своеобразной проверкой наших истинных чувств, испытываемых к членам семьи, помогая раскрыться нашей любви или ненависти, утверждая нашу независимость или способствуя кооперации с другими родственниками, выявляя наши конструктивные или деструктивные намерения»²³⁵. Таким образом, влияние животных на систему общения в семье весьма сложно и далеко выходит за пределы, определяемые прямой компенсацией.

Многие справедливо связывают интенцию к субъективированию животных с наличием у них развитой психики и ряда антропоморфных черт. Но немаловажное значение, на наш взгляд, имеют и архетипические корни такого отношения, заключающиеся в воспроизведении в современных условиях естественной для архаических обществ антропоморфизации природы. Субъективированию животных способствуют и теоретические изыскания ряда ученых прошлого и современности, настаивающих на наличии у наших «братьев меньших» нравственных чувств и сближающих их тем самым с человеком. Так, выдающийся русский мыслитель П.А.Кропоткин, как известно, считал наличие у животных альтруизма важнейшим фактором эволюции²³⁶.

Думается, что распространение нравственной оценки на взаимоотношения человека с миром животных будет способствовать повышению нравственного уровня и совершенствованию межличностных отношений, но лишь при определенных условиях. Во-первых, не следует забывать о различиях между животным и человеком хотя бы в плане зависимости и беззащитности их перед последним. Имевшие место в истории суды над животными не более чем курьез, вызванный, кроме прочего, непониманием этих границ. Субъективируя животных, не следует переносить на отношения с ними отрицательные проявления человеческих взаимоотношений. Ибо иллюзорное самоутверждение ничтожнейшего из людей возможно за

счет издевательства над животным, жестокого обращения с ними взамен такого же стиля общения с людьми, которые могут дать отпор. Такая форма отношений с животными возможна у детей и подростков с садистскими наклонностями и является своего рода подготовительным классом будущих межличностных отношений.

Гораздо естественней и привлекательней, когда люди проявляют к животным любовь и заботу, хотя и здесь не обходится без девиаций. В некоторых случаях чрезмерная любовь к животным не вполне оправдана и вызывает недоумение у людей беспристрастных. Так, Плутарх приводит следующий эпизод: «Однажды Цезарь увидел в Риме, как какие-то богатые иностранцы носили за пазухой щенят и маленьких обезьян и ласкали их. Он спросил их, разве у них женщины не рожают детей? Этими словами, вполне достойными правителя, он дал наставление тем, которые тратят на животных присущую нам от природы потребность в любви и нежность, тогда как она должна принадлежать людям»²³⁷. Действительно, когда любовь к животным конкурирует с любовью к людям или даже вытесняет ее — это несколько настораживает. Иллюзорно-компенсаторный план «просвечивает» тогда, когда любовь к животным отгораживает человека от других людей, сужает круг его общения, даже делает бесчувственным к человеческим страданиям. Замечая индивидуальность любимых питомцев, он отказывает в таковой представителям человеческого рода. Для иллюстрации этих положений, как нам кажется, очень подходит персонаж из повести А.Куприна «Поединок» подполковник Рафальский, по прозвищу Брем. Это почетное прозвище он получил за то, что «все свое время, все заботы и всю неиспользованную способность сердца к любви и привязанности он отдавал своим милым зверям — птицам, рыбам и четвероногим, которых у него был целый большой и оригинальный зверинец»²³⁸. Животные для Брема — не безличный объект академических штудий, он очеловечивает их, с пафосом говорит о том огромном и интересном внутреннем мире, которым, по его мнению, обладают животные. «Ты вот поди-ка, убеждает он Ромашова, — понаблюдай-ка: как собака живет, что она думает, как хитрит, как страдает, как радуется <...> ты подойди к собаке, как к человеку, как к ребенку, как к мыслящему существу»²³⁹.

На фоне трогательного отношения к животным еще более отвратительным, хотя и вполне объяснимым, предстает жестокое обращение Брема с человеком, с солдатом на маневрах. «Сбились мы все тогда с ног, — рассказывает Назанский, — устали, разнервничались все: и офицеры и солдаты. Брем велит горнисту играть повестку к атаке, а тот, бог его знает почему, трубит вызов резерва. И один раз, и другой, и третий. И вдруг этот самый — милый, добрый, чудный Брем подсказывает на коне к горнисту, который держит рожок у рта, и изо всех сил трах кулаком по рожку! Да. И я сам видел, как горнист вместе с кровью выплюнул на землю раскрошенные зубы»²⁴⁰. Чего же стоит очеловечивание животных, любовь к ним, если она не оставля-

ет на долю человека ни жалости, ни сострадания? Лишь тогда, когда через погружение в мир животных, как слабых и беззащитных существ, человек преисполняется заботой обо всех обездоленных и беззащитных, когда общение с природой сближает его с людьми, особенно с теми, кто нуждается в его поддержке, можно говорить о реальной сверхкомпенсации.

Наиболее распространенный вариант общения с природой имеет промежуточное значение по отношению к только что рассмотренным. Здесь общение с животными, компенсируя утраченное родство с природой и замещая отчасти дефицит межличностных связей, не противопоставляется человеческому общению, не сужает его границы и не умаляет его качества. Более того, часто происходит расширение сферы межличностного общения за счет новых контактов с теми, кто разделяет любимое увлечение. Животное становится как бы посредником в межличностном общении, приобретающем предметные черты. Будучи по преимуществу реальной, прямой компенсацией, это общение, таким образом, начинает в некоторых отношениях сближаться с реальной сверхкомпенсацией, выводящей человека на более высокий уровень целостности и гармоничности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем итоги проведенного нами исследования и сформулируем основные выводы, из него вытекающие, которые, по нашему мнению, могут быть положены в основание дальнейшего обсуждения феномена компенсаторного общения.

1. Неправомерно трактовать общение как нечто исключительно положительное. Оно амбивалентно и содержит в себе зерна как добра, так и зла. Поэтому при анализе общения продуктивно антиномическое его рассмотрение. В свое время Б.П.Вышеславцев выпустил «критическую стрелу» по адресу философии творчества Н.А.Бердяева, которую кстати здесь воспроизвести. Центральная ошибка в вопросе, которому философ посвятил всю свою философию, а именно, в вопросе о творчестве, по мнению Вышеславцева, состоит в следующем: «Творчество он всегда считает положительным явлением, положительной ценностью, забывая, что существует творчество с отрицательным знаком. Существует злое творчество, а не только доброе творчество <...> Нам могут сказать, что злое творчество не есть настоящее творчество; оно есть в сущности разрушение, и это в конце концов верно, но разрушением оно оказывается именно лишь «в конце концов» и может долго казаться величественным созиданием <...> Можно, пожалуй, сказать, что всякое творчество нечто разрушает, ибо оно ставит новое на место отжившего старого <...> Но не наоборот — никак нельзя сказать, что «всякое разрушение нечто созидает». Ибо существует преступное, страшное, дьявольское разрушение. Притом не так-то легко определить, где творческое разрушение и где разрушительное творчество, иначе говоря, где *критерий доброго и злого творчества*»¹.

Думается, что приведенное выше рассуждение о творчестве имеет вовсе не частное значение, но применимо в гораздо более широком диапазоне. Во всяком случае мы находим в нем аллюзию на то, каким должен быть аутентичный подход к решению вопроса о ценностном наполнении понятия «общение».

2. Наиболее целесообразно сопряженное рассмотрение *общения* и *одиновства* в их органической взаимосвязи независимо от того, какая тема выступает в конкретном исследовании главной или даже, по-видимому, единственной: тема общения либо одиночества. Ибо ни одна из них в отдельности не может быть раскрыта с подобающей полнотой. Однако, имен-

но общение есть субстанция человеческого бытия. Представляется очень точным следующее рассуждение И.В.Пешкова: «Если центральной фигурой официальной и (или) псевдоофициальной науки был и остается *человек работающий* (из этого подхода выводятся все другие функции человеческой жизни), то пришло время в центр (вглубь, ввысь) поставить (заглушить, вознести) *человека общающегося*»². При трактовке одиночества в его соотнесенности с общением трудно обойтись без соответствующей аллюзии, взятой, однако, из средневековой философии. Известно, например, что «исходным пунктом и вместе с тем первым тезисом теодицеи Фомы <...> была предпосылка, что зло не является позитивным явлением и не существует само по себе, как добро, а представляет собой просто обычное небытие, *ущербность* добра»³ (курсив мой. — В.Г.). Подобно этому одиночество представляет собой определенную характеристику общения, его качество. Одиночество — не отсутствие общения, а его недостаточность, неполнота, ущербность. Причину одиночества следует искать в определенных деформациях, возникающих в структуре общения, а это, в свою очередь, означает по крайней мере два следствия. Во-первых, важно изучить структуру общения. Во-вторых, логично предположить, что и одиночество небесструктурно. Методологической основой для изучения структуры одиночества может служить концепция основных измерений одиночества, разработанная У.А.Садлером и Т.Б.Джонсоном⁴.

3. Учитывая вполне естественную вариативность возможных подходов к анализу структуры общения, автор считает исходным деление ее на два элемента: «вплетенное» в предметную деятельность общение и «общение ради общения», то есть, если быть более точным, общение ради тех ценностей, которые заключены в нем самом. Это разделение является исходным, так как «разводит» вынужденное и свободное общение и от него принципиально зависит дальнейшее структурирование общения. Соотношение элементов структуры вплетенного общения, их субординация и координация зависят от направленности самой предметной деятельности, от ее содержания и т.д. Так, во вплетенном общении, обслуживающем вполне конкретную деятельность, определенным образом сочетаются непосредственное и опосредованное, функционально-ролевое и личностно-ориентированное общение.

Всякий раз, когда речь идет об общении ради общения, то имеется в виду вовсе не только и не столько «фатическое» общение. Общение ради общения уже не служит специально внекоммуникативным целям, не обслуживает цели, внешние для самого общения, не является средством для реализации потребностей, диктуемых предметной деятельностью. Это происходит обычно попутно и находится на втором плане, точно так же, как вплетенное общение попутно осуществляет коммуникативные запросы того или иного рода. Напротив, сама предметная деятельность начинает служить средством для осуществления общения, производится по преиму-

шеству ради общения либо служит материалом для общения, поводом для общения и т.д. Общение ради общения способно *компенсировать* неполноту, различного рода деформации, возникающие в общении вплетенном. Таким образом, общение ради общения выступает как компенсаторное по отношению к общению вплетенному. Это соотносительные понятия. Грань между тем и другим общением так же тонка и условна, как пастернаковское различие между «давним» и «давешним», и не исключает взаимных переходов.

Социальные функции общения многообразны и определены его структурой (при особой роли структуры потребности в общении). Но полифункциональность общения не должна заслонять от нас тот факт, что специфической его функцией выступает *функция самоутверждения*. В монографии всесторонне обосновывается положение о том, почему самоутверждение возможно лишь в общении и только посредством общения. Особое место функция самоутверждения занимает в компенсаторном общении.

4. Компенсаторное общение, по мнению автора, есть частный случай компенсаторных процессов, имеющих широкое распространение на различных уровнях бытия. Поэтому оно должно анализироваться «из глубины», позволяющей сформулировать основные методологические предпосылки для его исследования.

Автор показывает, что понятие компенсации широко используется в естественных и общественных науках как объяснительный принцип. Отталкиваясь от этимологии слова *compensare* (уравнивать, уравнивать, возмещать) и от самой эмпирической реальности, науки о природе и обществе вносят каждая свой оттенок в это понятие, открывают в нем свое содержание и усматривают определенное эвристическое значение. Последовательно рассматривая компенсаторные механизмы в неорганическом мире и в мире живой природы, в жизни общества и личности, автор показывает, что указанные механизмы играют решающую роль в сохранении изначальной целостности систем различной природы, динамике и направленности их перехода на иной уровень целостности. Компенсаторные механизмы обеспечивают динамическое равновесие систем за счет компенсаторных реакций, процессов, имеющих направление, противоположное воздействиям, нарушающим равновесие.

Компенсаторные механизмы выступают необходимой стороной универсальных процессов отражения. Они представляют собой такую форму активности, которая нуждается в антиномичном рассмотрении как отражение, с одной стороны, и контротражение, с другой. Отражение благодаря компенсаторным процессам, в нем совершающимся, как бы ограничивает само себя на рубеже, приемлемом для обоих взаимодействующих факторов, систем, объектов, допускаемом их природой.

Основные измерения компенсаторных процессов: полная и неполная, устойчивая и неустойчивая, обратимая и необратимая, статическая и ди-

намическая компенсация, — используемые в естественных науках, должны быть дополнены тринитарной классификацией, усматривающей три возможных ипостаси компенсаторных процессов: *собственно компенсация* (прямая компенсация), связанная с функционированием систем, когда в результате компенсации система достраивается, дополняется определенными компонентами без радикального изменения уровня ее целостности; *сверхкомпенсация* (возрастание уровня упорядоченности, сложности и организации в динамической системе) и *декомпенсация* (утрачивающая компенсация, то есть переход на более элементарный уровень системности и целостности).

В работе показано, что наиболее прозрачно выявленные ипостаси компенсаторных механизмов обнаруживают себя при анализе процессов живой природы в сложных динамических самоорганизующихся системах. Для таких систем понятия сверхкомпенсации, компенсации и декомпенсации уточняются следующим образом. Сверхкомпенсация — это такая форма активности системы, которая связана с нахождением в ее окружении «своего другого», а не «любимого другого», что имеет место в случае прямой компенсации, либо «чуждого другого», своего разрушителя, что характерно для процесса декомпенсации. Это «свое другое» и является катализатором для запуска импульса к саморазвитию системы, к изменению внешних и внутренних условий ее существования. В отличие от прямой компенсации задачи сверхкомпенсации решаются «обходным путем», через промежуточные звенья и формы активности, не имеющие, казалось бы, непосредственного отношения к гармонизации исходного целого.

5. Особое значение для создания методологических предпосылок исследования компенсаторного общения играет анализ компенсаторных процессов в сфере социального. На материалах психологии, истории, этнографии, истории религии, культурологии и истории культуры, экономических дисциплин, социологии, философии и др. анализируется роль компенсаторных механизмов в развитии и функционировании общества: его экономических отношений, социальных институтов, форм идеологии и т.д. Рассматриваются социальные явления, выполняющие при определенных условиях роль компенсаторных механизмов в жизни общества и личности: определенные стороны религиозных верований и культа, мифологии, ритуалов; неформальные объединения; некоторые стороны праздничного, карнавального, спортивного действия; зрелища, искусство в аспекте реализации им компенсаторной функции; общение, наконец. На основе рассмотренного материала формулируются важные для дальнейшего анализа понятия: *первичная и вторичная компенсация, компенсаторный фонд общества, реальная и иллюзорная компенсация.*

6. Под компенсаторным общением в широком смысле слова мы понимаем общение, исторически выделившееся из области предметной деятельности и направленное на гармонизацию коммуникативного мира лич-

ности и смягчение переживания одиночества в том или ином измерении. Эта гармонизация происходит в результате первичной либо вторичной компенсации, реально или иллюзорно, посредством компенсации, декомпенсации или сверхкомпенсации. Сказанное подчеркивает амбивалентность компенсаторного общения, требующего для своего анализа антиномического подхода. Компенсаторное общение имеет одновременно и гомеостатическую и гетеростатическую природу. Оно противоречиво соединяет в себе и стремление к равновесию, и неадаптивные формы активности, трансцендирование, выход за пределы... Особенно очевидно это в сверхкомпенсаторном общении.

7. Анализируя социальные причины компенсаторного общения, автор рассматривает объективные причины и субъективные факторы, его порождающие. Комплекс факторов, оказывающих влияние на формирование коммуникативной ситуации, часто имеет иную, то есть некоммуникативную природу. Важнейшими факторами, обусловившими в последние десятилетия коренные изменения в условиях и средствах общения людей, явились научно-техническая революция и урбанизация, а также связанные с ними процессы развития системы массовой коммуникации и компьютеризация. Некоторые социальные и социально-психологические следствия этих изменений рассматриваются как объективные причины происхождения и активизации коммуникативно-компенсаторных процессов в условиях современной коммуникативной ситуации. Автор учитывает, что те или иные проявления деформации в структуре общения людей всегда были связаны с исторически определенными формами отчуждения людей от природы, от различных сторон общественной жизни, социальных институтов, процессов и продуктов собственной деятельности, от окружающих и самих себя. *Отчуждение всегда связано с искажением диалогического отношения, подменой Я-Ты и Я-Мы отношения отношениями Я-Он/Они, Я-Другой/Другие, Я-Оно.* Компенсаторное общение, следовательно, рассматривается и как форма проявления отчуждения и как способ его преодоления средствами общения. Так, например, эскалация субъект-объектного отношения к природе, отчуждающая человека от нее, углубление переживания космического одиночества могут быть смягчены компенсаторным общением с природой. НТП и урбанизация с их противоречиями и негативными следствиями на нынешнем этапе развития в совокупности с актуальными социокультурными и нравственными проблемами нашего времени еще более остро ставят проблему отчуждения и соответственно компенсаторного общения.

8. Принимая за основу классификации компенсаторного общения систему субъектно-субъектных отношений, автор выделяет основные его модальности, которые могут быть рассмотрены на двух уровнях: компенсаторное общение на уровне группы и компенсаторной аутокоммуникации. Наиболее распространенные и социально значимые модальности, находя-

щиеся на указанных уровнях, подробно анализируются с точки зрения их влияния на личность. Нами установлено, что зачастую гармонизация коммуникативного мира и смягчение одиночества в одном измерении порождает одиночество в другом или даже в нескольких измерениях. Кроме того, будучи видом деятельности, общение преобразует жизненный мир личности и окружающих ее далеко за пределами одной лишь сферы общения: *декомпенсация* и *сверхкомпенсация* средствами общения производят тотальное преобразование личности, ее образа жизни, интересов, уровня культуры, основного направления жизнедеятельности. Компенсаторная надстройка перестает быть относительно автономной и переходит в состояние вплетенного общения, понижая все и вся. Вместе с тем меняется и сама личность.

Автор показывает, насколько сильно бывают мотивированы отдельные виды деятельности и поведения, если они заключают в себе возможности для компенсаторного общения. Рассматривая основные функции общения, реализуемые в компенсаторной коммуникации, и уделяя особое внимание специфической для общения функции самоутверждения, автор пытался показать, что *диалогическое взаимоутверждение Я и Ты, Я и Мы* выступает мощным стимулом сверхкомпенсации и деятельного преобразования как сферы общения, так и человека, в ней действующего.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

¹ См.: *Ильяева И.А.* Культура общения (Опыт философско-методологического анализа). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. С. 3.

² *Тулина Н.В.* Одиночество (социально-политический аспект) // Вестн. Моск. ун-та. Сер.12. Социально-политические исследования. 1992. № 3. С. 51.

ГЛАВА 1

¹ *Бердяев Н.А.* Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1996. С. 230—316.

² Продуктивность антиномического познания всесторонне обоснована П.А.Флоренским, С.Н.Булгаковым, С.Л.Франком, И.С.Нарским, М.С.Уваровым, Д.В.Пивоваровым и др. См., напр.: *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины // Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1990. С. 143—166; 582—585; 686—687; Он же. У водоразделов мысли. § 3. Антиномия языка // Там же. Т. 2. С. 152—200; Он же. Космологические антиномии Иммануила Канта // Соч. в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1995. С. 3—61; *Булгаков С.Н.* Свет не вечерний: Созерцания и умозрения. Гл. 1. Основная антиномия религиозного сознания. М.: Республика, 1994. С. 88—93; *Франк С.Л.* Непостижимое // Соч. М.: Правда, 1990. С. 308—316 и др.; *Нарский И.С.* Проблема противоречия в диалектической логике. М.: Изд-во МГУ, 1969. С. 44; Он же. Противоречия как движущая сила развития научного познания // Философские науки. 1981. № 1. С. 65—70; *Уваров М.С.* Бинарный архетип: Эволюция идеи антиномизма в истории европейской философии и культуры / Балт. гос. техн. ун-т, каф. философии. СПб, 1996; *Пивоваров Д.В.* Метод антиномизма в русской философии // Судьба России: исторический опыт XX столетия: Тез. Третьей Всероссийской конф. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1998. С. 9—11.

«О каких бы логически уловимых противоположностях, — писал С.Л.Франк, — ни шла речь — о единстве и множестве, духе и теле, жизни и смерти, вечности и времени, добре и зле, Творце и творении, — в конечном итоге мы всюду стоим перед тем соотношением, что логически раздельное, основанное на взаимном отрицании вместе с тем внутренне слито, пронизывает друг друга — что *одно не* есть другое и вместе с тем и *есть* это другое, и только с ним, в нем и через него есть то, что оно подлинно есть в своей последней глубине и полноте. В этом и заключается антиномический монодуализм всего сущего, и перед его лицом всяческий монизм, как и всяческий дуализм, есть ложная, упрощающая и искажающая отвлеченность, которая не в силах выразить конкретную полноту и конкретную структуру реальности» (*Франк С.Л.* Непостижимое. С. 315).

³ *Перлман Д., Пепло Л.Э.* Теоретические подходы к одиночеству // Лабиринты одиночества / Пер.с англ.; Сост., общ. ред. и предисл. Н.Е.Покровского. М.: Прогресс, 1989. С. 156.

⁴ *Мискович Б.* Одиночество: междисциплинарный подход // Лабиринты одиночества. С. 66.

⁵ См. напр.: *Хамитов Н.* Философия одиночества. Опыт вживания в проблему одиночества женское и мужское. Киев: Наукова думка, 1995; *Хараш А.* Вдвоем с самим собой // Знание — сила. 1993. № 8. С. 134—144.

⁶ См.: *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975; Он же. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов.Россия, 1979; Он же. Эстетика словесного творчества / Примеч. С.С.Аверинцева, С.Г.Бочарова. М.: Искусство, 1986; *Библер В.С.* Мышление как творчество. М.: Политиздат, 1975; Он

же. От наукоучения — к логике культуры: Два философ. введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1991.

⁷ См.: Франк С.Л. Непостижимое. С. 370.

⁸ Там же. С. 372.

⁹ См.: Сафонов В.С. Особенности доверительного общения: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1977.

¹⁰ Как особую форму общения любовь рассматривает болгарский философ К.Василев: *Любовь* — это не только инстинкт продолжения рода, половое влечение, но и система, объединяющая различные компоненты, *форма социального общения мужчины и женщины* (курсив мой. — В.Г.), целостное биологическое, психическое, эстетическое и моральное переживание» (Василев К. *Любовь* / Пер. с болг. М.: Прогресс, 1982. С. 57).

¹¹ См.: Батищев Г.С. Особенности культуры глубинного общения // *Вопр. философии*. 1995. № 3. С. 109–129.

¹² В концепции И.А.Ильина указанные формы по мере нарастания индивидуации в общении плавно переходят друг в друга (см.: *Ильин И.А. О любви. Социально-психологический опыт* // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Кн. 1. М.: Русская книга, 1996. С. 6–49).

¹³ Батай Ж. *Литература и Зло* / Пер. с фр. и коммент. Н.В.Бутман и Е.Г.Домогацкой. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 141.

¹⁴ *Аристотель*. Никомахова этика // *Аристотель*. Соч. в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 68.

¹⁵ Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости // Шопенгауэр А. *Избранные произведения* / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. И.С.Нарского. М.: Просвещение, 1992. С. 217.

¹⁶ Там же. С. 194, 205.

¹⁷ Там же. С. 205.

¹⁸ Там же. С. 194.

¹⁹ Там же. С. 197.

²⁰ Там же. С. 291.

²¹ Там же. С. 292.

²² Там же. С. 239.

²³ *Ибн Сина (Авиценна)*. Указания и наставления // *Ибн Сина (Авиценна)*. Избр. филос. произв. М.: Наука, 1980. С. 367.

²⁴ *Кант И.* Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // *Кант И.* Соч. в 4 т. на нем. и рус. яз. Т. 1. Трактаты и статьи (1784–1796) / Подг. к изд. Н.Мотрошиловой (Москва) и Б.Тушлингом (Марбург). М.: Изд. АО «Ками», 1993. С. 91.

²⁵ Там же. С. 92–93.

²⁶ См.: Гегель Г. Лекции по эстетике // Гегель Г. Соч. Т. XII. М.: Соцэкгиз, 1938. С. 69, 266.

²⁷ *Материалисты Древней Греции*. Сб. текстов Гераклита, Демокрита, Эпикура. М.: Госполитиздат, 1955. С. 217–218.

²⁸ Никто из мыслителей древности не рассматривал вопросы человеческого общения так глубоко и всесторонне, не вкладывал в понятие общения такое всеобъемлющее содержание, как Аристотель.

Анализ наиболее важных аспектов его учения об общении дан нами в статье: Аристотель о нравственных основах общения и современность // *Вестн. Челябинск. агроинж. ун-та*. 1996. № 15. С. 147–153.

²⁹ См.: *Аристотель*. Соч. Т. 4. С. 68–69, 227, 361–374; *Цицерон*. О дружбе // *Цицерон*. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1974. С. 31–57.

³⁰ См.: *Аристотель*. Никомахова этика. С. 227.

³¹ *Руссо Ж.-Ж.* Фрагменты и наброски // *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты и письма. М.: Наука, 1969. С. 418–419.

³² См.: Бубер М. Я и Ты // Два образа веры: Пер. с нем. / Под ред. П.С.Гуревича, С.Я.Левит, С.В.Лезова. М.: Республика, 1995. С. 16–92; Бердяев Н.А. Указ. соч.

³³ Многие из современных авторов, справедливо говоря об общении как о важнейшем лично-ностно образующем факторе, ограничиваются рассмотрением *сугубо позитивного* влияния *социально полноценного* общения на развитие личности или, по крайней мере, подразумевают таковое (см., напр.: *Злобина Е.Г.* Общение как фактор развития личности. Киев: Наукова думка, 1981). Между тем в контексте асоциальных проявлений человеческого бытия (например, пьянство, наркомания) существуют и

негативные формы общения, которые также формируют личность, способствуя ее регрессивному развитию.

³⁴ Бубер М. Указ. соч. С. 26.

³⁵ Там же. С. 51.

³⁶ См. там же. С. 18–20.

³⁷ См.: Батищев Г.С. Указ. соч.

³⁸ Якоби М. Встреча с аналитиком. Феномен переноса и человеческие отношения. М.: Институт общегуманитарных исследований, 1996. С. 101.

³⁹ См.: Гладышев В.И. Проблема общения в русской философии // Русская идея: исторический смысл и современное значение. Часть вторая. Хабаровск, 1995. С. 35–37; Он же. От «Я» и «Ты» М.Бубера к «Я» и «Мы» С.Л.Франка // Россия и Западная Европа: Диалог культур. Курган, 1993. С. 25–26.

⁴⁰ Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 309.

⁴¹ Там же. С. 254.

⁴² Там же. С. 258.

⁴³ См. там же. С. 254–255.

⁴⁴ См.: Коган М.С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. М.: Политиздат, 1988.

⁴⁵ См. там же. С. 161–162.

⁴⁶ Там же. С. 163.

⁴⁷ Сорокин П.А. Система социологии. В 2 т. / РАН, Ин-т социол. Т. 1. М.: Наука, 1993. С. 384.

⁴⁸ Там же. С. 388.

⁴⁹ Материалисты Древней Греции. С. 172.

⁵⁰ Монтень М. Опыты. В 3 кн. Кн. 1 и 2. М.: Наука, 1979. С. 132.

⁵¹ Антология кинизма. Антисфен. Диоген. Кратет. Керкид. Диоген. Фрагменты сочинений кинических мыслителей / Отв.ред. А.А.Тахо-Годи. М.: Наука, 1984. С. 55.

⁵² Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию. Кемерово, 1986. С. 333.

⁵³ Бозций. Утешение философией // Бозций. «Утешение философией» и другие трактаты. М.: Наука, 1990. С. 269.

⁵⁴ См.: Франк С.Л. Непостижимое. С. 308–316.

⁵⁵ Там же. С. 363.

⁵⁶ Там же. С. 364.

⁵⁷ Там же. С. 366.

⁵⁸ Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 268.

⁵⁹ О социокультурном значении для личности квазиобщения (общение с воображаемым партнером) и общения с субъективизированным объектом (природой и др.) см.: Коган М.С. Мир общения. С. 223–245. Подробно о субъектном отношении человека и социума к природе, о его истории, теории и механизмах формирования см.: Дерябо С.Д., Ясвин В.А. Экологическая педагогика и психология. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. С. 29–258.

⁶⁰ См.: Гладышев В.И. О компенсаторном общении человека с природой // Вестн. Челябинск. агроинж. ун-та. 1995. № 12. С. 65–72.

⁶¹ О психологии и поведении человека в ситуациях вынужденной географической и социальной изоляции, а также в условиях экспериментального одиночества см.: Кузнецов О.Н., Лебедев В.И. Психология и психопатология одиночества. М.: Медицина, 1972; Лебедев В.И. Личность в экстремальных условиях. М.: Политиздат, 1989.

⁶² При рассмотрении категорий «общение» и «деятельность» и их соотношения мы учитываем дискуссионный характер этой проблемы, но вполне разделяем точку зрения М.С.Кагана, в соответствии с которой «общение бывает и аспектом, и типом, и видом деятельности, в зависимости от характера деятельности и угла зрения на нее теоретика <...> Постоянной же остается сама деятельностная природа человеческого общения, проявляющаяся в направленности действий субъекта на другого субъекта» (Каган М.С. Мир общения. С. 134).

Заметим попутно, что общение и деятельность связаны также антиномической связью. Общение одновременно и является деятельностью и не является ею (она аспект деятельности, ее необходимое условие, подсистема). Оно и то и другое, но оно же (общение) ни то ни другое. Ибо будучи деятельностью, оно радикально отличается от предметной деятельности и по своим целям, и по содержанию. Если это и деятельность, то совершенно особая, иная, превращенная форма деятельности.

Будучи же подсистемой деятельности, общение не включает в полном объеме того смысла, который присущ общению в более широком плане, что свидетельствует о наличии в составе общения и деятельности трансрационального, идея которого, разрабатываемая представителями русской религиозной философии (С.Л.Франком, С.Н.Булгаковым), признается и современными отечественными исследователями, сочетающими в своих воззрениях материализм и гуманистическо-диалектические ориентации (см.: *Алексеев П.В., Панин А.В.* Философия: Учебник для вузов. М.: ТЕИС, 1996. С. 479—480). Более того, указанные авторы считают, что «в книге С.Л.Франка «Непостижимое» <...> убедительно показана трансрациональная антиномичность всей реальности и необходимость в связи с этим особой гносеологической установки, названной автором принципом антиномистического монодуализма» (Алексеев П.В., Панин А.В. Указ. соч. С. 479).

⁶³ Гессе Г. Степной волк // Собр. соч. в 4 т. Т. 2. СПб.: Северо-Запад, 1994. С. 232—233.

⁶⁴ См.: *Монтень М.* Опыты. Кн. III. С. 32—43.

⁶⁵ Там же. С. 37.

⁶⁶ Там же. С. 38.

⁶⁷ Там же. С. 40.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. С. 132.

⁷¹ Там же. Кн. II. С. 594—595.

⁷² Там же. С. 394.

⁷³ Там же.

⁷⁴ *Бэкон Ф.* О достоинстве и приумножении наук // Соч. в 2 т. Т. 1 / Сост., общ. ред. и вступит. ст. А.Л.Субботина. М.: Мысль, 1977. С. 420.

⁷⁵ Там же. С. 418.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ См. там же. С. 419.

⁷⁸ Там же. С. 422—423.

⁷⁹ Там же. С. 423.

⁸⁰ См.: *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 24—25, 35, 71, 394.

⁸¹ См. там же. С. 19—20, 54—57, 74—75.

⁸² См. там же. С. 33—35, 47, 54, 67—68, 254, 368, 400, 441.

⁸³ См. там же. С. 52—57. Т. 39. С. 263.

⁸⁴ См. там же. Т. 3. С. 440.

⁸⁵ См. там же. С. 69.

⁸⁶ *Социально-психологические проблемы научно-технического прогресса* / Ред. Б.Д.Парыгин. Л.: Наука, 1982. С. 50.

⁸⁷ Там же. С. 62.

⁸⁸ Там же. С. 92—93.

⁸⁹ Об обусловленности социальных институтов господствующими видами деятельности и общественных отношений. См.: *Андреев Ю.П., Коржевская Н.М., Костина Н.Б.* Социальные институты: содержание, функции, структура. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989.

⁹⁰ См.: *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. М., 1988.

⁹¹ См.: *Каган М.С.* Мир общения.

⁹² *Парыгин Б.Д.* Научно-техническая революция и личность. Социально-психологические проблемы. М.: Политиздат, 1978. С. 125.

⁹³ См.: *Пантурин В.П.* Внутренний мир личности и искусство: к определению сущностной природы искусства. Свердловск: Изд. УрГУ, 1990. С. 130—132.

⁹⁴ Там же. С. 131.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ *Оди Д.Р.* Человек — существо одинокое: биологические корни одиночества // Лабиринты одиночества. С. 139.

⁹⁷ См.: *Веденов А.В.* Потребность в общении // Сов. педагогика. 1967. № 9. С. 134—142; Проблемы формирования социогенных потребностей: Материалы I Всесоюз. конф. 4—6 ноября 1974 г., Тбилиси. Тбилиси, 1974; *Джидарьян И.А.* Потребность в общении и развитие личности // Проблемы психологии личности. Советско-финский симпозиум. М., 1982. С. 162—168.

- ⁹⁸ См., напр.: *Мухарская Л.П.* Потребность в общении как философская категория // Вестник Белорусского университета. Сер. 3. История. Научный коммунизм. Экономика. Право. Минск. 1981. № 1. С. 34—37.
- ⁹⁹ См.: *Аникеева Н.П.* Развитие потребности в общении — одна из важнейших задач формирования личности // Формирование потребности личности в общении. Новосибирск, 1981. С. 18—28; Ее же. Состав потребности в общении и пути ее формирования // Формирование духовных потребностей учащейся молодежи. Новосибирск, 1978. С. 97—102.
- ¹⁰⁰ *Аникеева Н.П.* Развитие потребности в общении — одна из важнейших задач формирования личности. С. 22.
- ¹⁰¹ См.: *Аффект* // Краткий психологический словарь / Сост. Л.А.Карпенко; Под общ. ред. А.В.Петровского, М.Г.Ярошевского. М.: Политиздат, 1985. С. 28—29.
- ¹⁰² *Сорокин П.* Система социологии: В 2 т. Т. 1. С. 382.
- ¹⁰³ См.: *Лисина М.И.* Проблемы онтогенеза общения. М.: Педагогика, 1986.
- ¹⁰⁴ *Спасибенко С.Г.* Дialectика формирования способностей и потребностей личности в условиях развитого социализма. М.: Знание, 1983. С. 7.
- ¹⁰⁵ *Кидрон А.А.* Коммуникативная способность и ее совершенствование: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л., 1981. С. 3.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 5.
- ¹⁰⁷ О работе психокоррекционных малых групп. См.: *Рудестам К.* Групповая психотерапия. Психокоррекционные группы: теория и практика. М.: Прогресс, 1990.
- ¹⁰⁸ *Кикнадзе Д.А.* Потребности. Поведение. Воспитание. М.: Мысль, 1968. С. 60—61.
- ¹⁰⁹ *Пантурин В.П.* Внутренний мир личности и искусство: к определению сущностной природы искусства. С. 143—144.
- ¹¹⁰ См.: *Ломов Б.Ф.* Соотношение социального и биологического как методологическая проблема психологии // Вопр. философии. 1976. № 4. С. 93.
- ¹¹¹ *Макаров М.Г.* Категория «цель» в марксистской философии и критика телеологии. Л.: Наука, 1977. С. 12.
- ¹¹² См.: *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. А.В.Толстых. М.: Прогресс, 1996.
- ¹¹³ *Фриш М.* Монтюх // Избранные произведения: В 3 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1991. С. 120.
- ¹¹⁴ *Ницше Ф.* Злая мудрость // Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 758.
- ¹¹⁵ *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла // Соч. в 2 т. Т. 2. С. 299.
- ¹¹⁶ См.: *Человек и его работа* (социологические исследования). М.: Мысль, 1967. С. 38.
- ¹¹⁷ Там же. С. 38—39.
- ¹¹⁸ *Гегель Г.* Наука логики. Т. II. Соч. Т. VI. М.: Соцэкгиз, 1939. С. 204.
- ¹¹⁹ Подробнее о средствах общения см.: *Соковнин В.М.* Общение и его средства // Сознание и общение. Фрунзе, 1968. С. 8—38.
- ¹²⁰ *Кветной М.С.* Человеческая деятельность: сущность, структура, типы (социологический аспект). Саратов: Изд. СГУ, 1974. С. 69.
- ¹²¹ *Розанов В.В.* Уединенное // Соч. М.: Советская Россия, 1990. С. 25.
- ¹²² Такой подход к анализу непосредственного и опосредованного общения осуществляет, например, Е.Г.Слуцкий. См.: *Слуцкий Е.Г.* Взаимодействие непосредственного и опосредованного видов общения // Научно-техническая революция и социальная психология. М.: Наука, 1981. С. 41—49.
- ¹²³ *Парыгин Б.Д.* Научно-техническая революция и социальная психология. Л.: Знание, 1976. С. 22—23.
- ¹²⁴ См.: *Кемеров В.Е.* Процессы социальные // Современный философский словарь. Екатеринбург, 1996. С. 392—394.
- ¹²⁵ *Ильин И.А.* О любезности. Социально-психологический опыт // Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Кн. 1 / Сост. и коммент. Ю.Т.Лисицы. М.: Русская книга, 1996. С. 8.
- ¹²⁶ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 496—497.
- ¹²⁷ Подробно об этом см.: *Щекоцихин Ю.П.* Алло, мы вас слышим...! Из хроники нашего времени. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 181—261; Его же. По ком звонит колокольчик? // Социологические исследования. 1987. № 1. С. 81—93.
- ¹²⁸ *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. С. 281.
- ¹²⁹ См.: *Канетти Э.* Масса и власть // Канетти Э. Человек нашего столетия: Пер. с

нем. / Сост. и авт. предисл. Н.С.Павлова; Комментар. Р.Г.Каралашвили. М.: Прогресс, 1990. С. 391—443.

¹³⁰ *Сартр Ж.-П.* Тошнота // Стена: Избр. произв. М.: Политиздат, 1992. С. 118—119.

¹³¹ См.: *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. М.: Наука, 1979. 2-е изд., доп. и испр..

¹³² Нормативный характер общения глубоко и всесторонне рассмотрен В.М.Соколовым. См.: *Соколов В.М.* О природе человеческого общения (Опыт философского анализа). Фрунзе: Мектеп, 1974. С. 85—134.

¹³³ См.: *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 254—263.

¹³⁴ *Франк С.Л.* Непостижимое. С. 356.

¹³⁵ См.: *Андреев Н.В.* Понятие социализации личности // Социальные исследования. Вып. 3. М.: Наука, 1970. С. 38—52; *Гилинский Я.И.* Стадии социализации индивида // Человек и общество. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. Вып. 9. С. 44—45; *Бергер П., Лукман Т.* Указ. соч. С. 224.

¹³⁶ См.: *Гилинский Я.И.* Указ. соч.

¹³⁷ Первичную и вторичную социализацию П.Бергер и Т.Лукман определяют следующим образом: «Первичная социализация есть та первая социализация, которой индивид подвергается в детстве и благодаря которой он становится членом общества. Вторичная социализация — это каждый последующий процесс, позволяющий уже социализированному индивиду входить в новые сектора объективного мира его общества» (*Бергер П., Лукман Т.* Указ. соч. С. 212—213).

¹³⁸ См., напр.: *Мирская Е.З.* Ученый и современная наука. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1971; *Пельц Д., Эндрус Ф.* Ученые в организациях. Об оптимальных условиях для исследований и разработок. М.: Прогресс, 1973; *Микулинский С.Р., Ярошевский М.Г.* Социально-психологические аспекты научной деятельности // Вопр. философии. 1973. № 1. С. 27—37; *Дубовская В.И.* Общение и научное мышление // Мышление и общение. Алма-Ата, 1973. С. 6—7; *Ярошевский М.Г.* Дискуссия как форма научного общения // Вопр. философии, 1978. № 3. С. 94—103; *Соколов А.Н.* Проблемы научной дискуссии: логико-гносеологический анализ. Л.: Наука, 1980; *Общение и оптимизация совместной деятельности* / Ред. Г.М.Андреева, Я.Яноушек. М.: МГУ, 1987; *Белкин П.Г., Емельянов Е.Н., Иванов М.А.* Социальная психология научного коллектива. М.: Наука, 1987; *Познание и общение* / Отв.ред. Б.Ф.Ломов, А.В.Беляева, М.Коул. М.: Наука, 1988.

¹³⁹ См.: *Кольцова В.А.* Опыт экспериментального изучения познавательной деятельности в условиях общения // Методология и методы социальной психологии. М.: Наука, 1977. С. 189—200; *Ломов Б.Ф.* Особенности познавательных процессов в условиях общения // Психол. журнал. М., 1980. Т. 1. № 5. С. 26—42.

¹⁴⁰ См.: *Клейст Г.* О том, как постепенно составляется мысль, когда говоришь // Клейст Г. Избранное. Драм. Новеллы. Статьи. М.: Худож. лит., 1977. С. 503—508.

¹⁴¹ Там же. С. 504.

¹⁴² *Микулинский С.Р.* Научная дискуссия и развитие науки // Вопр. философии. 1978. № 3. С. 92.

¹⁴³ *Режабек Е.Я.* Всеобщий труд в сфере науки // Социальная природа познания. М.: Наука, 1979. С. 58.

¹⁴⁴ См.: *Пельц Д., Эндрус Ф.* Ученые в организациях. Об оптимальных условиях для исследований и разработок. С. 93—103 и др.

¹⁴⁵ *Мамбетова А.Д.* Рефлексия и научное общение // Общение в свете теории отражения. Фрунзе: Илим, 1980. С. 72.

¹⁴⁶ См.: *Кузнецов О.Н., Лебедев В.И.* Психология и психопатология одиночества. М.: Медицина, 1972. С. 186—188.

¹⁴⁷ См. там же. С. 187—188.

¹⁴⁸ См.: *Фаст Дж.* Язык тела. *Халл Э.* Как понять иностранца без слов / Пер. с англ. М.: Вече АСТ, 1997; *Лоуэн А.* Язык тела. СПб.: Гуманитар. агентство «Акад проект», 1997; *Пиз А.* Язык жестов / Пер. с англ. Воронеж: НПО МОДЭК, 1992.

¹⁴⁹ См.: *Шибутани Т.* Социальная психология / Пер. с англ. Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1998. С. 182—211 и др.

¹⁵⁰ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 62 (примеч.).

¹⁵¹ *Аристотель.* Большая этика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 373.

- ¹⁵² См.: Ильин И.А. О любезности. Социально-психологический опыт // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 6. Кн. 1. М.: Русская книга, 1996. С. 7—49.
- ¹⁵³ См.: Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. М.: Наука, 1983. С. 284—285.
- ¹⁵⁴ См.: Мицич П. Как проводить деловые беседы: Сокр. пер. с серб.-хорв. / Общ. ред. В.М.Шепеля. М.: Экономика, 1983.
- ¹⁵⁵ См.: *Восприятие и понимание человека человеком*. М.: МГУ, 1982; Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М.: МГУ, 1990. С. 211—222.
- ¹⁵⁶ См.: Никитин Е.П., Харламенкова Н.Е. Проблема самоутверждения личности в философии и психологии (к истории проблемы) // *Вопр. философии*. 1995. № 8. С. 73—91.
- ¹⁵⁷ См., напр.: Березин С.Л. Самоутверждение и его роль в нравственном развитии личности: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Свердловск, 1973; Он же. К вопросу о сущности самоутверждения личности // *Филос. науки*. 1974. № 2. С. 40—47; Цыбра Н.Ф. Самоутверждение личности (социально-философский анализ). Киев; Одесса: Выща шк., 1989; Чернявская Г.К. Трудный путь к самому себе: Очерки саморазвития личности. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1994; Никитин Е.П., Харламенкова Н.Е. Самоутверждение человека // *Вопр. философии*. 1997. № 9. С. 96—117.
- ¹⁵⁸ Ильин И.А. О любезности... С. 10.
- ¹⁵⁹ См.: Михальская А.К. Педагогическая риторика: история и теория: Учеб. пособие для студ. пед. ун-тов и ин-тов. М.: Изд. центр «Академия», 1998. С. 288.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 287.
- ¹⁶¹ См.: Михальская А.К. К современной концепции культуры речи // *Науч. докл. высшей школы. Филолог. науки*. 1990. № 5. С. 50—60. Она же. Пути развития отечественной риторики: Утраты и поиски речевого идеала // *Науч. докл. высшей школы. Филолог. науки*. 1992. № 3. С. 55—67; Она же. Педагогическая риторика. С. 282—293 и др.
- ¹⁶² Ильин И.А. О любезности. С.13.
- ¹⁶³ См.: Якоби М. Встреча с аналитиком. Феномен переноса и человеческие отношения: Пер. с англ. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 1996.
- ¹⁶⁴ Юнг К.Г. Некоторые принципиальные соображения о практической психотерапии // Юнг К.Г. Психология переноса. Статьи: Пер. с англ. М.: Рефл. бук, К. «Ваклер», 1997. С. 28.
- ¹⁶⁵ См., напр.: Знаменитые случаи из практики психоанализа: Сб. М.: REFL-book, 1995.
- ¹⁶⁶ См., напр.: Рудестам К. Групповая психотерапия. Психокоррекционные группы: теория и практика: Пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. ст. Л.А.Петровской. М.: Прогресс, 1990.
- ¹⁶⁷ Там же. С. 126.
- ¹⁶⁸ См.: Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание: Пер. с англ. / Общ. ред. и послесл. И.Б.Новика и В.Н.Садовского. М.: Прогресс, 1988.

ГЛАВА 2

- ¹ См.: *Компенсация* // Энциклопедический словарь т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К°». Т. 24. С. 622—623; *Компенсационные методы* // Энцикл. словарь. Т. XVI / Издатель Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. — СПб., 1895. С. 901—902; Дворецкий И.Х. *Compensatio, onis* // Латинско-русский словарь. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Русский язык, 1976. С. 216; *Надель-Червинская М.А., Червинский П.П.* Компенсатор // Большой толковый словарь иностранных слов: В 3 т. Т. 2. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. С. 94; *Компенсаторные процессы* // Большая медицинская энциклопедия: В 30 т. Изд. 3-е. М.: Сов. энцикл., 1979. Т. 11. С. 265—275; *Компенсация, Компенсатор, Компенсатор автоматический, Компенсатор оптический, Компенсирующие устройства и т.д.* // *Больш. сов. энцикл.*: В 30 т. Изд. 3-е. М.: Сов. энцикл., 1973. Т. 12. С. 582—585; *Компенсационное пространство* // *Горная энцикл.* М.: Сов. энцикл. Т. 3. Кенган-Орт, 1987. С. 75—76; *Компенсационный эффект* // *Хим. энцикл.*: В 5 т. Т. 2. М.: Сов. энцикл., 1990. Т. 2. С. 438; *Компенсация демографическая* // *Демогр. энцикл. словарь*. М.: Сов. энцикл., 1985. С. 198; *Компенсация* // *Пед. энцикл.* М.: Сов. энцикл., 1965. Т. II. С. 464—465; *Компенсационные пошлины. Компенсация морального вреда* // *Энцикл. юрид. словарь*. М.: ИНФРА-М, 1998. С. 140—141; *Компенсационная пошлина, Компенсационная торговля, Компенсационные выплаты, Компенсационные сделки, Ком-*

пенсационный курс, Компенсация, Компенсация внешнеторговая, Компенсация за обесцененные деньги, Компенсация морального ущерба, Компенсация номинальная // Райсберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Совр. энцикл. словарь. М.: ИНФРА-М, 1998. С. 158—159 и др.

² *Компенсация* // Филос. энцикл. словарь. М.: Сов. энцикл., 1989. С. 272—273.

³ Харди Р.Н. *Гомеостаз* / Пер. с англ. А.М.Алпатова. М.: Мир, 1986.

⁴ Давыдовский И.В. Компенсаторно-приспособительные процессы // Клиническая медицина. М.: Медгиз, 1962. Т. XXXX. № 7. С. 3—14; *Компенсаторная гипертрофия органов млекопитающих животных и человека* / Под ред. проф. Л.Д.Лиознера. М.: Медгиз, 1963; *Компенсаторно-приспособительные процессы*: Тр. симпозиума по компенсаторно-приспособительным процессам, Куйбышев, 5—6 мая 1960 г. [Ред. коллегия ... Н.Ф.Шляпников (отв.ред.)]. Куйбышев, 1961; *Компенсаторно-приспособительные процессы в клетках внутренней среды*: Сб. науч. тр. / Ташкент. гос. мед. ин-т. Ташкент, 1988; *Компенсаторно-приспособительные процессы в патологии*: Сб. ст. / АН Латв. ССР. Рига: Зинатне, 1987; *Компенсаторные и адаптивные процессы в центральной нервной системе*: Тез. докл. к Всесоюзному симпозиуму, 5—7 сент. 1977 г. / М.А. Рыбалко (отв. ред.) и др. Иркутск, 1977; *Компенсаторная приспособляемость человека при заболеваниях центральной нервной системы*. М., 1973.

⁵ См.: Тойнби А.Дж. *Постижение истории* / Сост. А.П.Огурцов; Вступ. ст. Уколовой В.И.; Закл. ст. Рашковского Е.Б. М.: Прогресс, 1991. С. 170—174; Бехтерев В.М. Гл. XXI. Закон компенсации или замещения // Бехтерев В.М. Избранные работы по социальной психологии. М.: Наука, 1994. С. 319—331.

⁶ См.: Хренов Н.А. Массовые реакции на искусство в контексте исторической психологии // *Художественное творчество и психология*. М.: Наука, 1991. С. 81—108.

⁷ См.: Адлер А. *Практика и теория индивидуальной психологии*. М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1995; Адлер А. *Наука жить*. Киев: Port-Royal, 1997; Адлер А. *О нервическом характере*. СПб.: Университетская книга, 1997.

⁸ См.: Юнг К. *Психологические типы*. СПб.: Ювента; М.: Прогресс-Универс, 1995.

⁹ См.: Фромм Э. *Душа человека*. М.: Республика, 1992. С. 25—27.

¹⁰ См. там же. С. 55.

¹¹ См.: Фрам Э. *Анатомия человеческой деструктивности*. М.: Республика, 1994. С. 212—213.

¹² См. там же. С. 219.

¹³ Там же. С. 278.

¹⁴ Савенко Ю.С. Проблема психологических компенсаторных механизмов и их типологии // *Проблемы клиники и патогенеза психических заболеваний*: Сб. ст. М., 1974. С. 100.

¹⁵ Васильюк Ф.Е. *Психология переживания (Анализ преодоления критических ситуаций)*. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 59.

¹⁶ Савенко Ю.С. Указ. соч. С. 100.

¹⁷ См.: Васильюк Ф.Е. Указ. соч.

¹⁸ См.: *Физическая химия: Теоретическое и практическое руководство*. Учеб. пособие для вузов. Л.: Химия, 1987. С. 55—61.

¹⁹ См.: Сивухин Д.В. *Общий курс физики. Термодинамика и молекулярная физика*. М.: Наука, 1979. С. 93.

²⁰ *Ленинская теория отражения в свете развития науки и практики*. Т. I. Отражение, познание, творчество / Гл. ред. Т.Павлов. София: Изд-во Наука и искусство, 1981. С. 29.

²¹ О классификации типов целостной организации объектов неорганической природы см.: Абрамова Н.Т. О соотношении части и целого в строении материи // *Вопр. философии*. 1962. № 2. С. 46—56.

²² См.: Пивоваров Д.В. *Иррациональное, сверхъестественное и предмет философского атеизма* // *Отношение человека к иррациональному*. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. С. 14—16.

²³ См.: Абрамова Н.Т. *Целостность и управление*. М.: Наука, 1974. С. 223.

²⁴ *Ленинская теория отражения в свете развития науки и практики*. Т. I. С. 53.

²⁵ См.: Заксе Х. *Антропология техники* // *Философия техники в ФРГ*. М.: Прогресс, 1989. С. 425—430.

²⁶ См.: Выготский Л.С. *Основы дефектологии* // *Выготский Л.С. Собр. соч.* В 6 т. Т.5. М.: Педагогика, 1983. С.12, 51.

²⁷ *Ленинская теория отражения...* Т. I. С.61.

- ²⁸ См.: Урсул А.Д. Информация: Методологические аспекты. М.: Наука, 1971. С. 157—167.
- ²⁹ Ленинская теория отражения... Т. II. Теория отражения, современное естествознание и социальное познание. София, 1981. С. 190—207.
- ³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 633.
- ³¹ Ленинская теория отражения... Т. II. С. 195.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. С. 193.
- ³⁴ Давыдовский И.В. Компенсаторно-приспособительные процессы. С. 12.
- ³⁵ См.: Выготский Л.С. Указ. соч. С. 52, 64, 67, 72, 73.
- ³⁶ Из сказанного следует, что в понятие «компенсаторный фонд» мы вкладываем иное содержание, чем Л.С.Выготский, который понимал под компенсаторным фондом диапазон психологических адаптивных возможностей человека.
- ³⁷ См.: Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987. С. 115—141.
- ³⁸ Там же. С. 129.
- ³⁹ Там же. С. 125.
- ⁴⁰ О компенсаторной функции религии см., напр.: Угринович Д.М. Введение в религиозное. М.: Мысль, 1985. С. 100—103; Колосницын В.И. Религиозное отчуждение. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1987.
- ⁴¹ См.: Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Гл. ред. восточной литературы изд-ва «Наука», 1983.
- ⁴² Там же. С. 264.
- ⁴³ Там же. С. 185.
- ⁴⁴ Там же. С. 171.
- ⁴⁵ См.: Жигульский К. Праздник и культура / Пер. с польск. М.: Прогресс, 1985.
- ⁴⁶ См.: Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Из ранних произведений. М.: Правда, 1990; Еремеев А.Ф. «Новое бытие» превращенных форм (разновидностей) общественного сознания // Проблема отчуждения в современной теории культуры, этике и эстетике: Сб. науч. тр. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1990. С. 5—25.
- ⁴⁷ См.: Айтматов Ч. Потребность в новом видении // Известия. 1987. 19 июня; Григорьян Б.Т. О ритуалах слова, мышления и действия // Вопр. философии. 1987. № 10; Нуйкин А. Идеалы и интересы? // Новый мир. 1988. № 1. С. 190—211.
- ⁴⁸ См.: Кессиди Ф.Х. Послесловие // Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. М., 1988. С. 172—178.
- ⁴⁹ Организованная преступность. М.: Юридическая литература, 1989. С. 66.
- ⁵⁰ Еремеев А.Ф. Указ. соч. С. 17.
- ⁵¹ Там же. С. 17—18.
- ⁵² Андреев Ю.П., Коржевская Н.М., Костина Н.Б. Социальные институты: содержание, функции, структура. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. С. 25.
- ⁵³ Там же. С. 27.
- ⁵⁴ См.: Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI—XII вв. Л.: Наука, 1990.
- ⁵⁵ Андреев Ю.П., Коржевская Н.М., Костина Н.Б. Указ. соч. С. 21—22.
- ⁵⁶ Пригожин А.И. Социология организаций. М.: Наука, 1980. С. 91.
- ⁵⁷ См.: Андреев Ю.П. Содержание и структура общественных отношений. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985.
- ⁵⁸ Введение в марксистское обществознание / Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А., Красин Ю.А., Плетнев Э.П. М.: Политиздат, 1989. С. 108.
- ⁵⁹ Там же. С. 115.
- ⁶⁰ См. там же. С. 114—120.
- ⁶¹ Организованная преступность. С. 83.
- ⁶² Там же. С. 146.
- ⁶³ Там же. С. 218.
- ⁶⁴ Андреев Ю.П. Содержание и структура общественных отношений. С. 154.
- ⁶⁵ См.: Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1984. С. 228—247; 255—268.
- ⁶⁶ Шушин В. Энергичные люди // Рассказы. Повести. Рига: Лиесма, 1983. С. 360.
- ⁶⁷ Бурлацкий Ф.М. Вожди и советники: О Хрущеве, Андропове и не только о них... М.: Политиздат, 1990. С. 299.

- ⁶⁸ См.: *Сунягин Г.Ф.* Человек как субъект труда // Методологические проблемы изучения человека в марксистской философии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. С. 40—41.
- ⁶⁹ См.: *Коган М.С.* Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. М.: Политиздат, 1988. С. 133—134.
- ⁷⁰ См.: Он же. Человеческая деятельность. (Опыт системного анализа). М.: Политиздат, 1974. С. 268—288.
- ⁷¹ См.: *Угринович Д.М.* Указ. соч. С. 100—103.
- ⁷² См.: *Колосницын В.И.* Религиозное отчуждение. С. 124—128.
- ⁷³ Там же. С. 125.
- ⁷⁴ См.: *Пивоваров Д.В.* Иррациональное, сверхъестественное и предмет философского атеизма. С. 9—38.
- ⁷⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 44. С. 45.
- ⁷⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 21—22.
- ⁷⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 32.
- ⁷⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 32. С. 60.
- ⁷⁹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 33.
- ⁸⁰ См.: *Пивоваров Д.В.* Проблема носителя идеального образа: операционный аспект. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1986.
- ⁸¹ См.: *Пивоваров Д.В.* Иррациональное, сверхъестественное и предмет философского атеизма. С. 35.
- ⁸² Там же. С. 14—20.
- ⁸³ Там же. С. 17—18.
- ⁸⁴ *Введение* в марксистское обществознание. С. 96—97.
- ⁸⁵ См.: *Латышев В.В.* Очерк греческих древностей. Ч. II. Богослужбные и сценические древности. СПб., 1889. С. 139, 156.
- ⁸⁶ См.: *Винничук Л.* Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. М.: Высшая школа, 1988. С. 378.
- ⁸⁷ См.: *Штаерман Е.М.* Из истории фамильного культа в Древнем Риме. М.: Наука, 1964. С. 5.
- ⁸⁸ *Велишский Ф.Ф.* Быт греков и римлян. Прага, 1878. С. 483.
- ⁸⁹ См.: *Латышев В.В.* Указ. соч. С. 139.
- ⁹⁰ *Бахтин М.М.* Творчество Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 13—14.
- ⁹¹ См.: *Жигульский К.* Праздник и культура. С. 22, 93—100.
- ⁹² *Кюстин А.* Николаевская Россия. М.: Политиздат, 1990. С. 247.
- ⁹³ См.: *Жигульский К.* Указ. соч. С. 118—119.
- ⁹⁴ *Заксе Х.* Антропология техники. С. 437.
- ⁹⁵ *Ильф И.А., Петров Е.П.* Золотой теленок. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1973. С. 342.
- ⁹⁶ *Сергеенко М.Е.* Жизнь Древнего Рима. Очерки быта. М.-Л.: Наука, 1973.
- ⁹⁷ См.: *Хренов Н.А.* Социально-психологические аспекты взаимодействия искусства и публики. М.: Наука, 1981.
- ⁹⁸ См.: *Гладышев В.И.* Социальные причины и функции компенсаторного общения: Авторсф. дис. ... канд. филос. наук. Свердловск, 1983; Он же. О природе негативных явлений в сфере общения и общих принципах их преодоления // Мораль, традиции, воспитание: Тез. докл. регионал. конф., посв. 70-летию Великого Октября. Уфа, 1987. С. 109—112.
- ⁹⁹ См.: *Гладышев В.И.* Компенсаторное общение и духовное развитие личности // Духовные факторы общественного прогресса: Межвуз. сб. науч. тр. / ЧГПИ. Челябинск, 1991. С. 83—99.
- ¹⁰⁰ См.: *Кривцов В.А.* Эстетика даосизма. М.: ПОО «Фабула», Институт Дальнего Востока РАН, 1993.
- ¹⁰¹ См.: *Митс А.А.* Гармония и дисгармония личности: Филос.-этич. очерк: Пер. с латыш. М.: Политиздат, 1990; *Клима Д.* Гармония. Гармоническая личность: (Гроздь истины) / М-во нар. образования МССР, НИИ педагогики. Кишинев: Штиинца, 1990.
- ¹⁰² См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Соч. Т. 3. С. 24.
- ¹⁰³ См.: *Кон И.С.* Дружба: Этико-психологический очерк. М.: Политиздат, 1989.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 27.
- ¹⁰⁵ См.: *Баткин Л.М.* Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. М.: Наука, 1978.

- ¹⁰⁶ Ухтомский А.А. Письма // Пути в незнаемое. Писатели рассказывают о науке. М.: Сов. писатель, 1973. С. 391.
- ¹⁰⁷ См.: Соловьев В.С. Смысл любви // Соч. в 2 т. Т. 2. / Общ. ред. и сост. А.В.Гулыги, А.Ф.Лосева; Примеч. С.Л.Кравца и др. М.: Мысль, 1990. С. 493—547.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 519.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 544.
- ¹¹⁰ Там же. С. 531, 533.
- ¹¹¹ См.: Шукушин В.М. Наказ // Рассказы. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1980. С. 86—93.
- ¹¹² Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 620.
- ¹¹³ См.: Дарол А. Тайные общества / Пер. с фр. М.: КРОН-ПРЕСС, 1998.
- ¹¹⁴ См.: Тарковский А.А. Дом напротив // Тарковский А.А. Белый день: Стихотворения и поэмы. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, АОЗТ Из-во ЯУЗА, 1998. С. 186—187.
- ¹¹⁵ Садовник В. Крестьянин Гельмбрехт. М.: Наука, 1971.
- ¹¹⁶ См.: Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М.: Искусство, 1981; Он же. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990; Орлов М.А. История сношений человека с дьяволом. М.: Республика, 1992. С. 128—212.
- ¹¹⁷ См.: Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. С. 308—375.
- ¹¹⁸ Между тем Роман Вильнев, посвятивший многие годы научному изучению интересующей нас темы, утверждает: «По нашему мнению, шабашы имели место в действительности, но в них не было ничего сверхъестественного, просто это были собрания членов тайных обществ, объединявших сексуальных маньяков, бездумных мистиков и вообще любителей свального греха». И в другом месте: «Колдуны и ведьмы, будучи токсикоманами и отравителями чуть ли не по призванию, стремились постоянно привлекать на свою сторону все новых и новых последователей своего черного дела, и различные снадобья, вызывавшие видения и дававшие людям совершенно неведомые прежде ощущения, увлекали в их сети новых участников. Таким образом создавались целые сообщества людей, жаждавших опьянения, людей, неудовлетворенных обыденным существованием, людей любопытных, восприимчивых, жаждавших перемен и развлечений» (Вильнев Р. Шабаш и колдовство / Пер. с фр. М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. С. 143—144, 197).
- ¹¹⁹ См.: Вильнев Р. Указ. соч. С. 135—272.
- ¹²⁰ См.: Парtridge Б. История оргий / Пер. с англ. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997.
- ¹²¹ Еремеев А.Ф. Лекции по марксистско-ленинской эстетике. В 4 ч. Ч. 4. Свердловск, 1975. С. 96.
- ¹²² Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 309.
- ¹²³ Родионов Б.А. Производственное общение молодых рабочих в первичном производственном коллективе в условиях механизации и автоматизации производства // Социальные последствия научно-технического прогресса. Уфа, 1973. С. 160.
- ¹²⁴ См.: Колосницын В.И. Лекции по теории научного атеизма. Свердловск, 1975. Ч. 1. С. 105—106; Рихта Р. Научно-техническая революция и развитие человека // Вопр. философии. 1970. № 2. С. 56—66; Букин В.Р. Научно-технический прогресс и психология верующего. Л.: Знание, 1973. С. 7—8; Лебедев В.И. Личность в экстремальных условиях. М.: Политиздат, 1989; Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. М.: Наука, . С. 272—323.
- ¹²⁵ Кузнецов О.Н., Лебедев В.И. Психология и психопатология одиночества. М.: Медицина, 1972. С. 260.
- ¹²⁶ Рихта Р. Научно-техническая революция и развитие человека. С. 60.
- ¹²⁷ Соколов В.М. О природе человеческого общения. (Опыт философского анализа). Фрунзе: Мектеп, 1974. С. 26.
- ¹²⁸ Там же. С. 18—19.
- ¹²⁹ См.: Виденев Н.В. Природа интеллектуальных способностей человека. М.: Мысль, 1989. С. 92.
- ¹³⁰ Там же.
- ¹³¹ См.: Кемеров В.Е. Взаимопонимание: Некоторые философские и психологические проблемы. М.: Политиздат, 1984. С. 4—6 и др.

- ¹³² См.: *Роджерс К.* Эмпатия // Психология эмоций. Тексты. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 235—237.
- ¹³³ *Симонов П.В.* О познавательной функции сопереживания // *Вопр. философии.* 1979. № 9. С. 137.
- ¹³⁴ *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 299.
- ¹³⁵ Там же. С. 335.
- ¹³⁶ См.: *Парыгин Б.Д.* Научно-техническая революция и личность: Социально-психологические проблемы. М.: Политиздат, 1978. С. 147—150 и др.
- ¹³⁷ Наиболее полный, хотя отнюдь неисчерпывающий анализ барьеров в общении, в том числе самого общего понятия «барьер в общении», дан в одноименном параграфе книги Н.В.Виденеева «Природа интеллектуальных способностей человека». С. 87—101.
- ¹³⁸ См.: *Общение и оптимизация совместной деятельности.* М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 242—250.
- ¹³⁹ *Бердяев Н.А.* Человек и машина // *Вопр. философии.* 1989. № 2. С. 156.
- ¹⁴⁰ См.: *Черемисина О.Н., Бардиер Г.Л.* Проблемы компьютерно-ориентированных детей // *Психол. газета.* 1998. № 7 (34). С. 28—29.
- ¹⁴¹ См.: *Долныкова А.А., Чудова Н.В.* Психологические особенности суперпрограммистов // *Психол. журнал.* Т. 18. 1997. № 1. С. 113—121.
- ¹⁴² Там же. С. 119.
- ¹⁴³ *Бабаева Ю.Д., Войскунский А.Е.* Психологические последствия информатизации // *Психол. журнал.* Т. 19. № 1. С. 90.
- ¹⁴⁴ См.: Там же. С. 96.
- ¹⁴⁵ Там же.
- ¹⁴⁶ См.: *Черемисина О.Н., Бардиер Г.Л.* Указ. соч. С. 28.
- ¹⁴⁷ Там же.
- ¹⁴⁸ *Баранов А.В.* Человек в городе // *Духовное становление человека.* Л.: Знание, 1972. С. 88.
- ¹⁴⁹ *Донская Л.В., Линчевский Э.Э.* Психофизиологические аспекты труда работников сферы обслуживания. Л.: Медицина, 1979. С. 93.
- ¹⁵⁰ *Рябушин А.* Научно-технический прогресс, урбанизация, жилище. М.: ВНИИТЭ, 1974. С. 64.
- ¹⁵¹ См.: *Дридзе Т.М.* Социальная диагностика в градостроительстве // *Социол. исследования.* 1998. № 2. С. 96—98.
- ¹⁵² См. там же.
- ¹⁵³ См.: Петербург начала 90-х: Безумный, холодный, жестокий. 2-е изд. СПб., 1994.
- ¹⁵⁴ *Стивенсон С.А.* О феномене бездомности // *Социол. исследования.* 1996. № 8. С. 28.
- ¹⁵⁵ Там же. С. 29—30.
- ¹⁵⁶ См.: *Ружжее В.Л., Елисеева И.И., Кадибур Т.С.* Опыт исследования семейных групп // *Социол. исследования.* 1976. № 1. С. 113—120; *Елисеева И.И., Кадибур Т.С.* Эффективность межсемейных контактов (По материалам обследования семей Ленинграда) // Эффективность жилой среды в условиях городского образа жизни (Ленинград-2000): Материалы науч.-теорет. совещ. (31 мая — 3 июня 1976 г.). Л., 1976. С. 57—58; *Елисеева И.И.* Семейные группы: общение и расселение // Современные проблемы воспроизводства населения: Материалы симпозиума, г.Рига, 2—4 декабря, 1980 г. Рига, 1980. С. 120—124.
- ¹⁵⁷ *Гордиенко А.А., Повешнев Г.С., Плюснин Ю.М.* Структура поведения безработного // *Социол. исследования.* 1996. № 11. С. 104.
- ¹⁵⁸ Там же. С. 103.
- ¹⁵⁹ *Меренков А.В., Рыбцова Л.Л., Кольцова В.А.* Семейное воспитание: кризис и пути его преодоления. Екатеринбург, 1997. С. 18.
- ¹⁶⁰ См.: *Семья на пороге третьего тысячелетия.* М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1995. С. 55—57.
- ¹⁶¹ См. там же. С. 63, 60—61.
- ¹⁶² Там же. С. 60.
- ¹⁶³ *Проневская И.В.* Деформация внутрисемейных отношений: сравнительный анализ фамилистических текстов // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология.* 1997. № 2. С. 149.
- ¹⁶⁴ *Гордон Л.А., Клопов Э.В.* Человек после работы. Социальные проблемы быта и внерабочего времени. М.: Наука, 1972. С.152.

- ¹⁶⁵ Башкирова Г.Б. Рай в шалаше. М.: Сов. писатель, 1979. С. 281—282.
- ¹⁶⁶ См.: Эмоциональные нарушения в детском возрасте и их коррекция / В.В. Лебединский и др. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 54—55.
- ¹⁶⁷ Там же. С. 55.
- ¹⁶⁸ Кораленко Ц.П., Донских Т.А. Семь путей к катастрофе: Деструктивное поведение в современном мире. Новосибирск: Наука, 1990. С. 5.
- ¹⁶⁹ Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. С. 39.
- ¹⁷⁰ Прудон П.-Ж. Что такое собственность, или Исследование о принципе права и власти. М., 1919. С. 160.
- ¹⁷¹ Аристотель. Большая этика // Соч. В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 373—374.
- ¹⁷² Розанов В.В. Опавшие листья. Короб первый // Уединенное. М.: Политиздат, 1990. С. 88.
- ¹⁷³ Эмоциональные нарушения в детском возрасте и их коррекция. С. 64.
- ¹⁷⁴ Там же. С. 65.
- ¹⁷⁵ Там же.
- ¹⁷⁶ См.: Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М.: Наука, 1989. С. 263—275; Фромм Э. Душа человека. Ее способность к добру и злу // Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992.
- ¹⁷⁷ Кораленко Ц.П., Донских Т.А. Указ. соч. С. 189.
- ¹⁷⁸ Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1989. С. 104.
- ¹⁷⁹ Антисифен. Из сочинений о Гомере // Антология кинизма. М.: Наука, 1984.
- ¹⁸⁰ Фромм Э. Бегство от свободы. С. 28.
- ¹⁸¹ Соколова Е.Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 76.
- ¹⁸² Гозман Л.Я. Психология эмоциональных отношений. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 48.
- ¹⁸³ См.: Шафранская К.Д. Психологические трудности общения лиц с косметическими дефектами // Психология межличностного познания. М.: Педагогика, 1981. С. 212—221; Панферов В.Н. О роли внешности в регуляции отношений // Человек и общество. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. Вып. III. С. 235—240; Соколова Е.Т. Указ. соч. С. 26—35.
- ¹⁸⁴ Николаева В.В. Влияние хронических болезней на психику. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 131.
- ¹⁸⁵ Тарас А.Е. Педагогическая профилактика правонарушений несовершеннолетних. Минск: Нар. асвета, 1982. С. 32.
- ¹⁸⁶ Кон И.С. Социология личности. М.: Политиздат, 1967. С. 139—140.

ГЛАВА 3

- ¹ См.: Садлер У.А. и Джонсон Т.Б. От одиночества к анонии // Лабиринты одиночества. М.: Прогресс, 1989. С. 21—51.
- ² См.: Каган М.С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. М.: Политиздат, 1988. С. 100—121.
- ³ См., напр.: Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.
- ⁴ См.: Каган М.С. Мир общения. С. 201—202.
- ⁵ См.: Берн Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы. М.: Прогресс, 1988. С. 66—67.
- ⁶ См.: Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987.
- ⁷ См.: Каган М.С. Указ. соч. С. 90—100.
- ⁸ Там же. С. 97.
- ⁹ Там же. С. 101—102.
- ¹⁰ См. Андреева Г.М. Социальная психология: Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 1996.
- ¹¹ См.: Краткий психологический словарь. М.: Политиздат, 1985.
- ¹² Там же. С. 357—358.
- ¹³ См.: Тард Г. Публика и толпа. СПб., 1899.

- ¹⁴ См.: Хренов Н.А. Социально-психологические аспекты взаимодействия искусства и публики. М.: Наука, 1981. С. 123.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. С. 110.
- ¹⁷ См.: Каган М.С. Указ. соч. С. 250.
- ¹⁸ См.: Библер В.С. Культура. Диалог культур (Опыт определения) // Вопр. философии. 1989. № 6. С. 31—42.
- ¹⁹ См.: Каган М.С. Указ. соч. С. 223—230.
- ²⁰ Один из разделов в книге Л.П.Гримака «Общение с собой» озаглавлен «Общение с природой — специфическая форма аутокоммуникации». См.: Гримак Л.П. Общение с собой: Начала психологии активности. М.: Политиздат, 1991. С. 95—103.
- ²¹ См.: Каган М.С. Указ. соч. С. 231.
- ²² См.: Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М.: Изд-во Моск.ун-та, 1990; Андреева Г.М. Социальная психология: Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 137—203; Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М. Психология малой группы: Теоретический и прикладной аспекты. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 9—12.
- ²³ О специфике проявления влечения к алкоголю, ритуале его приема и эффекта воздействия в ситуации социального общения см.: Короленко Ц.П., Завьялов В.Ю. Личность и алкоголь. Новосибирск: Наука, 1988. С. 18—23, 78—84.
- ²⁴ Крижанская Ю.С., Третьяков В.П. Грамматика общения. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. С. 179.
- ²⁵ Там же. С. 185.
- ²⁶ Подробно о «правилах» и психологическом содержании игры в «алкоголика» см.: Берн Э. Указ. соч. С. 56—63.
- ²⁷ См.: Короленко Ц.П., Донских Т.А. Семь путей к катастрофе: Деструктивное поведение в современном мире. Новосибирск: Наука, 1990. С. 49—54.
- ²⁸ Там же. С. 54.
- ²⁹ См.: Короленко Ц.П., Завьялов В.Ю. Личность и алкоголь. С. 96.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Манн Г. Верноподданный // Манн Г. Верноподданный. Бедные. М.: Правда, 1985. С. 38—40.
- ³² См.: Рязанцев В.А. Социально-психологические и медицинские проблемы пьянства и алкоголизма. Киев: Здоровье, 1985. С. 31.
- ³³ См.: Бойко В.В. В ответе за каждого: Социально-психологические аспекты борьбы с пьянством и алкоголизмом. Л.: Лениздат, 1986. С. 67.
- ³⁴ См. там же.
- ³⁵ Там же. С. 66—67.
- ³⁶ См.: Зиновьева Е.М. Природа и динамика механизма «идентификации» // Философское освоение мира человеком. Л.: ЛГПИ им.Герцена, 1977. С. 88—96.
- ³⁷ См.: Гаврилова Т.П. Экспериментальное изучение эмпатии у детей младшего и среднего школьного возраста // Вопр. психологии. 1974. № 5. С.107.
- ³⁸ См.: Смирнова Е.Э., Сошков А.П. Рассуждения о рассуждениях // Социальная психология личности. Л.: Знание, 1974. С. 140—149.
- ³⁹ О первичных и вторичных группах см.: Робер М.-А., Тильман Ф. Психология индивида и группы. М.: Прогресс, 1988. С. 61.
- ⁴⁰ См.: Рогачевский Л.А. Эмоции и преступления. Л.: Знание, 1984; Скугаревская Е.И. Эмоции и алкоголизм. Минск: Вышш. шк., 1987; Куценко Б.Н. Эмоции и религия. Киев: Политиздат Украины, 1987.
- ⁴¹ Рязанцев В.А. Указ. соч. С. 79.
- ⁴² Березин С.Л. Самоутверждение и его роль в нравственном развитии личности: Автореф. дис. ... канд.филос.наук. Свердловск, 1973. С. 4—5.
- ⁴³ Братусь Б.С. Актуальные проблемы психологического изучения и коррекции алкоголизма // Психологический журнал. 1987. Т. 8. № 2. С. 106.
- ⁴⁴ Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. Бедные люди: Романы; Дядюшкин сон: Повесть. М.: Худож. лит., 1983. С. 8.
- ⁴⁵ Сафонов В.С. Особенности доверительного общения: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1977. С. 6.
- ⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 18—19.

⁴⁸ Там же. С. 8—9.

⁴⁹ *Ортега-и-Гассет Х.* Человек и люди // «Дегуманизация искусства» и др. работы. Эссе о литературе и искусстве: Сб. М.: Радуга, 1991. С. 362—364.

⁵⁰ *Попов В.А., Кондратьева О.Ю.* Наркотизация в России — шаг до национальной катастрофы // Социол. исследования. 1998. № 8. С. 65.

⁵¹ Отмеченная особенность бросается в глаза при изучении соответствующей справочной литературы. См.: например: *Наркомания* и токсикомания: Указ. отеч. и иностр. лит. за 1980—1988 гг. / ВНИИ мед. и мед.-техн. информ. и др. М.: ГЦНМБ, 1988.

⁵² Напр., Е.С.Скворцова отмечает: «До 1987—1988 гг. потребление наркотических действующих веществ (НДВ) среди подростков было распространено незначительно, о чем свидетельствуют работы А.А.Глазова, Р.И.Теркулова, А.А.Габияни, В.Г.Запороженко и др. С начала 90-х годов ситуация стала резко ухудшаться, с 1992 г. в России сложилась новая ситуация с потреблением наркотических веществ». См.: *Скворцова Е.С.* Потребление наркотически действующих веществ среди городских подростков-школьников России // Российский медицинский журнал. 1998. № 6. С. 23.

⁵³ См., напр., работы Л.Н.Анисимова, А.А.Габияни, И.Г.Уракова, Д.В.Колесова, Б.Г.Битенского, Б.М.Левина и М.Б.Левина, А.Я.Гришко, Б.Ф.Калачева и др. Особый интерес для нас представляет первое в нашей стране социологическое исследование проблемы наркотизма, проведенное проф. А.А.Габияни. См.: *Габияни А.А.* На краю пропасти: Наркомания и наркоманы. М.: Мысль, 1990.

⁵⁴ См.: *Чибисов Ю.К.* К вопросу о причинах наркоманий и токсикоманий // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 1988. № 2. С. 53.

⁵⁵ *Габияни А.А.* На краю пропасти... С. 91.

⁵⁶ См.: *Наркомания* как форма девиантного поведения / Ин-т социологии РАН. М., 1997.

⁵⁷ *Фоломеева Н.М., Шурыгина И.И., Новикова Н.А.* и др. Опыт применения биографического метода в исследовании проблем наркоманий // Наркомания как форма девиантного поведения / Ин-т социологии РАН. М., 1997. С. 61.

⁵⁸ *Молодежная субкультура и наркотики: Учебное пособие* / Т.П.Долгова, Ю.А.Клейберг; Тверской гос. тех. ун-т. Тверь, 1997. С. 46.

⁵⁹ *Рохлина М.П., Козлов А.А., Каплан И.Я.* Клинико-социальные последствия наркомании // Вопр. психологии. 1998. № 1. С. 15—16.

⁶⁰ См.: *Надеждин А.В., Иванов А.И., Трифонов В.В.* и др. К вопросу о типологии расстройств личности у больных ингаляционной токсикоманией // Вопр. наркологии. 1998. № 1. С. 37—38.

⁶¹ *Наркомания — болезнь эгоистов* // Студенческий меридиан. 1998. № 4. С. 7.

⁶² См.: *Надеждин А.В., Иванов А.И., Трифонов В.В.* и др. Указ соч. С. 36—40.

⁶³ *Бодлер Ш.* Искусственный рай. Двери восприятия / Хаксли О. СПб.: Петербург — XXI век, 1994. С. 129.

⁶⁴ Там же. С. 180.

⁶⁵ Часто гедонистическая ориентированность связана с аномалиями в эмоциональной сфере личности на фоне общих психических аномалий. Среди наркоманов, обследованных В.В.Бориневич, таких было выявлено 31,8%. См.: *Бориневич В.В.* Наркомания. М., 1963.

⁶⁶ См. *Габияни А.А.* Указ соч. С. 14, 105, 109, 112, 156—157.

⁶⁷ См.: *Петракова Т.И.* Особенности поведенческого компонента установки на употребление наркотиков у подростков // Наркомания как форма девиантного поведения / Ин-т социологии РАН. М., 1997. С. 18.

⁶⁸ *Позднякова М.Е.* Механизмы приобщения к наркотикам // Там же. С. 6.

⁶⁹ Исследования Н.Ю.Максимовой показали, что «люди, столкнувшиеся с невозможностью изменить свое отрицательное эмоциональное состояние продуктивным путем и не имеющие эффективных способов психологической защиты, оказываются перед выбором: невроз или употребление психотропных веществ <...> при доступности алкоголя (наркотиков) актуализированная психологическая готовность к применению психотропных веществ, как правило, реализуется и человек становится алкоголиком (наркоманом)». См.: *Максимова Н.Ю.* О склонности подростков к аддиктивному поведению // Психологический журнал. 1996. № 3. С. 151—152.

⁷⁰ *Габияни А.А.* Указ. соч. С. 112.

Необходимо заметить, что в последние годы специалистами-наркологами отмеча-

ются типы полинаркоманий, отягченных алкоголизмом. «Анализ алкогольного потребления наркопотребителя, — отмечает И.И.Шурыгина с соавторами, — создает образ типичного делинквента: потребитель наркотиков представляется отчужденным от семьи, испытывающим потребность во вхождении в компанию себе подобных, часто формирующуюся по месту жительства (принцип формирования молодежных банд), не склонный к рефлексии и самодостаточности, обладающий высоким уровнем конформизма по отношению к своему ближайшему окружению <...> алкоголь у потребителей наркотиков служит одновременно и средством вхождения в группу, и источником конфликтов с более широким социальным окружением...» (Шурыгина И.И., Фоломеева Н.М., Новикова Н.А. и др. Связь наркотизации с алкоголизацией. Алкогольное поведение потребителей наркотических веществ // Наркомания как форма девиантного поведения. С. 53—54.

⁷¹ См.: Леонгард К. Акцентуированные личности. Киев: Вища школа, 1981.

⁷² См. там же. С. 40—61.

⁷³ Фоломеева Н.М., Шурыгина И.И., Новикова Н.А. и др. Опыт применения... С. 59.

⁷⁴ Там же. С. 61.

⁷⁵ Джаманбалаева Ш.Е. Проблемы наркотизации и алкоголизации в республике // Социол. исслед. 1998. № 3. С. 43—44.

⁷⁶ Попов В.А., Кондратьева О.Ю. Указ. соч. С. 66.

⁷⁷ См.: Габияни А.А. Указ. соч. С. 217.

⁷⁸ Макеева А. Молодежная наркогенная субкультура как социальный феномен // Прикладная психология и психоанализ. 1998. № 5—6. С. 47.

⁷⁹ Попов В.А., Кондратьева О.Ю. Указ. соч. С. 67.

⁸⁰ Первые попытки классифицировать указанные формы и раскрыть их содержание были предприняты В.Ф.Левичевой, В.Т.Лисовским, И.Ю.Сундиевым, А.П.Файном и др. См.: Левичева В.Ф. Молодежный Вавилон: Размышления о неформальном движении. М.: Мол. гвардия, 1989; Она же. Самодетельное движение молодежи в русле гражданского диалога // По неписаным законам улицы... М.: Юрид. лит., 1991. С. 29—45; Сундиев И.Ю. Неформальные молодежные объединения: опыт экспозиции // Социол. исследования. 1987. № 5. С. 56—63; Он же. Анатомия неформальных объединений (типология и характеристика) // По неписаным законам улицы... С. 46—56; Он же. Клубы и фронты // Там же. С. 78—98; Самодетельные инициативы. Неформальный взгляд // Коммунист. 1988. № 9. С. 95—106; Неформальная Россия: О «неформальных» политизированных движениях и группах в РСФСР (опыт справочника) / Сост., авт., вступ. ст. и науч. ред. В.Березовский, Н.Кротов. М.: Мол гвардия, 1990; Отрицательный угол: Подросток: цена самоутверждения / Сост. С.М.Артюхов. М.: Мол. гвардия, 1990; Лисовский В.Т. Типы самодетельных объединений // Криминологи о неформальных молодежных объединениях. М.: Юрид.лит., 1990. С. 30—39; Он же. Советское студенчество: Социологические очерки: Науч.-попул. М.: Высш. шк., 1990. С. 158—166; Файн А.П. Специфика неформальных подростковых объединений в крупных городах // Психологические проблемы изучения неформальных молодежных объединений: Сб. науч. тр. М.: Изд-во АПН СССР, 1988. С. 23—43.

Поскольку формы и направления неформальной активности населения, особенно самой юной его части, весьма динамичны, необходимо учитывать новации, в том числе на региональном уровне, последнего времени. См., напр.: Шмелев А.А. Молодежные культурные и социальные движения в России // Социол. исслед. 1998. № 8. С. 103—109; Сергеев С.А. Молодежные субкультуры в республике // Социол. исслед. 1998. № 11. С. 95—102.

⁸¹ См.: Попов В.А., Жарков Г.В. «Избранная личность в компании одиноких...» // По неписаным законам улицы... С. 58; Фельдштейн Д.И. Психолого-педагогические аспекты изучения неформальных молодежных объединений // Психологические проблемы изучения неформальных молодежных объединений. С. 9—10; Файн А.П. Специфика неформальных подростковых объединений в крупных городах // Там же. С. 23.

⁸² См.: Полонский И.С. Внешкольное общение как фактор формирования личности подростков и юношей // Прикладные проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1983. С. 53.

⁸³ См.: Игошев К.Е., Миньковский Г.М. Проблема, которая волнует всех (вместо предисловия) // По неписаным законам улицы... С. 4.

⁸⁴ См.: Булатов Р.М. Казанские «моталки»: особенности их асоциальной субкультуры

туры // Криминологи о неформальных молодежных объединениях. С. 162—164; *Баль Е.Г.* В конфликте с законом // По неписаным законам улицы... С. 284—288.

⁸⁵ См.: *Щепанская Т.Б.* Символика молодежной субкультуры: Опыт этнографического исследования Системы 1986—1989 гг. СПб.: Наука, 1993.

⁸⁶ *Абульханова-Славская К.А.* Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980. С. 156.

⁸⁷ *Долгова А.И.* Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних. М.: Юрид. лит., 1981. С. 62—63.

⁸⁸ См.: *Кон И.С.* Психология юношеского возраста: (Проблемы формирования личности): Учеб. пособие для студ. пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1979. С. 107.

⁸⁹ Цит по: *Лабиринты одиночества*. М.: Прогресс, 1989. С. 68.

⁹⁰ См.: *Иноземцева В.Е.* Система отношений и взаимоотношений учащихся ПТУ // Психол. журнал. 1981. № 5. С. 132

⁹¹ Там же. С. 134.

⁹² См.: *Крушельницкая О.И., Третьякова А.Н.* Отверженные дети. Как им помочь? // Биология в школе. 1997. № 4—5. С. 22—25, 27—30.

⁹³ Там же. № 4. С. 22.

⁹⁴ См.: *Добрович А.Б.* Воспитателю о психологии и психогигиене общения: Книга для учителя и родителей. М.: Просвещение, 1987. С. 132—142.

⁹⁵ См.: *Селецкий А.И., Тарарухин С.А.* Несовершеннолетние с отклоняющимся поведением. Киев: Вища школа, 1981. С. 77.

⁹⁶ См.: *Борисов И.Ю.* «Гедонистический риск» в неформальных молодежных объединениях // Психологические проблемы изучения неформальных молодежных объединений. С. 70—91.

⁹⁷ Такую структуру аутсайдерства молодых предлагает Г.И.Забрянский. См.: *Забрянский Г.И.* Механизм формирования антисоциальных подростковых и юношеских групп // Криминологи о неформальных молодежных объединениях. С. 55.

⁹⁸ См.: *Фромм Э.* Душа человека. Ее способность к добру и злу // Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992. С. 25—27.

⁹⁹ Там же. С. 25.

¹⁰⁰ Там же. С. 26.

¹⁰¹ *Борисов И.Ю.* Указ. соч. С. 70—91.

¹⁰² Там же. С. 83.

¹⁰³ Подробную классификацию молодежных субкультур применительно к российским условиям дает С.А.Сергеев, который предлагает следующую их типологию: «романтико-эскапистские субкультуры (хиппи, индееансты, толкиенисты, с известными оговорками байкеры), гедонистическо-развлекательные (мажоры, рэйверы, рэпперы и т.п.), криминальные («гопники», «люберы») и анархо-нигилистические (панки, экстремистские политизированные субкультуры левого и правого толка), которых можно также назвать радикально-деструктивными». См.: *Сергеев С.А.* Молодежные субкультуры в республике // Социол. исслед. 1998. № 11. С. 96.

¹⁰⁴ См.: *Шмелев А.А.* Указ. соч. С. 104—105; *Сергеев С.А.* Указ соч. С. 97—98.

¹⁰⁵ *Сорокин П.А.* Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997. С. 306—307.

¹⁰⁶ *Заярнова О.Г.* Металлисты // По неписаным законам улицы... С. 206.

¹⁰⁷ *Канетти Э.* Масса и власть // Канетти Э. Человек нашего столетия. М.: Прогресс, 1990. С. 441.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ См. там же.

¹¹⁰ См. там же. С. 442.

¹¹¹ Там же.

¹¹² *Мазурова А.И.* Панки: альтернатива внутри альтернативы // По неписаным законам улицы... С. 222.

¹¹³ Там же. С. 233.

¹¹⁴ *Розин М.В.* Психология московских хиппи // Психологические проблемы изучения неформальных молодежных объединений. С. 59.

¹¹⁵ *Щепанская Т.Б.* Указ соч. С. 215.

¹¹⁶ См.: *Розин М.В.* Увлечение или потребность? // По неписаным законам улицы... С. 148—149; *Боссарт А.* Митьки: Вчера, сегодня, завтра // Огонек. 1991. № 28. С. 24.

¹¹⁷ См.: *Соколова Е.Т.* Самосознание и самооценка при аномалиях личности. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 26—36.

- ¹¹⁸ Розин М.В. Увлечение... С. 143—144.
- ¹¹⁹ Лисовский В.Т. Советское студенчество. С. 158.
- ¹²⁰ Розин М.В. Психология... С. 65.
- ¹²¹ См.: Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 148—154.
- ¹²² См.: Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. С. 120.
- ¹²³ Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 311.
- ¹²⁴ Социология контркультуры (инфантилизм как тип мировосприятия и социальная болезнь). М.: Наука, 1980. С. 190.
- ¹²⁵ Там же. С. 197.
- ¹²⁶ Сибирев В.А., Головин Н.А. Штрихи к портрету поколения 90-х годов // Социол. исслед. 1998. № 3. С. 108.
- ¹²⁷ См. там же.
- ¹²⁸ Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Изд. группа «Евразия», 1997. С. 343.
- ¹²⁹ Там же.
- ¹³⁰ См.: Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990.
- ¹³¹ Цит. по: Москвичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. С. 218.
- ¹³² Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «я» // Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М.: Прогресс, 1992. С. 279.
- ¹³³ О гармонизирующей силе альтруистической любви см.: Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997. С. 243—319.
- ¹³⁴ Кучинский Г.М. Психология внутреннего диалога. Минск: Университетское, 1988. С. 156.
- ¹³⁵ Там же. С. 157.
- ¹³⁶ См.: Кузнецов О.Н., Лебедев В.И. Психология и психопатология одиночества. М.: Медицина, 1972.
- ¹³⁷ См.: Каган М.С. Внутренний диалог как закономерность художественно-творческого процесса // Сов. искусствознание. М.: Сов. художник, 1985. Вып. 19. С. 189.
- ¹³⁸ См.: Кучинский Г.М. Указ. соч. С. 184—169.
- ¹³⁹ См.: Садлер У.А. и Джонсон Т.Б. От одиночества к аномии // Лабиринты одиночества. М.: Прогресс, 1989. С. 21—51.
- ¹⁴⁰ Панпурин В.А. Внутренний мир личности и искусство: К определению сущности природы искусства. Свердловск: Изд. Урал. ун-та, 1990. С. 143.
- ¹⁴¹ Фриш М. Монток // Избр. произв.: В 3 т. Т. 3. М.: Худож. лит., 1991. С. 120.
- ¹⁴² Панпурин В.А. Указ. соч. С. 144.
- ¹⁴³ См.: Цель // Краткий психологический словарь. М.: Политиздат, 1985.
- ¹⁴⁴ Причина и следствие // Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1989.
- ¹⁴⁵ См.: Садлер У.А. и Джонсон Т.Б. Указ. соч. С. 40—45.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 41.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 43, 148. Там же. С. 41.
- ¹⁴⁹ См.: Шефтсбери. Солилоква // Эстетические опыты. М.: Искусство, 1974. С. 351—456; Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов. Россия, 1979; Станиславский К.С. Общение // Работа актера над собой. М.-Л.: Искусство, 1948. Ч. 1. С. 337—378; Страхов И.В. Психология внутренней речи. Саратов, 1969; Каган М.С. Мир общения. С. 230—235; Он же. Внутренний диалог как закономерность художественно-творческого процесса. С. 189—198; Буш Г. Диалогика и творчество. Рига: Автос, 1985. С. 150—157; Кучинский Г.М. Психология внутреннего диалога; Гримак А.П. Общение с собой: Начала психологии активности. М.: Политиздат, 1991.
- ¹⁵⁰ Кучинский Г.М. Указ. соч. С. 72.
- ¹⁵¹ См.: Каган М.С. Мир общения.
- ¹⁵² Гессе Г. Степной волк // Гессе Г. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. Роман, повести. СПб.: Северо-Запад, 1994. С. 243.
- ¹⁵³ Там же. С. 244.
- ¹⁵⁴ См.: Гримак Л.П. Указ. соч.
- ¹⁵⁵ Франк С.Л. Смысл жизни // Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 210.

- ¹⁵⁶ Там же. С. 213.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 215.
- ¹⁵⁸ *Монтень М.* Опыты: В 3 кн. Кн. 3. М.: Наука, 1979. С. 182—183.
- ¹⁵⁹ *Фрейд З.* Художник и фантазирование. М.: Республика, 1995. С. 130.
- ¹⁶⁰ Там же.
- ¹⁶¹ См.: *Хорни К.* Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза. СПб.: Лань, 1997. С. 149.
- ¹⁶² См.: *Мастерс* и *Джонсон* о любви и сексе: В 2 ч. Ч. 1. СПб.: СП «Ретур», 1991. С. 244—260.
- ¹⁶³ Там же. С. 252.
- ¹⁶⁴ Там же. С. 249.
- ¹⁶⁵ Там же. С. 256.
- ¹⁶⁶ Там же. С. 246.
- ¹⁶⁷ *Голосенко И.А., Голод С.И.* Социологические исследования проституции в России (история и современное состояние вопроса). СПб: ТОО ТК «Петрополис», 1998. С. 112.
- ¹⁶⁸ *Куприн А.И.* С улицы // Собр. соч.: В 9 т. М.: Правда, 1964. Т. 3. С. 283.
- ¹⁶⁹ Комсомольская правда. 1995. Авг., 4—11. С. 16.
- ¹⁷⁰ *Монтень М.* Указ. соч. С. 34.
- ¹⁷¹ Заявляя, что непосредственные контакты с умершими невозможны, впрочем, как и другие формы сообщения с умершими, мы учитываем наличие обширной литературы, утверждающей обратное. См., напр., *Лагранд, Луис Е.* Общение после смерти. СПб.: Изд. «Тимошка», 1997.
- ¹⁷² *Линдемманн Э.* Клиника острого горя // Психология эмоций. Тексты. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 213.
- ¹⁷³ См.: *Тейлор Э.Б.* Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. С. 206—388; *Токарев С.А.* Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. С. 18, 98, 154, 155, 169, 180, 184—192, 237, 262—265; и др.
- ¹⁷⁴ *Линдемманн Э.* Указ. соч. С. 213.
- ¹⁷⁵ Там же. С. 214.
- ¹⁷⁶ *Шекспир В.* Гамлет, принц Датский // Шекспир В. Комедии, хроники, трагедии. Т. 2. М.: Худож. лит., 1989. С. 142.
- ¹⁷⁷ *Бунин И.А.* Грамматика любви // Бунин И.А. Собр. соч.: В 9 т. Т. 4. М.: Худож. лит., 1966. С. 299.
- ¹⁷⁸ Там же. С. 300.
- ¹⁷⁹ См.: *Канетти Э.* Масса и власть // Канетти Э. Человек нашего столетия. М.: Прогресс, 1990. С. 418—419.
- ¹⁸⁰ *Шекспир В.* Гамлет, принц Датский // Шекспир В. Гамлет. Король Лир. М.: Искусство, 1977. С. 124.
- ¹⁸¹ *Ганушкин П.Б.* Особенности эмоционально-волевой сферы при психопатиях // Психология эмоций. С. 265—266.
- ¹⁸² *Кьеркегор С.* Болезнь к смерти // Этическая мысль: Науч.-публицист. чтения. М.: Политиздат, 1990. С. 455.
- ¹⁸³ Там же. С. 427.
- ¹⁸⁴ *Фейербах Л.* Сущность христианства // Избр. филос. произв.: В 2 т. М.: Политиздат, 1955. Т.2. С. 154.
- ¹⁸⁵ Там же. С. 106.
- ¹⁸⁶ См.: *Лебедев В.И.* Общение с богом, или... М.: Политиздат, 1986.
- ¹⁸⁷ См.: *Ясперс К.* Философская вера // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 439.
- ¹⁸⁸ *Ситниченко Л.А.* Человеческое общение в интерпретациях современной западной философии (критический анализ). Киев: Наук. думка, 1990. С. 96.
- ¹⁸⁹ Цит. по кн.: *Бубер М.* Проблема человека // Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. С. 204.
- ¹⁹⁰ *Фейербах Л.* Сущность христианства. С. 286—287.
- ¹⁹¹ См.: *Дворкин А.* Введение в сектоведение: Учеб. пособие к курсу «Сектоведение». Н.-Новгород: Изд. Братство во имя св.Великого кн.Александра Невского, 1998.
- ¹⁹² *Парахонский Б.А.* Коммуникация и культурная среда (Диалог и коммуникация — философские проблемы: Материалы «круглого стола») // Вопр. философии. 1989. № 7. С. 25.

¹⁹³ Рассматривая компенсаторное общение читателя с героями художественных произведений, мы учитываем, что это происходит сегодня в условиях, заметно отличающихся от условий даже десятилетней давности. В последние годы были созданы новые носители информации, распространились новые информационные технологии, развитие массового чтения, по мнению ряда ученых, все более ориентировано на удовлетворение информационно-прагматических потребностей.

См.: Эко У. От Интернета к Гутенбергу // Новое литературное обозрение. № 32 (4/1998). С. 5—14; Ямпольский М. Интернет, или Постархивное сознание // Там же. С. 15—28; Корнев С. «Сетевая литература» и завершение постмодерна // Там же. С. 29—47; Бутенко И.А. Книга и чтение на исходе XX века. М.: Наука, 1997; Читающая Россия: мифы и реальность. Сб. ст. по проблемам чтения. М.: Либерия, 1997.

При этом мы всецело разделяем мнение Умберто Эко, что, несмотря на все новации, «книги останутся незаменимыми. Останется незаменимой не столько художественная литература, но и книги для всех случаев, в которых предполагается чтение вдумчивое, то есть не столько получение информации, но и размышление о ней» (Указ. соч. С. 10). Не утратит своего значения и то, что исследователи называют *компенсаторным чтением* (см.: Ловкова Т.Б. Компенсаторное чтение: вчера, сегодня, завтра // Звезда. 1994. № 5. С. 205—207; Губанова М.И., Либова О.С. Компенсаторное чтение, что изменилось? // Массовая библиотека-95: Теория и практика: Сб./РГБ. М.: РГБ, 1995. С. 43—51). Возможно, в силу ряда обстоятельств оно станет еще более интенсивным и вместе с коммуникативной его составляющей, воплощающей общение читателя с художественным персонажем, все заметней будет ориентировано на *сверхкомпенсацию*.

¹⁹⁴ Давыдов Ю.Н. Мечта о близком человеке // Лит. обозрение. 1983. № 1. С. 104.

¹⁹⁵ Эбнер Ф. Слово и духовные реальности (фрагменты) // От Я к Другому: Сб. пер. по проблемам intersубъективности, коммуникации, диалога. Минск: Минск, 1997. С. 35.

¹⁹⁶ Давыдов Ю.Н. Указ. соч. С. 106.

¹⁹⁷ Интеллектуальное одиночество — частый спутник и тяжелая, но неизбежная ноша гения. Это отчетливо следует из другой автобиографии, принадлежащей перу К.Г.Юнга. «Ребенком, — вспоминает К.Г.Юнг, — я чувствовал себя одиноким, и я одинок до сих пор, поскольку я *знаю* и я должен объяснять и напоминать людям то, о чем они не знают и в большинстве случаев не хотят знать. Одиночество происходит не от того, что никого нет рядом, но от невозможности донести до других то, что тебе представляется важным, или от того, что никто не разделяет твоих мыслей <...> Тот, кто знает больше других, становится одиноким» (Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Киев: Air Land, 1994. С. 350—351. Разрядка моя. — В.Г.).

¹⁹⁸ Бердяев Н.А. Самопознание. Л.: Лениздат, 1991. С. 52—53.

¹⁹⁹ Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1984. С. 300.

²⁰⁰ Канетти Э. Ослепление: Роман. М.: Панорама, 1992. С. 217.

²⁰¹ Там же. С. 13.

²⁰² Там же.

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ Там же. С. 40.

²⁰⁵ Бабахан Ю.С. Кино как особый вид социогенной потребности в эстетическом общении // Проблемы формирования социогенных потребностей. Материалы I Всесоюз. конф. Тбилиси, 1974. С. 57.

²⁰⁶ Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. М.: Республика, 1994. С. 66.

²⁰⁷ Там же. С. 53—54.

²⁰⁸ Там же. С. 62.

²⁰⁹ Там же. С. 66.

²¹⁰ Уайт Л., мл. Исторические корни нашего экологического кризиса // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М.: Прогресс, 1990. С. 197.

²¹¹ См.: Садлер У.А. и Джонсон Т.Б. Указ. соч. С. 33—36.

²¹² См.: Атфилд Р. Этика экологической ответственности (главы из книги) // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. С. 203—220.

²¹³ Кнорозов Ю.В. Мануэль Галич и его книга // Галич М. История доколумбовых цивилизаций. М.: Мысль, 1990. С. 24.

²¹⁴ См.: Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М.: Искусство, 1981. С. 80 и сл., С. 166, 167.

- ²¹⁵ См.: *Садлер У.А. и Джонсон Т.Б.* Указ. соч. С. 33—36.
- ²¹⁶ *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. С. 66.
- ²¹⁷ Там же. С. 69.
- ²¹⁸ *Гуревич А.Я.* Проблемы... С. 138.
- ²¹⁹ См.: *Садлер У.А. и Джонсон Т.Б.* Указ. соч. С. 33.
- ²²⁰ См. 2.2. данной работы.
- ²²¹ *Калачев Б.Ф.* Источники информации о психотехнике в молодежных группах мистиков // По неписаным законам улицы... С. 191.
- ²²² См.: *Гришина Е.А.* Мистические неорелигиозные группы в молодежной среде / По неписаным законам улицы... С. 176—177; *Вилкс А.Я.* Во что верят члены нестратегических религиозных групп молодежи? // Криминологи о неформальных молодежных объединениях. С. 148, 150, 156—157.
- ²²³ В последние годы в России происходили «громкие» процессы над сатанистами, обвиняемыми в совершении ритуальных убийств людей.
- ²²⁴ См.: *Юнг К.Г.* Йога и Запад // Юнг К.Г. О психологии восточных религий и философий. М.: Медиум, 1994.
- ²²⁵ *Сурдин В.Г.* Астрология — часть массовой культуры // Земля и Вселенная. 1990. № 3. С. 82.
- ²²⁶ *Калачев Б.Ф.* Указ. соч. С. 197.
- ²²⁷ См.: *Плеханов Г.В.* Толстой и природа // Плеханов Г.В. Избр. филос. произв.: В 5 т. М.: Соцгиз, 1958. Т. 5. С. 607—612.
- ²²⁸ Там же.
- ²²⁹ См.: *Лапшин И.И.* Проблема «чужого Я» в новейшей философии. СПб., 1910.
- ²³⁰ *Олеша Ю.К.* Избранное / Предисл. В.Шкловского. Фрунзе: Адабият, 1989.
- ²³¹ См.: *Линденберг (Челищев) В.А.* Таинство встречи. М.: Криптологос, 1997.
- ²³² *Попов А.А., Максименков В.И.* Об одном примере замещения потребности в детях // Проблемы воспроизводства и занятости населения / АН СССР, Ин-т социол. исслед. М.: ИСП, 1984. С. 42.
- ²³³ Там же. С. 56.
- ²³⁴ Там же. С. 57.
- ²³⁵ *Пороховская М.А.* Социально-психологические аспекты взаимодействия человека и животных в семье // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 1997. № 3. С. 117.
- ²³⁶ См.: *Кропоткин П.А.* Этика // Избр. труды. М.: Политиздат, 1991.
- ²³⁷ *Плутарх.* Избранные жизнеописания. В 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1986. С. 283.
- ²³⁸ *Куприн А.И.* Поединок // Куприн А.И. Избр. соч. М.: Худож. лит., 1985. С. 352.
- ²³⁹ Там же. С. 355.
- ²⁴⁰ Там же. С. 432.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

¹ *Вышеславцев Б.П.* Кризис индустриальной культуры. Марксизм, неосоциализм, неолиберализм. Chaldice publications. New York, 1992. С. 399—400.

² *Пешков И.В.* Введение в риторику поступка. Учеб. пособие. М.: Лабиринт, 1998. С. 9.

³ *Боргош Ю.* Фома Аквинский. Изд. 2-е. М.: Мысль, 1975. С. 109.

⁴ См.: *Садлер У.А. и Джонсон Т.Б.* От одиночества к анонии // Лабиринты одиночества. М.: Прогресс, 1969. С. 21—51.

ТАИНСТВО ОБЩЕНИЯ

РАЗМЫШЛЕНИЯ КЛАССИКОВ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ И СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕНИЯ

Несмотря на спонтанную легкость осуществления общения, так же естественного для человека, как любое из жизненно важных его проявлений, в нем имеется некая тайна, присутствие которой обнаруживается всякий раз, когда в общении что-то нарушается и мы пытаемся его реанимировать, пытаемся вернуть ему былую гармонию. Знания современных технологий общения часто бывает для этого недостаточно. Партнеры по общению не настолько наивны, чтобы принимать всерьез манипуляторские имитации подлинных ценностей общения. Не приносит подлинного удовлетворения подобное общение и самому манипулятору. Вдвойне был прав премудрый Бальтасар Грасиан, если отнестись его высказывание к современной ситуации, когда говаривал: «...в обхождении с одним человеком в нынешнее время надо больше искусства, чем некогда с целым народом» (*Грасиан Б. Карманный оракул // Грасиан Б. Карманный оракул. Критикон. М.: Наука, 1984. С. 5*).

Заметим, что у Грасиана речь идет об искусстве, а не о ремесленничестве. Искусство же требует от человека широты кругозора, тонкого понимания природы и свойств реальности, с которой он имеет дело. Это одинаково необходимо и для художественного творчества и для творчества в сфере общения. Представленные нами Размышления... продолжая и углубляя разговор об общении, начатый в книге, призваны способствовать тому, чтобы это творчество было более осмысленным и более уверенным, в силу того что нас поддерживают в нем выдающиеся Собеседники. Составитель, комментируя приведенные ниже цитаты из произведений философов, психологов, писателей, не претендует на то, чтобы его соображения исчерпывающе раскрывали их смысл. При всей относительной самостоятельности данного раздела выпуска он имеет определенную преемственную связь с нашим монографическим исследованием, выражающуюся в известном совпадении структур и содержания. Приведенные фрагменты анализируются под определенным углом зрения и в конкретном контексте. Остальное — дело творчества самого Читателя.

ЧТО ТАКОЕ ОБЩЕНИЕ?

Понятие «общение» используется в таком широком контексте (межличностное общение, самообщение, общение народов и культур, общение с природой, вещами, духовными сущностями и т.д.), настолько велико многообразие эмпирических проявлений действительного общения, что определить границы этого явления, сформулировать логическое его определение чрезвычайно затруднительно. Нельзя не согласиться с А.А.Леонтьевым, что «вопрос о дефиниции этого понятия (общения. — В.Г.) становится <...> самостоятельной научной проблемой»*. Так, А.Б.Добрович отмечает: «О коммуникации написаны горы научной литературы. Чтение ее захватывает, но почти никогда не оставляет чувства целостного понимания: что же такое коммуникация? Как она происходит, каково ее значение в жизни общества

*Леонтьев А.А. Общение как объект психологического исследования // Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1975. С.112.

и отдельного человека?). И далее заключает: «Коммуникация как объект исследования — объект значительной сложности, его попросту невозможно сразу охватить целиком, оставаясь при этом на позициях науки»*.

«...Научные представления об общении, — констатируют Ю.С.Крижанская и В.П.Третьяков, — в сущности так же туманны и противоречивы, как и житейские. И зачастую они довольно далеки от того, что интуитивно понимается под словом «общение»**». В ситуации, когда «с одной стороны, надо как-то определиться в том, что есть общение, а с другой стороны, это сделать трудно, да и не очень желательно», авторы интересного в целом научного издания нашли остроумный выход: «Чтобы проанализировать реальное, а не теоретическое общение, каждый читатель может опираться на свои интуитивные представления о нем. И в этом смысле общение — это то, что Вы считаете таковым»***. Устремляясь на помощь интуитивным представлениям читателей, автор предлагает несколько определений общения, сформулированных выдающимися отечественными исследователями. Уяснению объема понятия «общение» будут способствовать приведенные вслед за «сжатыми» определениями его сущности более подробные рассуждения о его (общения) проявлениях, видах и т.д. Обращаясь к первым, следует иметь в виду то, что их (дефиниций) смысл и значение в полном объеме открываются лишь в контексте концепции автора; впрочем, как и то, что они, в свою очередь, могут оказаться своеобразным «ключом» к освоению его концепции общения. Так или иначе обращение непосредственно к первоисточнику весьма желательно, и наша заветная цель — таковое обращение стимулировать.

Наиболее проницательной и последовательно аргументированной концепцией общения нам представляется та, что разработана С.Л.Франком. Руководствуясь методом антиномического монодуализма, он видит сущность *я-ты отношения*, т.е. общения, во *взаимопроникновении раздельного*. Более развернуто, чем это возможно в определении, экзистенциальная диалектика *я-ты отношения* в связи с *я-мы* и *я-вы отношениями* будет по возможности представлена выдержками из работ С.Л.Франка далее.

Существо отношения «я-ты» никоим образом не может быть подведено под понятие чисто «внешнего» отношения, наподобие, например, отношения между двумя раздельными телами. Оно есть, напротив, «общение»; но это столь привычное нам слово само таит загадку, смысл которой может быть как-то разгадан, стать нам понятным только через антиномическое понятие *взаимопроникновения при раздельности* — *взаимопроникновения раздельного*.

С.Л.Франк

В гуманистической концепции общения М.С.Кагана, несмотря на безусловную ее оригинальность, связанную с последовательным и продуктивным применением к анализу общения принципов системного подхода, есть нечто родственное буберовской концепции. Дело в том, что и в первом, и во втором случае задан высокий этический идеал общения, понимаемого как «встреча». Главная цель общения, с точки зрения М.С.Кагана, — формирование духовной общности людей. Таким образом, все, что находится за пределами этого идеала, лишается статуса общения (см.: *Парыгин Б.Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории*. СПб.: ИГУП, 1999. С. 297—298).

Общение — это процесс выработки новой информации, общей для общающихся людей и рождающей их общность (или повышающей степень этой общности).

М.С.Каган

...в каких бы формах общение ни осуществлялось, его цель — достижение общности (или повышение уровня общности) действующих субъектов их свобод-

* Добрович А. Общение: наука и искусство. М.: АОЗТ «Яуза» В.Секачев, 1996. С. 12.

** Крижанская Ю.С., Третьяков В.П. Грамматика общения. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1990. С. 5.

*** Там же. С. 6.

ными совокупными усилиями при сохранении неповторимой индивидуальности каждого.

М.С.Каган

Основатель философско-социологического направления современной российской социальной психологии Б.Д.Парыгин в своих определениях общения отмечает полифункциональность, многогранность процесса общения. Он подчеркивает наличие в общении не только рациональных, но и эмоциональных, подчас неосознаваемых компонентов.

На серьезную, а нередко и решающую роль в жизни человека бессознательного или полусознательного общения с другими обращал в свое время внимание И.А.Ильин. В приведенном ниже отрывке из работы «О любезности» приводится его рассуждение на эту тему. Ильин считает, что в состав общения должны быть включены разнообразные переживания, связанные с актами аутокоммуникации. Этот аспект в дальнейшем был обстоятельно разработан М.С.Каганом, специально проанализировавшим с точки зрения системного подхода основные виды и разновидности общения (в том числе общение реального субъекта с субъективированным объектом как иллюзорным партнером и общение реального субъекта с воображаемым партнером (квазисубъектом). См.: Каган М.С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. М.: Политиздат, 1988. С. 230—245.

Общение представляет собой сложный и многогранный процесс социально-психологического взаимодействия, корнящийся в конечном счете в практической деятельности людей. Оно может рассматриваться не только как акт *осознанного, рационально оформленного информационного обмена*, но и в качестве *непосредственного эмоционального контакта между людьми*.

Б.Д.Парыгин

С точки зрения социологии к общению должен быть отнесен <...> каждый психический момент, каждое ощущение и переживание, которое может рассматриваться как внутренняя реакция одного существа, обладающего психикой, на проявление (или даже *появление*) другого обладающего психикой существа.

И.А.Ильин

Общение, возведенное в ранг одного из первопринципов бытия, например, А.Ф.Лосевым в его религиозно-философской концепции языка, продолжившей традиции православного энергетизма и апофатической диалектики, пронизывает все и вся. Это не только вещественное и смысловое общение вещи со всем ее окружающим и взаимопонимание между ними, но и общение вещи с собой и ее самопонимание.

Существует вещь, и существует ее смысл. Вещь не есть ее смысл, и смысл вещи не есть сама вещь. Можно общаться с самой вещью и можно общаться с ее смыслом. Общение с вещью в ее имени есть общение *смысловое*, а не вещественное. В имени вещи общается с вещью ум. Имя говорит *сознанию*, вызывает к *пониманию*, предполагает у именуемого *ум* <...> Когда животное ест и пьет физическую материю, оно не общается с нею в ее имени, оно *не знает* этой материи, *не мыслит* ее, оно не знает и себя и не фиксирует самого факта своего общения. Это общение — вне имени, до имени, не нуждается в имени, общение темное, нерасчетное, внеразумное, бессловесное.

А.Ф.Лосев

Используя понятие «общение» предельно широко и, как следует из приведенного выше высказывания, фактически отождествляя общение с любым видом взаимодействия, А.Ф.Лосев понимает, что действительным общением является лишь *смысловое* общение, общение в имени, отражающее неповторимую индивидуальность вещи. Вещественное общение означает субстанциальное слияние обеих вещей, а следовательно, уничтожение их обеих и возникновение из них одной и единой вещи и субстанции. Происшедшее

не подходит под определение общения как взаимопроникновения раздельного. Другое дело смысловое общение в имени. При сохранении субстанциональной разъединенности воедино сливается *смысл* обеих вещей, *понятие* обеих вещей, *имя* обеих вещей. На основе этого достигается «окончательный и последний предел самовыявления вещи».

Я-ТЫ, Я-МЫ, Я-ВЫ ОТНОШЕНИЯ КАК ВЫРАЖЕНИЕ СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА И ДУХОВНЫХ ОСНОВ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Заслуга открытия *Я-Ты отношения*, выражающего сущность человека, принадлежит Людвигу Фейербаху. Но осознание значимости этого открытия, необходимое для его упубликации, пришло лишь в XX веке. Постижению глубин *Я-Ты отношения*, всего того, что оно охватывает и с чем связано, чему противостоит, посвящали свое творчество крупнейшие мыслители XX столетия: М.Бубер, Ф.Эбнер, Ф.Розенцвайг, С.Л.Франк, Н.Бердяев, П.Флоренский, А.А.Мейер, М.М.Бахтин, Г.Марсель, Х.Ортега-и-Гассет. «Фейербах, — писал М.Бубер со ссылкой на Карла Хайма, — положил начало тому открытию *Ты*, которое называют «коперниканским свершением» современной мысли и «основным событием ... столь же чреватых последствиями, как и идеалистическое открытие «*Я*», событием, которое должно привести к новому началу европейской мысли и сулит более широкие перспективы, нежели картезианский вклад в современную философию». Мне самому в молодости решающий толчок дал именно Фейербах» (Бубер М. Проблема человека // Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. С.184).

Отдельный человек как нечто обособленное не заключает человеческой сущности в себе ни как в существе моральном, ни как в мыслящем. Человеческая сущность налицо только в единстве человека с человеком, в единстве, опирающемся лишь на реальность различия между Я и Ты.

Л. Фейербах

...тайна триединства есть тайна общественной коллективной жизни <...> это есть тайна необходимости *Ты* для *Я*; это есть истина, что *никакое существо*, будь оно человеком или богом, духом или Я и называйся как угодно, *взятое изолированно для себя самого, не является подлинным, совершенным, абсолютным существом; истина и совершенство* заключаются лишь в связи, в единстве равноправных существ. Величайшим и последним принципом философии является поэтому *единство человека с человеком*.

Л. Фейербах

Комплекс идей, высказанных Л.Фейербахом: о фатальной необходимости *Ты* для *Я*, о равноправности обеих сторон *Я-Ты отношения*, о возможности достижения Я подлинности и совершенства лишь посредством преодоления изолированности своего бытия («Человек для себя является человеком в обычном смысле; человек в общении с человеком, *единство Я и Ты есть бог*») нашел продолжение и развитие в концепциях философов XX века. Однако Бубер, Франк, Бердяев, в отличие от Фейербаха, были религиозными мыслителями, *Я-Ты отношение* в их интерпретации приобретает сакральный смысл. Оно рассматривается в более широком контексте, чем область межличностных отношений и приобретает онтологический статус. Центральное место в этих концепциях занимает идея бытия как диалога человека с Богом. Размежевание между *Я-Ты отношением* и *отношением Я-Оно* (М.Бубер), между «объективированным миром» и «миром общения» (Н.Бердяев) позволяет глубоко проникнуть в фундаментальную человеческую ситуацию, понять истоки наипростейших проблем современности. Безусловно, отдельные фрагменты, даже самые характерные, из произведений названных выше философов не в состоянии дать исчерпывающее представление об этом, но они могут способство-

вать установлению диалогического отношения с творцами диалогического метода.

Если я пред-стою человеку как своему Ты и говорю ему основное слово Я-Ты, он не вещь среди вещей и не состоит из вещей.

Этот человек не Он или Она, он не ограничен другими Он и Она; он не есть некая точка в пространственно-временной сети мира, он не есть нечто наличное, познаваемое на опыте и поддающееся описанию, слабо связанный пучок поименованных свойств. Но он есть Ты, не имеющий соседства и связующих звеньев, и он заполняет все поднебесное пространство. Это не означает, что кроме него, ничего другого не существует: но все остальное живет в *его* свете.

М. Бубер

Я основного слова Я-Оно, т.е. Я, которому не пред-стоит телесно Ты, но, окруженное множеством «содержаний», обладает лишь прошлым и не имеет настоящего.

М. Бубер

Становясь Ты, человек становится Я. Пред-стоящее приходит и уходит, события-отношения сгущаются и рассеиваются, и в этом чередовании с каждым разом все сильнее выявляется сознание неизменного партнера, сознание Я.

М. Бубер

Отдельное Ты *должно* стать Оно, когда отношение исчерпано. Отдельное Оно *может* через вхождение в действительность отношения стать Ты <...>

Внемли же, что я поведаю тебе со всей ответственностью истины: человек не может жить без Оно. Но тот, кто живет лишь с Оно, тот не человек».

М. Бубер

Встреча с Богом дается человеку не ради того, чтобы он был занят только Богом, но ради того, чтобы он подтвердил смысл в мире.

М. Бубер

Николай Бердяев, высоко оценивая книгу Мартина Бубера «Я и Ты», все же отмечал: «...для Бубера отношения “я” и “ты” есть отношения человека и Бога, есть проблема библейская. Он не ставит вопроса об отношении между человеческим “я”, отношении “я” и “ты” как отношении человека к человеку, о человеческом множестве. У него совсем не поставлена проблема социальной метафизики, проблема о “мы”» (*Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 274*). Между тем в последующих работах М.Бубера («Диалог», «Проблема человека» и др.) наряду с сущностным Ты и в неразрывной связи с ним анализируется сущностное Мы. «Лишь люди, способные сказать друг другу настоящее Ты, могут сказать друг другу и настоящее Мы» (*Бубер М. Проблема человека // Два образа веры. М.: Республика, 1995. С. 208*). Учитывается связь человека с человеческим множеством и при рассмотрении структуры диалога, представляющей собой, по мнению М.Бубера, тройное жизненное отношение. Подчеркивая, что человек достигает подлинного бытия лишь тогда, когда *все стороны* его тройного жизненного отношения, а именно: к миру и вещам, к отдельному человеку и человеческому множеству, к тайне бытия (абсолюту, Богу) *окажутся сущностными*, М.Бубер явно выходит за пределы чисто «библейской проблемы». Открытие тройного жизненного отношения, позволяющего установить направление гармонизации коммуникативного мира личности, принципиально важное достижение философии М.Бубера. Тем не менее идеи всеединства и соборности, занимающие центральное место в русской религиозной философии, обусловили в ней особое внимание к анализу «мы» как «первичной категории личного человеческого, а потому и социального бытия. Сколько бы существенно ни было для этого бытия разделение на «я» и «ты или на «я» и «они», это разделение

само возможно лишь на основе высшего, объемлющего его единства «мы».
(Франк С.Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию // Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 51).

В «мы-бытии» *преодолевается* — хотя и *сохраняется* (в двойном, гегелевском смысле немецкого слова *aufheben* [подвешивать (нем.)]) — *сама противоположность между «я есмь» и «ты еси», между «я» и «ты»*. И так как «я есмь» может мыслиться и быть дано лишь в единстве «мы есмы» (объемлющим и «ты еси»), то этим обнаруживается, что в противоположность обычному воззрению «я есмь» *отноше не есть первичная, адекватная и всеобъемлющая форма «внутреннего бытия», непосредственного самобытия*, а может быть признано лишь частным и производным моментом более глубокого и первичного откровения реальности в форме бытия «мы».

С.Л. Франк

Характерно, что в более ранних работах: «Духовные основы общества» (1930), «Религиозные основы общественности» (1925) категория «я» представлена как абсолютно равноправная категории «мы». Выдвигая в порядке рассмотрения на первый план «мы», С.Л. Франк уточнял: «Мы не хотим этим сказать, что «мы» есть категория абсолютно первичная, в отношении которой «я» есть нечто производное и которая должна занять в философии место, обычно приписываемое категории «я». В таком утверждении содержалась бы ложь отвлеченного коллективизма, соотносительная лжи отвлеченного индивидуализма. Мы утверждаем лишь, что «мы» столь же первично — не более, но и не менее, чем «я». Оно не производно в отношении «я», не есть сумма или совокупность многих «я», а есть исконная форма бытия, соотносительная «я»; оно есть некое столь же непосредственное и неразложимое единство, как и само «я», такой же первичный онтологический корень нашего бытия, как и наше «я»» (Франк С.Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию // Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 52). В другой своей работе С.Л. Франк так же подчеркивает, что «мы» и «я» «мыслятся первичными началами человеческой жизни» и «каждое из этих начал не производно в отношении другого» (Франк С.Л. Религиозные основы общественности // Путь. 1925. Сент. № 1. С. 14.).

Всякое «вы» есть отчуждившаяся от меня, извне мне предстоящая часть «мы». Единство «мы» живет здесь, следовательно, не только в отношении «я-ты», есть не только само это отношение, взятое как целое, так что я мог бы сознавать себя только находящимся *внутри* его, но и выступает мне навстречу как что-то внешнее мне и требует от меня *отношения* к нему самому.

С.Л. Франк

Бытие «мы» имеет как бы неудержимую тенденцию отчуждаться от меня, вращаться в предметный мир, выступать мне навстречу как внешняя, сама по себе сушая реальность — и извне *определять* меня и *овладевать* мною.

С.Л. Франк

О ДИАЛОГЕ

В понятие «диалог» сегодня вкладывается предельно широкое содержание. Так, М.М. Бахтин писал: «Жизнь по своей природе диалогична. Жить — значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, отвечать, соглашаться и т.п. В этом диалоге человек участвует весь и всю жизнь: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками. Он вкладывает всего себя в слово, и это слово входит в диалогическую ткань человеческой жизни, в мировой симпозиум» (Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 318.). При переходе от широкой трактовки диалога к более узкому его толкованию возникает необходимость развести понятия «диалог» и «общение». Но сделать это трудно. Порой эти понятия употребляются как синонимы.

Однако иные рассуждения на тему диалога позволяют хотя бы приблизительно определить его специфику. Так, например, М.Бубер писал: «Диалог не ограничивается общением людей друг с другом, он ... есть отношение людей друг к другу, выражающееся в их общении» (*Бубер М. Диалог // Бубер М. Два образа веры. С. 99*). Следовательно, по Буберу, общение — одна из форм проявления диалога. В свою очередь, общение может быть монологическим, не утрачивая при этом своей специфики в форме «субъект-субъектного» отношения. Интересно в указанном отношении определение гуманистического диалога, принадлежащее Л.М.Баткину, которое, по мнению М.С.Кагана, «вполне можно принять за общее определение диалога как такового...» «Диалог, — отмечает Л.М.Баткин, — столкновение разных умов, разных истин, несходных культурных позиций, составляющих единый ум, единую истину и общую культуру» (*Баткин Л.М. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. М.: Наука, 1978. С. 137*).

Что касается общения, то не все его проявления таковы. Негативные явления в сфере общения, включающие прямое физическое либо вербальное насилие, связанные с психологическим давлением и созданием эмоционального дискомфорта, по крайней мере у одной из взаимодействующих сторон, явно находятся за пределами диалога. Между тем диалог как социально продуктивная форма общения, достигающая в совершенных своих проявлениях вершин сущностного отношения, заслуживает отдельного разговора.

Диалог. Диалог есть совершенный разговор, так как все, что говорит один, приобретает определенную окраску, звучность, сопровождающий жест *в точном расчете на другого*, с кем говоришь, т.е. аналогично тому, что случается в письменном общении, когда один и тот же человек обнаруживает десяток способов выражения своей души, смотря по тому, кому он пишет.

Ф.Ницше

Из сказанного следует, что Ф.Ницше подлинным диалогом считал лишь разговор, осуществляющийся в диаде, связующий двух собеседников. Напротив, при большем числе участников «разговор неизбежно теряет индивидуализирующую тонкость, различные соображения перекрещиваются и взаимно уничтожаются; оборот, который приятен одному, приходится не по вкусу другому. Поэтому человек в общении со многими вынужден отступать назад, к самому себе, излагать факты, как они есть, но лишать предметы того легкого эфира гуманности, который делает разговор самой приятной вещью на свете» (*Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 412.*).

По иному основанию структурировал диалог М.Бубер.

Я знаю три вида диалога: подлинный, который может быть выражен как в словах, так и в молчании <...> технический, вызванный лишь необходимостью объективного взаимопонимания, и, наконец, замаскированный под диалог монолог, в котором два человека или несколько собравшихся людей странными, извилистыми путями говорят с самими собой, полагая при этом, что они избавлены от мучительного пребывания лишь с самими собой.

М.Бубер

Диалогическое существование обретает даже в крайнем одиночестве глубокое, придающее ему силы предчувствие взаимности; монологическое — даже в нежнейшем общении не выходит за пределы своей самости...

М.Бубер

Главным философским открытием М.Бубера является вовсе не идея абсолютной равнозначности «Я» и «Ты», как это иногда считают. Уже Л.Фейербах знал об этом. Заслуга М.Бубера состоит в создании концепции «*тройного жизненного отношения*». Данная концепция позволяет осмыслить *сущность человека* как существа, наделенного тройным жизненным отноше-

нием, способным возвышать каждую форму этого отношения до сущности. Ни одно из рассматриваемых ниже отношений не может заменить, обесценить другие, как бы интенсивно оно ни осуществлялось. Нужны все три отношения в их нарастающем единстве, иначе деформация сущности человека, его общения неизбежна. Эпохи одиночества связаны с указанной деформацией. Предшественники М.Бубера (С.Кьеркегор) и современники (М.Хайдеггер) сосредоточивали свое внимание лишь на отдельных формах жизненного отношения: первый считал, что «следует с большой осторожностью входить в общение с другими, а в существенную беседу вступать лишь с Богом, да с самим собой»; второй настаивал, что каждый может общаться существенным образом лишь с самим собой, то о чем говорят с другими не может быть существенным. При таком подходе *Я-Ты* отношение личности неизбежно приобретает урезанный характер и оставляет ее в одиночестве, в том или ином его измерении. Открытие тройного жизненного отношения — ключ к более глубокому пониманию природы одиночества, его неоднородности, многомерности.

По своей природе и положению человек обладает тройным жизненным отношением. Если все жизненные отношения станут у него сущностными отношениями, он сможет полностью реализовать в действительной своей жизни и свои свойства, и свое положение. Придавая же сущностный характер лишь отдельным жизненным отношениям, а другие рассматривая и трактуя как несущностные, он не реализует ни свою природу, ни свое положение.

Тройное жизненное отношение человека — это его отношение к миру и вещам, его отношение к людям, т.е. к отдельному человеку и к человеческому множеству, и его отношение к той тайне бытия, которая хоть и просвечивает в вышеназванных отношениях, но бесконечно превосходит их, — к тайне, которую философ называет абсолютом, а верующий — Богом; тот же, кто отвергает оба эти определения, все равно не может исключить ее из своей бытийной ситуации <...>

Кроме тройного жизненного отношения у человека есть и другое отношение — к своей самости, но в отличие от прочих отношений его не следует рассматривать как некую самостоятельную реальность, ибо ему недостает для этого важнейшей предпосылки — реальной двоичности. Вот почему оно не может возвыситься до действительного сущностного жизненного отношения.

М.Бубер

Человек должен быть осмыслен как существо, наделенное тройным жизненным отношением и способное возвышать каждую форму этого отношения до сущности.

М.Бубер

Как это следует из предпоследнего высказывания, М.Бубер считает, что отношение человека к своей самости, в отличие от трех прочих отношений, не может возвыситься до действительного сущностного жизненного отношения, ибо ему недостает реальной двоичности. Однако сказанное не умаляет значимости *внутреннего общения* («Человеко-самость всего громче и чаще говорит Я-Я». — *Мартин Хайдеггер*), которое нуждается в специальном анализе и в связи с сопредельными темами.

ВНУТРЕННЕЕ ОБЩЕНИЕ, УЕДИНЕНИЕ, ОДИНОЧЕСТВО

Названные выше темы и связаны в тесный узел, и относительно автономны, по крайней мере, они могут быть рассмотрены как таковые. Уединение не то же самое, что одиночество. Уединение совершенно необходимо для того, чтобы человек мог погрузиться в глубины своей личности. «В уединении, — отмечал Ф.Петрарка, тонко различавший *плодотворное уединение*, и *уединение крайнее, бесчеловечное*, — приходят высокие мысли, являются собеседники духа и блаженные видения, в уединении начинаешь

общаться с Христом, присутствующим везде и всегда» [*Петрарка Ф. Об уединенной жизни // Соч. филос. и полемич. М.: «Рос. полит. энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. С. 95*]. Способность к самоуглублению, считал Ортега-и-Гассет, выгодно отличает человека от животного и создает предпосылки для развития культуры.

...человек вооружился техникой, научился изменять окружающее в своих целях потому, что использовал каждую возможность, каждую свободную минуту, чтобы самоуглубиться, выковать внутри себя мысли о мире, о вещах и своем отношении к ним, чтобы составить план атаки на обстоятельство, а в итоге — выстроить свой внутренний мир. Из глубины этого внутреннего мира он возвращается к миру внешнему <...> чтобы осуществить в этом внешнем мире свои идеи и сформировать облик Земли в соответствии с запросами своего внутреннего мира.

Х.Ортега-и-Гассет

Важность общения с самим собой для обретения человеком внутренней целостности метко подмечена еще Аристотелем. При этом продуктивность внутреннего общения, радость от его осуществления, по мнению Стагири-та, напрямую связана с его нравственным обликом.

...[добропорядочный] человек желает проводить время сам с собою, ибо находит в этом удовольствие, ведь и воспоминания о совершенных поступках у него приятные, и надежды на будущее добрые (agathai), а такие вещи доставляют удовольствие. И для его мысли в изобилии имеются предметы умопознания (theoremata). И горе и удовольствие он лучше всего разделит сам с собою, потому что страдание ему причиняют и удовольствие доставляют во всех случаях одни и те же вещи, а не один раз одно, другой — другое, он ведь чужд запоздалому раскаянию.

Аристотель

Вполне солидарен с Аристотелем в этом вопросе Мишель Монтень.

Мы обладаем душой, способной общаться с собой; она в состоянии составить себе компанию; у нее есть на что нападать и от чего защищаться, что получать и чем дарить. Нам нечего опасаться, что в этом уединении мы будем коснеть в томительной праздности:

in solis sis tibi turba locis (когда ты в одиночестве, будь себе сам толпой — лат.).

Добротелю, говорит Антисфен, довольствуется собой: она не нуждается ни в правилах, ни в воздействии со стороны.

М.Монтень

Если для нравственного, духовно богатого человека уединение — источник радости, то человека порочного оно страшит. Его самопознание в минуты уединения безотрадно и вносит в душу разлад. Поэтому для него характерно «бегство» в общение, позволяющее «забыться».

...порочные ищут, с кем вместе провести время, избегая при этом самих себя. Дело в том, что наедине с собою они вспоминают много отвратительного [в прошлом] и [в будущем] ожидают другое [такое же], но с другими людьми они забываются. Не имея в себе ничего, вызывающего дружбу (oyden phileton), они не испытывают к себе ни одного из дружеских чувств (oyden philikon). Наконец, такие люди не делят с самим собой ни радости, ни горя потому, что в их душе разлад, т.е. при воздержании от чего-либо одна часть души из-за порочности чувствует огорчение, а другая получает удовольствие, и одна тянет в одну, другая в другую сторону, словно хотят разорвать [на части].

Аристотель

Нуждаются в общении особого рода и отъявленные мизантропы и циники. Об этом из глубин веков свидетельствует Цицерон, и сообщает наш современник Пауль Тиллих.

Если бы кто-нибудь отличался таким суровым и диким нравом, что избегал бы общения с людьми и ненавидел его <...>, то такой человек все-таки не утерпел бы, чтобы поискать кого-нибудь перед кем он мог бы извергнуть яд своего озлобления.

Цицерон

Циники одиноки, но они нуждаются в других людях, чтобы продемонстрировать свое одиночество.

П. Тиллих

Важность внутреннего общения при внешнем уединении для духовного совершенствования, для духовного делания, которое совершается в глубине души не для себя одного, а для всех; внутреннее общение, осуществляемое для накопления сил добра, С.Л.Франк считал основой всех значимых внешних человеческих дел. Суета внешнего общения, не опирающегося на эту внутреннюю основу, оставляет человека одиноким и никчемным существом. Ценность самоуглубления, о котором пишет С.Л.Франк в своей работе «Смысл жизни», характерный фрагмент из которой приводится ниже, состоит в том, что из своих глубин человек извлекает *общее для всех*.

Совершенно иначе, по мнению И.А.Ильина, обстоит дело в случае медитативного погружения человека в глубины своего бессознательного ради «*власти над непокорной и несчастной стихией своего существа*».

Человеческая личность как бы снаружи замкнута и отделена от других существ; изнутри же, в своих глубинах, она общается со всеми ими, слита с ними в первичном единстве. Поэтому *чем глубже человек уходит вовнутрь, тем более он расширяется* и обретает естественную и необходимую связь со всеми остальными людьми, со всей мировой жизнью в целом. <...> Никогда человек не бывает столь замкнутым, одиноким, покинутым людьми и сам забывшим их, как когда он весь разменивается на внешнее общение, на деловые сношения, на жизнь на виду...

С.Л. Франк

«Антропософ» старается магически овладеть тайною своей личной бессознательной сферы и вступает для этого в практическое жизненное общение не с предметом, а со своим собственным бессознательным. Это общение погружает центр его личной жизни в непонятную для него глубину родового инстинкта; и совершается это *не ради знания*: как истинный «маг», антропософ ищет не знания, а господства, *власти* над непокорной и несчастной стихией своего существа. <...> Трагедия его в том, что, ища овладения и господства, он вступает на путь, приводящий его к успокоенной подчиненности, к содержательному и формальному торжеству бессознательной стихии над духом и сознанием; душевное равновесие иногда приобретается, но личность выводится из ряда духовных борцов и свершителей.

И.А. Ильин

Одиночество не отсутствие общения, а его недостаточность в смысле несоответствия действительного общения личности ее коммуникативным устремлениям. Острота переживания одиночества — показатель качества общения, показатель того, в какой мере сфера общения личности не совпадает с ее ожиданиями: с ее желанием занимать определенную статусную позицию в общении, получать определенное эмоциональное подкрепление и т.д. Основываясь на таком понимании одиночества, нельзя не согласиться с приведенными ниже соображениями Н.Бердяева об относительности одиночества, о том, что самое сильное и самое мучительное одиночество охватывает человека именно в обществе и в мире.

Однако выясняется, что в одиночестве, как и в общении, рождается личность, пробуждается ее самосознание, оно (одиночество) может свидетельствовать о росте души и об отпадении от социальной обыденности.

В свою очередь, М.Бубер писал о целых этапах одиночества, этапах бездомности, когда человек обостренно чувствует свою заброшенность.

«В ледяной атмосфере одиночества, — писал М.Бубер, — человек со всей неизбежностью превращается в вопрос для самого себя, а так как вопрос этот безжалостно обнажает и вовлекает в игру самое его сокровенное, то человек приобретает и опыт самопознания» (Бубер М. Проблема человека // Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. С.164). Одиночество, по М.Буберу, заряжает человека мощной познавательной энергией, и даже преодолевая его, важно сохранить ее импульс.

Абсолютное уединение «я» от всякого другого, от всякого «ты» есть самоистребление. «Я» перестает существовать, когда внутри существования ему не дано существование его другого, «ты».

Н.А.Бердяев

«Я» только и существует, поскольку оно себя трансцендирует. Оно перестает существовать, оставаясь в себе безвыходным. Это и есть основная тайна «я».

Н.А.Бердяев

Невозможно мыслить одиночество абсолютное, одиночество — относительно, оно соотносительно с существованием других и другого. Абсолютное одиночество есть ад и небытие... <...> Относительное же одиночество не есть только болезнь и стоит оно под знаком не только отрицательным. Оно может стоять и под знаком положительным, может означать более высокое состояние «я», возвышающееся над общим, родовым, объективированным миром. Одиночество может быть отпадением не от Бога и Божьего мира, а от социальной обыденности, которая сама есть мир падший. Оно может означать рост души.

Н.А.Бердяев

...самое мучительное одиночество есть одиночество в обществе. Такое социальное одиночество и есть одиночество по преимуществу. Одиночество возможно именно в мире объектов, в объективированном мире.

Н.А.Бердяев

...перед человеческой мыслью стоит *новая* жизненная задача, и это — именно *жизненно* новая задача, ибо она предполагает, что человек, который хочет познать себя, должен даже и в обновленной наперекор всему жизни с миром сохранить всю напряженность одиночества, весь пафос его проблематики и только на таком фундаменте строить все свои размышления.

М.Бубер

ОБЩЕНИЕ И ПОЗНАНИЕ

Несмотря на то, что лосевская философия языка отличается от иных типов отечественного и зарубежного философского мышления, философские концепции, расширяющие привычные пределы сферы общения скорее правило, чем исключение. Таковы концепции М.Бубера, Н.Бердяева, С.Л.Франка и др. Для них характерна убежденность в том, что отношения общения, связывающие человека с окружающим миром, не просто реликт, но совершенно незаменимы и сегодня, например, при попытке постичь целостность и единство изучаемого предмета, соприкоснуться с непостижимым. «Активный и творческий характер познания, — считал Н.Бердяев, — выражается в том, что оно есть гуманизация, очеловечивание бытия в разной степени».

Ниже приводятся рассуждения ряда философов о том, что общение, будучи одним из способов мироотношения человека, выступает тем самым в качестве особого способа познания мира.

Нельзя заранее отрицать возможность, что ребенок, первобытный человек, поэт в их, как обычно говорят, «одушевлении» мира глубже проникают в подлин-

ное, скрытое существо реальности, чем наше трезвое прозаическое и научное сознание.

С.Л. Франк

В приведенном ниже высказывании М.Бубера раскрыта особая ипостась общения человека с природой, выступающего таким средством ее познания, которое, не отбрасывая, не умаляя значения научных методов, единственное делает возможным постижение природы «в единстве целого», не «общение и познание» подходящий заголовок к данному фрагменту, а «общение как познание»...

...по воле и милости может произойти так, что, когда я гляжу на дерево, меня захватывает отношение с ним, и отныне это дерево больше уже не Оно. Сила исключительности завладела мной.

При этом, каким бы ни было мое видение дерева, мне нет нужды отрекаться от него. Ни от чего не должен я отвращать свой взгляд ради того, чтобы узреть, и ничего из того, что я знаю о нем, я не обязан предать забвению. Скорее все: зрительный образ и движение, вид и экземпляр, закон и число — присутствует здесь в неразделимом единстве.

Вся совокупность того, что принадлежит дереву, как таковому, — его форма и функционирование, его окраска и химический состав, его общение с планетами — все присутствует здесь в единстве целого.

М.Бубер

Думают, что познавать — значит объективировать, т.е. делать чуждым, но подлинно познавать — значит делать близким, т.е. субъективировать, относить к существованию, раскрывающемуся в субъекте, как существующем. <...> Общение с людьми, с животными, с растениями, с минералами не есть объективация, и тут раскрывается возможность иных путей познания.

Н.А.Бердяев

До сих пор философия не обращала достаточного внимания на связь проблемы познания с проблемой общества, со ступенями общения... <...> Общение принадлежит к царству духа, а не к царству природы. И в нем познание приобретает иной характер. Человек иначе относится к другому человеку, если он знает его внутреннее существование, знает, как «я» или как «ты», а не как объект.

Н.А.Бердяев

...там, где человек, сообщая неодушевленному предмету самостоятельность и как бы душу, возводит его в область своего желания и диалога, в нем должно возникнуть предчувствие диалога с миром, диалога с происходящим в мире, с близким ему в окружающей его вещной среде.

М.Бубер

ПРОБЛЕМА БОГООБЩЕНИЯ ГЛАЗАМИ РЕЛИГИОЗНЫХ ФИЛОСОФОВ

В атеистически ориентированной литературе общение человека с Богом рассматривается как одно из проявлений аутокоммуникации (см., напр.: *Лебедев В.И.* Общение с богом или... М.: Политиздат, 1986.). Для религиозно ориентированных ученых встреча человека с Богом не метафора, а реальность. «Библия, священная Книга Книг иудеев и христиан, — писал В.А.Линденберг (Челищев), — есть нетленное свидетельство встреч человека с Богом. Если мы читаем ее глазами нашей души, а не через очки филолога, психоаналитика или историка, становится ясно, что людей окружала в те времена совершенно другая, непривычная нам атмосфера. Они жили в присутствии Бога и воспринимали это присутствие как ре-

альность — единственную в их жизни» [Линденберг (Челищев) В.А. Таинство встречи. М.: Кристо-логос, 1997. С. 188.]. Многие религиозные философы считали возможность Богообщения своего рода гарантией от одиночества. Исключение, пожалуй, составил бы М.Бубер, критиковавший С.Кьеркегора, признававшего в отличие от него не три сущностных отношения человека, а фактически одно. Так, С.Л.Франк считал Богообщение важнейшим способом приобретения опыта всякого общения и одновременно путем преодоления в себе замкнутости в эмпирической жизни. Парадигмой человеческого общения выступает Божественная Троичность — высшее выражение любви и образец совершеннейшего общества. Однако в историческом христианстве, считал Бердяев, отношения общения часто подвергались искажению.

...душа не есть замкнутый сосуд; она сама имеет бездонную глубину и там, в этой глубине, не только открыта и соприкасается с Богом и даже не только впитывает Его в себя, раскрываясь Ему навстречу — как растение своими корнями впитывает влагу почвы, — но даже живет некой общей жизнью, находится с Ним в таком общении, что Он переливается в нее и она — в Него.

С.Л. Франк

Неверно, будто человеческая душа по своему существу одинока и обречена на одиночное заключение; не одиночество, а, напротив, как говорил Ницше, «двоечество» (Zweisamkeit) есть незыблемый фундамент и определяющее существо человеческой жизни...

С.Л. Франк

Истинная жизнь есть жизнь во всеобъемлющем всеединстве, неустанное служение абсолютному целому; мы впервые подлинно *обретаем* себя и свою жизнь, когда жертвуем собой и своей эмпирической отъединенностью и замкнутостью и укрепляем все свое существо в ином — в Боге как первоисточнике всяческой жизни.

С.Л. Франк

...опыт общения с Богом дает нам узнать величие и блаженство любви — не только любви Бога к нам и нашей любви к Богу, но тем самым любви ко всякой человеческой душе и даже ко всякому творению.

С.Л. Франк

Личность Отца предполагает личность Сына и Св. Духа. Ипостаси Св. Троицы потому и личности, что они предполагают друг друга, взаимную любовь и выход к другому. В другом аспекте личность Бога и личность человека предполагают друг друга. Личность существует как отношение любви и жертвы. <...> Личность должна выходить из себя, преодолевать себя. Такой она задана Богом. Удушливая замкнутость в себе личности есть ее гибель.

Н.А. Бердяев

Подобно тому как самое интимное любовное общение с человеком скорее безмолвно и есть просто наслаждение его близостью, простое созерцание его обаятельного для нас облика, так и интимное общение с Богом может быть безмолвным...

С.Л. Франк

Соединение души с волей Божией сублимирует всякую страсть, освобождает ее от чрезмерностей, от искаженных влияний ненависти, от разрушительных телесных проявлений и увеличивает свободу личности: действуя в состоянии «стояния перед Богом», человек становится не слепым медиумом, а высокосоциальным, сохраняющим свою самостоятельность сотрудником Божиим.

Н.О. Лосский

...на пути духовного борения, ведущего к общению и слиянию человеческой души с Богом, человек должен не только преодолевать свою плоть <...>, но одновременно и пользоваться всеми ее способностями и качествами, в которых она может быть орудием и проводником духовных сил...

С.Л. Франк

...так как в христианском сознании любовь к Богу не только ведет к любви к людям, но по своему существу *совпадает* с последней, то общение с Богом естественно выливается в религиозное общение с людьми и необходимо совершается в форме этого общения — в форме объединенной, общей, солидарной молитвы, общественного богослужения или общего «*всенародного дела*»...

С.Л. Франк

Богослужение, как совместная молитва верующих, само по себе может означать и часто означает только то, что многие люди одновременно и в одном месте — но все же каждый *сам по себе, в отдельности*, устремлены к Богу.

С.Л. Франк

В аскетической христианской литературе значение любви принижено и любовь истолковывается антиперсоналистически. В конце концов возможной оказывается только любовь к Богу, она есть единственная цель. <...> И оказывалось, что духовная и совершенная любовь, т.е. самая высшая, совсем на любовь не походит, она совершенно безлична, отвлеченна и нечеловечна. Обыкновенная душевная симпатия, сочувствие более походят на любовь, чем эта теологическая добродетель, более заключают в себе благостности.

Н.А. Бердяев

ОБЩЕНИЕ И КОММУНИКАЦИЯ. ФИЛОСОФИЯ О НАСУЩНОСТИ ОБЩЕНИЯ И ТРУДНОСТЯХ ДЛЯ ЕГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Понятия «общение» и «коммуникация» часто употребляют как синонимы. Иногда это делают исходя из стилистических соображений, учитывая их различие. В современной философской литературе наиболее последовательно разводит понятия «общение» и «коммуникация» М.С.Каган.

В двух главных отношениях различаются общение и коммуникация. Первое состоит в том, что общение имеет и *практический, материальный, и духовный, информационный, и практически-духовный* характер, тогда как коммуникация <...> является *чисто информационным* процессом — передачей тех или иных сообщений.

Второе отношение, в котором различаются общение и коммуникация, — характер самой связи вступающих во взаимодействие систем <...>

Коммуникация есть *информационная связь субъекта с тем или иным объектом* — человеком, животным, машиной.

М.С.Каган

Радикально иное положение возникает тогда, когда отправитель информации видит в ее получателе *субъекта*, а не *объект*... <...> в общении нет отправителя и получателя сообщений — есть *собеседники, соучастники* общего дела.

В коммуникации мы имеем дело с процессом *однонаправленным*, информация течет только в одну сторону, и — по законам, установленным теорией коммуникации, — количество информации *уменьшается* в ходе ее движения от отправителя к получателю. В общении информация *циркулирует между партнерами*, поскольку

ку оба они равно активны и потому информация не убывает, а *увеличивается, обогащается, расширяется* в процессе ее циркуляции. Структура первого типа информационной активности, следовательно, асимметрична:

отправитель → послание → получатель;

а структура второго типа активности симметрична:

средства

партнер ← → партнер».

общения

М.С.Каган

Устанавливая существенные различия между общением и коммуникацией, М.С.Каган заключает: «...речь должна идти не о том, чтобы мечтать о «диалогической жизни» или сводить смысл всей человеческой деятельности к общению-диалогу, а в том, чтобы отчетливо понимать, *где и когда наиболее эффективны коммуникация, монолог, сообщение, а где и когда оптимальны общение, диалог, отношение к другому как к субъекту*» (Каган М.С. Мир общения. С. 156). Иначе подходит к этому вопросу Н.Бердяев. Для него ценность общения не зависит от конкретной ситуации, она абсолютна. Напротив, коммуникация или сообщение «я» с объектом образует безличное Es (Оно); сообщение сопряжено с разобщенностью и часто приобретает характер принудительного общения и т.д. Обратимся к первоисточнику...

Существует принципиальное различие между сообщением (коммуникацией) и общением (коммунионом). Сообщение между «я», между людьми предполагает разединение и разобщенность. <...> Общение (коммунион) <...> для «я» возможно лишь с «ты», с другим «я», но не с обществом-объектом, не с «Es». Общение «я» и «ты» образует «мы». Общение двух происходит в третьем. Сообщение «я» с объектом тоже происходит в третьем, но это третье не «мы», а «Es». <...> ...Das Man и Es, есть падший мир, не знающий общения, в этом мире сообщения устанавливаются без общения, без интуиции и любви.

Н.А.Бердяев

Важно иметь в виду, что общение и коммуникация вовсе не два автономных, параллельно друг другу развивающихся процесса, оставляющих за нами право свободно выбирать, какой из них в настоящий момент более оптимален для реализации наших целей. Напротив, М.Бубер, например, считал характерным для нашего времени «прогрессирующий рост мира Оно» — мира коммуникации в ущерб *Я-Ты отношениям*, миру общения. Не случайно материалы недавней международной конференции были опубликованы под названием «Проблемы общения в пространстве тотальной коммуникации» (СПб., 1998). Насколько коммуникация (масс-медиа) в различных ее формах легко превращается в средство информационного давления, манипуляции сознанием и поведением людей, настолько непосредственное общение потенциально содержит в себе своего рода демократию.

«В тысячах бесед с глазу на глаз, — писал С.Московичи, — люди обмениваются мнениями, задают друг другу вопросы и отвечают на них. Они находятся в равном положении, каждый имея одинаковые шансы повлиять на другого. Эти дискуссионные кружки представляют собой в то же время отдельные центры власти и формирование решений в замкнутой среде» (Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. С. 236).

Георг Зиммель, анализируя особенную природу общения, писал: «Общение создает, если угодно, идеальный социологический мир, в котором радость каждого непосредственно связана с радостью других, и никто принципиально не в состоянии удовлетворить свое стремление за счет неудовлетворенности другого, что во многих иных жизненных формах хотя и обеспечивается благодаря поставленному над ними этическому императи-

ву, однако не гарантируется непосредственно их собственным внутренним принципом» (Зиммель Г. Общение. Пример чистой, или формальной социологии // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. С. 492).

Свертывание общения есть не только и не столько следствие развития собственно средств коммуникации, но неперенный спутник деспотических режимов, хотя невольно складывается впечатление, что для любой системы власти коммуникация всегда предпочтительнее общения, точнее, предпочтительнее преобладание коммуникации над общением и подчинение общения задачам, решаемым с помощью коммуникации. Послушаем, что говорит об этом Серж Московичи.

С наступлением иерархии двойной монолог разрушает диалог, стремление командовать и подчиняться отравляет удовольствие поговорить. Что касается свободы, нет вещи более ясной: деспоты недоверчиво относятся к разговору, преследуют его и всеми средствами мешают своим подданным беседовать между собой. Любое правительство, которое желало бы остаться стабильным, крепко держать в руках рычаги управления государством, должно просто начисто его запретить, преследовать и отравлять удовольствие, которое он доставляет...

С.Московичи

Решающую роль в свертывании непосредственного общения (разговоров), по мнению С.Московичи, сыграли современные масс-медиа.

По мере того как масс-медиа развиваются, они вытесняют разговоры и снижают роль этих дискуссионных кружков. Каждый остается один на один со своей газетой, телевизором и в одиночку реагирует на их сообщения и внушающие воздействия. <...> Мы в их распоряжении, подчиненные власти печатного слова или экранного изображения. Тем более что изоляция читателя, слушателя или телезрителя не позволяет ему узнать, как много людей разделяют или нет его мнение. Неравенство растет, асимметрия приводит к тому, что «публика иногда реагирует на журналиста, но сам он действует на нее постоянно».

С.Московичи

Установление полноценных отношений общения всегда было непростым делом, требующим от его участников выполнения определенных условий. И чем более значимым представлялся людям предстоящий контакт, тем более высокие требования к ним предъявлял. Правда, характер этих требований философы понимали неодинаково.

Всякое общение с другими, всякий разговор возможен только при условии взаимного ограничения, взаимного самоотвержения; поэтому во всякий разговор необходимо вступать только со смирением.

А.Шопенгауэр

Общение предполагает на мгновение самовластность* тех, кто общается между собой, и соответственно самовластность подразумевает общение, не имея установки на общение, она не может считаться самовластностью.

Ж.Батай

Отличительная особенность современной коммуникативной ситуации состоит в том, что «физическое общение выросло в геометрической про-

* Слово «самовластность» означает, по утверждению В.И.Даля, неограниченную власть, силу, волю или право распорядка, ничем не стесняемые, ощущаемые и воспринимаемые как право или качество (прим. — В.Г.)

порции; подлинное же межсубъектное общение стало более трудным в мире, управляемом средствами массовой информации, рассчитанными на «массового человека» (*Фромм Э., Хирау Р.* Предисловие к антологии «Природа человека» // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М.: Прогресс, 1990. С. 163). Барьеры на пути развития полноценного общения складываются на основе целого комплекса причин, среди которых не последнее место, по мнению многих, занимают технические средства связи.

Существует много субъективных причин, которые затрудняют общение и в некоторых экстремальных случаях делают его невозможным: абстрактный индивидуализм, проистекающий из буржуазного нивелирующего подхода, появившийся, вероятно, в XIX веке; потребность в пропаганде и, как следствие, потребность использовать других в своих собственных целях; зависимость и в некоторых случаях тирания, как индивидуальная, так и социальная; а также страх войны, которая может быть последней войной человечества. Социальные, психологические и экономические факторы много раз переплетаются, делая попытки проникновения общения безнадежными.

Э.Фромм, Р.Хирау

Феноменом, несущим часть вины за деградацию нашей естественной способности вести подлинный разговор, Г.-Г.Гадамер считает разговор по телефону.

...искусственное сближение людей, обеспечиваемое проволокой, грубо разывает как раз ту тонкую оболочку, благодаря которой люди, прикасаясь друг к другу и вслушиваясь друг в друга, сближаются постепенно, но верно. Любой телефонный звонок отмечен жесткостью вмешательства в чужую жизнь, даже если твой собеседник заверяет тебя в том, что рад звонку.

Г.-Г.Гадамер

Вопреки трудностям, стоящим на пути развития полноценного общения, «проблема общения, которая в конечном счете упирается в проблему общей человеческой природы, в наш век становится все более и более насущной» (*Фромм Э., Хирау Р.* Указ. соч. С. 163.).

Общительность является существенным атрибутом человека <...> Человек по самой своей природе есть бытие для других <...> ...человек может и должен общаться, несмотря на очевидные трудности, дистанцию, барьеры.

Э.Фромм, Р.Хирау

Эскалация технических средств общения, выступающих в роли посредников между человеком и человеком, способствует уяснению важности, незаменимости непосредственного общения «лицом к лицу».

Через лицо прежде всего личность приходит в общение с личностью. Восприятие лица совсем не есть восприятие физического явления, оно есть проникновение в душу и дух.

Н.А.Бердяев

Не останавливаясь специально на вопросе о противоречивости проявлений научно-технического прогресса в сфере общения: заметим, что с развитием техники часто связывали и связывают надежду на расширение возможностей для подлинного общения. Характерно, что Н.Бердяев, остро чувствовавший опасность, которую несет с собою машина для человека (см.: *Бердяев Н.А.* Человек и машина // *Бердяев Н.А.* Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1994. С. 499—523), все же считал, что техника, освобождая человека от беспощадной эксплуатации, в перспективе будет способствовать развитию личностно-ориентированного общения. Причем в эти отношения, по мнению Н.Бердяева, будут вовлечены не только люди, но и животные. Об общении человека с животными глубоко и проникновенно писали художники и ученые. Осо-

бенно важное значение в мире тотальной коммуникации приобретает связующее нас с ними безмолвное общение.

Пользование машиной заменяет страшную эксплуатацию людей и животных в прошлом. Эта эксплуатация мешала истинному общению. В техническую эпоху, может быть, сильнее можно почувствовать и осознать возможность общения с животными, преодолевающего одиночество.

Н.А.Бердяев

Ошибочно думать, что общение, преодолевающее одиночество, возможно лишь человека с человеком, лишь для человеческой дружбы. Оно возможно с миром животным, даже с растительным и минеральным, которые имеют свое внутреннее существование <...> В этой точке совершается примирение человека с отчужденной, объективированной природой: в природе человек встречает не объект, а субъекта, друга.

Н.А.Бердяев

В мире, который становится все более зависимым от средств коммуникации, в мире засилья знаков и дискурсов их молчание все более тяготеет над организацией смысла.

Ж.Бодрийар

КОМПЕНСАТОРНОЕ ОБЩЕНИЕ КАК СПОСОБ ГАРМОНИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО МИРА ЛИЧНОСТИ

Поскольку в данной работе указанная тема является главной, и автор, естественно стремился всесторонне раскрыть ее, подкрепляя свои рассуждения соответствующими примерами, в том числе специально подобранными фрагментами из произведений ученых и литераторов, постольку в этом разделе будут обсуждены и проиллюстрированы лишь некоторые аспекты компенсаторного общения, представляющиеся нам весьма важными, а потому требующими дополнительного анализа.

Характерно, что особое значение компенсаторное общение приобретает в случае резкой смены коммуникативной ситуации, условий общения. Так, например, обрядово-зрелищные, ритуально-игровые формы общения, органично вплетенные в традиционную культуру, компенсируются сегодня различными современными формами зрелищного общения, образующими компенсаторный фонд современного общества.

...эскалация «технических» зрелищ на рубеже XIX—XX веков во многом объясняется исторической потребностью заполнить образовавшийся в культуре вакуум, компенсировать свертывание традиционных обрядово-игровых форм культуры, ввести новые формы общения и взаимодействия людей в условиях процесса урбанизации. Обрядово-зрелищные формы, все больше исчезающие из жизни, должны были компенсироваться новыми.

Н.А.Хренов

Популярность спорта наглядно показала, что в условиях городского образа жизни зрелище в первую очередь выполняет функцию непосредственного коллективного взаимодействия, компенсирующего обрядово-зрелищную культуру прошлых эпох. Без этой компенсирующей функции трудно понять популярность спорта, как и остальных зрелищ начала века. Но в популярности спорта была и другая сторона. Он компенсировал свертывание непосредственных связей как следствия эскалации СМК, прежде всего печати.

Н.А.Хренов

Будучи явлением полифункциональным, общение имеет, по нашему мнению, специфическую функцию — *функцию самоутверждения*. В данном контексте может быть рассмотрена идея, высказанная однажды Георгом Зиммелем: «В рамках общения получает свое, только в этих рамках возможное, решение важная, если хотите, даже важнейшая проблема общества: какова мера значимости и роль индивида в отношении с социальным окружением?» (Зиммель Г. Общение. Пример чистой, или формальной, социологии // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. С. 490.).

Однако, как мы пытались показать это непосредственно в данной монографии, самоутверждение самоутверждению рознь. Радикально различны *реальное* и *иллюзорное* самоутверждение. Когда на первый план выходит статусная составляющая процесса самоутверждения, которую Н.Бердяев в приведенном ниже высказывании обозначает как «самолюбие» или когда самоутверждение происходит посредством «срезания» оппонента, умаления его, тогда подлинное самоутверждение подменяется фикцией и осуществляется лишь в воображении «самоутверждающегося». Подлинное самоутверждение лежит, как это показывает А.Шопенгауэр, на путях самоосуществления, самореализации.

Самолюбие всегда ищет компенсации и для этого насилует реальности. Из самолюбия человек принимает за реальность тот мир идей, который дает ему наибольшую компенсацию, в котором самолюбие испытывает наименьшую боль.

Н.А. Бердяев

... он стал монахом, чтобы стать выше тех, которые хотели показать ему, что они стоят выше его <...> Поступая в монахи, он показывал, что презирает все то, что казалось столь важным другим и ему самому в то время, как он служил, и становился на новую такую высоту, с которой он мог сверху вниз смотреть на тех людей, которым он прежде завидовал.

Л.Н. Толстой

Ценность умаления. Многим людям, а может быть, огромному большинству людей, чтобы сохранить к себе самоуважение и известную уверенность поведения, безусловно, нужно умалять и принижать в своем представлении всех своих знакомых. Но так как ничтожные натуры составляют большинство и очень важно, сохранят ли они или потеряют свою уверенность, то...

Ф. Ницше

Соперников или противников ни в каком случае не надо пытаться умалять порицанием или принижением; достигнуть этого можно единственно только тем, чтобы самому быть великим: это делает их малыми, малыми, малыми! Это — худшее, что можно им причинить; поэтому они никогда не прощают этого. Если же ты стараешься добиться их умаления только что упомянутым прямым путем, то это показывает, что ты не можешь выполнить своей цели способом последним, — и вот ты совсем не достигаешь желанного, ставя себя с ними на одну доску.

А.Шопенгауэр

У иллюзорного самоутверждения много личин. Иллюзорное самоутверждение посредством идентификации себя с идолом остроумно развенчивал главный герой романа А.Крона «Бессонница».

Болезньщик имеет возможность чувствовать себя победителем, не участвуя в борьбе. На этот счет у меня есть рабочий термин. Самоутверждение через сопричастность. Всякий раз, когда мы создаем себе идола, мы самоутверждаемся. Мы как бы входим в долю и становимся пайщиками его славы и авторитета, будучи профанами, мы приобретаем право судить да рядить о вещах, нам ранее недоступных. И конечно, влиять, требовать, советовать, даже осуждать.

А.Крон

Есть много путей гармонизации коммуникативного мира, а вместе с тем обретения духовного равновесия в целом. Человек движется по этим путям на ощупь, не всегда попадая на тот, что ведет к сверхкомпенсации, сопровождающейся духовным ростом личности, обретением целостности более высокого, чем прежде, уровня. Об этом убедительно писал Н.Бердяев. Путь сверхкомпенсации, путь реального преодоления одиночества, освобождения от страданий, пролегает там, где человек перенес свою «доминанту» с себя на другого, где помогая преодолеть одиночество страдающему, он освобождает от одиночества и себя.

Ищут победы над страданиями через слияние с социальной группой, с коллективной жизнью; ищут через равнодушие, апатию, через установление меры в жизни, ищут через погружение в обыденность и пошлость; ищут через забвение в мгновении, хотят победить страдание через ослабление остроты сознания; через возврат к подсознательному и редко ищут облегчения и освобождения через подъем к сверхсознательному и сверхчеловеческому. Собственное страдание облегчается, когда человек начинает испытывать сострадание к другому.

Н.А.Бердяев

Сам находясь в одиночестве, человек находит своего одиноко страдающего брата и помогает ему. И как раз тут — зарождение духовной любви, братства и истинного единения чувств.

И.А.Ильин

СЛОВАРЬ ОСНОВНЫХ ТЕРМИНОВ

АБСОЛЮТ, философское понятие, обозначающее вечную, неизменную первооснову всего сущего, полноту бытия и совершенство (Бог, Абсолютный Дух, Абсолютная Идея, Абсолютное «Я»).
АДДИТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ, см. *Поведение аддитивное*.

АКТИВНОСТЬ КОММУНИКАТИВНАЯ, важнейшее условие общения социальных субъектов, полноценного и всестороннего освоения коммуникативного мира, а также преодоления барьеров в общении. А.К. — одно из *слабейших* индивидуальной культуры общения.

АЛЬТРУИЗМ, бескорыстная забота о благе других людей и готовность жертвовать для других своими личными интересами. А., или альтруистическая установка — важное условие *сверхкомпенсации* в сфере общения.

АНТИНОМИЯ, противоречие между рядом положений, из которых каждое имеет законную силу.

АУТОКОММУНИКАЦИЯ (ВНУТРЕННЕЕ ОБЩЕНИЕ), *общение*, в основе которого может лежать не только внутренняя речь, но и непрерывная смена образов, смена-борьба, состязание переживаемой наличной действительности и своего положения в ней и действительности жслаемой, к которой устремляются планы, мечты и фантазии личности. Образы персонафицированы, субъективированы и выступают как бы фантомами действительных личностей. В качестве *идеи* в А. можно выделить *компенсаторную* А. и А., связанную с выполнением предметной деятельности, выступающей ее *подсистемой* и необходимым условием осуществления. (См. также *Богообщение*).

АУТОКОММУНИКАЦИЯ КОМПЕНСАТОРНАЯ, вид *компенсаторного общения*, разновидность *аутокоммуникации*; *общение* действительного субъекта с различными *партнерами аутокоммуникации* (с образом представляемого или

воображаемого Я, или с другими образами, созданными в его представлении или воображении). Различают следующие виды А.К.: 1) *компенсаторный солилоквиум* (*внутреннее общение* человека с представляемыми им Я-образами, различными ипостасями своего Я); 2) *компенсаторное общение с квазисубъектом* (отсутствующим или вымышленным партнером по общению либо воображаемым Я); 3) *компенсаторное общение с субъективированным объектом* (общение с природой); 4) *компенсаторное общение с объективированным субъектом* (культурой). Первые две разновидности А.К. выступают как внутренние компоненты процесса общения, так как не предполагают с необходимостью быть выраженными во внешнем коммуникативном поведении. Вторые две, несмотря на проявленность в конкретном внешнем коммуникативном поведении, все же остаются превращенной формой *аутокоммуникации*.

АУТСАЙДЕР, индивид или группа, которая либо в силу собственного выбора (напр., хиппи), либо в результате общественного давления оказывается вытесненной за рамки характерных для данного общества социальных институтов. Для А. особенно характерны *компенсаторное самоутверждение* посредством *компенсаторного общения*, включающего прямое или символическое *компенсаторное насилие*.

АФФИЛИАЦИЯ, стремление человека быть в обществе других людей.

БАЙКЕР, представитель городской молодежи, возведший в культ лихую езду на мотоциклах. Байкеры объединяются в группы, обычно имеющие лидера; отличаются особой экипировкой (кожаные куртки, ремни, головные повязки, темные очки и т.п.). Движение Б. создает для его членов возможность эмоционального насыщения через использование компенса-

торных механизмов гедонистического риска.

БАРЬЕРЫ В ОБЩЕНИИ, понятие, означающее любые преграды (физические, социальные, гносеологические, идеологические, правовые, нравственные, психологические и т.п.), затрудняющие полноценное общение людей. Если во *вплетенном общении* Б.В.О. труднопреодолимы, то это способствует активизации *компенсаторного общения*.

БОГООБЩЕНИЕ, *внутреннее общение личности* с определенным образом *Абсолюта*, принимающим в некоторых религиях персональную (личностную) или имперсональную формы. В первом случае живому, интенсивному религиозному сознанию Бог открывается прежде всего как личный Бог, с которым возможно установление *Я-Ты отношений* как бытия «я-с-Богом» и «Бога-со-мной». Б., рассматриваемое в указанном отношении осуществляется «...со всей интимностью доверия, сродства и любви, какая вообще возможна между «я» и «ты»» (С.Л.Франк). Данное общение имеет важное социокультурное значение в деле гармонизации *коммуникативного мира личности* посредством компенсации одиночества в *межличностном, социальном и культурном «измерениях»*. Если же Абсолют предстает перед верующим в имперсональной форме, то отдельные проявления одиночества в *космическом «измерении»* могут преодолеваются путем мистического в заимом проникновения *Я* верующего и Божества как Абсолютного, Всеобъемлющего Первоначала всего, обозначаемого как «Бог-во-мне» или «я-в-Бог». Б. для верующего выступает высшим проявлением общения и общности, парадигмой человеческого общения. Искреннее и последовательное следование высоким ценностям, провозглашаемым религиозными верованиями способствует социальной *сверхкомпенсации*. (См. также *Компенсация социальная*).

ВАРИАТИВНОСТЬ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ, способность к видоизменениям той или иной линии *коммуникативного поведения*. В.К.П. — одно из *слагаемых индивидуальной культуры общения*.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ, понятие, отражающее процесс и итог воздействия различных *объектов* друг на друга, вследствие чего изменяется их первоначальное состояние. В. — основная форма взаимосвязи и единства вещей и процессов в ма-

териальном мире и в определенном смысле их первопричина.

ВИДЫ АУТОКОММУНИКАЦИИ, см. *Аутокоммуникация*.

ВИДЫ АУТОКОММУНИКАЦИЙ КОМПЕНСАТОРНОЙ, см. *Аутокоммуникация компенсаторная*.

ВИДЫ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ, см. *Поведение девиантное*.

ВИДЫ КВАЗИСУБЪЕКТОВ, см. *Квазисубъект*.

ВИДЫ КОМПЕНСАТОРНОГО ОБЩЕНИЯ, см. *Общение компенсаторное*.

ВИДЫ КОМПЕНСАТОРНОЙ АУТОКОММУНИКАЦИИ, см. *Аутокоммуникация компенсаторная*.

ВНУТРЕННЕЕ ОБЩЕНИЕ, см. *Аутокоммуникация*.

«ВПЛЕТЕННОЕ» ОБЩЕНИЕ, см. *Общение вплетенное*.

ВТОРИЧНАЯ КОМПЕНСАЦИЯ, см. *Компенсация вторичная*.

ГАРМОНИЗИРУЮЩИЙ ДИАЛОГ, см. *Диалог гармонизирующий*.

ГЕДОНИСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ОБЩЕНИЯ, см. *Функция общения гедонистическая*.

ГЕДОНИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС, см. *Дискурс гедонистический*.

ГЕТЕРОСТАЗИС, способность открытых систем к развитию, к переходу в форме скачка из одного состояния динамического равновесия в другое.

ГЛОБАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ ОБЩЕНИЯ, см. *Субъект общения глобальный*.

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ОБЩЕНИЯ, см. *Функция общения гносеологическая*.

ГОМЕОСТАЗИС, способность открытых органических систем осуществлять динамическую самостабилизацию и саморегуляцию.

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ, см. *Поведение девиантное*.

ДЕКОМПЕНСАЦИЯ, одна из *метаморф компенсаций*; внутренняя активность *динамической системы*, направленная на уравнивание происходящих в ней изменений, разбалансирующих ее, и приводящая к новому состоянию *динамического равновесия* на более элементарном уровне упорядоченности, сложности и организации. Д., рассмотренная в социальной сфере, как правило, выступает как *иллюзорная компенсация*. Как средство *компенсаторного общения* является неприемлемой, так как в конечном

счете ведет к разрушению социального субъекта и деформации среды общения, в которую он включен.

ДЕЛИНКВЕНТ, правонарушитель; в праве термин, используемый для обозначения лиц с социально отклоняющимся поведением (преступников и др.).

ДЕФОРМАЦИЯ СТРУКТУРЫ ОБЩЕНИЯ, нарушение равновесия между взаимосвязанными элементами структуры общения, например, между непосредственными и опосредованными формами общения в пользу опосредованных, что, в свою очередь, приводит к обостренной гипертрофированной потребности в непосредственном общении, удовлетворяемой с помощью тех или иных проявлений компенсаторного общения.

ДЕЭМОЦИАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕНИЯ, процесс оскудения общения эмоциональными компонентами.

ДЕЯТЕЛЬНОСТНО-ВОЛЕВЫЕ КОМПОНЕНТЫ ПОТРЕБНОСТИ В ОБЩЕНИИ, см. *Компоненты потребности в общении деятельностно-волевые*.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОММУНИКАТИВНАЯ, целенаправленная активность субъекта как процесс реализации деятельностно-волевых компонентов потребности в общении.

ДИАЛОГ, одно из важных, продуктивных проявлений общения, в котором дух целого прокладывает себе дорогу сквозь различия партнеров.

ДИАЛОГ ГАРМОНИЗИРУЮЩИЙ, диалог, в котором находит выражение гедонистический дискурс, воплощаются идеалы общения (возникновение чувства гармонии с миром, с окружающими людьми и с самим собой), оказывающиеся источником наслаждения как процессом общения, так и его результатом. Однако идеалы эти труднодостижимы.

ДИАЛОГ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИЙ, форма общения, специально преследующая психотерапевтический эффект.

ДИНАМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА, см. *Система динамическая*.

ДИНАМИЧЕСКОЕ РАВНОВЕСИЕ, см. *Равновесие динамическое*.

ДИСКУРС ГЕДОНИСТИЧЕСКИЙ (по А.К.Михальской), речевое событие, в котором речь выступает как одно из главных средств получения удовольствия всеми участниками общения. Радость, получаемая в ходе Д.Г., вполне сопоставима с эстетическими переживаниями, испытываемыми при совместном пении или слушании музыки.

ДОВЕРИТЕЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ, см. *Общение доверительное*.

ДОКОММУНИКАТИВНАЯ ФАЗА ОБЩЕНИЯ, см. *Фаза общения докоммуникативная*.

ДРУГИЕ («ОНИ» — ГРУППА), люди, не принадлежащие к консолидированной группе; те, кто по какой-либо причине не принадлежит или не был принят в данную группу. Из-за склонности отождествляться с группой, к которой мы принадлежим, «Д.» часто подвергаются дискриминации или становятся объектом предубеждений.

ЗРЕЛИЩНОЕ ОБЩЕНИЕ, см. *Общение зрелищное*.

ИДЕАЛЫ ОБЩЕНИЯ, см. *Диалог гармонизирующий*.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ, процесс эмоционального или иного самоотожествления личности с другим человеком, группой, образом формирования, обнаружение собственной индивидуальности, эмоциональное слияние с объектом, глубокое освоение норм или образца.

ИЗБИРАТЕЛЬНОСТЬ КОММУНИКАТИВНАЯ, социальная способность производить отбор нужной линии коммуникативного поведения, соответствующего обстановке. И.К. — одно из слагаемых индивидуальной культуры общения.

«ИЗМЕРЕНИЯ» ОДИНОЧЕСТВА, метафора, указывающая на то, какие именно отношения, образующие коммуникативный мир личности ослаблены и вызывают соответствующее переживание. Различают следующие И.О. (по У.А.Садлеру и Т.Б.Джонсону): *космическое* (обозначающее три различных формы самовосприятия: 1 — постижение себя как цельной реальности, благодаря которому человек соотносится с природой и космосом; 2 — причастность к мистическим, таинственным аспектам жизни, предельно близким к Богу или к глубинам бытия; 3 — вера человека в уникальность своей судьбы или причастность к великим историческим целям); *культурное* И.О. (отрыв, отчуждение от ценностей культуры); *социальное* И.О. (отвержение личности непосредственным социальным окружением); *межличностное* И.О. (отсутствие тесной эмоциональной близости, любви, дружбы).

ИЛЛЮЗОРНАЯ КОМПЕНСАЦИЯ, см. *Компенсация иллюзорная*.

ИММАНЕНТНЫЙ [свойственный, присущий] — внутренне присущий какому-

либо явлению, протекающий из его природы.

ИМПЕРАТИВНЫЙ, повелительный.

ИМПЛИЦИТНЫЙ, подразумеваемый, невыраженный.

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ОБЩЕНИЯ, см. *Культура общения индивидуальная*.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ ОБЩЕНИЯ, см. *Субъект общения индивидуальный*.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ГНОСТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ ПОТРЕБНОСТИ В ОБЩЕНИИ, см. *Компоненты потребности в общении интеллектуально-гностические*.

ИНТЕГРАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ОБЩЕНИЯ, см. *Функция общения интегративная*.

ИНТЕРАКЦИОНАЛЬНЫЕ УМЕНИЯ, см. *Способность коммуникативная*.

КВАЗИОБЩЕНИЕ, общение с квазисубъектом.

КВАЗИСУБЪЕКТ, партнер аутокоммуникации (компенсаторной либо связанной с выполнением предметной деятельности), представляющий собой образ, возникающий в представлении или воображении человека. Виды К.: а) образ реального человека, воссоздаваемый памятью, контакты с которым труднодоступны, невозможны вообще или в данный момент; б) образ иного субъекта, реально отсутствовавшего в прошлом и отсутствующего в настоящем, созданный воображением (чужой или собственной фантазией). В качестве К. может выступать и воображаемый Я-образ, образ «другого Я», (возможного Я, или собственной идеальной модели субъекта). Не обладая подлинной коммуникативной активностью, К. является компонентом сугубо внутреннего общения личности и не предполагает с необходимостью быть выраженным во внешнем коммуникативном поведении.

КОММУНИКАбельность, см. *Способность коммуникативная*.

КОММУНИКАТИВНАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОСТЬ, см. *Избирательность коммуникативная*.

КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ, см. *Компетентность коммуникативная*.

КОММУНИКАТИВНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ, см. *Мобильность коммуникативная*.

КОММУНИКАТИВНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ, см. *Потребность коммуникативная*.

КОММУНИКАТИВНАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ, см. *Привлекательность коммуникативная*.

КОММУНИКАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ, см. *Ситуация коммуникативная*.

КОММУНИКАТИВНАЯ СПОСОБНОСТЬ, см. *Способность коммуникативная*.

КОММУНИКАТИВНАЯ ФАЗА ОБЩЕНИЯ, см. *Фаза общения коммуникативная*.

КОММУНИКАТИВНО-КОМПЕНСАТОРНЫЕ ПРОЦЕССЫ, см. *Процессы коммуникативно-компенсаторные*.

КОММУНИКАТИВНО-КОМПЕНСАТОРНЫЙ ФОНД, см. *Фонд коммуникативно-компенсаторный*.

КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ, см. *Поведение коммуникативное*.

КОММУНИКАТИВНЫЙ МИР ЛИЧНОСТИ, см. *Мир личности коммуникативный*.

КОММУНИКАЦИЯ, информационная связь субъекта с тем или иным объектом (человеком, животным, машиной и т.п.).

КОМПЕНСАТОРНАЯ АУТОКОММУНИКАЦИЯ, см. *Аутокоммуникация компенсаторная*.

КОМПЕНСАТОРНАЯ ФУНКЦИЯ ОБЩЕНИЯ, см. *Функция общения компенсаторная*.

КОМПЕНСАТОРНОЕ НАСИЛИЕ, см. *Насилие компенсаторное*.

КОМПЕНСАТОРНОЕ ОБЩЕНИЕ, см. *Общение компенсаторное*.

КОМПЕНСАТОРНОЕ ОБЩЕНИЕ С КВАЗИСУБЪЕКТОМ, см. *Общение компенсаторное с квазисубъектом*.

КОМПЕНСАТОРНОЕ ОБЩЕНИЕ С СУБЪЕКТИВИРОВАННЫМ ОБЪЕКТОМ, см. *Общение компенсаторное с субъективированным объектом*.

КОМПЕНСАТОРНОЕ ОБЩЕНИЕ С ОБЪЕКТИВИРОВАННЫМ СУБЪЕКТОМ, см. *Общение компенсаторное с объективированным субъектом*.

КОМПЕНСАТОРНОЕ САМОУТВЕРЖДЕНИЕ, см. *Самоутверждение компенсаторное*.

КОМПЕНСАТОРНЫЕ ПРОЦЕССЫ, см. *Процессы компенсаторные*.

КОМПЕНСАТОРНЫЙ СОЛИЛОКВИУМ, см. *Солилоквиум компенсаторный*.

КОМПЕНСАЦИЯ, процесс восполнения, возмещения, уравнивания чего-

либо, осуществляющийся в одной из трех ипостасей (*метаформ*): *сверхкомпенсации*, *прямой компенсации* (собственной компенсации) и *декомпенсации* (угасающей компенсации).

КОМПЕНСАЦИЯ ВТОРИЧНАЯ, дополнителная *социальная компенсация*, вызванная к жизни недостаточностью *первичной компенсации*. К.В. расширяет пределы *социального компенсаторного фонда* за счет поиска новых способов социальной компенсации.

КОМПЕНСАЦИЯ ИЛЛЮЗОРНАЯ, *социальная компенсация*, лишь мнимо достигающая целей, поставленных субъектом. К.И. проявляется исключительно в социальной сфере. Интенсивное ее использование ведет к *декомпенсации социального субъекта*.

КОМПЕНСАЦИЯ ПЕРВИЧНАЯ, *социальная компенсация*, осуществляемая на основе аутентичного использования *социального компенсаторного фонда*.

КОМПЕНСАЦИЯ ПРЯМАЯ, одна из *метаформ компенсации*; внутренняя активность *динамической системы*, направленная на уравновешивание происходящих в ней изменений и приводящая к новому состоянию *динамического равновесия*, при сохранении целостности системы на прежнем уровне организации и упорядоченности. В социальной сфере К.П. проявляет себя как *реальная компенсация*, носит адаптивный (по типу *гомеостазиса*) характер, не выводя личность за пределы привычного (освоенного) *коммуникативного мира*, не способствуя ее личностному росту.

КОМПЕНСАЦИЯ РЕАЛЬНАЯ, *прямая социальная компенсация*, достигающая целей, поставленных *социальным субъектом*.

КОМПЕНСАЦИЯ СОЦИАЛЬНАЯ, *компенсация*, направленная на поддержание *гомеостазиса* разбалансированной *социальной системы* (*прямая компенсация* как адаптивная форма активности) или отдельных ее элементов, в том числе *социального субъекта* и сферы его общения, или на достижение *гетеростазиса* (*сверхкомпенсация* как неадаптивная форма активности), более высокого уровня организации и целостности. К.С. осуществляется обществом за счет использования *социального компенсаторного фонда*. Существует в виде *первичной и вторичной, реальной и иллюзорной компенсации*.

КОМПЕТЕНТНОСТЬ КОММУНИКАТИВНАЯ, см. *Компетентность в общении*.

КОМПЕТЕНТНОСТЬ В ОБЩЕНИИ, основанная на знаниях и опыте индивида *социальная способность* эффективно взаимодействовать с окружающими. К. В. О. обеспечивается правильным пониманием *субъектом общения* себя и других, постоянным видоизменением своих внутренних психических состояний, отношений с другими *субъектами общения* и условий социальной среды. К. В. О. — одно из *слагаемых индивидуальной культуры общения*.

КОМПОНЕНТЫ ПОТРЕБНОСТИ В ОБЩЕНИИ, см. *Потребность в общении*.

КОМПОНЕНТЫ ПОТРЕБНОСТИ В ОБЩЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТНО-ВОЛЕВЫЕ, *социальная потребность* деятельно проявлять свою личность в процессе *Я-Ты отношения* в плане изменения *Ты*, оказывания влияния на него или самоизменения; «обработка людей людьми» (К.Маркс); потребность в *самоутверждении* посредством общения.

КОМПОНЕНТЫ ПОТРЕБНОСТИ В ОБЩЕНИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ГНОСТИЧЕСКИЕ, *социальная потребность* в обмене интеллектуальной информацией, включающая в себя в качестве обязательного условия интенции как к познанию другого в качестве потенциального либо актуального партнера по общению, так и к самопознанию применительно к роли пребывающего в действительном либо желаемом общении; потребность в постижении смысла данной *коммуникативной ситуации*, аутентичных для нее *стиля*, приемов и средств *общения*.

КОМПОНЕНТЫ ПОТРЕБНОСТИ В ОБЩЕНИИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ, *социальная потребность* в приеме и передаче эмоционально-насыщенной, личностно-ориентированной информации, эмоциональных состояний; потребность быть эмоционально значимым для партнера по общению.

КОНФОРМИЗМ, линия поведения, предполагающая уподобление окружающим, отсутствие личного, индивидуального в своих проявлениях и суждениях.

КОСМИЧЕСКОЕ «ИЗМЕРЕНИЕ» ОДИНОЧЕСТВА, см. *«Измерения» одиночества*.

КУЛЬТУРА ОБЩЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНАЯ, совокупность норм, приемов и процедур деятельности индивидуального субъекта *общения*. Слагаемые К.О.И. (требования, предъявляемые к способно-

стям личности в общении): *вариативность коммуникативного поведения, коммуникативная активность, коммуникативная избирательность, коммуникативная компетентность (компетентность в общении), коммуникативная мобильность, коммуникативная привлекательность, коммуникабельность (коммуникативная способность).*

КУЛЬТУРНОЕ «ИЗМЕРЕНИЕ» ОДИНОЧЕСТВА, см. «Измерения» одиночества.

ЛАТЕНТНЫЙ, скрытый, внешне не проявляющийся.

ЛИДЕР ХАРИЗМАТИЧЕСКИЙ, человек, наделенный в глазах его последователей авторитетом, основанным на исключительных качествах его личности — мудрости, героизме, «святости».

ЛИЧНОСТЬ, термин, обозначающий целостного человека в единстве его индивидуальных способностей и выполняемых им социальных функций. Л. является социальным субъектом и субъектом общения.

ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ОБЩЕНИЕ, см. *Общение личностно-ориентированное.*

МАНИПУЛЯТИВНОЕ ОБЩЕНИЕ, см. *Общение манипулятивное.*

МЕЖЛИЧНОСТНОЕ «ИЗМЕРЕНИЕ» ОДИНОЧЕСТВА, см. «Измерения» одиночества.

МЕТАЛЛИСТЫ, представители неформального молодежного течения *фанатов* рок-музыки в стиле хэви-метал.

МЕТАФОРЫ КОМПЕНСАЦИИ, см. *Компенсация.*

МЕТАФОРЫ ОБЩЕНИЯ, см. *Общение.*

МИКРОГРУППОВОЙ СУБЪЕКТ ОБЩЕНИЯ, см. *Субъект общения микрогрупповой.*

МИР ЛИЧНОСТИ КОММУНИКАТИВНЫЙ, мир отношений общения, связывающих личность со всеми значимыми в контексте данной коммуникативной ситуации модальностями и формами существования субъекта общения и образующий некую целостность.

«МЫ», отношение «Я-Ты», взятое со стороны его единства.

МОБИЛЬНОСТЬ КОММУНИКАТИВНАЯ, способность к быстрой смене одной линии коммуникативного поведения другой. М.К. — одно из *слагаемых* индивидуальной культуры общения.

НАРЦИССИЗМ, психологическое состояние полной сосредоточенности на собственной персоне, в котором все окружающее воспринимается только через призму желаний данной личности.

НАСИЛИЕ, применение силы либо разного рода угроз по отношению к определенным социальным субъектам или их собственности с целью запугивания и принуждения к определенному социальному поведению.

НАСИЛИЕ КОМПЕНСАТОРНОЕ (по Э.Фромму), *насилие*, служащее импотентному, обездоленному лишь человеку замесой продуктивной деятельности и способом отомстить жизни.

НЕВЕРБАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ, см. *Общение невербальное.*

НЕОФИТ, новый приверженец какой-либо идеологии.

НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ОБЩЕНИЕ, см. *Общение непосредственное.*

НЕПОСРЕДСТВЕННЫЕ ФОРМЫ ОБЩЕНИЯ, см. *Общение непосредственное.*

ОБЩЕНИЕ, понятие, включающее в себя все мыслимые формы «субъект-субъектного отношения», выступающего при этом в двух главных ипостасях (метаформах): как О., «*вплетенное*» в предметную деятельность, и О., эмансипировавшееся от предметной деятельности — «*общение ради общения*». Эти метаформы, рассмотренные в контексте *компенсаторных процессов*, могут рассматриваться соответственно как *некомпенсаторное* и *компенсаторное общение*. Исторически общение представлено двумя основными формами: *непосредственным общением* и *общением опосредованным*. В качестве основных типов общения могут рассматриваться *личностно-ориентированное* и *функционально-ролевое общение*. Специфической функцией О., позволяющей разграничить общение с другими формами социального взаимодействия или обнаружить его в их составе, выступает функция *самоутверждения*. В процессе О. можно выделить следующие фазы: *докоммуникативная, коммуникативная и посткоммуникативная.*

ОБЩЕНИЕ ВНУТРЕННЕЕ, см. *Аутокоммуникация.*

ОБЩЕНИЕ ДОВЕРИТЕЛЬНОЕ, форма взаимодействия людей, при которой по крайней мере один из партнеров в процессе общения доверяет другим людям какую-либо конфиденциальную информацию, мысли, чувства, переживания, рас-

крывающие те или иные стороны внутреннего мира его личности. О.Д. рассчитано на эмпатического собеседника (см. *Общение эмпатическое*).

ОБЩЕНИЕ «ВПЛЕТЕННОЕ», *общение*, вплетенное в предметную деятельность, выступающее в качестве необходимого условия ее осуществления и подчиненное ее целям. О.«В.» является одной из *метформ общения*.

ОБЩЕНИЕ ЗРЕЛИЩНОЕ, непосредственное коллективное взаимодействие людей при совместном восприятии зрелища. О.З. исторически часто использовалось государством, обществом как основа для *компенсаторного общения*.

ОБЩЕНИЕ КОМПЕНСАТОРНОЕ, *общение*, выделившееся из состава предметной деятельности и направленное на гармонизацию *коммуникативного мира личности* в случае его деформации, переживаемой как *одиночество*. Эта гармонизация происходит в результате *первичной* либо *вторичной компенсации*, реально или иллюзорно, посредством *сверхкомпенсации*, *прямой компенсации* или *декомпенсации*, сопровождаемых соответствующими последствиями. В качестве видов О.К. можно выделить *компенсаторную аутокоммуникацию* (как *внутреннее компенсаторное общение*) и внешнее О.К., где в качестве партнера по общению выступают различные модальности *реального субъекта общения*, с необходимостью предполагающие выражение во внешнем *коммуникативном поведении*.

ОБЩЕНИЕ КОМПЕНСАТОРНОЕ С КВАЗИСУБЪЕКТОМ, *вид компенсаторной аутокоммуникации*, предполагающей общение с отсутствующим или вымышленным партнером по общению. О.К. С.К. подразделяется на: 1) общение с образами реальных людей; 2) общение с мифологическими или художественными образами, созданными чужой фантазией; 3) общение с образами, созданными собственной фантазией (с образами иных субъектов, отсутствующих в действительности или с воображаемыми *Я-Образами*). В общении с образами реальных людей, в свою очередь, можно выделить ситуации: а) временной разлуки с психологически близким человеком, который не может быть полноценно заменен никем из окружающих (доминирует мотив расширения круга общения за счет контакта с квазисубъектом); б) труднодоступности определенного вида реальных контактов с прототипом некоего человека, которые

исключены или трудноосуществимы (круг общения остается прежним, но изменяется качество общения с теми, кто в этот круг входит); в) возможности непосредственных контактов с неким авторитетным человеком, но труднодоступности их для нас по причине, напр., значительной социальной дистанции (большая свобода интерпретации желаемого образа партнера по общению; общение часто носит исповедальные черты); г) невозможности непосредственных контактов с чрезвычайно дорогим и близким человеком, напр. с образом умершего, способного при жизни к предельно тонкому сопереживанию и сочувствию. О.К. С.К. выступает сугубо как внутренний компонент процесса общения, так как не предполагает с необходимостью быть выраженным во внешнем *коммуникативном поведении*.

ОБЩЕНИЕ КОМПЕНСАТОРНОЕ С ОБЪЕКТИВИРОВАННЫМ СУБЪЕКТОМ, *вид компенсаторной аутокоммуникации*, когда в качестве образа партнера по общению выступает *объективированный субъект*. О.К. С.О.С., будучи проявленным в конкретном внешнем *коммуникативном поведении*, остается превращенной формой *аутокоммуникации*.

ОБЩЕНИЕ КОМПЕНСАТОРНОЕ С СУБЪЕКТИВИРОВАННЫМ ОБЪЕКТОМ (ОБЩЕНИЕ С ПРИРОДОЙ, ВЕЩАМИ), *вид компенсаторной аутокоммуникации*, когда в качестве образа партнера по общению выступает *субъективированный объект*. О.К. С.С.О., будучи проявленным в конкретном внешнем *коммуникативном поведении*, остается превращенной формой *аутокоммуникации*.

ОБЩЕНИЕ ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ, один из *типов общения* — общение «вглубь», при котором проявляются и выявляются индивидуальные и неповторимые особенности партнеров.

ОБЩЕНИЕ МАНИПУЛЯТИВНОЕ, *стиль общения*, при котором к партнеру относятся как к средству для достижения внешних по отношению к нему целей.

ОБЩЕНИЕ НЕВЕРБАЛЬНОЕ, «язык тела», *общение* без участия устной или письменной речи посредством жестов, поз, выражения лица и т.д. О.Н. может являться бессознательной формой проявления *внутреннего общения*.

ОБЩЕНИЕ НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ, *общение*, осуществляющееся в виде прямого, непосредственного психического

контакта общающихся лицом к лицу. О.Н. является одной из *форм общения*.

ОБЩЕНИЕ ОПОСРЕДОВАННОЕ, *общение* без прямого контакта общающихся «лицом к лицу», осуществляющееся при помощи различных технических способов связи, посредством продуктов культуры и т.п. О.О. является одной из *форм общения*.

«ОБЩЕНИЕ РАДИ ОБЩЕНИЯ», коммуникативная надстройка над «*вплетенным*» *общением*, *общение*, эмансипировавшееся от предметной деятельности и выступающее как особый вид *деятельности*, преследующий специфические цели и ценности. «О.Р.О.», рассмотренное в контексте *компенсаторных процессов*, может служить синонимом *компенсаторного общения* и является одной из его *метаформ*.

ОБЩЕНИЕ ФАТИЧЕСКОЕ, одно из проявлений «*общения ради общения*»; бессодержательное *общение*, использующее коммуникативные средства исключительно с целью поддержания самого процесса *общения*. О.Ф. может выполнять *психотерапевтическую функцию общения*.

ОБЩЕНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-РОЛЕВОЕ, один из *типов общения* — *общение*, в котором формальный (официальный, деловой) компонент резко преобладает над личным. Здесь взаимодействуют не личности как таковые, а их «*социальные маски*» (К.Маркс).

ОБЩЕНИЕ ЭМПАТИЧЕСКОЕ, *стиль общения*, предполагающий постоянную чувствительность к меняющимся состояниям партнера, временную жизнь его жизнью, деликатное пребывание в ней без оценивания и осуждения. Указывая на возможные смыслы переживаний другого, эмпатический собеседник помогает ему переживать более полно и конструктивно. О.Э. является одним из показателей *высокой индивидуальной культуры общения* и выполняет *психотерапевтическую функцию общения*.

ОБЪЕКТ, то на что направлена *активность субъекта*.

ОБЪЕКТ СУБЪЕКТИВИРОВАННЫЙ, *партнер аутокоммуникации* (компенсаторной либо связанной с выполнением предметной *деятельности*); *объект*, которому мы приписываем человеческие свойства и способности, то есть одухотворяем его, субъективируем и тем самым делаем возможным *общение* с ним. При этом О.С. не обладает собственной ком-

муникативной активностью и поэтому является компонентом сугубо *внутреннего общения личности*, хотя и проявляющегося во внешнем коммуникативном *поведении*.

ОБЪЕКТИВИРОВАННЫЙ СУБЪЕКТ, см. *Субъект объективированный*.

ОДИНОЧЕСТВО, переживание, отражающее качество *общения*, его недостаточность, неполноту, ущербность. Переживание О. свидетельствует о деформации коммуникативного мира личности, его оскудении в том или ином отношении, фиксируемом соответствующим *измерением одиночества*. Пути *эффективной компенсации одиночества* (способы сочетания различных видов компенсаторной аутокоммуникации с основными «*измерениями*» *одиночества*): 1) *компенсаторный солидокиум* (*общение* с различными ипостасями своего Я) — для преодоления *одиночества в социальном соответствии*; 2) *компенсаторное общение с квазисубъектом* (отсутствующим или вымышленным партнером по *общению*) — для преодоления *одиночества в межличностном «измерении»*; 3) *компенсаторное общение с субъективированным объектом* (природой) — для преодоления *одиночества в космическом «измерении»*; 4) *компенсаторное общение с объективированным субъектом* (культурой) — для преодоления *одиночества в культурном «измерении»*. Предложенная схема не исключает, конечно, и других вариантов.

ОПОСРЕДОВАННОЕ ОБЩЕНИЕ, см. *Общение опосредованное*.

ОПОСРЕДОВАННЫЕ ФОРМЫ ОБЩЕНИЯ, см. *Общение опосредованное*.

ОРИЕНТИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ОБЩЕНИЯ, см. *Функция общения ориентирующая*.

ОТКЛОНЯЮЩЕЕСЯ ПОВЕДЕНИЕ, см. *Поведение девиантное*.

ОТНОШЕНИЕ Я-ОНО, см. *Я-Оно отношение*.

ОТНОШЕНИЕ Я-ТЫ, см. *Я-Ты отношение*.

ПАНКИ, неформальное молодежное движение, возникшее на Западе в 70-е гг. XX века, культивирующее агрессивное неприятие общепринятых норм жизни, что выражается в манере поведения (грубость), одежде (обычно черного цвета), аксессуарах (булавки и т.п.), а также причёске типа «ирокез» в виде продольного гребня от лба до затылка, часто окрашенного в яр-

кий красный, зеленый и т.п. цвет; представители этого движения. Движение П. создает возможность для самоутверждения путем *компенсаторного насилия*, осуществляемого в символической форме и замещающего прямое физическое насилие.

ПАРТНЕРЫ АУТОКОММУНИКАЦИИ, иллюзорные субъекты общения (образы сознания). Можно выделить следующие разновидности П.А.: представляемые Я-образы, квазисубъект, субъективированный объект, объективированный субъект.

ПЕРВИЧНАЯ КОМПЕНСАЦИЯ, см. *Компенсация первичная*.

ПЕРЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНАЯ, восприятие, понимание и оценка людьми социальных объектов (других людей, самих себя, групп, социальных общностей и т.п.).

ПОВЕДЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЕ, образ жизни и действий социального субъекта.

ПОВЕДЕНИЕ АДДИТИВНОЕ, социальное поведение, выражающееся в стремлении к уходу от реальности путем изменения своего психического состояния посредством приема некоторых веществ или постоянной фиксации внимания на определенных предметах или активностях (видах деятельности), что сопровождается развитием интенсивных эмоций. В случае П.А. перечисленные выше симптомы принимают такие размеры, что начинают управлять жизнью человека, делают его беспомощным, лишают воли к противодействию.

ПОВЕДЕНИЕ ДЕВИАНТНОЕ (ОТКЛОНЯЮЩЕЕСЯ), социальное поведение, связанное с действиями, не соответствующими официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе (социальной группе) нормам и ожиданиям и приводящее нарушителя к изоляции, лечению, исправлению или наказанию. Основными видами П.Д. являются преступность, алкоголизм, наркомания, самоубийство, проституция и др.

ПОВЕДЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОЕ, социальное поведение, ориентированное на другого.

ПОВЕДЕНИЕ ОТКЛОНЯЮЩЕЕСЯ, см. *Поведение девиантное*.

ПОДСИСТЕМА, подмножество элементов системы, образующую некую целостность.

ПОЗНАВАТЕЛЬНО ЭКСПРЕССИВНЫЕ УМЕНИЯ, см. *Способность коммуникативная*.

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ УМЕНИЯ, см. *Способность коммуникативная*.

ПОСТКОММУНИКАТИВНАЯ ФАЗА ОБЩЕНИЯ, см. *Фаза общения посткоммуникативная*.

ПОТРЕБНОСТЬ В ОБЩЕНИИ, комплексная социальная потребность, связанная с процессом общения, в состав которой входят эмоциональные, интеллектуально-гностические и деятельностно-волевые компоненты.

ПОТРЕБНОСТЬ КОММУНИКАТИВНАЯ, в широком смысле — синоним понятия «*потребность в общении*», в узком — потребность быть участником процесса приема-передачи информации.

ПОТРЕБНОСТЬ СОЦИАЛЬНАЯ, нужда в чем-либо необходимом, присущая личности, социальной группе или обществу в целом и выступающая в качестве внутреннего побудителя активности.

ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ КОММУНИКАТИВНАЯ, совокупность черт, делающих человека желательным партнером по общению. Одно из *слагаемых индивидуальной культуры общения*.

ПРОЦЕССЫ КОММУНИКАТИВНО-КОМПЕНСАТОРНЫЕ, компенсаторные процессы в социальной сфере.

ПРОЦЕССЫ КОМПЕНСАТОРНЫЕ, обеспечение динамического равновесия систем путем компенсации.

ПРЯМАЯ КОМПЕНСАЦИЯ, см. *Компенсация прямая*.

ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ОБЩЕНИЯ, см. *Функция общения психотерапевтическая*.

ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ОБЩЕНИЯ, см. *Формы общения психотерапевтические*.

ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ, см. *Диалог психотерапевтический*.

ПУТИ ЭФФЕКТИВНОЙ КОМПЕНСАЦИИ ОДИНОЧЕСТВА, см. *Одиночество*.

РАВНОВЕСИЕ ДИНАМИЧЕСКОЕ, подвижное равновесие системы, сохраняемое ею в границах определенных изменений внешней среды.

РЕАЛЬНАЯ КОМПЕНСАЦИЯ, см. *Компенсация реальная*.

РЕАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ ОБЩЕНИЯ, см. *Субъект общения реальный*.

РЕГУЛЯТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ОБЩЕНИЯ, см. *Функция общения регулятивная*.

РЕЗУЛЬТАТ ОБЩЕНИЯ, см. *Фаза общения посткоммуникативная.*

САМОПОЗНАНИЯ ФУНКЦИЯ ОБЩЕНИЯ, см. *Функция общения самопознания.*

САМОУТВЕРЖДЕНИЕ, специфическая функция общения, ибо только в ситуации общения выявляется действительная значимость и роль субъекта общения не только по отношению к его социальному окружению, но и в отношении всех возможных модальностей субъекта.

САМОУТВЕРЖДЕНИЕ КОМПЕНСАТОРНОЕ, самоутверждение, осуществляемое личностью за пределами общения, влеченного в предметную деятельность, и восполняющее, реально либо иллюзорно, те аспекты последнего, что не находят желаемой реализации.

СВЕРХКОМПЕНСАЦИЯ, одна из метаформ компенсации; внутренняя активность динамической системы, направленная на уравнивание происходящих в ней изменений и приводящая к новому состоянию динамического равновесия, сопровождающемуся возрастанием уровня упорядоченности, сложности и организации в динамической системе. В социальной сфере С. связана с неадаптивными формами активности (*гетеростазисом*), осуществляется при опоре преимущественно на *вторичную компенсацию* (в ее творческих, поисковых формах), на «своеиное». В сфере общения она (*сверхкомпенсаторное общение*) способствует личностному росту и радикальному преобразованию ее в целом на основе диалогического взаимоутверждения.

СИМУЛЬТАННОСТЬ, одновременность каких-либо событий.

СИСТЕМА, объединение некоторого разнообразия в единое и четкое расчлененное целое, элементы которого по отношению к целому и другим частям занимают соответствующие им места.

СИСТЕМА ДИНАМИЧЕСКАЯ, система, состояние которой со временем изменяется.

СИТУАЦИЯ КОММУНИКАТИВНАЯ, совокупность объективных условий общения, в которых разворачивается коммуникативная деятельность субъектов общения.

СЛАГАЕМЫЕ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕНИЯ, см. *Культура общения индивидуальная.*

СОВОКУПНЫЙ СУБЪЕКТ ОБЩЕНИЯ, см. *Субъект общения совокупный.*

СОДИЛОКВИУМ КОМПЕНСАТОРНЫЙ, вид компенсаторной аутокоммуникации, внутреннее общение человека с представляемыми им Я-образами, различными ипостасями своего Я. С.К. осуществляется в форме столкновений различных «смысловых позиций», поэтому имеет для личности компенсаторное значение и направлен главным образом на преодоление одиночества в его социальном «измерении». С.К. выступает сугубо как внутренний компонент процесса общения, так как не предполагает с необходимостью быть выраженным во внешнем коммуникативном поведении.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ, процесс превращения человека в члена современного ему общества, для которого характерно принятие и наследование его ценностей, норм, культуры, владение языком и необходимыми навыками, осуществление прав и обязанностей в разнообразных социальных взаимодействиях. С. может рассматриваться как функция общения.

СОЦИАЛИЗИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ОБЩЕНИЯ, см. *Социализация.*

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕНСАЦИЯ, см. *Компенсация социальная.*

СОЦИАЛЬНАЯ ПЕРЦЕПЦИЯ, см. *Перцепция социальная.*

СОЦИАЛЬНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ, см. *Потребность социальная.*

СОЦИАЛЬНАЯ СПОСОБНОСТЬ, см. *Способность социальная.*

СОЦИАЛЬНАЯ УСТАНОВКА, см. *Установка социальная.*

СОЦИАЛЬНОЕ «ИЗМЕРЕНИЕ» ОДИНОЧЕСТВА, см. *«Измерения» одиночества.*

СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ, см. *Поведение социальное.*

СОЦИАЛЬНЫЙ КОМПЕНСАТОРНЫЙ ФОНД, см. *Фонд социальный компенсаторный.*

СПОСОБНОСТЬ СОЦИАЛЬНАЯ, особенности социального субъекта, выражающие его готовность к эффективному овладению определенными видами деятельности.

СПОСОБНОСТЬ КОММУНИКАТИВНАЯ (по А.А.Кидрону), социальная способность к общению. Компоненты С.К. можно разделить на пять классов: 1) *познавательные умения*: способность познавать людей (уровень интерперсональной перцепции), объективизировать ситуацию и прогнозировать поведение, самопознание; 2) *познава-*

тельно экспрессивные умения: умение активно слушать, выбирать роль, адекватно передавать и воспринимать эмоции; 3) *экспрессивные умения*: речевые способности, умение аргументировать, способность к невербальному самовыражению, умение подчеркнуть личностно-индивидуализированные черты; 4) *экспрессивно-интеракционные умения*: способность идти на риск, умение рефлексивно управлять («Я-образом»); 5) *интеракционные умения*: владение правилами поведения (этикетом), приемами техники общения и манипуляцией, конструктивное использование эго-защитных механизмов, умение использовать внеситуативные условия и средства. С.К. — одно излагаемых индивидуальной культуры общения.

СТИЛЬ ОБЩЕНИЯ, индивидуальная, относительно стабильная инвариантная манера общения личности, как правило, проявляющаяся в изменяющихся условиях и сферах взаимодействия — в деловых и частных отношениях (в стиле руководства и воспитания детей, способах принятия решений и преодоления конфликтов, в предполагаемых приемах психологического воздействия на людей).

СТРУКТУРА, совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе, т.е. сохранение основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях.

СТРУКТУРА ОБЩЕНИЯ, социальная структура, где в качестве объекта выступает общение. С.О. может быть рассмотрена по аналогии с предметной деятельностью по схеме: нужда — потребность — интерес — мотив — стимул — средство — объект — процесс — результат общения.

СУБГЛОБАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ ОБЩЕНИЯ, см. Субъект общения субглобальный.

СУБСОЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ ОБЩЕНИЯ, см. Субъект общения субсоциальный.

СУБЪЕКТ, носитель активности.

СУБЪЕКТ ОБЩЕНИЯ, одна из сторон «субъект-субъектного» отношения (общения). Множественность способов существования субъекта, наличие его синтетических форм обязывает считать С.О. не только различные модальности действительного субъекта (индивидуальный либо совокупный С.О.), но и различные проявления иллюзорного С.О. (партне-

ры аутокоммуникации). Последние не обладают собственной коммуникативной активностью и потому не являются социальными субъектами.

СУБЪЕКТ ОБЩЕНИЯ ГЛОБАЛЬНЫЙ, человечество в целом. С.О.Г. — разновидность совокупного субъекта общения.

СУБЪЕКТ ОБЩЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ, конкретный человек, являющийся участником общения.

СУБЪЕКТ ОБЩЕНИЯ МИКРОГРУППОВОЙ, микрогруппы, функционирующие в обществе. С.О.М. — разновидность совокупного субъекта общения.

СУБЪЕКТ ОБЩЕНИЯ РЕАЛЬНЫЙ, действительный субъект общения. В качестве С.О.Р. следует рассматривать только всех действительных субъектов общения (индивидуальных либо совокупных), т.е. обладающих подлинной коммуникативной активностью.

СУБЪЕКТ ОБЩЕНИЯ СОВОКУПНЫЙ, общество в целом или отдельные его компоненты. Различают С.О.С.: глобальный, субглобальный, социальный, субсоциальный и микрогрупповой.

СУБЪЕКТ ОБЩЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫЙ, отдельные общества и страны, их население, народы, нации. С.О.С. — разновидность совокупного субъекта общения.

СУБЪЕКТ ОБЩЕНИЯ СУБГЛОБАЛЬНЫЙ, «метagrппы» человечества. С.О.С. — разновидность совокупного субъекта общения.

СУБЪЕКТ ОБЩЕНИЯ СУБСОЦИАЛЬНЫЙ, большие группы, образующие те или иные структуры отдельных обществ (классы, нации, профессиональные региональные, социокультурные группы и др.). С.О.С. — разновидность совокупного субъекта общения.

СУБЪЕКТ ОБЪЕКТИВИРОВАННЫЙ, партнер аутокоммуникации (компенсаторной либо связанной с выполнением предметной деятельности); форма синтеза объекта и субъекта, приводящая к созданию явлений культуры, в которых определяются сознание, цели и идеалы субъекта. Не обладая подлинной коммуникативной активностью, С.О. является компонентом сугубо внутреннего общения личности, хотя и проявляющегося во внешнем коммуникативном поведении.

СУБЪЕКТИВИРОВАННЫЙ ОБЪЕКТ, см. Объект субъективированный.

СУРДОКАМЕРА, помещение со звуко- непроницаемыми стенами, служащее для проведения физиологических, психологических и других исследований, а также тренировок (например, при подготовке космонавтов) в условиях отсутствия звуковых раздражителей.

ТИПЫ ОБЩЕНИЯ, см. *Общение*.

ТИПЫ (ИЗМЕРЕНИЯ) ОДИНОЧЕСТВА, см. «Измерения» одиночества.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ, свойство личности непредвзято оценивать людей, события, явления, обладающие различными, в том числе противоречивыми чертами; характеризуется способностью отмечать одновременно и положительные, и отрицательные черты, соотнося собственные взгляды со всей имеющейся информацией.

УМЕНИЯ ИНТЕРАКЦИОНАЛЬНЫЕ, см. *Способность коммуникативная*.

УМЕНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНЫЕ, см. *Способность коммуникативная*.

УМЕНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ, см. *Способность коммуникативная*.

УМЕНИЯ ЭКСПРЕССИВНО-ИНТЕРАКЦИОНАЛЬНЫЕ, см. *Способность коммуникативная*.

УМЕНИЯ ЭКСПРЕССИВНЫЕ, см. *Способность коммуникативная*.

УРОВНИ ПРОЯВЛЕНИЯ ОДИНОЧЕСТВА, эмоциональный, интеллектуально-гностический и деятельностно-волевой.

УСТАНОВКА СОЦИАЛЬНАЯ, готовность к определенному виду социальной активности, ориентация на какую-либо ценность, отношение к чему-либо или кому-либо.

УСТАНОВКА Я-ОНО, см. *Я-Оно установка*.

УСТАНОВКА Я-ТЫ, см. *Я-Ты установка*.

ФАЗЫ ОБЩЕНИЯ, см. *Общение*.

ФАЗА ОБЩЕНИЯ ДОКОММУНИКАТИВНАЯ, фаза, в которой происходит своеобразная настройка людей на общение, предчувствие общения, бессознательное или полусознательное переживание возможности взаимного присутствия.

ФАЗА ОБЩЕНИЯ КОММУНИКАТИВНАЯ, фаза, в которой в процессе общения осуществляется обмен информацией, чувствами, настроениями и продуктами деятельности людей посредством знаков, символов и целостных образов действительности.

ФАЗА ОБЩЕНИЯ ПОСТКОММУНИКАТИВНАЯ, фаза, в которой образуется *результат общения*: непосредственный — достижение согласия между его участниками, но и субъективно переживаемое ими чувство удовлетворения от контактов с окружающими, удовольствие от общения, радость общения, психологическое благополучие; более отдаленный — изменения, происходящие в социальном положении личности (напр. изменение статуса), в структуре ее внутреннего мира, в том числе в структуре ее потребности в общении.

ФАНАТ, страстный поклонник кого-либо, чего-либо (артиста, музыкальной группы, спортивной команды и т.п.).

ФАТИЧЕСКОЕ ОБЩЕНИЕ, см. *Общение фатическое*.

ФОНД КОММУНИКАТИВНО-КОМПЕНСАТОРНЫЙ, подсистема социального компенсаторного фонда, предназначенная для осуществления гармонизации коммуникативного мира личности.

ФОНД СОЦИАЛЬНЫЙ КОМПЕНСАТОРНЫЙ, накопленный обществом опыт поддержания *гомеостазиса* (в случае *прямой компенсации*) и достижения *гетеростазиса* социальной системы (в случае *сверхкомпенсации*) с помощью разнообразных социальных компенсаторных механизмов.

ФОРМЫ ОБЩЕНИЯ, см. *Общение*.

ФОРМЫ «ВПЛЕТЕННОГО» ОБЩЕНИЯ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИЕ, формы общения, направленные на психотерапевтические цели. Различают Ф.«В.»О.П.: 1) оказывающие немедленный психотерапевтический эффект, не связанный с глубоким и деятельным преобразованием внутреннего мира личности (напр. экстренная психотерапевтическая помощь, оказываемая по «телефону доверия»); 2) обеспечивающие психотерапевтический эффект в результате продолжительного целенаправленного взаимодействия партнеров, сопряженного с переживанием осязаемых эмоциональных неудобств (практика психокоррекционных групп).

ФУНКЦИИ ОБЩЕНИЯ, значение, роль, которые играет *общение* в жизни человека. Различают *гедонистическую*, *гносеологическую* (в т.ч. *ориентирующую*, *самопознания*, *эвристическую*), *интегративную*, *компенсаторную*, *пси-*

хотерапевтическую, регулятивную, самоутверждения, социализирующую Ф.О.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-РОЛЕВОЕ ОБЩЕНИЕ, см. *Общение функционально-ролевое*.

ФУНКЦИЯ ОБЩЕНИЯ ГЕДОНИСТИЧЕСКАЯ, *функция общения*, обладающая огромной социальной значимостью, приносящая людям ощущение полноты и гармонии их бытия, направленная на получение удовольствия всеми участниками общения как в ходе процесса общения, так и от его результата.

ФУНКЦИЯ ОБЩЕНИЯ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ, *функция общения*, служащая целям обмена научной информацией, ее уточнения, переработки и систематизации, совместного решения познавательных задач, получения качественно нового знания. В последнем случае Ф.О.Г. конкретизируется как *эвристическая* (направленная на взаимное стимулирование познавательной деятельности в процессе общения).

ФУНКЦИЯ ОБЩЕНИЯ ИНТЕГРАТИВНАЯ, *функция общения*, служащая цели сплочения людей, объединения их усилий, формирования новых общностей.

ФУНКЦИЯ ОБЩЕНИЯ КОМПЕНСАТОРНАЯ, *функция общения*, проявляющаяся в случаях: 1) когда *общение* возмещает нечто, прямо и непосредственно восполняет дефицитарные компоненты повседневного взаимодействия личности с ее окружением, когда подобное компенсируется подобным; 2) когда общение уравнивает деформированную *структуру общения*, путем замены и даже подмены одного компонента общения другим, зачастую ему не соответствующим.

ФУНКЦИЯ ОБЩЕНИЯ ОРИЕНТИРУЮЩАЯ, *функция общения*, служащая своеобразной прамбулой к общению. В процессе ее реализации обрисовываются общие контуры предстоящего контакта, выявляются значимые для данной ситуации социальные и индивидуальные характеристики партнеров по общению, распределяются роли в общении. Снижение внешних проявлений активности, «ориентировочное замирание» индивидов вовсе не означает, что они исключены из общения. Их контакт, подчас весьма напряженный, осуществляется на уровне *внутреннего общения*.

ФУНКЦИЯ ОБЩЕНИЯ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ, *функция общения*, на-

правленная на стирание следов прежних негативных переживаний, отвлечение внимания от тягостного и неприятного.

ФУНКЦИЯ ОБЩЕНИЯ РЕГУЛЯТИВНАЯ, *функция общения*, направленная на подчинение поведения индивидов интересам целого. Она связана с самоограничением и моральным регулированием.

ФУНКЦИЯ ОБЩЕНИЯ САМОПОЗНАНИЯ, *функция общения*, служащая цели выработки человеком знания о себе и отношения к себе, выражаемых в целостном *Я-образе* («*Я-концепции*»).

ФУНКЦИЯ ОБЩЕНИЯ САМОУТВЕРЖДЕНИЯ, см. *Самоутверждение*.

ФУНКЦИЯ ОБЩЕНИЯ СОЦИАЛИЗИРУЮЩАЯ, см. *Социализация*.

ФУНКЦИЯ ОБЩЕНИЯ ЭВРИСТИЧЕСКАЯ, см. *Функция общения гносеологическая*.

ХАРИЗМАТИЧЕСКИЙ ЛИДЕР, см. *Лидер харизматический*.

ЭВРИСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ОБЩЕНИЯ, см. *Функция общения гносеологическая*.

ЭКСПРЕССИВНЫЕ УМЕНИЯ, см. *Способность коммуникативная*.

ЭКСПРЕССИВНО-ИНТЕРАКЦИОНАЛЬНЫЕ УМЕНИЯ, см. *Способность коммуникативная*.

ЭМИНЕНЦИЯ, превосходство.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ПОТРЕБНОСТИ В ОБЩЕНИИ, см. *Компоненты потребности в общении эмоциональные*.

ЭМПАТИЧЕСКОЕ ОБЩЕНИЕ, см. *Общение эмпатическое*.

ЭМПАТИЯ, отклик одной личности на переживания другой.

«Я-КОНЦЕПЦИЯ», согласованное и зафиксированное в словесных определениях представление человека о самом себе; итог познания и оценки самого себя через отдельные «*я-образы*» в условиях различных ситуаций, а также через мнения других людей и сопоставление себя с ними. Источниками для такого рода сравнений являются реальная жизнь и все виды искусства.

Я-ОБРАЗ, образ самого себя, возникший в сознании человека на основе представлений о том, как он выглядит в глазах других людей, включенных в данную ситуацию (представляемый Я-О.), либо на основе воображения, фантазии (воображаемый или возможный Я-О., в т.ч. и идеальная модель субъекта). Я-О. весьма динамичен, может изменяться от одной си-

туации к другой, обеспечивая гибкость координации. Относительное постоянство человека, определенность его линии поведения обеспечивается благодаря устойчивой «Я-концепции». Я.-О. может служить *партнером аутокоммуникации*.

Я-ОНО ОТНОШЕНИЕ, взаимодействие человека с окружающим, в том числе с другими людьми, в соответствии с *установкой Я-Оно*.

Я-ОНО УСТАНОВКА, *социальная установка*, означающая, что внешний мир

и все окружающие люди воспринимаются человеком в качестве *объектов*.

Я-ТЫ ОТНОШЕНИЕ, взаимодействие человека со всеми возможными модальностями и формами *субъекта общения* в соответствии с *Я-Ты установкой*.

Я-ТЫ УСТАНОВКА, *социальная установка*, предполагающая отношение к той истинной сущности другого, которая отличает его от остальных, в том числе и от меня самого. Это означает, что Я во всей своей целостности относится к Ты во всей его целостности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова Н.Т. О соотношении части и целого в строении материи // *Вопр. философии*. 1962. № 2.
- Абрамова Н.Т. Целостность и управление. М.: Наука, 1974.
- Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980.
- Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.
- Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.
- Адлер А. Наука жить. Киев: Port-Royal, 1997.
- Адлер А. О нервическом характере. СПб.: Университетская книга, 1997.
- Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. М.: Фонд "За экономическую грамотность", 1995.
- Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: Учебник для вузов. М.: ТЕИС, 1996.
- Андреев Ю.П. Содержание и структура общественных отношений. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985.
- Андреев Ю.П., Коржевская Н.М., Костина Н.Б. Социальные институты: содержание, функции, структура. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989.
- Андреева Г.М. Социальная психология: Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 1996.
- Андреевкова Н.В. Понятие социализации личности // *Социальные исследования*. Вып. 3. М.: Наука, 1970.
- Аникеева Н.П. Развитие потребности в общении — одна из важнейших задач формирования личности // *Формирование потребности личности в общении*. Новосибирск, 1981.
- Аникеева Н.П. Состав потребности в общении и пути ее формирования // *Формирование духовных потребностей учащейся молодежи*. Новосибирск, 1978.
- Антисфен. Из сочинений о Гомере // *Антология кинизма*. М.: Наука, 1984.
- Антология кинизма. Антисфен. Диоген. Кратет. Керкид. Диоген. Фрагменты сочинений кинических мыслителей / Отв. ред. А.А.Тахо-Годи. М.: Наука, 1984.
- Аристотель. Большая этика // *Соч. В 4 т. Т. 4*. М.: Мысль, 1984.
- Аристотель. Никомахова этика // *Аристотель. Соч. в 4 т. Т. 4*. М.: Мысль, 1984.
- Атфилд Р. Этика экологической ответственности (главы из книги) // *Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности*.
- Бааль Е.Г. В конфликте с законом // *По неписаным законам улицы...* М.: Юрид. лит., 1991.
- Бабаева Ю.Д., Войскунский А.Е. Психологические последствия информатизации // *Психол. журнал*. Т. 19. № 1.
- Бабахан Ю.С. Кино как особый вид социогенной потребности в эстетическом общении // *Проблемы формирования социогенных потребностей*. Материалы I Всесоюз. конф. Тбилиси, 1974.
- Баранов А.В. Человек в городе // *Духовное становление человека*. Л.: Знание, 1972.
- Батый Ж. Литература и Зло / Пер. с фр. и коммент. Н.В.Бутман и Е.Г.Домогацкой. М.: Изд-во МГУ, 1994.
- Батищев Г.С. Особенности культуры глубинного общения // *Вопр. философии*. 1995. № 3.
- Баткин Л.М. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. М.: Наука, 1978.
- Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975.
- Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов. Россия, 1979.

- Бахтин М.М.** Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990.
- Бахтин М.М.** Эстетика словесного творчества / Примеч. С.С.Аверинцева, С.Г.Бочарова. М.: Искусство, 1986.
- Бергер П., Лукман Т.** Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
- Бердяев Н.А.** Самопознание. Л.: Лениздат, 1991.
- Бердяев Н.А.** Человек и машина // *Вопр. философии*. 1989. № 2.
- Бердяев Н.А.** Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994.
- Березин С.Л.** К вопросу о сущности самоутверждения личности // *Филос. науки*. 1974. № 2.
- Березин С.Л.** Самоутверждение и его роль в нравственном развитии личности: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Свердловск, 1973.
- Берн Э.** Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы. М.: Прогресс, 1988.
- Бехтерев В.М.** Гл. XXI. Закон компенсации или замещения // Бехтерев В.М. Избранные работы по социальной психологии. М.: Наука, 1994.
- Библер В.С.** Культура. Диалог культур (Опыт определения) // *Вопр. философии*. 1989. № 6.
- Библер В.С.** Мышление как творчество. М.: Политиздат, 1975.
- Библер В.С.** От наукоучения — к логике культуры: Два философ. введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1991.
- Бодлер Ш.** Искусственный рай. Двери восприятия / Хаксли О. СПб.: Петербург — XXI век, 1994.
- Бойко В.В.** В ответе за каждого: социально-психологические аспекты борьбы с пьянством и алкоголизмом. Л.: Лениздат, 1986.
- Боргош Ю.** Фома Аквинский. Изд. 2—е. М.: Мысль, 1975.
- Бориневич В.В.** Наркомания. М., 1963.
- Борисов И.Ю.** "Гедонистический риск" в неформальных молодежных объединениях // Психологические проблемы изучения неформальных молодежных объединений.
- Боссарт А.** Митьки: Вчера, сегодня, завтра // *Огонек*. 1991. № 28.
- Братусь Б.С.** Актуальные проблемы психологического изучения и коррекции алкоголизма // *Психологический журнал*. 1987. Т. 8. № 2.
- Бубер М.** Проблема человека // Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995.
- Бубер М.** Я и Ты // Два образа веры: Пер. с нем. / Под ред. П.С.Гуревича, С.Я.Левит, С.В.Лезова. М.: Республика, 1995.
- Букин В.Р.** Научно-технический прогресс и психология верующего. Л.: Знание, 1973.
- Булатов Р.М.** Казанские "моталки": особенности их асоциальной субкультуры // Криминологи о неформальных молодежных объединениях.
- Булгаков С.Н.** Свет не вечерний: Созерцания и умозрения. Гл. 1. Основная аитино-мия религиозного сознания. М.: Республика, 1994.
- Бунин И.А.** Грамматика любви // Бунин И.А. Собр. соч.: В 9 т. Т. 4. М.: Худож. лит., 1966.
- Бутенко И.А.** Книга и чтение на исходе XX века. М.: Наука, 1997.
- Буш Г.** Диалогика и творчество. Рига: Автос, 1985.
- Бэкон Ф.** О достоинстве и приумножении наук // *Соч.* в 2 т. Т. 1 / Сост., общ. ред. и вступит. ст. А.Л.Субботина. М.: Мысль, 1977.
- Василев К.** Любовь / Пер. с болг. М.: Прогресс, 1982.
- Васильюк Ф.Е.** Психология переживания (Анализ преодоления критических ситуаций). М.: Изд-во МГУ, 1984.
- Веденов А.В.** Потребность в общении // *Сов. педагогика*. 1967. № 9.
- Велишский Ф.Ф.** Быт греков и римлян. Прага, 1878.
- Виденев Н.В.** Природа интеллектуальных способностей человека. М.: Мысль, 1989.
- Вилкс А.Я.** Во что верят члены нетрадиционных религиозных групп молодежи? // Криминологи о неформальных молодежных объединениях.
- Вильнев Р.** Шабаш и колдовство / Пер. с фр. М.: КРОН-ПРЕСС, 1998.
- Винничук Л.** Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. М.: Высшая школа, 1988.
- Восприятие и понимание человека человеком.** М.: МГУ, 1982.
- Выготский Л.С.** Основы дефектологии // *Выготский Л.С. Собр. соч.* в 6 т. Т. 5. М.: Педагогика, 1983.

- Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры. Марксизм, неосоциализм, неосолиберализм. Chaldiz Publications. New York, 1992.
- Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. М.: Республика, 1994.
- Габини А.А. На краю пропасти: Наркомания и наркоманы. М.: Мысль, 1990.
- Гаврилова Т.П. Экспериментальное изучение эмпатии у детей младшего и среднего школьного возраста // Вопр. психологии. 1974. № 5.
- Ганушкин П.Б. Особенности эмоционально-волевой сферы при психопатиях // Психология эмоций.
- Гегель Г. Лекции по эстетике // Гегель Г. Соч. Т. XII. М.: Соцэкгиз, 1938.
- Гегель Г. Наука логики. Т. II. Соч. Т. VI. М.: Соцэкгиз, 1939.
- Гессе Г. Степной волк // Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. Роман, повести. СПб.: Северо-Запад, 1994.
- Гилинский Я.И. Стадии социализации индивида // Человек и общество. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. Вып. 9.
- Гладышев В.И. Аристотель о нравственных основах общения и современность // Вестн. Челябинск. агроинж. ун-та. 1996. № 15.
- Гладышев В.И. Компенсаторное общение и духовное развитие личности // Духовные факторы общественного прогресса: Межвуз. сб. науч. тр. / ЧГПИ. Челябинск, 1991.
- Гладышев В.И. О компенсаторном общении человека с природой // Вестн. Челябинск. агроинж. ун-та. 1995. № 12.
- Гладышев В.И. О природе негативных явлений в сфере общения и общих принципах их преодоления // Мораль, традиции, воспитание: Тез. докл. регионал. конф., посв. 70-летию Великого Октября. Уфа, 1987.
- Гладышев В.И. От "Я" и "Ты" М.Бубера к "Я" и "Мы" С.Л.Франка // Россия и Западная Европа: Диалог культур. Курган, 1993.
- Гладышев В.И. Проблема общения в русской философии // Русская идея: исторический смысл и современное значение. Часть вторая. Хабаровск, 1995.
- Гладышев В.И. Социальные причины и функции компенсаторного общения: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Свердловск, 1983.
- Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М.: Прогресс, 1990.
- Гозман Л.Я. Психология эмоциональных отношений. М.: Изд-во МГУ, 1987.
- Голосенко И.А., Голуд С.И. Социологические исследования проституции в России (история и современное состояние вопроса). СПб: ТОО ТК "Петрополис", 1998.
- Гордиенко А.А., Повешнев Г.С., Плюсин Ю.М. Структура поведения безработного // Социол. исследования. 1996. № 11.
- Гордон Л.А., Клопов Э.В. Человек после работы. Социальные проблемы быта и вне рабочего времени. М.: Наука, 1972.
- Григорьян Б.Т. О ритуалах слова, мышления и действия // Вопр. философии. 1987. № 10.
- Гримяк Л.П. Общение с собой: Начала психологии активности. М.: Политиздат, 1991.
- Гришина Е.А. Мистические неорелигиозные группы в молодежной среде // По неписанным законам улицы...
- Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987.
- Губанова М.И., Либова О.С. Компенсаторное чтение, что изменилось? // Массовая библиотека-95: Теория и практика: Сб/РГБ. М.: РГБ, 1995.
- Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1984.
- Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М.: Искусство, 1981.
- Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвующего большинства. М.: Искусство, 1990.
- Давыдов Ю.Н. Мечта о близком человеке // Лит. обозрение. 1983. № 1.
- Давыдовский И.В. Компенсаторно-приспособительные процессы // Клиническая медицина. М.: Медгиз, 1962. Т. XXXX. № 7.
- Дарол А. Тайные общества / Пер. с фр. М.: КРОН-ПРЕСС, 1998.
- Дворецкий И.Х. Compensatio, onisf // Латинско-русский словарь. Изд.2-е, перераб. и доп. М.: Русский язык, 1976.
- Дворкин А. Введение в сектоведение: Учеб. пособие к курсу "Сектоведение". Н.-Новгород: Изд. Братство во имя св.Великого кн.Александра Невского, 1998.

- Дерябо С.Д., Ясвин В.А. Экологическая педагогика и психология. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
- Джаманбалаева Ш.Е. Проблемы наркотизации и алкоголизации в республике // Социол. исслед. 1998. № 3.
- Джидарьян И.А. Потребность в общении и развитие личности // Проблемы психологии личности. Советско-финский симпозиум. М., 1982.
- Добрович А.Б. Воспитателю о психологии и психогигиене общения: Книга для учителя и родителей. М.: Просвещение, 1987.
- Додонов Б.И. Эмоция как ценность. М.: Политиздат, 1978.
- Долгова А.И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних. М.: Юрид. лит., 1981.
- Долныкова А.А., Чудова Н.В. Психологические особенности суперпрограммистов // Психол. журнал. Т. 18. 1997. № 1.
- Донская Л.В., Линчевский Э.Э. Психофизиологические аспекты труда работников сферы обслуживания. Л.: Медицина, 1979.
- Дридзе Т.М. Социальная диагностика в градостроительстве // Социол. исследования. 1998. № 2.
- Дубовская В.И. Общение и научное мышление // Мышление и общение. Алма-Ата, 1973.
- Духовное становление человека. Л.: Знание, 1972
- Елисеева И.И. Семейные группы: общение и расселение // Современные проблемы воспроизводства населения: Материалы симпозиума, г.Рига, 2—4 декабря, 1980 г. Рига, 1980.
- Елисеева И.И., Кадибур Т.С. Эффективность межсемейных контактов (По материалам обследования семей Ленинграда) // Эффективность жилой среды в условиях городского образа жизни (Ленинград-2000): Материалы науч.-теорет. совещ. (31 мая — 3 июня 1976 г.). Л., 1976.
- Еремеев А.Ф. "Новое бытие" превращенных форм (разновидностей) общественного сознания // Проблема отчуждения в современной теории культуры, этике и эстетике: Сб. науч. тр. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1990.
- Еремеев А.Ф. Лекции по марксистско-ленинской эстетике. В 4 ч. Ч. 4. Свердловск, 1975.
- Жигульский К. Праздник и культура / Пер. с польск. М.: Прогресс, 1985.
- Забрянский Г.И. Механизм формирования антисоциальных подростковых и юношеских групп // Криминологи о неформальных молодежных объединениях.
- Заксе Х. Антропология техники // Философия техники в ФРГ. М.: Прогресс, 1989.
- Заярнова О.Г. Металлисты // По неписаным законам улицы... М.: Юрид. лит., 1991.
- Зиновьева Е.М. Природа и динамика механизма "идентификации" // Философское освоение мира человеком. Л.: ЛГПИ им.Герцена, 1977.
- Злобина Е.Г. Общение как фактор развития личности. Киев: Наукова думка, 1981
- Знаменитые случаи из практики психоанализа: Сб. М.: REFL-book, 1995.
- Игошев К.Е., Миньковский Г.М. Проблема, которая волнует всех (вместо предисловия) // По неписаным законам улицы... М.: Юрид. лит., 1991.
- Ильин И.А. О любезности. Социально-психологический опыт // Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Кн. 1 / Сост. и коммент. Ю.Т.Лисицы. М.: Русская книга, 1996.
- Ильяева И.А. Культура общения (Опыт философско-методологического анализа). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989.
- Иноземцева В.Е. Система отношений и взаимоотношений учащихся ПТУ // Психол. журнал. 1981. № 5.
- Каган М.С. Внутренний диалог как закономерность художественно-творческого процесса // Сов. искусствведение. М.: Сов. художник, 1985. Вып. 19.
- Каган М.С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. М.: Политиздат, 1988.
- Каган М.С. Человеческая деятельность. (Опыт системного анализа). М.: Политиздат, 1974.
- Калачев Б.Ф. Источники информации о психотехнике в молодежных группах мистиков // По неписаным законам улицы...
- Канетти Э. Масса и власть // Канетти Э. Человек нашего столетия: Пер. с нем. / Сост. и авт. предисл. Н.С.Павлова; Коммент. Р.Г.Каралашвили. М.: Прогресс, 1990.
- Канетти Э. Ослепление: Роман. М.: Панорама, 1992.

- Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Соч.: В 4 т. на нем. и рус. яз. Т. 1. Трактаты и статьи (1784—1796) / Подг. к изд. Н.Мотрошиловой (Москва) и Б.Тушлингом (Марбург). М.: Изд. АО "Ками", 1993.
- Кветной М.С. Человеческая деятельность: сущность, структура, типы (социологический аспект). Саратов: Изд. СГУ, 1974.
- Кемеров В.Е. Взаимопонимание: Некоторые философские и психологические проблемы. М.: Политиздат, 1984.
- Кемеров В.Е. Процессы социальные // Современный философский словарь. Екатеринбург, 1996.
- Кессиди Ф.Х. Послесловие // Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. М., 1988.
- Кидрон А.А. Коммуникативная способность и ее совершенствование: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л., 1981.
- Кикнадзе Д.А. Потребности. Поведение. Воспитание. М.: Мысль, 1968.
- Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. М.: Наука, 1983.
- Клейст Г. О том, как постепенно составляется мысль, когда говоришь // Клейст Г. Избранное. Драм. Новеллы. Статьи. М.: Худож. лит., 1977.
- Клима Д. Гармония. Гармоническая личность: (Гроздь истины) / М-во нар. образования МССР, НИИ педагогики. Кишинев: Штиинца, 1990.
- Колосницын В.И. Лекции по теории научного атеизма. Свердловск, 1975. Ч. 1.
- Колосницын В.И. Религиозное отчуждение. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1987.
- Кольцова В.А. Опыт экспериментального изучения познавательной деятельности в условиях общения // Методология и методы социальной психологии. М.: Наука, 1977.
- Компенсаторная гипертрофия органов млекопитающих животных и человека / Под ред. проф. Л.Д.Лиознера. М.: Медгиз, 1963.
- Компенсаторная приспособляемость человека при заболеваниях центральной нервной системы. М., 1973.
- Компенсаторно-приспособительные процессы в клетках внутренней среды: Сб. науч. тр. / Ташкент. гос. мед. ин-т. Ташкент, 1988.
- Компенсаторно-приспособительные процессы в патологии: Сб. ст. / АН Латв. ССР. Рига: Зинатне, 1987.
- Компенсаторно-приспособительные процессы: Тр. симпозиума по компенсаторно-приспособительным процессам, Куйбышев, 5—6 мая 1960 г. [Ред. коллегия ... Н.Ф.Шляпников (отв.ред.)]. Куйбышев, 1961.
- Компенсаторные и адаптивные процессы в центральной нервной системе: Тез. докл. к Всесоюзному симпозиуму, 5—7 сент. 1977 г. / М.А. Рыбалко (отв. ред.) и др. Иркутск, 1977.
- Компенсаторные процессы // Большая медицинская энциклопедия: В 30 т. Изд. 3-е. М.: Сов. энцикл., 1979. Т. 11.
- Компенсационная пошлина, Компенсационная торговля, Компенсационные выплаты, Компенсационные сделки, Компенсационный курс, Компенсация, Компенсация внешнеторговая, Компенсация за обесцененные деньги, Компенсация морального ущерба, Компенсация номинальная // Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Совр. энцикл. словарь. М.: ИНФРА-М, 1998.
- Компенсационное пространство // Гор. энцикл. М.: Сов. энцикл. Т. 3. Кенган-Орт, 1987.
- Компенсационные методы // Энцикл. словарь. Т. XVI / Издатели Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. — СПб., 1895.
- Компенсационные пошлины. Компенсация морального вреда // Энцикл. юрид. словарь. М.: ИНФРА-М, 1998.
- Компенсационный эффект // Хим. энцикл.: В 5 т. Т. 2. М.: Сов. энцикл., 1990. Т. 2.
- Компенсация // Пед. энцикл. М.: Сов. энцикл., 1965. Т. II.
- Компенсация // Филос. энцикл. словарь. М.: Сов. энцикл., 1989.
- Компенсация // Энциклопедический словарь т-ва "Бр. А. и И. Гранат и К". Т. 24.
- Компенсация демографическая // Демогр. энцикл. словарь. М.: Сов. энцикл., 1985.
- Компенсация, Компенсатор, Компенсатор автоматический, Компенсатор оптический, Компенсирующие устройства и т.д. // Больш. сов. энцикл.: В 30 т. Изд. 3-е. М.: Сов. энцикл., 1973. Т. 12.
- Кон И.С. Дружба: Этно-психологический очерк. М.: Политиздат, 1989.
- Кон И.С. Психология юношеского возраста: (Проблемы формирования личности): Учеб. пособие для студ. пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1979.

- Кон И.С. Социология личности. М.: Политиздат, 1967.
- Корнев С. "Сетевая литература" и завершение постмодерна // Новое литературное обозрение. № 32 (4/1998).
- Короленко Ц.П., Донских Т.А. Семь путей к катастрофе: Деструктивное поведение в современном мире. Новосибирск: Наука, 1990.
- Короленко Ц.П., Завьялов В.Ю. Личность и алкоголь. Новосибирск: Наука, 1988.
- Кривоцов В.А. Эстетика даосизма. М.: ПОО "Фабула", Институт Дальнего Востока РАН, 1993.
- Крижанская Ю.С., Третьяков В.П. Грамматика общения. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990.
- Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М. Психология малой группы: Теоретический и прикладной аспекты. М.: Изд-во МГУ, 1991.
- Кропоткин П.А. Этика // Избр. труды. М.: Политиздат, 1991.
- Крушельницкая О.И., Третьякова А.Н. Отверженные дети. Как им помочь? // Биология в школе. 1997. № 4—5.
- Кузнецов О.Н., Лебедев В.И. Психология и психопатология одиночества. М.: Медицина, 1972.
- Куприн А.И. Поединок // Куприн А.И. Избр. соч. М.: Худож. лит., 1985.
- Куприн А.И. С улицы // Собр. соч.: В 9 т. М.: Правда, 1964. Т. 3.
- Куценко Б.Н. Эмоции и религия. Киев: Политиздат Украины, 1987.
- Кучинский Г.М. Психология внутреннего диалога. Минск: Университетское, 1988.
- Кьеркегор С. Болезнь к смерти // Этическая мысль: Науч.-публицист. чтения. М.: Политиздат, 1990.
- Кюстин А. Николаевская Россия. М.: Политиздат, 1990.
- Лабиринты одиночества / Пер.с англ.; Сост., общ. ред. и предисл. Н.Е.Покровского. М.: Прогресс, 1989.
- Лагранд, Луис Е. Общение после смерти. СПб.: Изд. "Тимошка", 1997.
- Лапшин И.И. Проблема "чужого Я" в новейшей философии. СПб., 1910.
- Латышев В.В. Очерк греческих древностей. Ч. II. Богослужбные и сценические древности. СПб., 1889.
- Лебедев В.И. Личность в экстремальных условиях. М.: Политиздат, 1989.
- Лебедев В.И. Общение с богом или... М.: Политиздат, 1986.
- Левичева В.Ф. Молодежный Вавилон: Размышления о неформальном движении. М.: Мол. гвардия, 1989.
- Левичева В.Ф. Самодеятельное движение молодежи в русле гражданского диалога // По неписаным законам улицы... М.: Юрид. лит., 1991.
- Ленинская теория отражения в свете развития науки и практики. Т. I. Отражение, познание, творчество / Гл. ред. Т.Павлов. София: Изд-во Наука и искусство, 1981.
- Ленинская теория отражения в свете развития науки и практики. Т. II. Теория отражения, современное естествознание и социальное познание. София, 1981.
- Леонгард К. Акцентуированные личности. Киев: Вища школа, 1981.
- Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Изд-во МГУ, 1981.
- Линдемани Э. Клиника острого горя // Психология эмоций. Тексты. М.: Изд-во МГУ, 1984.
- Линденберг (Челищев) В.А. Тайнство встречи. М.: Криптологос, 1997.
- Лисина М.И. Проблемы онтогенеза общения. М.: Педагогика, 1986.
- Лисовский В.Т. Советское студенчество: Социологические очерки: Науч.-попул. М.: Высш. шк., 1990.
- Лисовский В.Т. Типы самостоятельных объединений // Криминологи о неформальных молодежных объединениях. М.: Юрид.лит., 1990.
- Локвова Т.Б. Компенсаторное чтение: вчера, сегодня, завтра // Звезда. 1994. № 5.
- Ломов Б.Ф. Особенности познавательных процессов в условиях общения // Психол. журнал. М., 1980. Т. I. № 5.
- Ломов Б.Ф. Соотношение социального и биологического как методологическая проблема психологии // Вopr. философии. 1976. № 4.
- Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Из ранних произв. М.: Правда, 1990.
- Лоуэн А. Язык тела. СПб.: Гумантар. агентство "Акад проект", 1997.
- Мазурова А.И. Панки: альтернатива внутри альтернативы // По неписаным законам улицы... М.: Юрид. лит., 1991.
- Макаров М.Г. Категория "цель" в марксистской философии и критика телеологии. Л.: Наука, 1977.

- Макеева А. Молодежная наркогенная субкультура как социальный феномен // Прикладная психология и психоанализ. 1998. № 5—6.
- Максимова Н.Ю. О склонности подростков к аддиктивному поведению // Психологический журнал. 1996. № 3.
- Мамбетова А.Д. Рефлексия и научное общение // Общение в свете теории отражения. Фрунзе: Илим, 1980.
- Манн Г. Вернопопданный // Манн Г. Вернопопданный. Бедные. М.: Правда, 1985.
- Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23.
- Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.
- Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Изд. группа "Евразия", 1997.
- Массовая библиотека-95: Теория и практика: Сб/РГБ. М.: РГБ, 1995.
- Мастерс и Джонсон о любви и сексе: В 2 ч. Ч. 1. СПб.: СП "Ретур", 1991.
- Материалисты Древней Греции. Сб. текстов Гераклита, Демокрита, Эпикура. М.: Госполитиздат, 1955.
- Меренков А.В., Рыбцова Л.Л., Кольцова В.А. Семейное воспитание: кризис и пути его преодоления. Екатеринбург, 1997.
- Микулинский С.Р. Научная дискуссия и развитие науки // Вопр. философии. 1978. № 3.
- Микулинский С.Р., Ярошевский М.Г. Социально-психологические аспекты научной деятельности // Вопр. философии. 1973. № 1.
- Милтс А.А. Гармония и дисгармония личности: Филос.-этич. очерк: Пер. с латыш. М.: Политиздат, 1990.
- Мирская Е.З. Ученый и современная наука. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1971.
- Михальская А.К. К современной концепции культуры речи // Науч. докл. высшей школы. Филолог. науки. 1990. № 5.
- Михальская А.К. Педагогическая риторика: история и теория: Учеб. пособие для студ. пед. ун-тов и ин-тов. М.: Изд. центр "Академия", 1998.
- Михальская А.К. Пути развития отечественной риторики: Утраты и поиски речевого идеала // Науч. докл. высшей школы. Филолог. науки. 1992. № 3.
- Милич П. Как проводить деловые беседы: Сокр. пер. с серб.-хорв. / Общ. ред. В.М.Шепеля. М.: Экономика, 1983.
- Миоскович Б. Одночество: междисциплинарный подход // Лабиринты одиночества. Молодежная субкультура и наркотики: Учебное пособие / Т.П.Долгова, Ю.А.Клейберг; Тверской гос. тех. ун-т. Тверь, 1997.
- Монтень М. Опыты: В 3 кн. Кн. 1 и 2. М.: Наука, 1979.
- Монтень М. Опыты: В 3 кн. Кн. 3. М.: Наука, 1979.
- Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998.
- Мухарская Л.П. Потребность в общении как философская категория // Вестник Белорусского университета. Сер. 3. История. Научный коммунизм. Экономика. Право. Минск. 1981. № 1.
- Мышление и общение. Алма-Ата, 1973.
- Надеждин А.В., Иванов А.И., Трифонов В.В. и др. К вопросу о типологии расстройств личности у больных ингаляционной токсикоманией // Вопр. наркологии. 1998. № 1.
- Надель-Червинская М.А., Червинский П.П. Компенсатор // Большой толковый словарь иностранных слов: В 3 т. Т. 2. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995.
- Наркомания — болезнь эгоистов // Студенческий меридиан. 1998. № 4.
- Наркомания и токсикомания: Указ. отеч. и иностр. лит. за 1980—1988 гг. / ВНИИ мед. и мед.-техн. информ. и др. М.: ГЦНМБ, 1988.
- Наркомания как форма девиантного поведения / Ин-т социологии РАН. М., 1997.
- Нарский И.С. Проблема противоречия в диалектической логике. М.: Изд-во МГУ, 1969.
- Нарский И.С. Противоречия как движущая сила развития научного познания // Философские науки. 1981. № 1.
- Научно-техническая революция и социальная психология. М.: Наука, 1981.
- Неформальная Россия: О "неформальных" политизированных движениях и группах в РСФСР (опыт справочника) / Сост., авт., вступ. ст. и науч. ред. В.Березовский, Н.Кротов. М.: Мол гвардия, 1990.

- Никитин Е.П., Харламенкова Н.Е.** Проблема самоутверждения личности в философии и психологии (к истории проблемы) // *Вопр. философии*. 1995. № 8.
- Никитин Е.П., Харламенкова Н.Е.** Самоутверждение человека // *Вопр. философии*. 1997. № 9.
- Николаева В.В.** Влияние хронических болезней на психику. М.: Изд-во МГУ, 1987.
- Ницше Ф.** Злая мудрость // *Соч.* в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990.
- Ницше Ф.** По ту сторону добра и зла // *Соч.* в 2 т. Т. 2.
- Общение и оптимизация совместной деятельности** / Ред. Г.М.Андреева, Я.Яноушек. М.: МГУ, 1987.
- Оди Д.Р.** Человек — существо одинокое: биологические корни одиночества // *Лабиринты одиночества*.
- Организованная преступность.** М.: Юридическая литература, 1989.
- Орлов М.А.** История сношений человека с дьяволом. М.: Республика, 1992.
- Ортега-и-Гассет Х.** Человек и люди // "Дегуманизация искусства" и др. работы. Эссе о литературе и искусстве: Сб. М.: Радуга, 1991.
- От Я к Другому:** Сб. пер. по проблемам интересубъективности, коммуникации, диалога. Минск: Менск, 1997.
- Отрицательный угол:** Подросток: цена самоутверждения / Сост. С.М.Артюхов. М.: Мол. гвардия, 1990.
- Панпурии В.А.** Внутренний мир личности и искусство: К определению сущностной природы искусства. Свердловск: Изд. Урал. ун-та, 1990.
- Панферов В.Н.** О роли внешности в регуляции отношений // *Человек и общество*. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. Вып. III.
- Парахонский Б.А.** Коммуникация и культурная среда / Диалог и коммуникация — философские проблемы (Материалы "круглого стола") // *Вопр. философии*. 1989. № 7.
- Парtridge Б.** История оргий / Пер. с англ. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997.
- Парыгин Б.Д.** Научно-техническая революция и личность: Социально-психологические проблемы. М.: Политиздат, 1978.
- Парыгин Б.Д.** Научно-техническая революция и социальная психология. Л.: Знание, 1976.
- Пельц Д., Эндриус Ф.** Ученые в организациях. Об оптимальных условиях для исследований и разработок. М.: Прогресс, 1973.
- Переписка между К.Марксом и Ф.Энгельсом** (январь 1868 — середина июля 1870). 39. Маркс — Энгельсу, 30 апреля // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* Т. 32.
- Перлман Д., Пепло Л.Э.** Теоретические подходы к одиночеству // *Лабиринты одиночества* / Пер.с англ.; Сост., общ. ред. и предисл. Н.Е.Покровского. М.: Прогресс, 1989.
- Петербург начала 90-х:** Безумный, холодный, жестокий. 2-е изд. СПб., 1994.
- Петракова Т.И.** Особенности поведенческого компонента установки на употребление наркотиков у подростков // *Наркомания как форма девиантного поведения* / Ин-т социологии РАН. М., 1997.
- Пешков И.В.** Введение в риторику поступка. Учеб. пособие. М.: Лабиринт, 1998.
- Пивоваров Д.В.** Иррациональное, сверхъестественное и предмет философского атеизма // *Отношение человека к иррациональному*. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989.
- Пивоваров Д.В.** Метод антиномизма в русской философии // *Судьба России: исторический опыт XX столетия: Тез. Третьей Всероссийской конф.* Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1998.
- Пивоваров Д.В.** Проблема носителя идеального образа: операционный аспект. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1986.
- Пиз А.** Язык жестов / Пер. с англ. Воронеж: НПО МОДЭК, 1992.
- Плеханов Г.В.** Толстой и природа // *Плеханов Г.В. Избр. филос. произв.*: В 5 т. М.: Соцгиз, 1958. Т. 5.
- По неписаным законам улицы...** М.: Юрид. лит., 1991.
- Познание и общение** / Отв.ред. Б.Ф.Ломов, А.В.Беляева, М.Коул. М.: Наука, 1988.
- Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI—XII вв.** Л.: Наука, 1990.
- Полонский И.С.** Внешкольное общение как фактор формирования личности подростков и юношей // *Прикладные проблемы социальной психологии*. М.: Наука, 1983.
- Попов А.А., Максименков В.И.** Об одном примере замещения потребности в детях // *Проблемы воспроизводства и занятости населения* / АН СССР, Ин-т социол. исслед. М.: ИСП, 1984.

- Попов В.А., Жарков Г.В. "Избранная личность в компании одиноких... // По неписаным законам улицы... М.: Юрид. лит., 1991.
- Попов В.А., Кондратьева О.Ю. Наркотизация в России — шаг до национальной катастрофы // Социол. исследования. 1998. № 8.
- Пороховская М.А. Социально-психологические аспекты взаимодействия человека и животных в семье // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 1997. № 3.
- Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1979. 2-е изд., доп. и испр..
- Пригожин А.И. Социология организаций. М.: Наука, 1980.
- Причина и следствие // Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1989.
- Проблемы психологии личности. Советско-финский симпозиум. М., 1982.
- Проблемы формирования социогенных потребностей: Материалы I Всесоюз. конф. 4—6 ноября 1974 г., Тбилиси. Тбилиси, 1974.
- Проневская И.В. Деформация внутрисемейных отношений: сравнительный анализ фамилистических текстов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 1997. № 2.
- Прудон П.-Ж. Что такое собственность, или исследование о принципе права и власти. М., 1919.
- Психологические проблемы изучения неформальных молодежных объединений. Психология эмоций. Тексты. М.: Изд.МГУ, 1984.
- Режабек Е.Я. Всеобщий труд в сфере науки // Социальная природа познания. М.: Наука, 1979.
- Рихта Р. Научно-техническая революция и развитие человека // Вопр. философии. 1970. № 2.
- Робер М.-А., Тильман Ф. Психология индивида и группы. М.: Прогресс, 1988.
- Рогачевский Л.А. Эмоции и преступления. Л.: Знание, 1984.
- Роджерс К. Эмпатия // Психология эмоций. Тексты. М.: Изд-во МГУ, 1984.
- Родионов Б.А. Производственное общение молодых рабочих в первичном производственном коллективе в условиях механизации и автоматизации производства // Социальные последствия развития научно-технического прогресса. Уфа, 1973.
- Розанов В.В. Опавающие листья. Короб первый // Уединенное. М.: Политиздат, 1990.
- Розанов В.В. Уединенное // Соч. М.: Советская Россия, 1990.
- Розин М.В. Психология московских хиппи // Психологические проблемы изучения неформальных молодежных объединений.
- Розин М.В. Увлечение или потребность? // По неписаным законам улицы...
- Рохлина М.Л., Козлов А.А., Каплан И.Я. Клинико-социальные последствия наркомании // Вопр. психологии. 1998. № 1.
- Рудестам К. Групповая психотерапия. Психокоррекционные группы: теория и практика: Пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. ст. Л.А.Петровской. М.: Прогресс, 1990.
- Ружже В.Л., Елисеева И.И., Кадимур Т.С. Опыт исследования семейных групп // Социол. исследования. 1976. № 1.
- Рябушин А. Научно-технический прогресс, урбанизация, жилище. М.: ВНИИТЭ, 1974.
- Рязанцев В.А. Социально-психологические и медицинские проблемы пьянства и алкоголизма. Киев: Здоровье, 1985.
- Савенко Ю.С. Проблема психологических компенсаторных механизмов и их типологии // Проблемы клиники и патогенеза психических заболеваний: Сб. ст. М., 1974.
- Садлер У.А. и Джонсон Т.Б. От одиночества к анонии // Лабиринты одиночества. М.: Прогресс, 1989.
- Самодетельные инициативы. Неформальный взгляд // Коммунист. 1988. № 9.
- Сартр Ж.-П. Тошнота // Стена: Избр. произв. М.: Политиздат, 1992.
- Сафонов В.С. Особенности доверительного общения: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1977.
- Селецкий А.И., Тарарухин С.А. Несовершеннолетние с отклоняющимся поведением. Киев: Вища школа, 1981.
- Семья на пороге третьего тысячелетия. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1995.
- Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию. Кемерово, 1986.
- Сергеев С.А. Молодежные субкультуры в республике // Социол. исслед. 1998. № 11.

- Сергеенко М.Е. Жизнь Древнего Рима. Очерки быта. М.-Л.: Наука, 1973.
- Сибирев В.А., Головин Н.А. Штрихи к портрету поколения 90-х годов // Социол. исслед. 1998. № 3.
- Симонов П.В. О познавательной функции сопереживания // Вопр. философии. 1979. № 9.
- Ситниченко Л.А. Человеческое общение в интерпретациях современной западной философии (критический анализ). Киев: Наук. думка, 1990.
- Скворцова Е.С. Потребление наркотически действующих веществ среди городских подростков-школьников России // Российский медицинский журнал. 1998. № 6.
- Скугаревская Е.И. Эмоции и алкоголизм. Минск: Высш. шк., 1987.
- Слуцкий Е.Г. Взаимодействие непосредственного и опосредованного видов общения // Научно-техническая революция и социальная психология. М.: Наука, 1981.
- Смирнова Е.Э., Сошков А.П. Рассуждения о рассуждениях // Социальная психология личности. Л.: Знание, 1974.
- Сознание и общение. Фрунзе, 1968.
- Соколин В.М. О природе человеческого общения (Опыт философского анализа). Фрунзе: Мектеп, 1974.
- Соколин В.М. Общение и его средства // Сознание и общение. Фрунзе, 1968.
- Соколов А.Н. Проблемы научной дискуссии: логико-гносеологический анализ. Л.: Наука, 1980.
- Соколова Е.Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. М.: Изд-во МГУ, 1989.
- Соловьев В.С. Смысл любви // Соч. в 2 т. Т. 2. / Общ. ред. и сост. А.В.Гулыги, А.Ф.Лосева; Примеч. С.Л.Кравца и др. М.: Мысль, 1990.
- Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997.
- Сорокин П.А. Система социологии. В 2 т. / РАН, Ин-т социол. М.: Наука, 1993.
- Социальная природа познания. М.: Наука, 1979.
- Социально-психологические проблемы научно-технического прогресса / Ред. Б.Д.Парыгин. Л.: Наука, 1982.
- Социальные исследования. Вып. 3. М.: Наука, 1970.
- Социология контркультуры (инфантилизм как тип мировосприятия и социальная болезнь). М.: Наука, 1980.
- Спасибенко С.Г. Диалектика формирования способностей и потребностей личности в условиях развитого социализма. М.: Знание, 1983.
- список литературы
- Станиславский К.С. Общение // Работа актера над собой. М.-Л.: Искусство, 1948. Ч. 1.
- Стивенсон С.А. О феномене бездомности // Социол. исследования. 1996. № 8.
- Страхов И.В. Психология внутренней речи. Саратов, 1969.
- Сундиев И.Ю. Анатомия неформальных объединений (типология и характеристика) // По неписаным законам улицы... М.: Юрид. лит., 1991.
- Сундиев И.Ю. Клубы и фронты // По неписаным законам улицы... М.: Юрид. лит., 1991.
- Сундиев И.Ю. Неформальные молодежные объединения: опыт экспозиции // Социол. исследования. 1987. № 5.
- Сурдин В.Г. Астрология — часть массовой культуры // Земля и Вселенная. 1990. № 3.
- Тарас А.Е. Педагогическая профилактика правонарушений несовершеннолетних. Минск: Нар. света, 1982.
- Тард Г. Публика и толпа. СПб., 1899.
- Тейлор Э.Б. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. С. 206—388.
- Тойнби А.Дж. Постижение истории / Сост. А.П.Огурцов; Вступ. ст. Уколовой В.И.; Закл. ст. Рашковского Е.Б. М.: Прогресс, 1991.
- Токарев С.А. Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990.
- Тулина Н.В. Одиночество (социально-политический аспект) // Вестн. Моск. ун-та. Сер.12. Социально-политические исследования. 1992. № 3.
- Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Гл. ред. восточной литературы изд-ва "Наука", 1983.
- Уайт Л., мл. Исторические корни нашего экологического кризиса // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М.: Прогресс, 1990.
- Уваров М.С. Бинарный архетип: Эволюция идеи антинормизма в истории европейской философии и культуры / Балт. гос. техн. ун-т, каф. философии. СПб, 1996.
- Угринович Д.М. Введение в религиоведение. М.: Мысль, 1985.

- Урсул А.Д. Информация: Методологические аспекты. М.: Наука, 1971.
- Ухтомский А.А. Письма // Пути в незнание. Писатели рассказывают о науке. М.: Сов. писатель, 1973.
- Файн А.П. Специфика неформальных подростковых объединений в крупных городах // Психологические проблемы изучения неформальных молодежных объединений: Сб. науч. тр. М.: Изд-во АПН СССР, 1988.
- Файн А.П. Специфика неформальных подростковых объединений в крупных городах // Психологические проблемы изучения неформальных молодежных объединений.
- Фаст Дж. Язык тела. Холл Э. Как понять иностранца без слов / Пер. с англ. М.: Вече АСТ, 1997.
- Фейербах Л. Сущность христианства // Избр. филос. произв.: В 2 т. М.: Политиздат, 1955. Т. 2.
- Фельдштейн Д.И. Психолого-педагогические аспекты изучения неформальных молодежных объединений // Психологические проблемы изучения неформальных молодежных объединений.
- Физическая химия: Теоретическое и практическое руководство. Учеб. пособие для вузов. Л.: Химия, 1987.
- Философия техники в ФРГ. М.: Прогресс, 1989.
- Философское освоение мира человеком. Л.: ЛГПИ им. Герцена, 1977.
- Флоренский П.А. Космологические антиномии Иммануила Канта // Соч. в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1995.
- Флоренский П.А. Столп и утверждение истины // Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1990.
- Флоренский П.А. У водоразделов мысли. § 3. Антиномия языка // Соч. в 2 т. Т. 2.
- Фоломеева Н.М., Шурыгина И.И., Новикова Н.А. и др. Опыт применения биографического метода в исследовании проблем наркомании // Наркомания как форма деструктивного поведения / Ин-т социологии РАН. М., 1997.
- Формирование духовных потребностей учащейся молодежи. Новосибирск, 1978.
- Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992.
- Франк С.Л. Непостижимое // Соч. М.: Правда, 1990.
- Франк С.Л. Смысл жизни // Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992.
- Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
- Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М.: Наука, 1989.
- Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого "я" // Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М.: Прогресс, 1992.
- Фрейд З. Художник и фантазирование. М.: Республика, 1995.
- Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994.
- Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1989.
- Фромм Э. Душа человека. Ее способность к добру и злу // Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992.
- Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992.
- Хамитов Н. Философия одиночества. Опыт вживания в проблему одиночество женское и мужское. Киев: Наукова думка, 1995.
- Хараш А. Вдвоем с самим собой // Знание — сила. 1993. № 8.
- Харди Р.Н. Гомеостаз / Пер. с англ. А.М.Алпатов. М.: Мир, 1986.
- Хорни К. Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза. СПб.: Лань, 1997.
- Хренов Н.А. Массовые реакции на искусство в контексте исторической психологии / / Художественное творчество и психология. М.: Наука, 1991.
- Хренов Н.А. Социально-психологические аспекты взаимодействия искусства и публики. М.: Наука, 1981.
- Цель // Краткий психологический словарь. М.: Политиздат, 1985.
- Цицерон. О дружбе // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1974.
- Цыбра Н.Ф. Самоутверждение личности (социально-философский анализ). Киев; Одесса: Выща шк., 1989.
- Человек и его работа (социологические исследования). М.: Мысль, 1967.
- Человек и общество. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. Вып. 9.
- Черемисина О.Н., Барднер Г.Л. Проблемы компьютерно-ориентированных детей / / Психол. газета. 1998. № 7 (34).

- Чернивская Г.К.** Трудный путь к самому себе: Очерки саморазвития личности. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1994.
- Чибисов Ю.К.** К вопросу о причинах наркоманий и токсикоманий // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 1988. № 2.
- Читающая Россия: мифы и реальность.** Сб. ст. по проблемам чтения. М.: Либерия, 1997.
- Шафранская К.Д.** Психологические трудности общения лиц с косметическими дефектами // Психология межличностного познания. М.: Педагогика, 1981.
- Шефтсбери.** Солиловия // Эстетические опыты. М.: Искусство, 1974.
- Шибутани Т.** Социальная психология / Пер. с англ. Ростов-на-Дону: Изд-во "Феникс", 1998.
- Шмелев А.А.** Молодежные культурные и социальные движения в России // Социол. исслед. 1998. № 8.
- Шопенгауэр А.** Афоризмы житейской мудрости // Шопенгауэр А. Избранные произведения / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. И.С.Нарского. М.: Просвещение, 1992.
- Штаерман Е.М.** Из истории фамильного культа в Древнем Риме. М.: Наука, 1964.
- Шушкин В.** Энергичные люди // Рассказы. Повести. Рига: Лиезма, 1983.
- Шурыгина И.И., Фоломеева Н.М., Новикова Н.А.** и др. Связь наркотизации с алкоголизацией. Алкогольное поведение потребителей наркотических веществ // Наркомания как форма девиантного поведения.
- Щекочихин Ю.П.** Алло, мы вас слышим.... Из хроники нашего времени. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 181—261; Его же. По ком звонит колокольчик? // Социологические исследования. 1987. № 1. С. 81—93.
- Щепанская Т.Б.** Символика молодежной субкультуры: Опыт этнографического исследования Системы 1986—1989 гг. СПб.: Наука, 1993.
- Эбнер Ф.** Слово и духовные реальности (фрагменты) // От Я к Другому: Сб. пер. по проблемам интересубъективности, коммуникации, диалога. Минск: Минск, 1997.
- Эко У.** От Интернета к Гутенбергу // Новое литературное обозрение. № 32 (4/1998).
- Эмоциональные нарушения в детском возрасте и их коррекция** / В.В.Лебединский и др. М.: Изд-во МГУ, 1990.
- Энгельс Ф.** Внешняя политика русского царизма // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22.
- Энгельс Ф.** Два года одной революции. 1848 и 1849 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22.
- Энгельс Ф.** Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20.
- Энгельс Ф.** Лауре Лафарг, 12 ноября 1894 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 39.
- Энгельс Ф.** Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21.
- Эрикссон Э.** Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. А.В.Толстых. М.: Прогресс, 1996.
- Юнг К.** Психологические типы. СПб.: Ювента; М.: Прогресс-Универс, 1995.
- Юнг К.Г.** Воспоминания, сновидения, размышления. Киев: Air Land, 1994.
- Юнг К.Г.** Йога и Запад // Юнг К.Г. О психологии восточных религий и философий. М.: Медиум, 1994.
- Юнг К.Г.** О психологии восточных религий и философий. М.: Медиум, 1994.
- Юнг К.Г.** Некоторые принципиальные соображения о практической психотерапии // Юнг К.Г. Психология переноса. Статьи: Пер. с англ. М.: Рефл. бук, К. "Ваклер", 1997.
- Якоби М.** Встреча с аналитиком. Феномен переноса и человеческие отношения / Пер. с англ. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 1996.
- Ямпольский М.** Интернет, или Постархивное сознание // Новое литературное обозрение. № 32 (4/1998).
- Ярошевский М.Г.** Дискуссия как форма научного общения // Вопр. философии, 1978. № 3.
- Ясперс К.** Философская вера // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.

ОБ АВТОРЕ

ГЛАДЫШЕВ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ. Окончил: факультет механизации сельского хозяйства Челябинского института механизации и электрификации сельского хозяйства в 1971 г., философский факультет Уральского государственного университета им. А.М.Горького в 1980 г., аспирантуру при названном университете в 1983 г.; заведующий кафедрой философии и политологии Челябинского государственного агроинженерного университета, кандидат философских наук, доцент. Автор 58 научных и научно-методических публикаций.

Область научных интересов: социальная философия, философская антропология, социальная психология. Кандидатская диссертация - "Социальные причины и функции компенсаторного общения" (1983). Основное направление исследований — роль компенсаторного общения в жизнедеятельности личности и общества.

ANNOTATION

This study regards socio-philosophical analysis of the compensatory communication as a special method of harmonization of a person's communicative world, of preventing and softening of loneliness.

On the basis of the analysis of different displays of the compensatory communication, the author warns against the passion for its negative forms and gives some definite recommendations on a favourable use of the compensatory communication for a person's development.

The book is addressed to teachers of humanitarian disciplines, specialists in the field of philosophy and social psychology, pedagogues and to everybody who is interested in the problems of communication.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. Общение как социальное явление	6
1.1. Общение и одиночество в зеркале антиномий	6
1.2. Макро- и микроструктура общения в их взаимосвязи	22
1.3. Социальные функции общения	46
ГЛАВА 2. Компенсаторное общение как способ гармонизации коммуникативного мира личности и смягчения одиночества	62
2.1. Компенсаторные процессы и их специфика	62
2.1.1. Реальное и иллюзорное в социальной компенсации	78
2.2. Понятие компенсаторного общения	88
2.3. Социальные причины компенсаторного общения	100
ГЛАВА 3. Уровни компенсаторного общения	125
3.1. Классификация компенсаторного общения	125
3.2. Компенсаторное общение на уровне группы	134
3.3. Компенсаторная аутокоммуникация	173
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	216
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ	222
ТАИНСТВО ОБЩЕНИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ КЛАССИКОВ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ И СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕНИЯ	243
Что такое общение?	243
«Я-Ты», «Я-Мы», «Я-Вы» отношения как выражение сущности человека и духовных основ общественной жизни	248
О диалоге	252
Внутреннее общение, уединение, одиночество	255
Общение и познание	260
Проблема богообщения глазами религиозных философов	263
Общение и коммуникация	267
Философия о насущности общения и трудностях для его осуществления	267
Компенсаторное общение как способ гармонизации коммуникативного мира личности	274
СЛОВАРЬ ОСНОВНЫХ ТЕРМИНОВ	278
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	283
ОБ АВТОРЕ	296
ANNOTATION	297

CONTENTS

PREFACE	3
INTRODUCTION	4
CHAPTER 1. Communication as a social phenomenon	6
1.1. Communication and loneliness in the mirror of antinomies	6
1.2. Macro- and microstructure of communication in their correlation	22
1.3. Social functions of communication	46
CHAPTER 2. Compensatory communication as a method of harmonization of a person's communicative world and softening of loneliness...	62
2.1. Compensatory processes and their specifics	62
2.1.1. Reality and illusion in the social compensation	78
2.2. The conception of compensatory communication	88
2.3. Social causes of compensatory communication	100
CHAPTER 3. The levels of compensatory communication	125
3.1. The classification of compensatory communication	125
3.2. Compensatory communication on the level of a group	134
3.3. Compensatory autocommunication	173
CONCLUSION	216
BIBLIOGRAPHIC REFERENCES AND COMMENTS	222
SACRAMENT OF COMMUNICATION: THE REFLECTIONS OF CLASSICS OF PHILOSOPHICAL THOUGHT AND MODERN RESEARCHERS OF THE PROBLEM OF INTERCOURSE	243
What is intercourse?	243
«I-You», «I-We», «I-People» relations as an expression of man's essence and spiritual principles of social life	248
About the dialogue	252
Inner intercourse, solitude, loneliness	255
Intercourse and cognition	260
The problems of God's intercourse in the opinion of religious philosophers	263
Intercourse and communication.	267
Philosophy about urgent intercourse and the difficulties of its realization	267
Compensatory intercourse as a method of harmonization of a person's communicative world	274
DICTIONARY OF THE BASIC TERMS	278
BIBLIOGRAPHY	283
INFORMATION ABOUT THE AUTHOR	296
ANNOTATION	297

